

Туман Луизианы

Luchien.

Annotation

Англия, 19-й век. Юная аристократка, волею судьбы вырванная из привычной жизни, пытается узнать, кто стал причиной смерти её отца. Таинственный друг семьи, плантатор-рабовладелец из Луизианы, исполняя последнюю волю погибшего, становится её опекуном. Оставив родную страну и жениха Луиза предпринимает опасное путешествие в Америку. Захочет ли опекун помочь свалившейся как снег на голову девушке или равнодушно вычеркнет её из своей жизни, не пожелав открывать постыдные тайны из своего прошлого...

Первая глава

1794 г. Плантация «Санрайз», Южная Америка.

Они бежали уже третьи сутки. Благо, Том сумел украсть лишнюю пару сапог, иначе Джонатан и ста футов не прошёл бы по влажным тропическим джунглям. Сейчас беглецы сидели в корнях огромного мангрового дерева, то и дело оглядываясь, прислушиваясь к звукам погони.

— Кажется, оторвались. — Том хлопнул себя по щеке, убивая очередного москита. Лицо распухло от укусов, губы растрескались от жажды.

— Думаешь, не догонят? — Джон, морщась, отдирает грязную ткань от груди, пытаясь заглянуть внутрь. Том вовремя это заметил и накрыл его руку своей:

— Оставь. Если сейчас откроешь, она точно загноится.

— Мне кажется, она уже воняет, — усмехнулся Джон и устало откинулся на ствол. По лбу его непрерывно стекали струйки пота. Том озабоченно нахмурился, отмечая, что руки у друга мокрые и ледяные. Только сенной лихорадки им не хватало.

— Потерпи, — он привстал, прислушиваясь. — До границы плантации осталось немного. Там, впереди, река. За ней уже ничья территория. Если сумеем уйти, дальше люди Грэхема не пойдут.

— Мне кажется, мы никогда не выберемся из этих чёртовых джунглей, — простонал Джон, прикрывая глаза. Губы его чуть заметно подрагивали. Начинался озноб. Том бросил быстрый взгляд на друга, покачал головой — если так пойдёт и дальше, они действительно останутся здесь навсегда... По крайней мере, Джона он здесь точно не бросит.

— Слушай, расскажи мне о своей семье, — попросил Том, пытаясь отвлечь друга, не дать ему провалиться в беспамятство. Кажется, в этот раз у него получилось. Джон расслабился, мягкая улыбка тронула его губы.

— Стефани — самая красивая женщина на свете. Я даже сейчас вижу её, сидящую за клавишном. На ней светло-зелёное платье, в волосах ленты. Она улыбается мне. — Джон открыл глаза, посмотрел на притихшего Тома. — Луиза ещё совсем маленькая. Когда я уплывал, ей едва минуло два года. У неё светлые, почти белые волосы и огромные голубые глаза. Она...

— Вся в тебя, — сказал Том.

— Ты ещё помнишь, какого цвета мои волосы? — улыбка Джона вышла натянутой. — Мне кажется, от этой вьёвшейся грязи я никогда не отмоюсь. И от вшей.

— Вши уходят с первым же купанием с уксусом, — махнул рукой Том. Джон пристально посмотрел на сидящего перед ним молодого мужчину. Уже в который раз он задавался вопросом, что заставило его бежать из плантации, на которой он жил в неге и богатстве? Спросить об этом всё было не ко времени.

— Джон, Джон! — сознание медленно ускользало, не желая возвращаться в измученное тело. — Ах, ты, Святая Магдалена! — голос Тома то приближался, то исчезал. Джон почувствовал, как Том подхватил его под руку и медленно потащил сквозь заросли. Хотелось промычать что-то вроде: «Пусти, я могу идти сам», но силы покинули его, оставив после себя невыносимую слабость во всём теле. Когда он в следующий раз открыл глаза, на джунгли опустилась ночь. Вкустах что-то трещало и чавкало, воздух наполнила звенящая голодная мошкара.

— Джон, просыпайся, — в голосе Тома слышалось отчаяние. — Мы пришли, Джон. Я не смогу перетащить тебя на тот берег. Ты должен плыть сам. Ты слышишь меня? Они опять напали на наш след, Джон. Джон, ну же! — Том тряс его за плечи, заставляя открыть налитые свинцом глаза. Река действительно была рядом, плескалась у ног. А где-то вдалеке слышался лай собак.

— Надо плыть. — Том облегчённо вздохнул, увидев, что друг открыл глаза. — Ты как, сможешь?

Джон кивнул, шатаясь и поднимаясь на ноги. Река приятно холодила разгорячённую кожу. Коричневая мутная вода так и манила погрузиться в неё целиком. Соседний берег медленно, но верно приближался, когда лай стал громким, из джунглей рассыпалась вереница факелов.

— Быстрее, они сейчас будут стрелять! — раздался отчаянный вскрик Тома. Рядом с головой взметнулся фонатчик воды, затем ещё один. Берег приближался, ноги уже цепляли илистое дно. Боль прошла спину, взорвалась яркой вспышкой в голове. Последнее, что помнил Джон были мутные воды реки, смыкающиеся над головой.

1807 г. Англия, Лондон.

— Ты видела? — Британи закатила глаза, прячась за веером из страусовых перьев. — Он два раза посмотрел на меня. Два раза!

— Думаешь, сегодня он сделает тебе предложение? — Луиза старательно изучала бальную книжечку, пытаясь отыскать хотя бы одно окошко — она обещала танец папе и совсем об этом позабыла.

— Ну, не знаю насчёт предложения, — смутилась Британи, — но вальс и мазурку я танцую с ним!

— Я надеюсь услышать о вашей помолвке в ближайшее время! — Луиза улыбнулась, отыскав наконец тур вальса в заполненной до отказа книжке.

Огромный зал был заполнен до отказа — весь аристократический свет Англии собрался сегодня в доме герцогов Клеймор. Весенний бал, один из последних перед закрытием сезона, традиционно собирал все сливки общества. На этом балу заключались помолвки, любовники договаривались о том, где лучше провести лето, матроны делились опытом и хвастались, чья дочь в этом сезоне заполучила завидного жениха.

— Британи, вы позволите представить вам Стивена Грэхема, графа Нориджа? — перед девушками возник молодой человек в чёрном смокинге, ведя за собой приятно улыбающегося джентельмена.

— О, Барбидж, — жеманно закатила глаза Британи. — Ну, что ж, знакомьте, если вы уверены, что нас это развлечёт.

— Непременно развлечет, дамы. — Граф Норидж склонился над протянутыми руками. — Прелестные английские розы не должны скучать. Особенно в такой вечер.

— Я не слышала о вас ранее. — Луиза с интересом рассматривала высокого темноволосого мужчину в бархатном тёмно-синем смокинге. Кремовую пену кружевного шейного платка держал огромный сапфир, мягко сияющий в свете свечей.

— Зато я наслышан о вас немало, — склонил голову граф Норидж. — Вы ведь Луиза Клифорд, графиня Грейсток, верно?

— Верно. — Если Луиза и удивилась, то виду не подала. В груди кольнуло лёгкое чувство тревоги.

— Вы, вероятно, гадаете, откуда я вас знаю, — мягко рассмеялся Норидж. — Но тут не о

чем и гадать — я видел ваши картины в доме Бошанов вчера. А сегодня баронесса Бошан показала мне и саму художницу. Я настоял, чтобы Барбидж познакомил нас.

— Так вот оно что, — облегченно улыбнулась Луиза. — Простите, отец слишком часто повторяет мне, что нельзя доверять незнакомцам. Тем более тем, кто слишком много о тебе знает.

— И ваш отец совершенно прав, — серьезно проговорил Норидж. — Но ведь мы с вами уже знакомы, не так ли? — Он лукаво подмигнул и Луиза снова вздрогнула — глаза графа при всей его веселости оставались ледяными и безжизненными.

— Отец! — Девушка поспешила окликнуть графа Грейстока, проходящего мимо с хозяином дома. — Отец, позволь тебе представить графа Нориджа. Мой отец — граф Грейсток.

Светская улыбка застыла на лице Джонатана Грейстока, стоило ему встретиться взглядом с чёрными омутами глаз Нориджа.

— Очень приятно, — процедил Джонатан, беря дочь под локоть. — Мы уезжаем, Луиза. Попрощайся от меня с герцогиней.

— Но, отец, бал ещё толком не начался, быть может...

— Мы уезжаем, — с нажимом произнёс граф Грейсток. Поклонившись Нориджу, Луиза поспешила к хозяйке дома, с трудом сдерживая жгучие слёзы, готовые вот-вот хлынуть из глаз. Это было несправедливо! Последний бал сезона, а они едут домой! И почему?!

Дорога домой проходила в молчании. Луиза дулась на отца, скрестив руки на груди и забившись в дальний угол кареты. Джонатан, казалось, совершенно не обращал на дочь внимания, погружившись в размышления. Он даже не заметил, что дочь поднялась к себе, демонстративно не пожелав отцу спокойной ночи.

Луиза ворочалась без сна в своей постели, пытаясь устроиться поудобнее. Часы внизу давно пробили два часа ночи — самый разгар бала! Она отвернулась к стене, пытаясь не смотреть на переливающееся в темноте платье. А ведь этот бал должен был стать последним перед её поездкой в Италию. Луиза тяжело вздохнула — иногда ей особенно не хватало мамы.

Прекрасная и скандальная история любви в своё время всполошила весь лондонский свет: молодой (кое-кто говорил, что чересчур молодой) виконт Грейсток сбежал во Францию вслед за не менее юной баронессой Буршье. Родители виконта грозились лишиться единственного сына наследства, если он не одумается и не вернётся. А он взял да и женился на Стефани Буршье, наплевав на негодование родных и отлучение от семьи. Несколько лет влюбленные счастливо жили во Франции, в живописном замке на берегу Луары, но революция уже стояла на пороге и супруги решили переехать в Италию. Родители Стефании на уговоры молодых не поддались и спустя несколько лет сложили свои головы под ножом гильотины.

В Милане Джонатан Грейсток удачно распорядился наследством жены, купив несколько торговых кораблей и снарядив первую экспедицию в Южную Америку. О том, почему отец перестал ходить за товаром, в семье предпочитали не говорить. Но спустя три года после его возвращения, граф Грейсток заболел и виконт с семьей вернулся в Англию. Нежной Стефании так и не подошёл климат Туманного Альбиона, но она мужественно скрывала свою болезнь, глядя, как счастлив муж, вернувшийся домой. Она угасла тихо и неслышно от чахотки, когда Луизе исполнилось десять. С тех пор безутешный вдовец не женился, целиком и полностью посвятив себя воспитанию дочери. Он потакал всем её

прихотям, позволил учиться дома, а не в закрытом пансионе, как на том настаивала графиня, бабушка Луизы. И даже нанял учителя из Франции, учившего её живописи. Поведение отца сегодня на балу не укладывалось ни в какие рамки и от того Луизе было особенно обидно. Ведь она совершенно ни в чём не виновата! За что отец лишил её праздника?

Внизу что-то грохнуло. Луиза резко села в кровати, напряжённо вслушиваясь в темноту. Слуги давно спали. Отец отправился в кабинет, едва они вернулись. Шум повторился, что-то упало, раздался короткий вскрик. Луиза спрыгнула с кровати, натягивая халат, путаясь в рукавах. Над головой раздались шаги — вероятно Сеймур, дворецкий, услышал наконец шум и решил узнать, что случилось. Луиза выглянула в коридор, но там пока было пусто. На полу лежали квадраты окон — на улице ярко светила луна. Дверь, ведущая на этаж слуг, отворилась, пропуская Сеймура, держащего в руках свечу.

— Что-то случилось, миледи? — он вопросительно посмотрел на Луизу. Зазвенело стекло, кажется, в комнатах внизу разбилось окно. Переглянувшись, дворецкий и Луиза бросились вниз. Дверь в кабинет была плотно закрыта, из-под неё лился ровный жёлтый свет.

— Милорд? — Сеймур подошёл к двери и прислушался. В кабинете было тихо.

— Ломай дверь, — решительно сказала Луиза, забирая у него свечу. Сеймур разбежался и ударил плечом по двери. Открывшаяся картина заставила девушку замереть на пороге. Сеймур уже склонился над безжизненным телом хозяина. В кабинете всё было перевернуто вверх дном. Шторы надувались огромными парусами — из разбитого окна в комнату порывами залетал ветер. Луиза потрясённо смотрела на погром, пытаясь понять, кому понадобилось нападать на её отца.

— Миледи, он жив! — взволнованно проговорил Сеймур, поднимая глаза на девушку. Она, опомнившись, опустилась на колени рядом с Джонатаном, стараясь не смотреть кровь, залившую белоснежную рубашку.

— Луиза... — голос Джонатана был тих и слаб. — Найди Тома. Я прошу тебя, найди Тома. — Он пытался сфокусировать свой взгляд на дочери.

— Какого Тома, отец, — Луиза сама не заметила, как начала всхлипывать. — Какого Тома?

— Найди... Тома... — Последний вздох слетел с губ, стеклянный взгляд ярко-голубых глаз остановился на лице дочери.

Вторая глава

Первый день лета четыре человека, застывшие сейчас неподвижно над могилой, встретили на кладбище Блумсбери. Луиза пряталась за густой чёрной вуалью, стараясь держать спину прямо и не показывать, как ей на самом деле больно. Рядом стоял молчаливый Сеймур, неловко крутивший в руках котелок. Поверенный семьи Вудвилл время от времени поглядывал на часы. Четвёртым был могильщик, ждавший приказа, чтобы начать засыпать могилу. Лакированный гроб красного дерева покрывал огромный букет жёлтых лилий-любимых цветов Джонатана. Все речи уже отзвучали, и те, кто хотел проститься с последним графом Грейсток, уже шли к экипажам, осторожно переступая лужи и обсуждая ужасную ночную грозу. Судорожно вздохнув, Луиза кивнула наконец могильщику. Первые комья земли с глухим стуком упали на крышку, и девушка прижала кулак ко рту, удерживая рвущийся наружу крик. Поверенный скорбно склонил голову и отправился по дорожке к карете.

— Пойдёмте, миледи. — Сеймур неловко дотронулся до локтя Луизы. — Всё уже.

Девушка очнулась, глядя на холмик земли, который старательно ровнял могильщик. Она так глубоко погрузилась в своё горе, что не заметила, как всё закончилось.

Городской дом был пуст- поминальный обед организовала вдовствующая графиня Грейсток, бабушка Луизы. Ехать туда девушка категорически отказалась, и именно по этой причине мистер Вудвилл терпеливо ждал в голубой гостиной, тоскливо поглядывая на часы и мечтая о том, чтобы оглашение завещания поскорее завершилось и он смог наконец отправиться к Стаффордам, где его ждал обед и прехорошенькая невеста.

— Я готова выслушать вас, мистер Вудвилл. — Луиза расположилась в обитом голубым шёлком кресле, расправив складки на платье.

Поверенный невольно залюбовался бледной девушкой, казавшейся сошедшей с картин Гейнсборо. Солнце играло в аккуратно уложенных волосах цвета спелой пшеницы. Траур чрезвычайно шёл ей, оттеняя фарфоровую кожу и пухлые губки. «Всё-таки француженки-красивые женщины, и леди Грейсток явно пошла в мать», — мелькнуло в голове Вудвилла, пока он раскладывал бумаги на столе.

— Итак, начнём. — Поверенный набрал больше воздуха в лёгкие и начал перечисление движимого и недвижимого имущества покойного графа Грейстока. Луиза была богата и прекрасно об этом знала: вернувшись в Англию, отец не бросил вкладывать деньги в товары из колоний, приносившие немалую прибыль. Дела шли удачно, а титул и имя лишь способствовали заключению крупных договоров. Список поместий, предметов искусства, племенных лошадей, драгоценностей занял час. Шея у девушки, сидевшей в позе умеренного любопытства, давно затекла. Она бы с удовольствием расшнуровала тугий корсет и легла- в голове после слёз на кладбище медленно и методично пульсировала боль.

— А теперь переходим к самому интересному. — Вудвилл хитро улыбнулся, но, встретив строгий взгляд, стушевался и пробормотал:- Извините. В конце завещания сделана приписка. Лорд Грейсток внёс её недавно, всего два месяца назад.

Луиза заинтересованно посмотрела на поверенного. Она и не знала, что отец менял что-то в завещании... О том, что всё после его смерти перейдёт к ней, девушка знала давно. Но зачем ему понадобилось вносить изменения? Он что-то предчувствовал? Или ему что-то угрожало?

— Моя дочь, леди Луиза-София Клиффорд, графиня Грейсток является единовластной владелицей всего имущества, оглашённого выше. В права наследования она вступит не ранее чем по достижении двадцати одного года. До достижения этого срока опекуном леди Грейсток является сэр Томас Уоррингтон. Он же является единственным распорядителем её имущества вплоть до обозначенного в данном документе срока. В случае моей преждевременной кончины опека над Луизой переходит сэру Уоррингтону.

— Томас Уоррингтон? — Луиза нахмурилась, пытаясь вспомнить этого джентльмена среди знакомых отца. Тому, что он нашёл для неё опекуна, она не удивлялась — отец часто со смехом говорил, что дочь совершенно не умеет распоряжаться деньгами и, дай ей волю, растратит всё состояние на помощь обездоленным и мошенникам, что непременно наводнят её дом. Но делать опекуном совершенно незнакомого ей человека? — Но кто это? — помимо воли вырвалось у неё. Оказалось, мистера Вудвилла это интересовало не меньше Луизы.

— Сведений о Томасе Уоррингтоне у нас нет. Но его адрес прилагался к завещанию. Лорд Грейсток обо всём позаботился. — Он протянул листок, на котором ровным каллиграфическим почерком было написано: Томас Уоррингтон, Соединённые Штаты Америки, штат Луизиана, поместье «Магдалена».

— Америка?! — Луиза потрясённо посмотрела на поверенного. — Но как же... я ведь ни разу...

— Я полагаю, вам следует написать мистеру Уоррингтону и поставить его в известность о кончине лорда Грейстока.

— Д-да, я так и поступлю... — Луиза растерянно смотрела на записку. Убийство отца, теперь таинственный опекун...

— Леди Грейсток, я вам больше не нужен? — Мистер Вудвилл счёл нужным напомнить о себе.

— Конечно, мистер Вудвилл, спасибо вам за всё. — Луиза поднялась, чтобы проводить поверенного. А оставшись одна, снова уставилась на записку, вглядываясь в ровные буквы, пытаясь понять, почему отец указал именно этого человека? От кого же лорд Грейсток пытался спрятать дочь на другом конце света?

***

— Где она, где Луиза? — Властный голос вдовствующей графини разносился по комнатам. Луиза тяжело вздохнула и закатила глаза — благо её сейчас никто не видел. Появления бабушки она ждала и боялась.

Леди Виктория пеклась о благополучии семьи, не обращая внимания на слабые попытки её членов сопротивляться своему счастью. Она свято верила в незыблемость семейных устоев и традиций, а доброе имя Грейстоков значило для гордой дамы больше, чем счастье собственных детей. Старший разбил сердце матери, сбжав с француженкой. Младший давно был вычеркнут из домовой книги, присоединившись к революционерам в той же Франции. Да, эта страна смогла отнять обоих детей леди Виктории. Но одного она всё-таки вернула, да ещё и с маленькой внучкой. Любви между невесткой и свекровью не было никогда, к тому же Стефани, по мнению графини, была настолько не воспитана, что не желала прятать свою неприязнь под маской учтивой любезности. После её смерти отношения с внучкой лучше не стали — сын, нахватившись от жены свободолобивых идей по воспитанию детей, не позволил отдать девочку в приличный пансионат, чем окончательно разбил нежное материнское сердце. Обычно общение внучки с бабушкой проходило в кругу гостей и ограничивалось несколькими дежурными фразами о погоде и здоровье. Но Луиза

была уверена, что она вот-вот появится, чтобы напомнить, кто является главой семьи Грейсток и кому теперь принадлежит её, Луизы, душа. Сейчас она готова была расцеловать отца за внезапное опеку.

— Моя дорогая, леди не положено принимать гостей в кабинете! — Графиня величественно вплыла в комнату и, уперев в пол трость, замерла посередине. — Впрочем, не удивительно, что ты не знаешь этих тонкостей, с твоим-то воспитанием...

— Рада тебя видеть, бабушка. — Луиза приглашающее кивнула на диван. Поняв, что её выпад никак не задел внучку, леди Виктория присела, поставив перед собой трость.

— Ты не была на поминальном обеде. — Графиня неодобрительно смотрела на Луизу. — Там было несколько молодых людей, с которыми ты за весь сезон наверняка успела познакомиться. Каждый из них имел со мной беседу по поводу твоего будущего. Я сказала, что решать тебе. Но сама настоятельно рекомендую тебе обратить внимание на графа Нориджа. Чрезвычайно перспективный джентльмен.

— Графа Нориджа? — Луиза и предположить не могла, что на обеде, устроенном в память об её отце, бабушка могла её сватать! — Но он мне в отцы годится!

— Тридцать восемь — не срок для мужчины, — наставительно произнесла леди Грейсток. — К тому же с его происхождением ты вполне можешь стать герцогиней со временем.

— Его сомнительным происхождением, ты хотела сказать? — нахмурилась Луиза. Само обсуждение будущей женитьбы сейчас, когда не прошло и пяти дней со смерти отца, казалось ей абсурдным.

— Я знаю, что в ближайшее время Клеймор официально признает его своим сыном, — отмахнулась леди Виктория. — Ты должна быть рада, что он обратил внимание на дочь француженки!

— То есть он просил моей руки у тебя? — на всякий случай уточнила Луиза.

— Нет, не просил, — пожала плечами леди Грейсток. — Но интересовался тобой и твоим здоровьем. Я же говорю — очень интересный джентльмен. Думаю на следующей неделе пригласить его на ужин, там и познакомитесь поближе. Свадьбу лучше играть в апреле. Останется меньше года, но я уверена, все поймут причину спешки: одинокая юная леди, оставшаяся без присмотра — твоя поспешная свадьба никого не удивит. Леди Саффолк уже намекала мне, то, что ты живёшь одна в доме, совершенно неподобающе.

— Но ведь я не одна, у меня есть слуги, — попыталась вставить хоть слово Луиза. — И к тому же отец оставил...

— Я знаю, что мой бедный Джонатан оставил тебе наследство, но совершенно не озаботился о муже! — патетично воскликнула графиня. — Если так дело пойдёт и дальше, ты можешь остаться старой девой или, что ещё хуже, лишиться репутации! Я не могу этого допустить! Определённо не могу! Ты переедешь ко мне сегодня же. Вещи привезут в течение недели. Сезон почти закончился, но у нас есть ещё в запасе пара вечеров, не балы, конечно, но и там можно отыскать что-то достойное...

— Бабушка! — Луиза беспомощно смотрела на разошедшуюся леди Викторию. Её блёклые голубые глаза горели воодушевлением, а небольшие седые бровки подпрыгивали в такт кивкам, которыми она сопровождала каждое своё предложение. Перед глазами вдовствующей графини, судя по всему, уже проплывали вереницы женихов, а Луиза шла к алтарю с букетом кремовых роз и нарциссов...

— Бабушка, я не перееду к тебе! — Громкий возглас заставил наконец замолчать леди

Грейсток. Она изумлённо уставилась на внучку, будто пыталась понять, кто посмел её перебить. — Я не перееду к тебе, — твёрже добавила ободрённая её молчанием Луиза. — Я еду в Америку. К опекуну, которого назначил отец.

— Какая Америка? — Казалось, графиню вот-вот хватит удар. Она открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег, силясь понять, что говорит внучка. — Какой опекун?

— Отец назначил мне опекуна, — терпеливо принялась объяснять Луиза, всеми силами стараясь, чтобы бабушка не расслышала неуверенности в её голосе. — Это его друг, сэр Томас Уоррингтон. У него плантация сахарного тростника в...

— Плантатор? Матерь Божия! — Леди Виктория вдруг побледнела и схватилась за сердце. Глаза её закатились, и почтенная дама повалилась на диван.

— Мэри! О Господи, Мэри! Неси соли, леди Грейсток стало плохо! — Луиза в тревоге склонилась над бабушкой, отмечая, что она точно не притворяется. Чего-то подобного Луиза, конечно, ожидала. Обмороки были привычной тактикой леди Виктории, когда та хотела заставить окружающих поступать так, как нужно именно ей. А значит, и всей семье в её лице.

Леди Грейсток слабо застонала, пока Мэри водила флакончиком под её носом. Луиза присела рядом, настороженно глядя на леди Викторию.

— Тебе уже лучше?

— Кажется, я слышала что-то про Америку, — слабым голосом проговорила графиня. — Мне ведь показалось, не так ли?

— Нет, бабушка, не показалось, — твёрдо сказала Луиза. — Я уезжаю в Америку к опекуну, назначенному отцом.

— Какой скандал, — тихо, но совершенно чётко проговорила леди Виктория. — Моя внучка едет в бывшую колонию, жить на плантации, в окружении чёрных рабов. О, Луиза, лучше бы ты умерла!

— Прости, бабушка, что не оправдала твоих надежд. — Луиза почувствовала, как глаза наполняются слезами. — Возможно, я погибну по пути в Америку, и тогда ты всем будешь говорить, как непомерна твоя скорбь.

— Не говори ерунды! — Графиня, казалось, пришла в себя. Выпрямив спину, она тяжело оперлась об угодливо предложенную Мэри трость и остро посмотрела на внучку. — Я люблю тебя, что бы ты там себе ни выдумывала, и желаю тебе счастья.

— Я тоже люблю тебя, бабушка, — расчувствовавшись, Луиза обняла графиню. Та ответила ей лёгким, почти невесомым поглаживанием по спине.

— Надеюсь, ты посетишь мой ужин на следующей неделе? — непререкаемым тоном спросила она. Луиза кивнула, улыбнувшись — леди Виктория всё-таки смогла настоять на своём.

***

Небольшой ужин для самых близких собрал тесный кружок из пятидесяти человек. Луиза стояла рядом с леди Викторией, облачённой в платье цвета переспелой клюквы. Сама девушка не поддавалась на уговоры бабушки и надела чёрное платье- траур по отцу никто не отменял. Гости по очереди подходили к хозяйке дома, выражая свои соболезнования по поводу кончины ее сына. До Луизы то и дело долетали обрывки фраз:

— Бедная девушка...

— Какая трагедия, совсем одна...

— Скоро выйдет замуж...

— Уж леди Грейсток так этого не оставит...

Улыбки казались фальшивыми, сочувствие- наигранным. Больше всего на свете Луиза мечтала сейчас оказаться в своей комнате, за плотно закрытыми дверями, и чтобы никто не беспокоил! Кажется, если сейчас хоть кто-то ещё скажет, как ему жаль, что отца убили, она закричит!

— Леди Грейсток. — Знакомый голос заставил вздрогнуть и поднять глаза. Над её рукой склонился лорд Норидж. Странно, но при его появлении Луиза почувствовала, как внутри неё разливается спокойствие. Она искренне ответила на его улыбку.

— Лорд Норидж! — радушно откликнулась леди Виктория, поворачиваясь к графу. — Мы так рады, что вы приняли наше приглашение!

— Леди Грейсток. — Улыбка Нориджа мгновенно превратилась из искренней в равнодушную. — Было бы верхом невоспитанности не приехать сегодня.

— Вы само очарование! — снисходительно улыбнулась вдовствующая графиня. — А теперь, будьте так любезны, отведите Луизу в зал. Я останусь здесь, чтобы встретить припозднившихся гостей.

— Простите её, — Луиза смущённо положила руку, затянутую атласной перчаткой, на рукав вечернего костюма. — Иногда мне кажется, что сам король Георг не смог бы отказать ей, реши она, что его отречение принесёт пользу семье Грейсток!

— Она любит вас и заботится. — Норидж любезно улыбался знакомым, уверенно ведя девушку в зал, где уже настраивали инструменты музыканты. — О, будут танцы? Я думал, траур в Англии продолжается не одну неделю.

— В Англии? — Луиза заинтересованно посмотрела на графа. — Вы приехали издалека?

— Долгое время я жил в Африке, — с готовностью ответил Норидж, — а до этого несколько лет провёл в Южной Америке.

— Это, должно быть, невероятно интересно! — восхищённо проговорила Луиза, пытаясь разглядеть в лощеном облике графа признаки заядлого путешественника.

— Бывало по-разному, — уклончиво ответил граф. — Возможно, я расскажу вам об этих годах как-нибудь. Но смотрите, зовут к столу. Кажется, все гости наконец собрались.

Далеко за полночь Луиза наконец оказалась в своей постели и теперь расслабленно смотрела на царапающие окно ветки клёнов. Ей хотелось бы солгать себе, но не получалось-вечер, несмотря на скорбный повод, прошёл отлично. И немалую роль в этом сыграл лорд Норидж, не отходивший от неё ни на шаг. Он оказался невероятно интересным собеседником, а тот факт, что он действительно объехал пол-мира, вызывал уважение и напоминал ей об отце. Да, ему Стивен Норидж определённо бы понравился.

Третья глава

Сонный июльский полдень дышал покоем и негой. Луиза в широкополой белоснежной соломенной шляпке сидела за мольбертом в саду, рисуя небольшой прудик, что дремал сейчас перед ней, прячась под круглыми листьями кувшинок. Белые и бледно-жёлтые бабочки неспешно кружились над огромными шарами флоксов и бульденежа. Сделав несколько быстрых мазков, Луиза отодвинулась, придирчиво осматривая свою картину. Шорох гравия привлёк внимание юной графини, заставляя повернуться на звук шагов. Искренняя улыбка мгновенно появилась на лице, стоило девушке узнать визитёра.

— Граф, не ждала вас сегодня. — Она протянула руку, приветливо глядя на Нориджа.

— Кажется, скоро я и дня не смогу провести без вашего общества, — преувеличенно грустно покачал головой граф и тут же хитро улыбнулся, доставая из кармана небольшой свёрток. — Позвольте сделать вам небольшой подарок.

Сердце девушки неистово забилося, она смотрела на свёрток, чувствуя, как шумит кровь в ушах. Неужели он сейчас сделает ей предложение? Нет, так не делают, он ведь должен для начала попросить разрешения у бабушки... А может, он придерживается современных взглядов и просто хочет быть рядом с возлюбленной, не считаясь с условностями? Всё это и многое другое промелькнуло в голове Луизы за доли секунды, пока она принимала подарок из рук графа Нориджа.

— Он напомнил мне о вас, стоило только увидеть, — мягко сказал Стивен, наблюдая за реакцией девушки. Осторожно развернув ткань, она тихонько ахнула: на ладони лежал искусно вырезанный из гладкого тёмного дерева орёл, расправивший крылья. — У некоторых народов Африки орёл символизирует мир. Тот мир, что поселился в моей душе, когда я встретил вас. Тот мир, что вы можете мне подарить одним лишь словом...

Луиза подняла глаза, встречаясь с чёрным непроницаемым взглядом, что никак не вязался со словами, что говорил ей сейчас мужчина. Он стоял так близко, что девушка легко могла разглядеть ровно бившуюся голубую жилку под белой кожей на шее. Тук-тук-тук. Постепенно и Луиза успокоилась, и даже смогла снова улыбнуться, чувствуя, какими ледяными внезапно стали руки.

— Я с радостью исполню любую вашу просьбу, — пролепетала она, надеясь, что фраза не звучит слишком двусмысленно. Ей вдруг стало не по себе: не слишком ли долго она находится наедине с мужчиной? Кажется, где-то неподалёку должна бродить Мэри... Но Норидж не зря заслужил репутацию истинного джентльмена. Легко разгадав смятение девушки, он выпрямился и непринуждённо проговорил:

— Я напугал вас своим порывом? Не стоит придавать ему значение, это лишь подарок от доброго друга, не более.

— И мне он очень нравится. — Луиза облегчённо улыбнулась в ответ.

— Могу я рассчитывать на ответный подарок? — Норидж лукаво приподнял бровь. Графиня легко кивнула, наблюдая, как граф в нарочитой задумчивости постукивает тонкими пальцами по губам, пытаясь придумать подарок. Лёгкий бежевый сюртук ладно облегал плечи, брюки цвета крепкого кофе обтягивали ноги и узкие бедра. Луиза вдруг подумала, что ей, возможно, предстоит увидеть графа обнажённым, и она тут же вспыхнула, как алый мак, опуская голову, будто Норидж мог прочесть её потаённые мысли. Взгляд упёрся в кончики лакированных ботинок, в которых она с лёгкостью могла разглядеть своё изображение.

— Эта картина, Луиза! — торжественно произнёс Норидж, указывая на незаконченный пейзаж. — Я с радостью повешу её в кабинете и буду любоваться ею, вспоминая летний полдень и вас.

— Почему бы и нет? — Луиза склонила голову. — Я закончу её до конца недели и пришлю к вам.

— Леди Луиза. — На дорожке возникла наконец Мэри, украдкой окидывая фигуру графа плотоядным взглядом. — К вам мистер Вудвилл. Я проводила его в китайскую гостиную.

— Спасибо, Мэри. — Луиза поднялась. — Вы простите меня граф?

— О, конечно, — откликнулся Норидж. — Я подожду вас, если будет угодно.

— Мэри, проводи графа Нориджа в кабинет. Я подойду, как только освобожусь, — пообещала девушка и поспешила в дом.

Мистер Вудвилл выскочил из кресла как чёртик из табакерки, чем немало развеселил Луизу. Поверенный с удовольствием смотрел на девушку, радуясь переменам, произошедшим в ней за короткий срок. И хотя траур по отцу ещё напоминал о себе лиловым платьем, слишком тёмным для летнего дня, белая шляпка, которую она положила на столик-пагоду, говорила о скором из него выходе.

— У меня есть для вас новости, леди Грейсток, — начал Вудвилл, едва Луиза присела в обитое ярким шёлком кресло. — Первая, не скрою, заставила меня встревожиться. Но вторая, пришедшая следом, развеяла все мои опасения. — Сегодня мистер Вудвилл никуда не спешил и с удовольствием растягивал удовольствие от общения с юной леди. Его невеста, ставшая две недели назад законной женой, изменилась до неузнаваемости, и мистер Вудвилл с тоской вспоминал прекрасные дни ухаживаний и тихонько вздыхал, выслушивая поток обвинений от дражайшей половины.

— Итак, первой новостью, и, доложу я вам, неприятной неожиданностью, стало то, что мне отказали в выдаче денег в банке.

— Что? — Луиза изумлённо уставилась на Вудвилла. Мысль о том, что у неё могут закончиться деньги, никогда не возникала в голове. — Но как такое могло произойти?

— В банке мне объяснили, что по закону всеми вашими сбережениями занимается теперь опекун. Без его подписи никто не даст вам ни пенса.

— А какая вторая новость? — вздохнув, спросила Луиза, живо представив, как подаёт графу Нориджу чай, извиняясь за то, что он низкого качества. А он хвалит её бережливость и советует, как распорядиться наследством с пользой, больше времени занимаясь устройством судьбы детей из работных домов... Картинка, возникшая перед внутренним взором, была столь яркой, что Луиза почувствовала, как к горлу подступают слёзы, представив, как она будет рассказывать Нориджу о сиротках.

— Мы получили ответ из Америки. — Мистер Вудвилл удовлетворённо хлопнул себя по колену: — Мистер Уоррингтон с радостью примет вас в своём поместье! А также, предвидя денежные затруднения, присылает чек на тысячу фунтов, надеясь, что он покроет ваши дорожные расходы!

— Значит, ехать всё-таки придётся, — вздохнула Луиза. Бабушка с такой энергией погружала её в светскую жизнь, что девушка, к своему стыду, позабыла о том, что где-то в далёкой Америке ждёт её опекун, без которого она не то, что замуж выйти, а как выяснилось, и чаю купить не может!

— Вы не хотите? — участливо посмотрел на задумавшуюся Луизу мистер Вудвилл. Она

жалко улыбнулась и покачала головой. Затем, опомнившись, расправила плечи и кивнула поверенному: - Думаю, пора подумать о билетах, мистер Вудвилл. Мне хватит тысячи? Или, быть может, надо продать что-то из картин или драгоценностей... У меня есть свои собственные, мамины продавать я бы не хотела...

— Мисс Грейсток, — прервал её Вудвилл, строго поправив очки на переносице. — Тысячи фунтов вам хватит, чтобы совершить путешествие туда и обратно, а там еще и жить в гостинице несколько месяцев!

— О, — только и смогла вымолвить Луиза. — Видно, мистер Уоррингтон не собирается ограничивать меня в средствах.

— Несомненно, — кивнул поверенный. — Здесь он показал себя как истинный джентльмен.

— Я посоветуюсь с бабушкой и решу, на когда лучше назначать отъезд. — Луиза поднялась, давая понять, что разговор окончен. — Я сообщу вам об этом, мистер Вудвилл. Спасибо за ваше участие.

Поверенный откланялся, а Луиза поспешила в кабинет, ни на минуту не забывая, что оставила там графа Нориджа.

— Простите, что заставила вас ждать! — Луиза влетела в кабинет, лучезарно улыбаясь. Лорд Норидж небрежно отбросил в сторону газету, которую читал до этого и тоже улыбнулся:

— Это вы простите меня, леди Грейсток. — Он поднялся: - Пока вы были заняты, я вспомнил, что у меня назначена важная встреча, пропустить которую я, к сожалению, не могу.

— Ну что ж, — юная графиня заметно помрачнела. — Не буду вас задерживать в таком случае.

— С нетерпением жду ваш подарок, леди Луиза, — прошептал Норидж и, невесомо коснувшись губами руки, вышел.

— Леди Луиза, — прошептала девушка, поднося руку к щеке и ласково проводя ею по коже. — Леди Луиза...

Она закружилась по комнате и упала в кресло отца, закидывая руки за высокую резную спинку. Почему сердце так счастливо бьётся в груди?! Неужели её прекрасный герцог- это не сказка, а самая настоящая реальность? Луиза закрыла глаза и откинула голову, легонько стукнувшись затылком об спинку. Раздался лёгкий щелчок. Дёрнувшись от неожиданности, девушка отшатнулась от кресла, с опаской оглядываясь. Деревянная панель ушла внутрь, открывая небольшое углубление, в котором лежали бумаги, перевязанные засаленной лентой, цвет которой почти не угадывался, но, кажется, был когда-то голубым. Протянув руку, Луиза осторожно достала бумаги, оглядывая спинку в поисках запирающего механизма. Небольшой завиток, сдвинутый не в ту сторону, обнаружился довольно быстро. Надо же, а ведь раньше она всегда сетовала на слишком жёсткое кресло!

Бумаги в руках манили, обещая приоткрыть завесу тайн и загадок, наверняка связанных с отцом и его гибелью. Луиза чувствовала, что это так! Ярko-белый листок привлёк внимание, девушка потянула его на себя, вытаскивая из кипы пожелтевших страниц. Почерк на нём был не папин, а стихотворение, написанное там, она видела впервые.

Десять негрятят отправились обедать,
Один поперхнулся, их осталось девять.
Девять негрятят, поев, клевали носом,

Один не смог проснуться, их осталось восемь.

Девушка хихикнула: у графа Грейстока, конечно, было чувство юмора, и очень живое, но она никогда не замечала за ним любви к непонятным считалкам.

Восемь негрят в Девон ушли потом,

Один не возвратился, остались всемером.

Семь негрят дрова рубили вместе,

Зарубил один себя- и осталось шесть их.

Шесть негрят пошли на пасеку гулять,

Одного ужалил шмель, их осталось пять.

Нервный, угловатый почерк почему-то начинал пугать. Кажется, ей действительно следует лечить нервы, вон и бабушка о том же говорила на днях...

Пять негрят судейство учинили,

Засудили одного, осталось их четыре.

Четыре негрятенка пошли купаться в море,

Один попался на приманку, их осталось трое.

Трое негрят в зверинце оказались,

Одного схватил медведь, и вдвоем остались.

За окном раздался крик: кухарка миссис Порэнс отчитывала мальчишку-зеленщика. Луиза приложила руку к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца, и закончила читать.

Двое негрят легли на солнцепеке,

Один сгорел- и вот один, несчастный, одинокий.

Последний негрятенок поглядел устало,

Он пошел повесился, и никого не стало.

Фраза, сделанная ниже, заставила волосы на голове девушки зашевелиться. Под последней строчкой считалки тем же почерком было приписано несколько слов.

Вот ты и попался, Джонни. Утопишься, повесишься или поперхнёшься? Выбирай.

Отбросив листок в сторону, Луиза испуганно смотрела на него, точно он был ядовитой змеей. Отец получил это письмо совсем недавно, почему-то она была твёрдо в этом уверена. Как и в том, что именно после него Джонатан Грейсток сделал приписку к завещанию. Всё снова упиралось в Томаса, который один мог бы пролить свет на происходящее. Луиза оглянулась- родной дом уже не казался ей таким уж милым и безопасным...

***

Корабль распустил паруса, ныряя носом в тёмную серую воду. Небо хмурилось, брызгая дождём в собравшихся на причале людей. Прижав к лицу кружевной платок, леди Грейсток провожала внучку в Америку. Луизу ещё можно было разглядеть среди нескольких пассажиров. Она отчаянно махала рукой, другой пытаясь удержать на голове шляпку. Рядом застыла миссис Пинс, компаньонка, которую подобрала для внучки вдовствующая графиня. Высокая и худая, как жердь, она являла собой олицетворение благопристойности и манер, умудряясь даже сейчас, с лицом бледно-зелёного цвета, внушать благоговейное уважение. Поднявшийся с залива ветер пробирал до костей, и пассажиры поспешили разойтись по каютам.

Мистер Вудвилл действительно был прав: Луизе удалось устроиться с комфортом в отличной каюте брига Его Величества «Генрих VIII». В составе каравана, идущего в Мексику, они собирались пересечь океан и через три недели причалить в порту Нового Орлеана.

Луиза опустила в кресло, устало прижимая руки к вискам- голова начала болеть ещё в порту, и теперь девушка с тоской подумала, что избавиться от боли будет не так-то просто. Из-за ширмы то и дело доносились громкие звуки- миссис Пинс нещадно тошнило.

— Миссис Пинс, мы будем идти вдоль Англии ещё пять дней, — сказала Луиза после особенно бурного звука. — Вы уверены, что сможете продолжить путешествие? Я полагаю, бабушка поймёт и примет причину, по которой вы сойдёте на берег.

— Надеюсь, впредь вы не предложите мне ничего подобного, — из-за ширмы выглянула бледная компаньонка. — Я еду с вами. Это скоро пройдет, вот увидите. Никому не ещё не удавалось победить Маргарет Пинс. Тем более какой-то посудине, пусть даже и носящей имя его величес... — Монолог миссис Пинс оборвался на полуслове. Она стремительно скрылась за ширмой, и оттуда вновь донеслись нечленораздельные звуки.

К вечеру миссис Пинс наконец заснула и в каюте воцарилась тишина. Волны тихо плескались о борт, изредка до слуха Луизы долетали команды, отдаваемые резким громким голосом. Склянки пробили восемь часов. Сославшись на болезнь, девушка попросила, чтобы ужин принесли прямо в каюту- знакомиться сегодня с другими пассажирами ей не хотелось. Пожелтевшие страницы так и манили прочесть. Пробежавшись глазами по первому попавшемуся листку, Луиза поняла, что перед ней что-то вроде дневника. Оставив чтение на время путешествия, теперь леди Грейсток могла наконец погрузиться в жизнь своего отца и попытаться узнать, почему он столько лет скрывал эти записи.

Четвёртая глава

Корабль мерно покачивало. За иллюминатором тихо шелестел дождь. Чёрный скалистый берег Англии изредка освещали редкие огни. Забравшись в кровать с ногами, Луиза разложила перед собой записки отца. К её разочарованию, они шли не по порядку, и сначала ей пришлось разобрать листки по датам. Некоторые занимали полстраницы, а некоторые- два-три листа. Их объединяло лишь одно: записи велись в одно время и обрывались в конце 1794 года. Года, когда отец вернулся из путешествия за товаром. Насколько Луиза помнила семейную историю, в следующем году заболел дедушка и они переехали из Милана в Лондон. Лорд Грейсток занялся семейными делами и больше никогда не выходил в море.

Собрав наконец воедино разрозненные бумаги, Луиза взяла первый листок и глубоко вздохнула, прижав руку к горлу. Сердце билось ярко и неистово, грозясь вот-вот выскочить. Медленно выдохнув, девушка склонилась над листком и вскоре ни дождь за окном, ни качка не могли её отвлечь от чтения.

15 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Средиземное море.

Мы находимся в плавании всего несколько часов, а я всё никак не могу унять восторга. Мне до сих пор не верится, что мы сделали это- рискнули и отправились наконец в путь! Поверить не могу, что ты поддержала меня, моя драгоценная София! Хотя почему не могу? Ты- мой ангел, по-другому и быть не могло! Я знаю, что эта экспедиция обернётся успехом!

17 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Средиземное море.

Вчера мы попали в шторм. И хотя капитан Бертуччи говорит, что это простой шквал, я до сих пор не могу отойти. Если честно, никогда не думал, что меня так напугает гроза на море. Вспоминать стыдно. Я молился, прося Господа позволить мне увидеть ещё хоть раз моих девочек: тебя, моя родная, и Луизу. Благодарение Богу, всё обошлось. Неужели я столь труслив?

20 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Гибралтарский пролив.

Кажется, я становлюсь настоящим моряком! Вчера весь день провёл на реях, изучая премудрости такелажа с юнгой Питом. Мальчишка знает больше меня, это уязвляет, право слово! Сегодня увидел себя в зеркале: должно быть, ты сильно удивишься, когда меня увидишь! Всё лицо покрыто веснушками, даже лоб и виски! Волосы отрасли и выгорели на солнце и теперь кажутся совсем белыми. А лицо так загорело, что теперь меня почти не отличить от испанских мавров. Кстати, как говорит капитан Бертуччи, скоро мы увидим острова Мадейра. Зайдём туда пополнить запасы пресной воды. Отправлю оттуда письмо тебе, любимая моя.

3 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан.

Вот уже третий день мы не видим ничего, кроме бескрайнего океана. Слепляющая бирюза воды сливается с небом, а солнце посылает такие яркие блики, что больно глазам. К нашему небольшому каравану присоединилось ещё три корабля испанского купца. Они путешествуют в сопровождении двухпалубного галеона и, по слухам, плывут в колонии за золотом. Я их не осуждаю, конечно, но мне кажется, рабство- это дикий пережиток прошлого, от которого цивилизованным странам давно пора отказаться. Если бы к нам попросил присоединиться работорговец, я бы точно отказал!

Как там моя драгоценная Луиза? Думаю о ней каждый день. Мой ненаглядный ангел,

как же я скучаю! А ведь мы ещё даже не в середине нашего пути! Как хочется стать птицей и полететь к берегам Италии, хотя бы одним глазком посмотреть на моих любимых девочек! Кто-то зовёт меня, кажется, Пит. Допишу, когда вернусь.

Пит звал меня, чтобы показать огромные чёрные тучи, что надвигаются на нас со стороны Африки. Капитан Бертуччи хмурится, а это не добрый знак. Матросы закрепили паруса, сейчас привязывают все тяжёлые вещи. Если честно, мне жутко не по себе. Увижу ли я вас снова, мои дорогие девочки?

6 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», где-то в Атлантическом океане.

Мы пережили это. Мы смогли. После такого шторма ничего не страшно! Мне кажется, я даже поседел. И седины не видно исключительно по причине того, что волосы и так почти белые. Корабли разметало по океану, как щепки. Наша «Святая София» осталась совершенно одна. Почти сутки бушевал шторм, огромные волны крутили нас, как детскую игрушку. Я никогда не видел прежде такой стихии. Теперь-то я понимаю смех капитана Бертуччи по поводу моих страхов после того шквала в Средиземном море. Это безумие, самое настоящее. Как после такого моряки отваживаются вновь и вновь пускаться в путь?! Я несколько раз умирал, пока корабль нырял в пустоту. Сегодня наконец выглянуло солнце, и мы смогли оценить масштабы постигнувшей нас катастрофы. Грот-мачта сломана, её унесло в море. Четыре пушки, которые являлись гарантом нашей безопасности, тоже утонули. Корабль похож на нищего, долгое время плутовавшего по улицам. Капитан Бертуччи и старпом пытаются определить наше месторасположение. Надеюсь, до суши недалеко.

8 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан.

Страшно признавать это, но положение наше действительно бедственное. Оказывается, часть бочек с пресной водой стояли на палубе. Излишне говорить, что их смыло. Капитан Бертуччи сказал, что до суши несколько десятков миль. Морских, естественно. На океане установился штиль. Мне кажется, мы стоим на одном месте. Несколько матросов были ранены во время шторма и теперь слегли с лихорадкой. Любимая моя София, мне стыдно признаться, но, кажется, я впадаю в отчаяние.

15 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан.

Мне кажется, скоро всё кончится. Воды осталось на два дня. Вокруг только океан, только вода, насколько хватает глаз. Как же дорого я сейчас бы заплатил за возможность увидеть хотя бы одно дерево! Хотя бы один камень! Три матроса умерли. Остальные четверо идут на поправку, но очень слабы. У нас нет даже весёл, чтобы двигаться хоть куда-то. Ветер дует еле-еле, и тот душный и сухой. Прости меня, моя драгоценная София. Прости, что потратил все твои деньги и оставил тебя и Луизу без средств к существованию. Я надеюсь, что, узнав о моей гибели, ты сможешь найти в себе силы и вернуться к своим родителям. Уверен, они примут вас с Луизой. Я люблю тебя, моя родная.

18 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан.

О, Господи, ты действительно существуешь! Вчера, когда мы в отчаянии собрались на палубе и разделили последние глотки воды, я твёрдо решил застрелиться. Ты права, мой ангел, это был малодушный шаг слабого человека, но что поделать, я действительно дошёл до крайней степени отчаяния! Удалившись на нос корабля, я взвёл курок и попрощался с тобой и Луизой, как вдруг что-то привлекло моё внимание. Не только я заметил чёрную точку на горизонте — вскоре вся команда собралась у борта, крича и размахивая руками.

Это оказался французский корвет «Жозефина»! Его капитан поделился с нами водой и провизией и несказанно обрадовал: до земли всего четыре дня пути! Нас забросило немного

ожнее, чем планировалось изначально, но всё равно не так далеко, как мы боялись. «Жозефина» отбуксирует нас до порта Белена, где мы сможем починить корабль. Быть может, ещё не всё потеряно, моя любимая София. Если всё сложится хорошо, мы сможем вернуться домой до зимних штормов с грузом корицы и перца. Это сможет хотя бы окупить потери. О большем я сейчас и не мечтаю. Безмерно люблю тебя, мой ангел.

***

Луиза отложила письма и прикрыла уставшие глаза. Бедный отец, сколько всего ему пришлось выдержать! Ей вдруг подумалось, что она вполне может повторить судьбу лорда Грейстока и попасть в шторм, подобный тому, что разбил его корабль... Луиза опасливо выглянула в иллюминатор, но там по-прежнему было тихо и темно. Английский берег чернел на горизонте. Решив вернуться к чтению завтра, Луиза погасила ночник и легла, практически моментально провалившись в сон.

Миссис Пинс всё ещё нездоровилось, но избегать других пассажиров вечно было слишком не вежливо, и на завтрак леди Грейсток поднялась в кают-компанию. Там уже сидели капитан и офицеры, а также двое мужчин из числа пассажиров. Почтительно поднявшись при её появлении, мужчины галантно бросились помогать Луизе пройти, отодвинуть кресло, присесть за стол и подать салфетку. Они так старались ей угодить, что девушка не выдержала и улыбнулась.

— О, вы всё-таки решили к нам присоединиться! Правильно, я ещё вчера сказала- эта голубка не просидит в клетке больше одного вечера! — В каюту вплыла высокая леди, одетая в ярко-фиолетовое платье, совершенно не соответствующее времени дня. Высокую причёску её украшали пушистые перья незнакомых Луизе птиц.

— Франческа Бишоп, — представилась женщина, падая в предложенное офицером кресло. — Но вы можете называть меня просто Франческа, я не обижусь. Да что там, не обижусь — я буду рада! Я настаиваю- называйте меня Франческа!

Луиза во все глаза смотрела на сидевшую перед ней женщину, боясь вставить хоть слово в её бурный монолог. От Франчески волнами исходила яркая энергия, которой она заражала всё вокруг. Отвернувшись от Луизы, леди Бишоп достала портсигар и вытащила тонкую коричневую сигару, крикнув капитану, чтобы тот помог ей прикурить. К удивлению Луизы, капитан Четэм с готовностью бросился исполнять просьбу.

— Так куда вы направляетесь, леди Грейсток? — Франческа снова повернулась к оробевшей Луизе и выпустила тонкую струйку голубого дыма. — Не удивляйтесь, я не могла не узнать, как зовут ещё одну леди на корабле. Не считая наших горничных, мы тут единственные женщины на кучу миль вокруг! — И леди Бишоп разразилась громким грудным смехом, столь заразительным, что все мужчины заулыбались. — Можно сказать, почти королевы, не правда ли, Четэм? — Она подмигнула капитану, повергая Луизу в немое восхищение. Она столько читала о таких женщинах: сильных, независимых, вольных в обращении с мужчинами...

— Я еду в Новый Орлеан, к моему опекуну, сэру Уоррингтону, — вставила наконец Луиза. — Оттуда мы поедem к нему на плантацию «Святая Магдалена».

— Уоррингтон? Не знала, что у него есть подопечная, к тому же такая молоденькая и хорошенькая! — воскликнула Франческа, стряхивая пепел в подставленную старшим помощником пепельницу. — Томас — большой скрытнич, из него и слова порой не вытянешь! Я не удивилась бы, узнай, что он держит гарем в подвале «Магдалены», но опекунство... Воистину, этот мир полон сюрпризов!

— Расскажите мне о нём, — попросила Луиза.

— После завтрака, моя дорогая, всё после завтрака. — Леди Бишоп повернулась к стюарду, расставляющему тарелки: — Мне побольше мяса, дорогой. Да-да, не жалея, и подливы на пюре. Леди должна хорошо питаться! — Она подмигнула Луизе и принялась шустро орудовать приборами.

Луиза покосилась на два крохотных кусочка телятины в тарелке и несогласно качнула головой. От бабушки она привыкла слышать обратное, а вдовствующая графиня всегда была недостижимым примером для внучки.

Завтрак проходил оживлённо, взрывы смеха то и дело нарушали тишину. Франческа Бишоп, будто яркая экзотическая птичка, привлекала всеобщее внимание и вызывала неустанный интерес. Капитан Чэтем так и вовсе практически ел с её рук. Надумай она посетить по пути Африку, он едва ли посмел бы ей отказать!

Луиза не перестала думать об этом и после, когда переделась и вышла на палубу, чтобы прогуляться. С берега дул лёгкий ветерок, донося запах цветущего вереска, играя с широкими голубыми лентами на шляпке. Бабушка уговорила Луизу снять траур, мотивируя это тем, что скорби место в душе, а на корабле мрачный траур будет мешать завязать знакомства. В глубине души девушка была с ней согласна, хотя всё же чувствовала себя смущённой тем, что слишком быстро перестала носить чёрное.

— Самое неприятное в путешествии между континентами- это его продолжительность. — Леди Бишоп подошла и встала рядом, облокотившись о перила. — Почти месяц в море- есть от чего сойти с ума, не так ли?

— Я никогда не путешествовала так далеко, — пожалала плечами Луиза.

— Поверьте мне, это безумно утомительно, — томно вздохнула Франческа и тут же лукаво прищурилась:- Если, конечно, поблизости нет галантных кавалеров, способных скрасить долгий путь.

— Как капитан Чэтем? — Луиза склонила голову на бок.

— И как он тоже. — Леди Бишоп бросила быстрый взгляд в сторону мостика. — В этот раз с нами едет немало достойных джентльменов.

— Вы любите путешествовать, не так ли?

— Приходится, моя дорогая, приходится. — Франческа вздохнула и посмотрела на проплывающий за бортом берег. — Сын учится в Оксфорде. Мой муж категорически отказался отдавать его учиться в Америке! Вот я ирываюсь между Англией и Новым Светом, раз в году пускаюсь в плавание, чтобы увидеть Найджела. Ещё целый год до новой встречи. — На глазах леди Бишоп блеснули слёзы, и она отвернулась, стремительно поднося платок к лицу. Повернулась Франческа уже с непринуждённой улыбкой:- А дома меня ждёт дочь, Виктория. Она ещё слишком мала для путешествий и на моё счастье родилась девочкой.

Леди Бишоп горько усмехнулась и замолчала, задумчиво глядя на туманные скалы.

— Вы обещали рассказать мне о мистере Уоррингтоне, — попросила девушка. Франческа встрепенулась, выныривая из тяжёлых мыслей.

— На самом деле рассказать о нём много я не могу. — Она пожалала плечами. — Мы на плантациях знаем друг друга, изредка собираемся на пикниках или балах. Томас Уоррингтон посещает нас крайне редко, и подозреваю, его визиты носят скорее деловой характер, нежели светский. Он почти никогда не остаётся даже на ужин, не говоря уж о танцах, ограничиваясь разговорами с владельцами других плантаций. Он чрезвычайно закрытый

человек, в «Святой Магдалене» гостей не любят. Нет, не прогоняют, конечно, — поспешила сказать Франческа, глядя, как испуганно расширяются глаза Луизы. — Я была там пару раз. Прекрасное место. Прекрасное и очень печальное. Быть может, ты сможешь принести туда жизнь?

Луиза грустно кивнула. Мысль о том, что ей придётся жить с угрюмым затворником, внушала страх. Но он не долго владел юной девушкой. Улыбнувшись сама себе, она пообещала, что обязательно растормошит сэра Уоррингтона. Она станет его отрадой и утешением. Будет следить за приготовлением еды, ведь он наверняка не заботится об этом и ест всё подряд! У отца была строгая диета, связанная со слабым желудком. Скорее всего, мистер Уоррингтон питается неправильно, а в его-то возрасте болезни уже выходят из-за угла и проявляют себя. Перед глазами возник трещащий камин и она, подносящая чашку лёгкого бульона и поправляющая клетчатый плед на коленях опекуна. Он полюбит её как дочь, а она станет его утешением. И быть может, она даже уговорит его выезжать в общество, дружить с остальными плантаторами... Да, пожилой мистер Уоррингтон явно нуждается в опеке не меньше, чем сама Луиза нуждается в опекуне. Ведь ему наверняка не меньше, чем папе, а тридцать восемь лет — немалый срок. И он точно уже обзавёлся подагрой...

К вечеру ветер поднялся, и качка стала значимее, загоняя несчастную компаньонку, только начавшую приходить в себя, вновь за ширму. Луиза, убедившись, что она не умрёт над тазиком, вернулась к чтению записей лорда Грейстока.

24 мая 1794 г. Белен, Бразилия.

Хвала небесам, я снова чувствую под ногами твёрдую землю! Наш побитый штормом корабль стоит в порту, выделяясь на фоне бригов, корветов и шхун своими потрёпанными боками и оборванными парусами. Надо искать деньги на ремонт. Но где их взять?! Сегодня я ходил в представительство Банка Англии в надежде получить заем, но, увы, мне решительно отказали. Да, имя Грейсток им знакомо, но без поручительства отца они не готовы давать деньги. Думать, что я застрял здесь надолго, не хочется...

Завтра схожу в другой банк, быть может, там мне помогут. Скучаю по вам, мои дорогие. Уже отправил вам письмо и очень надеюсь, что оно дойдёт до дня рождения Луизы. Люблю тебя, мой ангел.

25 мая 1792 г. Белен, Бразилия.

В представительстве Банка Насьональ мне отказали. И в Банке Швейцарии тоже. Кажется, эти банкиры все сговорились и не желают помогать попавшим в беду европейцам! К чему они тогда сидят здесь, я не пойму!

Климат отвратительный, постоянная влажность и тысячи москитов. От них не спасает ни сетка, ни мази, которые продают здесь туземцы на каждом шагу. От реки несёт гнилью и затхлой водой. Как бы мне хотелось очутиться сейчас в нашем саду! Попивать прохладный сок и любоваться Средиземным морем... Родная моя, я держусь только ради тебя и Луизы. Вежливые отказы заставляют каждый раз скрежетать зубами от бессилия.

30 мая 1792 г. Белен, Бразилия.

Вчера ко мне заходил капитан Бертуччи. Он сказал, что люди ропшут. Просят жалования. Мне нечего им дать. Капитан- отличный человек, порядочный. Сказал, что моряки со «Святой Софии» хотят наняться на другие рейсы, но он возразил, что сначала поставит в известность меня. Храни Господь его честную душу. Я отдал ему почти все деньги, что у меня имелись, и отпустил с миром. Сегодня моя команда отчалила на корабле норвежского торговца. Я остался совершенно один в этом влажном аде, который по чьей-то жестокой насмешке зовётся райскими джунглями.

12 июня 1792 г. Белен, Бразилия.

Существует ли в дно, ниже которого человек не может упасть? Потому что если существует, то я уже там. Лежу в самой грязной луже самого дурно пахнущего города мира. Силы заканчиваются. Вера в хорошее- тоже. Сегодня пойду к евреям, отнесу им часы и брелоки. Быть может, мне хватит продержаться еще несколько недель, и тогда в порт зайдёт английский или французский корабль и заберет меня отсюда. Хоть в долг, хоть гребцом на галерах. Только бы подальше отсюда...

13 июня 1792 г. Белен, Бразилия.

Я снова и снова убеждаюсь в том, что я- жуткий богохульник и место моё в аду, в самом его пекле! Стоило мне возроптать о своей судьбе, как она снова распахнула передо мной приветливо двери.

Еврей, к которому я ходил вчера, едва узнав о моём бедственном положении, сказал, что

постарается мне помочь. Нет, мой ангел, не деньгами, как ты могла бы подумать. Он знает одного гринго, так здесь называют белых людей, который недавно искал работника на плантацию. Знаю, что ты сейчас скажешь: рабство- это ужасно. И будешь права, как бы сильно я ни нуждался в деньгах, я никогда не смогу спокойно смотреть, как издеваются над людьми. А уж тем более быть заодно с рабовладельцами. Но еврей сказал, что плантатор ищет не надсмотрщиков. Что же, завтра я с ним встречу. Быть может, это мой шанс вернуться к вам, родные мои! С нетерпением жду нашей встречи!

20 июня 1792 г. Вилла «Санрайз», Бразилия.

За неделю, что я не писал, накопилось столько новостей, что теперь я боюсь что-то забыть или упустить. Попробую писать по порядку. Встреча с плантатором состоялась, и, вопреки моим опасениям, мистер Кинг оказался приятным молодым мужчиной, полным амбиций и придерживающимся современных взглядов. Мы сразу же нашли общий язык и понравились друг другу. С первых же минут я сказал мистру Кингу о своём отношении к рабству, на что он рассмеялся и уверил, что никаких контактов с рабами у меня не будет. Ему требуется секретарь, чтобы разгрузить его личного помощника, мистера Уоррингтона, на которого навалилось чересчур много работы в последнее время. На плантации выращивают гевею, а она, как мне теперь известно, является прямым источником каучука. Свойства его исследовали относительно недавно, но уже ни у кого не возникает сомнений в его пользе для нашей промышленности. Мистер Кинг ведёт переписку со многими владельцами фабрик и заводов, и его помощник попросту не успевает обрабатывать всю корреспонденцию. Он нанимает меня на год и за это время не только платит приличное жалование, но и положит неплохую сумму на счёт в любом банке, когда основные сделки с самыми важными магнатами будут заключены.

В любом случае я остаюсь в выигрыше. Я знаю, мой ангел, что мы не рассчитывали расставаться так надолго, но уверен, ты поймёшь, что сейчас это- единственный способ не только вернуться домой, но и заработать. Быть может, я тоже прикуплю себе участок земли в Бразилии, и со временем мы разбогатеем... Но это пока просто мечты.

Дом мистера Кинга огромен и очень удобен. Несмотря на отдалённость, здесь есть такое несомненное благо цивилизации, как канализация. Возможно, ты улыбнёшься этому, моя любимая София, но в Белене я начал забывать о таковом.

Мистер Уоррингтон, помощник мистера Кинга- прекрасный молодой человек. Обаятельный, открытый и улыбчивый. Мы проводим вместе очень много времени, и я не жалею ни об одной минуте. Кажется, Господь наконец вознаградил меня за перенесённые страдания и лишения, и теперь всё наладится! Люблю вас, мои девочки!

Луиза вздрогнула, отрываясь от чтения, и испуганно оглянулась. Но это была лишь миссис Пинс, заснувшая над тазом и уронившая его. До слуха девушки донеслось еле слышное чертыхание. Луиза отложила записи отца, устало потирая переносицу. Мысли в голове скакали, как сумасшедшие, отплясывая причудливые танцы. Выходит, отец заработал своё состояние на каучуке и рабах? Ведь он сам написал, что всё мамино наследство пропало... А мистер Уоррингтон? Что произошло в его жизни, от чего он стал затворником? Луизе показалось, что в дальнейших записях будет лишь новая масса вопросов и почти никаких ответов. Затувив свечу, она легла, прислушиваясь к мерному звуку швабры по полу за стенкой. Перед глазами вставали бразильские джунгли и негры в белых штанах собирали с деревьев каучуковые плоды...

Миссис Пинс, казалось, совсем потерялась на фоне белой подушки, сливаясь с ней по цвету. Кружевной чепец с кокетливыми розовыми лентами обрамлял лицо, ставшее ещё суше и худее. Кожа на остром носу так натянулась, что грозила вот-вот быть проткнутой им. Луиза осторожно держала чашку с лёгким куриным бульоном, помогая компаньонке делать небольшие глотки.

— Кажется, я наконец победила эту постыдную слабость, — прихлёбывая из чашки, говорила миссис Пинс. — Право же, Лоиз, не стоит так опекать меня. — Она произносила имя подопечной на английский манер, растягивая гласные. Поправлять компаньонку Луиза стеснялась, списав её нежелание произносить французское имя на невинную прихоть.

— Завтра мы выходим в открытый океан, — улыбнулась Луиза, протягивая миссис Пинс салфетку. — Если вам полегчает к вечеру, вы могли бы присоединиться к пассажирам за ужином.

— Было непростительно с моей стороны отправлять вас туда одну, моя дорогая, — проворчала миссис Пинс, расправившись наконец с бульоном. — Молоденькой девушке не место среди такого количества мужчин, даже джентльменов.

— Там была миссис Бишоп, — напомнила ей Луиза.

— Да-да, я помню, вы рассказывали мне об этой леди, — отмахнулась, как от мухи, миссис Пинс. Корабль нырнул в волну, несильно качнувшись, и компаньонка охнула, мгновенно позеленев. — Я надеюсь, наше плавание благополучно завершится у берегов Америки. Я, признаться, планирую передать вас в руки опекуна в целостности и сохранности.

— Вы полагаете, на корабле моей репутации может что-то угрожать? — удивлённо воскликнула Луиза. Мысли о том, что кто-то здесь может причинить ей вред, в голову не приходила.

— Нет, конечно, Лоиз, — заверила девушку миссис Пинс, в очередной раз умилившись наивности своей подопечной. — Но всё-таки будет лучше, если вы будете меньше времени проводить на палубе и больше в каюте.

Спорить с компаньонкой девушка не стала. К тому же погода за бортом не располагала к прогулкам, а записки отца манили. Убедившись, что миссис Пинс ничего не нужно, она удалилась к себе, вновь погружаясь в жаркие бразильские джунгли.

30 октября 1792 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Надо же, я и не думал, что уже прошло столько времени. Любимая моя София, времени писать нет совершенно! Я завален интереснейшей работой и, если честно, забыл и думать о том, что стоит вести дневник, как ты мне советовала. Жизнь на плантации бьёт ключом. Здесь постоянно что-то происходит. Вчера, например, из гостиной вытащили огромную анаконду, забравшуюся туда сквозь незакрытые двери. А неделю назад я чуть не наступил на мохнатого паука размером с мою ладонь. Джунгли вокруг дома живут своей жизнью, и я никак не могу к этому привыкнуть.

У Кинга множество партнёров, письма от них привозят раз в неделю и выгружают в кабинете. Два дня у нас с Томасом уходит лишь на то, чтобы разобрать их, а после мы начинаем их читать и составлять ответы. Если честно, я не думал даже, что каучук может приносить столько денег. Огромные счета, что мне приходится просматривать, действительно внушают уважение.

Праздники на плантации проходят постоянно. Кинг — отличный хозяин, радушный и справедливый. Я ни разу не видел, чтобы он кричал на слуг или бил рабов. Он позволяет им отмечать все дни их святых, иногда присутствуя там лично. Мне тоже удалось побывать на

паре таких праздников, и я потом несколько дней находился под глубоким впечатлением.

24 декабря 1792 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

С наступающим Рождеством тебя, мой ангел! Как бы я хотел быть сейчас рядом с вами, раскладывать подарки, смотреть, как кружится снег за окном, и готовиться к праздничному ужину... Здесь снега нет совсем. Очень жарко и душно, никогда бы не подумал, что сегодня Сочельник. Зарядили тропические дожди, и на время работа по сбору каучука прекратилась. Поток писем тоже иссяк - дороги размыло и до плантации сейчас не добраться. Целыми днями мы сидим в гостиной и играем в бридж. Или же просто рассказываем истории из своего детства. Знаешь, не устаю восхищаться Томасом и его силой духа. Он вырос в сиротском приюте Святой Магдалены в Италии. Представляешь, недалеко от Милана. Я сказал, что, когда вернусь, обязательно поставлю свечу в этом приюте. На что Томас ответил, что лучше бы мне вместо этого спалить весь приют к чертям! Кинг нашёл его там и забрал с собой в Бразилию. Кстати, Кинг тоже из бедной семьи, вырос в фавелах Рио-де-Жанейро. Я не могу не восхищаться этими мужчинами. Они добились богатства, поднявшись с самого низа, безо всякой помощи знатного имени или капитала.

1 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Сегодня вечером произошёл один неприятный случай, и я до сих пор вспоминаю о нём с содроганием и недоумением. После ужина мы, как обычно, собрались в гостиной за партией в бридж, когда за окнами раздались крики, заставившие нас оторваться от игры. Кинг вышел, а мы с Уоррингтоном остались. Я не смог совладать с любопытством, хотя, каюсь, то, что я увидел, едва ли предназначалось для моих глаз. На земле перед входом в грязи лежали три человека, а над ними возвышался гигантский мужчина. В руках его был кнут, а на спинах людей алели вздувшиеся полосы крови, которую смывал дождь. Кинг вышел на крыльцо и перекинулся несколькими фразами с гигантом. Я не слышал, о чём они говорили, но вскоре Кинг стремительно сбежал по ступеням вниз, выхватил кнут и начал с остервенением хлестать им по спинам несчастных, распростёртых на земле. Скажу тебе честно, я испугался. Я никогда не видел такой ярости. Он забил их до смерти, София. А потом, равнодушно отбросив кнут гиганту, вернулся назад. Я побоялся спросить что-то у Томаса, который, кстати сказать, всё время, что длилось истязание бедных рабов, не сдвинулся с места, продолжая равнодушно тасовать карты. Я сейчас пишу это, а у самого мурашки по коже. Он действительно заставил себя бояться.

2 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Ночь спал очень плохо. Вздрагивал от каждого звука. Впервые пришла на ум мысль, что мне стоит поскорее завершить свою работу и возвращаться домой. Кинг с утра был весел, остроумно шутил и ничем не напоминал о вчерашнем происшествии. А мне неприятно находиться с ним в одном помещении. С трудом смог перебороть неприязнь и вести себя непринуждённо.

15 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Перечитал предыдущие записи. Знаешь, София, по прошествии времени случай с избиением рабов уже не кажется мне таким страшным. Кинг объяснил, что это были воры, пытавшиеся украсть у него деньги. Мне кажется, что владелец такой большой плантации обязан поддерживать порядок и не делать поблажек никому. Воровство должно быть строго наказано, иначе сотни рабов начнут вести себя так же, а это будет крах всей плантации, всего дела, на которое положено столько сил и денег.

22 февраля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Сегодня я впервые объезжал плантацию с Томасом. Она воистину огромна. Деревья гевеи тянутся ввысь, сотни рабов ходят меж стволов, разрезая кору, подставляя сосуды под тягучий сок, который здесь не стоит ничего, а за пределами плантации обратится в золото. Я даже представить себе не мог, сколько на самом деле людей трудится здесь. Их тысячи. Я спросил у Томаса, кто был тот гигант. Он нахмурился и поначалу отвечать не хотел, но я настаивал. В итоге он сдался и всё мне рассказал. Гиганта-негра зовут Саиб, он нубиец и лучший надсмотрщик за рабами, который есть у Кинга. Он безжалостен и беспощаден. А ещё верный, как пёс. Кинг спас его, выкупив на невольничьем рынке, где тот стоял на потеху толпе голый и каждый мог кинуть в него камень, чтобы проверить его силу и выносливость. Хозяин хотел показать, что нубийцы- самые лучшие работники и умирают позже остальных. Кинг купил его полуживым, выходил и поставил надзирать за рабами. Томас говорит, что Саиб жизнь готов отдать за хозяина. Знаешь, София, в Кинге собрано столько противоречий, что это заводит меня в тупик. То он великодушный друг и хозяин, то хладнокровный убийца. Не знаю, хочу ли я выяснить, каков он на самом деле...

17 апреля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Как бы я ни пытался уверить себя, что убийство рабов оправдано, неприятный осадок остался. Я начал замечать то, что ранее казалось мне незначимым и не достойным внимания. Например, что все рабы в доме- мужчины. Не знаю почему, ведь на плантациях я видел немало женщин. Или то, что они периодически меняются. Куда они исчезают? Вчера спросил у Томаса, в ответ тот лишь печально улыбнулся и покачал головой. Но даже не это настораживает меня всё сильнее. Я нашёл несоответствия в количестве рабов на плантации, их смертью и приобретением новых. Их явно больше, но ведь они не могут умирать в таком количестве! Попытаюсь во всём этом разобраться, хотя мой инстинкт самосохранения буквально кричит о том, что лезть туда не стоит.

2 июля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Здравствуй, мой ангел, моя любимая София. Как давно я просто не говорил с тобой, не обращался к тебе даже в мыслях. Как вы там, мои девочки? Луиза наверняка так выросла, что я её не узнаю... Сегодня мне очень грустно. Я как никогда чувствую свою оторванность от вас, мои дорогие.

Моё расследование зашло в тупик. Я отчётливо понимаю, что люди умирают на плантации «Санрайз» непрерывно.

28 октября 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Правда, открывшаяся мне, столь ужасна и опасна, что даже думать о ней страшно, не то что знать. Разбираясь в очередной кипе корреспонденции, я наткнулся на знакомое имя. Кто-то в Англии имел дела с Кингом, и это меня чрезвычайно заинтересовало. Письмо было открыто, и я прочитал его. К добру ли, к худу ли, судить поздно.

Речь в нём шла о крупной партии алмазов, которые англичанин должен был получить. Алмазы. Вот в чём дело. Каучук несомненно приносит прибыль, но основной доход- алмазы. Добыча их в Бразилии строго регламентируется, и я подозреваю, что Кинг ворует их у короля. Неужели Томас тоже в этом замешан?

18 ноября 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

С каждым днём я нахожу всё больше и больше доказательств того, что Кинг- преступник. На самом деле плантация «Санрайз»- это прикрытие незаконной деятельности. Где-то в глубине бразильских джунглей находятся копи, в которых ведутся разработки. Там, в бесчеловечных условиях гибнут люди, и всем вокруг на это наплевать. Я слышал два дня

назад разговор Саиба с одним из слуг. Он грозил, что отправит его на рудник в случае неповиновения. В чём именно он должен повиноваться? Так много загадок. Меня не отпускает чувство, что я залез не в своё дело, причём очень глубоко. Мне надо бежать отсюда, бежать как можно скорее. На мои осторожные упоминания о том, что контракт подошёл к концу, Кинг лишь отшучивается. Кажется, он начинает что-то подозревать. Помогите мне, Господи, вновь обрести семью, увидеть вас, мои любимые девочки.

19 декабря 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия.

Я был прав, моя дорогая. Я был прав во всём. Кинг- бездушное чудовище, которое не только отправляет сотни людей на смерть, не только ворует у Португалии алмазы. Он получает удовольствие, убивая людей. На его глазах их мучают, пытаются, иногда режут на части. Не знаю, зачем пишу всё это, просто хочу выговориться, скорее всего. Об этой страсти Кинга мне рассказал Томас. Он же пообещал помочь мне с побегом. Мы покинем плантацию в канун нового года. Кинг как раз собирается посетить губернатора в его поместье. Идеальное время для побега. Томас пообещал подготовить всё. Не понимаю, зачем он это делает? Ведь Кинг спас его. Что ж, каждый имеет право на тайны. Тайны Томаса я узнавать не буду.

13 марта 1794 г. Борт «Императора Карла», Атлантический океан.

Не верю, что снова могу писать. Мой ангел, я еду к вам. Страшно вспоминать наше лихорадочное бегство по джунглям. Я был ранен и несколько недель пролежал в Белене, в самых гнусных его фавелах. Со мной неотлучно находился Том, я никогда не смогу отплатить ему за то, что он для меня сделал... Люди Кинга искали нас почти два месяца, но в конце концов смирились и ушли- видимо, решили, что мы уплыли или же сгнули в джунглях. На память о полутора годах, проведенных на плантации «Санрайз», я унёс пулевое ранение и опасное знание о том, что в английском правительстве наживаются на контрабанде алмазов. Есть у меня ещё небольшой подарок, который преподнёс мне Томас. Мы расстались с ним в порту Белена, он сел на корабль, уходящий в Соединённые Штаты. Увижу ли я когда-нибудь его, моего друга, что спас мне жизнь? Не знаю. Зато совсем скоро я увижу вас, мои любимые девочки. И я очень счастлив, что всё наконец закончилось!

Бережно сложив письма, Луиза внимательно присмотрелась к бумаге, отмечая на ранних записках не замеченные ранее водянистые разводы. Удивительная история отца повергла ее в состояние, близкое к шоку. Она словно посмотрела на любимого, спокойного и уравновешенного лорда Грейстока с совершенно другой стороны. То, через что ему пришлось пройти, ставило его на один уровень с непревзойденными героями сэра Вальтера Скотта. Её всегда невозмутимый отец, оказывается, пережил такие невероятные и опасные приключения! И Томас Уоррингтон... Значит, они познакомились ещё тогда, на плантации. Но почему же в их семье ни разу не упоминался тот, кто спас жизнь графу?!

Шестая глава

Открытый океан раскинулся перед путешественниками, сияя всеми оттенками синего. Дул ровный восточный ветер, и корабль, легонько поскрипывая парусами, бежал вперёд, оставляя после себя след белоснежной пены. Прячась от лучей утреннего солнца под широкополой соломенной шляпой, Луиза с удовольствием подставляла лицо свежему ветерку. Миссис Пинс наконец полегчало, и теперь она высокой скорбной тенью повсюду следовала за своей подопечной, вздыхая и то и дело поднося сильно надушенный платок к носу.

— А вот и он, океан во всей своей красе! — Франческа выпорхнула на палубу, как тропическая бабочка, переливаясь всеми оттенками изумрудно-зелёного. Миссис Пинс неодобрительно окинула взглядом голые руки леди Бишоп и демонстративно фыркнула.

— О, миссис Пинс опять чем-то недовольна, — безмятежно улыбнулась Франческа, беря под руку Луизу. — Надеюсь, это не колики?

Луиза с трудом сдержала смех, крепко сжав губы. Прогулки по палубе были одним из немногих развлечений, которые были доступны здесь женщинам. И компаньонка стойчески переносила их, наотрез отказываясь оставлять молодую графиню Грейсток наедине с «этой ужасной, распущенной женщиной». Франческа, впрочем, совершенно не огорчалась, остротами отбиваясь от чопорных взглядов и вздохов миссис Пинс.

— Знаешь, моя дорогая, я впервые жалею, что нам так долго плыть- мне не терпится познакомиться тебя со всеми нашими соседями.

— А их много? — заинтересованно спросила Луиза.

— Иногда мне кажется, что чересчур, — усмехнулась леди Бишоп. — Но если сравнивать с лондонским светом, то, конечно, наше общество едва ли походит на него. Несколько женатых пар, два полковника в отставке и трое одиноких мужчин, один из которых с твоим приездом таковым являться перестанет.

— Если честно, мне не терпится увидеть Новый Орлеан... — Луиза мечтательно прикрыла глаза. — Я никогда не была во Франции, а ведь город ещё недавно принадлежал французам...

— Да, Наполеон, конечно, сделал большую ошибку, продав земли Америке. — Франческа послала ослепительную улыбку появившемуся на мостике старшему помощнику. Тот, заметив её, расправил плечи и приветственно кивнул. — Я родилась и выросла в Луизиане, мои родители покинули Францию в середине прошлого века.

— Так вы коренная американка! — воскликнула Луиза. Миссис Пинс, стоявшая неподалёку, вздрогнула и попыталась прислушаться.

— Креолка, — мягко поправила её Франческа. — Так у нас называют потомков европейских переселенцев. А вот муж мой- англичанин, приехавший в Луизиану по делам, да так там и оставшийся. Иногда он кажется мне настолько сухим, что хочется кинуть его в болото и не выпускать, пока он не размякнет. Кстати, миссис Пинс напоминает мне его, из них вышла бы отличная пара! — В голосе леди Бишоп Луиза расслышала неподдельную горечь, но Франческа уже безмятежно улыбалась, глядя на горизонт.

— Я люблю наш город, — продолжила она после короткой паузы. — Жаль только, бывать в нём приходится редко. Дела на плантации и поездки отнимают почти всё время.

— А как далеко от вашей плантации до Нового Орлеана? — с любопытством спросила

Луиза.

— Шесть часов, — пожалала плечами Франческа.

— О, это не очень далеко. — Луиза вспомнила поместье Грейстоков, которое находилось в трёх днях езды. Но ведь в Лондоне у них был городской дом, в котором они жили с сентября по май.

— Плантация Уоррингтона находится ещё дальше, — улыбнулась Франческа. — Мы разбросаны по всей Луизиане, как кости на игральном столе. Кто-то дальше, кто-то ближе. Кто-то владеет отличными полями, а кто-то довольствуется клочками земли среди болот...

— Вы выращиваете сахарный тростник? — Луиза боялась заводить разговор о рабах, хотя, к стыду своему, эта тема интересовала девушку больше всего.

— И жгучий перец, и сахарную свёклу. А на западе штата растёт хлопок. У нас для него слишком влажный климат, а жаль. Он стоит намного дороже, чем сахар. — Франческа прикусила нижнюю губу, подсчитывая что-то в уме.

— И много у вас рабов? — набралась наконец смелости спросить Луиза.

— Три тысячи, или что-то около того, — небрежно пожалала плечами Франческа. — Подсчёты ведёт муж, я не вникаю в его дела. Денег на обучение сына в Англии и на гувернантку-француженку для дочери у нас хватает. Через три года пора выводить её в свет, а я уже начала готовиться. Знала бы ты, как дорого в Америке обходится то, на что в Англии даже не обращают внимания! Сейчас я везу с собой кружева и чулки. Да-да, чулки! Можешь себе представить, что тонкий шёлк в Луизиане не сыскать, будь ты хоть жена губернатора!

— Значит, вы даже не знаете, сколько у вас рабов? — продолжила гнуть своё Луиза.

— А зачем? — настала очередь Франчески удивляться. — Дорогая моя, что даст мне это знание? Рабы приносят доход, мы заботимся о них, кормим, одеваем. Мы не жестоки с ними, и они вполне счастливы. Не понимаю, почему я должна знать их точное количество, ведь смертность среди них велика, как бы мы не пытались их лечить и следить за ними. В болотах водятся крокодилы, в лесах полно змей. Да и просто физический труд не каждому под силу... — Креолка фыркнула:— Ты так интересуешься ими, что я могу решить, будто ты одна из тех, кто ратует за отмену рабства...

— А такие есть? — Луиза округлила глаза.

— Муж упоминал пару раз о разговорах, что ведутся в Вашингтоне. Но не думаю, что под ними есть какие-то основания. Впрочем, не будем об этом. Смотри, к нам идёт капитан!

Вечером в каюте Луиза вернулась к разговору с креолкой. Франческа казалась ей цивилизованной и образованной женщиной, и то, с каким пренебрежением она говорила о рабстве, оставило в душе неприятный осадок. Хотя мистер Уоррингтон тоже владел плантацией, а он, судя по запискам отца, был прекрасным человеком... Тяжело вздохнув, Луиза забралась в кровать и укуталась в одеяло. Какая она, эта таинственная Америка?

Многоголосый гомон из порта долетал даже до корабля, только начавшего входить в гавань. Луиза и миссис Пинс стояли на палубе, жадно вглядываясь в открывавшуюся картину. Город расположился вдоль берега широкой реки, несшей свои мутно-коричневый воды в прозрачный Мексиканский залив. Поднимаясь по дельте Миссисипи, корабль медленно приближался к берегу. Порт пестрел судами, стоявшими на рейде. Между ними сновали мелкие лодки, и торговцы предлагали купить табак и фрукты.

— О, меня уже ждут! — радостно воскликнула Франческа, помахав рукой многоцветной толпе. Тут же в ответ раздалось ответное приветствие- высокий негр в ливрее поднялся на козлах и яростно размахивал шляпой.

— Генри опять заставил его надеть форму. — Леди Бишоп повернулась к Луизе:— Ему кажется, что негры должны выезжать из плантации в ливреях, будто мы- дворяне титулованные! — Она фыркнула, но Луиза расслышала нотки гордости в ее голосе. Сама девушка вглядывалась в кишачую людьми пристань, пытаясь угадать, какая из многочисленных колясок ждёт её.

Зазвенела якорная цепь, и корабль вздрогнул всем корпусом, замирая. Матросы закрепляли трапы и выносили багаж на палубу. Луиза вцепилась в небольшой дорожный ридикюль, пытаясь унять волнение и дрожь. После корабля на твёрдой земле её слегка покачивало. Рядом миссис Пинс вполголоса возносила хвалы Богу, что добралась до края света живая и невредимая.

— Леди Грейсток? — Едва чемоданы опустились на землю рядом с девушкой, как возле нее возник улыбающийся мужчина. Невысокий и полноватый, с блестящей от пота лысиной, он дружелюбно смотрел на дам. Луиза приветливо улыбнулась в ответ, чувствуя, как с души с грохотом скатывается огромный камень. Мистер Уоррингтон выглядел в точности так, как ей и представлялось.

— Мистер Уоррингтон, я бесконечно признательна вам, что нашли время встретиться. — Луиза протянула руку, затянутую в дорожную лайковую перчатку, и мистер Уоррингтон любезно к ней приложился.

— Смею надеяться, мы отправимся в путь не раньше, чем отдохнём, — поговорила миссис Пинс, одобрительно оглядывая плантатора с ног до головы. — Это плавание выпило из меня все соки.

— Мне кажется, все соки из вас выпили задолго до плавания... — Возникшая из ниоткуда Франческа остановилась за спиной миссис Пинс. Компаньонка сжала губы так плотно, что они побелели. — Мистер Свенсон! Как я рада вас видеть! Ни минуты не сомневалась, что встречу вас здесь!

— Мистер Свенсон? — Луиза растерянно смотрела на встретившего их мужчину. Тот виновато улыбнулся и развёл руками:— Простите, я не успел вам сказать. Мистер Уоррингтон не смог приехать лично и прислал меня. Дела на плантации, знаете ли.

— Крайне невежливо с его стороны, — процедила миссис Пинс, отметив для себя, что мистер Уоррингтон — деловой человек, а это качество считалось компаньонкой чрезвычайно неприличным. Настоящий джентльмен не умеет зарабатывать деньги, это знают все. На это у него есть управляющие! Фыркнув для пущего эффекта, она воинственно посмотрела на съездившегося под её взглядом мистера Свенсона.

— Простите, — снова извинился мужчина и перевёл взгляд на Луизу. — Боюсь, времени отдохнуть у нас нет. Если мы хотим успеть до темноты, следует выезжать немедленно.

— Я так и знала! — воскликнула миссис Пинс, будто это подтвердило её самые худшие опасения об опекуне и его воспитании. С видом глубочайшего неудовольствия она расправила плечи и грозно посмотрела на мистера Свенсона, собираясь следовать к коляске. Большую часть дороги она просидела в углу, изредка закатывая глаза, когда колесо наезжало на очередную кочку.

— А кем вы приходите мистеру Уоррингтону? — любопытствовала Луиза, пока багаж грузили на повозку, которую предусмотрительно взял с собой Свенсон.

— О, я его управляющий, — охотно ответил Свенсон. — И бухгалтер, если угодно.

— Послать за нами бухгалтера! — донеслось со стороны миссис Пинс. — Неслыханно!

— Мистер Уоррингтон часто объезжает плантацию и старается следить за всем лично. — Мистер Свенсон помог Луизе подняться в коляску. Миссис Пинс с видом оскорблённого величия протянула ему свою руку. Запрыгнув следом, управляющий крикнул кучеру, и коляска принялась осторожно выбираться из толпы.

Первое время Луизе было не до разговоров- она во все глаза смотрела по сторонам, впитывая яркое многообразие, что окружило её. Люди всевозможных, казалось, оттенков кожи спешили куда-то, смеялись, пели песни, говорили. Куда-то торопились всадники и кареты, разъезжали ярко разодетые дамы, и громко кричали дети. Дома, красные, белые, жёлтые, синие, украшали округлые французские балкончики, с которых свешивались цветущие лианы. А ещё Луиза никогда не видела столько негров, собранных в одном месте. И здесь, кажется, никто не придавал этому значения. На них не обращали внимания.

— Новый Орлеан- мультикультурный город, — видя заинтересованность девушки, принялся объяснять Свенсон. — Я бы назвал его новым Вавилоном, если позволите. Здесь собраны практически все национальности мира! Спросите о любых- они здесь есть!

— Португальцы! — загорелась Луиза.

— Есть!

— Французы!

— Полно!

— Немцы!

— Целая община!

— Испанцы! Нет, итальянцы!

— И они есть!

— Сдаюсь, — Луиза со смехом подняла руки. — Подозреваю, что здесь действительно собран весь мир!

— Шесть лет назад Наполеон продал Луизиану американцам, и с тех пор город постигли изменения, — продолжил Свенсон. — Вырос порт, в город потянулись предприниматели и люди разнообразных профессий. — Миссис Пинс громко фыркнула и пробормотала: «Город торговцев, было бы чем гордиться!». -Однако протестантская церковь пытается повлиять на слишком свободные нравы, а местным жителям это не нравится, — протянул мистер Свенсон, показывая глазами на нескольких монашек, яростно выкрикивающих что-то трем хохочущим девушкам, свешивающимся с кованого балкончика. — Какого вы вероисповедания? — спросил вдруг Свенсон.

— Католичка, — моргнула Луиза. — У меня мама- французенка.

Управляющий довольно кивнул и принялся рассказывать дальше. Коляска выехала на мост, перекинутый через широкую реку.

— Миссисипи, — в ответ на её невысказанный вопрос ответил мистер Свенсон. — Она здесь делает петлю. Скоро мы выедем за город.

Новый Орлеан действительно вскоре остался за спиной, а впереди легли влажные субтропические леса. Воздух сгустился, в нём зазвенела незаметная в городе мошкара. Меж деревьев тут и там мелькали ядовито-зелёные бочаги болот, а мохнатый серебряный мох кутал высокие деревья в шали. Луиза замолчала, с интересом разглядывая природу вокруг. Миссис Пинс задремала, вскоре к ней присоединился и мистер Свенсон. Коляску мерно покачивало на дороге. Изредка она выныривала на яркие солнечные лужайки, но в основном дорогу обступали мрачные и серые заросли, в которых то и дело что-то вздрагивало и шевелилось. Небо затянуло серыми облаками, и кучер остановил коляску, спрыгивая с козел

и натягивая над пассажирами кожаную крышу. Луиза вздрогнула, глядя на высокого чернокожего мужчину, со сноровкой развязывающего полог. Он блеснул яркими белками глаз, хитро улыбнулся и ловко запрыгнул обратно. Коляска снова покатила по дороге, и спустя пару минут по пологу застучали первые капли. Под их мерный стук измученная обилием впечатлений Луиза погрузилась в сон.

Проснувшись она от чьих-то голосов и недоуменно огляделась, пытаясь понять, где находится. Дождь давно перестал, и коляску окутали мягкие сиреневые сумерки. Воздух был наполнен ароматом неизвестных Луизе цветов. По краям дороги стояли рабы, то и дело выкрикивавшие что-то кучеру на странном гортанном языке. Кучер, смеясь, отвечал им. Леса отступили, вокруг, на сколько хватало глаз, тянулись поля высокого тростника, а впереди, в стремительно сгущающихся сумерках чернело поместье.

— Смотрите, это «Магдалена», — в голосе Свенсона слышалась гордость. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее стучало сердце Луизы. Огромные дубы подпирали небо, угольными тенями выделяясь на сером небе. Дорога вилась между ними, ведя прямо к большому белоснежному дому, погружённому во тьму.

— Нас точно ждут? — с беспокойством спросила Луиза, оборачиваясь к Свенсону.

— О, конечно, не сомневайтесь! — улыбнулся управляющий. — Видимо, мистер Уоррингтон ещё не приехал, поэтому огни в комнатах не зажигают.

— Он ещё и скряга, оказывается, — пробормотала проснувшаяся миссис Пинс.

— Свет привлекает насекомых, мэм, — уязвлено ответил мистер Свенсон, явно обидевшийся за несправедливое обвинение хозяина поместья. Компаньонка скосила глаза на нахохлившегося мужчину, но ничего не сказала. Коляска сделала широкий круг и остановилась у белоснежной лестницы, у подножия которой стояло несколько слуг.

— Смотрите, слуги вышли встречать вас. — Свенсон спрыгнул с коляски с несвойственной для его комплекции живостью и протянул руку Луизе, а затем и миссис Пинс. Чернокожие слуги окружили вновь прибывших, блистая белозубыми улыбками на тёмных лицах.

— Какая хорошенькая!

— Давно пора вдохнуть жизнь в этот дом!

— Вы такая тоненькая, аж страшно!

— Оставьте девочку в покое, с дороги ведь, устала небось! — Высокая полная негритянка в белоснежном чепце и тёмно-синем платье растолкала собравшихся слуг и подошла к ошалевшим от такого неожиданного внимания путешественницам.

— Пройдёте в дом, мэм, там давно вас комнаты ожидают. И ванны, конечно, куда ж без этого! Ишь, облепили, как осы арбуз! А ну за работу быстро! И ты, масса Свенсон, уж должен был бы догадаться! Взрослый мужчина, ай-ай-ай!

Миссис Пинс с интересом смотрела на негритянку, важно поднимавшуюся по ступеням. Один её вид внушал глубочайшее уважение. А то, как она разогнала слуг, так и вовсе пробудило в сердце пожилой леди глубокую симпатию.

— Я ведь не представилась, — спохватилась женщина, обернувшись в самых дверях. — Адеола. Я управляю слугами в этом доме. А вы, должно быть, леди Грейсток. — Адеола повернулась к Луизе, и та поспешно кивнула. — А вы- компаньонка?

— Миссис Пинс, — представилась та.

— И правильно, негоже молодой леди самой путешествовать, да ещё и так далеко. — Адеола вошла в дом. Миссис Пинс прошла следом, то и дело кивая, будто соглашаясь с

каждым словом негритянки.

Дом, погружённый во тьму, казался огромным и мрачным. Запалив свечу, Адеола принялась подниматься по широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

— Мы тут свет лишний раз не зажигаем. Москиты налетают да мошкара всякая. Да и экономия опять же. — Она повернулась к миссис Пинс, будто ища поддержки, и та с готовностью кивнула. Понять бережливость экономки она как раз-таки могла.

***

Горячая ванна стояла прямо посередине комнаты, зазывая ароматным паром. Пока Адеола зажигала свечи в канделябрах, Луиза разглядывала комнату, в которой ей предстояло жить. Кровать стояла на возвышении (чтобы еноты не пробрались, как сказала Адеола), укрытая густой сеткой, спускавшейся с потолка (от москитов, опять же поведала экономка). Плетёные сундуки стояли вдоль широких окон, сейчас прикрытых. Небольшой туалетный столик, шкаф да дверь, ведущая в отхожее место. Комната, после каюты на корабле и тряски в коляске, показалась графине верхом комфорта.

Едва дверь за экономкой и миссис Пинс закрылась, как Луиза развязала ленты на шляпке и стянула её, бросая в одно из плетёных кресел. Перчатки полетели туда же, и девушка с блаженным вздохом запустила руки в волосы, стянутые тугой причёской. В дверь тихо постучали, и практически сразу внутрь просунулась любопытная голова.

— Я Зэмба, мэм, буду вам помогать. — В комнату юркнула худенькая темнокожая девушка в оранжевом платье и небрежно нахлобученном на голову чепце. Стараясь не задумываться об общей невоспитанности слуг, Луиза благодарно повернулась к девушке спиной, открывая ей доступ к многочисленным крючкам на платье.

— Ох, мэм, как же вы ходите-то в этом! — охнула Зэмба, едва верхнее платье опустилось на пол. Уставившись на корсет, плотно облегающий тело, служанка обошла Луизу по кругу, цокая и качая головой. Луиза же, опешив от такой бесцеремонности, попросту потеряла дар речи. Вспомнив наконец о своих обязанностях, Зэмба принялась расшнуровывать корсет, не уставая бормотать что-то на своём языке. Но вскоре Луиза позабыла обо всём, стоило ей погрузиться в тёплую воду, пахнущую мятой и лимоном. Каждую клеточку ломило от усталости, а глаза закрывались сами собой. Она лениво поворачивала голову, пока Зэмба мыла её волосы, и откидывалась на колени, позволяя служанке натереть ей спину. Казалось, если бы не служанка, она давно бы соскользнула в воду и уснула на дне большой медной ванны. Мерный плеск воды и тихий напев Зэмбы убаюкивал, и Луиза, видимо, всё же уснула, потому что крик служанки заставил её испуганно распахнуть глаза.

— Масса приехал! Масса Том приехал!

— Масса Том! Масса Том приехал! — Зэмба радостно кричала, выглядывая из окна. Луиза вздрогнула- вода уже успела остыть. Странно, что Адеола не сказала, когда будет ужин, хотя чего тут странного- вероятно, всё поместье здесь жило по времени, которое устанавливал его хозяин. А сам он, судя по всему, никакого представления о распорядке не имел. Поднявшись из ванны, Луиза потянулась за простынёй, но достать её не получилось.

— Зэмба! Дай мне простыню! — пришлось прикрикнуть на восторженную служанку, не сводящую глаз со двора. С неохотой оторвавшись, Зэмба протянула Луизе ткань и помогла вылезти. — Подай голубое платье с кружевами. Оно должно лежать вон в том сундуке. — Луиза оглянулась, пытаясь вспомнить, в какие сундуки и что укладывали.

Пока она купалась, все вещи подняли наверх, но начать их распаковывать Зэмба явно не додумалась. Тяжело вздохнув, графиня полезла в сундук и принялась извлекать наряды под восторженные вздохи служанки, попутно объясняя, как надо развесить платья и как их завтра следует отгладить. Жёлтое платье из тонкого муслина подходило для жаркого вечера как нельзя кстати. Да и в глажке почти не нуждалось. Придётся понадеяться, что мистер Уоррингтон не заметит складки на подоле.

Влажные волосы Зэмба шустро собрала в высокую причёску, вызвав вздох облегчения у Луизы. Графиня боялась, что и с волосами ей придётся управляться самой. Тонкие кружевные перчатки дополнили наряд, и Луиза удовлетворённо оглядела себя в зеркале. Для путешественницы, только утром сошедшей с корабля, она выглядела очень даже мило. Кивнув себе, девушка посмотрела на Зэмбу и глазами указала на сундуки. Изнывавшая от любопытства служанка тяжело вздохнула, всем своим видом показывая, как несправедлива судьба и как сильно она хотела присутствовать на первой встрече хозяина и его подопечной. В коридоре уже ждала миссис Пинс, бросавшая тревожные взгляды на комнату Луизы.

— О, Лоиз, как я рада, что вы уже готовы. — Компаньонка заметно нервничала и явно чувствовала себя не в своей тарелке. — Адеола рассказала мне, как пройти в столовую, но я боюсь идти одна. И вам бы не советовала. Здесь за каждым углом полно негров! Боюсь, мои нервы не выдержат этого испытания! Бедный мистер Пинс, вероятно, переживает не меньше, наблюдая с мягкого облака за своей несчастной женой! — И она тоненько всхлипнула, подходя к дубовой лестнице.

Сама Луиза испытывала схожие чувства, но боялась показать свой страх. Сердце билось где-то высоко в горле, а руки сотрясала мелкая противная дрожь.

С приходом хозяина поместье действительно осветилось и теперь выглядело гораздо дружелюбнее и уютнее. В высоких напольных канделябрах горели толстые восковые свечи, а рядом неизменно тлели ароматические палочки, наполняя дом сладким цветочным ароматом. В столовой уже стоял накрытый стол, вокруг которого нервно прохаживался мистер Свенсон. Завидев дам, он расплылся в улыбке:

— Как я рад вас видеть!

— А к ужину так и не переоделись, — проскрипела миссис Пинс, безжалостно глядя на пятна пота под мышками управляющего. Тот покраснел и опустил руки.

— Не было времени, к моему глубочайшему сожалению, — пробормотал Свенсон. — Обещаю впредь не повторять этой ошибки.

— Да уж постарайтесь, — высокомерно задрав подбородок, миссис Пинс прошла к окну

и выглянула, словно увидела что-то безумно интересное в чернильной темноте.

Луиза смотрела на стол, удивляясь его сервировке: богатые серебряные блюда здесь перемежались с тонким фарфором, а стекло соседствовало с хрусталем. Управление в доме и в самом деле было поставлено из рук вон плохо. Ну что ж, она обязательно возьмёт всё в свои руки! За спиной послышались быстрые шаги, и Луиза замерла, прислушиваясь. Они не походили на шаги, принадлежавшие болящему подагрой джентльмену. Приближаясь, они всё больше напоминали бодрый шаг военных, коих немало повидала на балу молодая графиня.

— Прошу простить за моё вынужденное отсутствие, — мягкий бархатный баритон звучал с неподдельным раскаянием. — Увы, некоторые дела требуют моего постоянного присутствия. Леди Грейсток?

Глубоко вздохнув, Луиза резко повернулась и замерла, жадно разглядывая своего опекуна, человека, от которого теперь зависела вся её жизнь. Высокий, выше её отца. Глаза смеющиеся. Ярко-голубые, кажется. Или всё-таки серые? Заострённые скулы, тёмно-русая прядь волнистых волос упала на лицо, загорелое и обветренное. А улыбка такая широкая и открытая, что хочется безостановочно улыбаться в ответ. Протянув руку, она несмело улыбнулась.

— Вы и впрямь не похожи на Джона, — тихо сказал мистер Уоррингтон, невесомо касаясь её руки губами. — Вот только волосы, как у него. — Он прищурился и вдруг улыбнулся ещё шире: — И веснушки.

Луиза вспыхнула и опустила глаза. Упоминание о веснушках было явно излишним. Она их попросту ненавидела. Смущение улеглось, пока они рассаживались. Мистер Уоррингтон завёл непринуждённый разговор с миссис Пинс, которую, похоже, его улыбка ничуть не смутила. Она забрасывала опекуна вопросами, пытаясь выяснить, как часто он отлучается и как будет поступать теперь, когда на его попечении находится незамужняя девица.

— Полагаю, для решения большинства этих вопросов здесь находитесь вы, не так ли? — Томас потянулся к блюду с подливой, и миссис Пинс поморщилась. Луизе показалось, что она может прочесть приговор, что вынесла компаньонка мистеру Уоррингтону, на её лице. Невоспитанный. Определённо невоспитанный.

— Так вы всё это время жили в Англии? — Уоррингтон, казалось, потерял к подопечной интерес и принялся за еду, и повисшее в воздухе молчание попытался разбавить мистер Свенсон.

— Да, с отцом, — с готовностью ответила Луиза. — Мама умерла.

— Примите мои соболезнования, — смутился управляющий.

— Спасибо, но это было очень давно, — мягко улыбнулась девушка. — Мне было десять, когда её не стало.

В столовой снова повисло молчание, прерываемое бодрым стуком приборов о фарфор — мистер Уоррингтон явно не жаловался на отсутствие аппетита. А вот Луиза так разнервничалась, что теперь не могла заставить себя проглотить и кусочек.

— А другие родственники у вас есть? — сделал ещё одну попытку завязать разговор мистер Свенсон.

— Да, бабушка.

— Но почему же тогда вы не остались с ней? — удивлённо воскликнул управляющий и покосился на безмятежно жующего Томаса.

— Так решил мой отец, — пожала плечами Луиза.

— А вы всегда были послушной девочкой, не так ли? — произнёс мистер Уоррингтон, пронзая её насмешливым взглядом ярко-голубых глаз.

— Всегда, — кротко кивнула Луиза, оставив без внимания выпад. — Я привыкла почитать старших. Однако к вам у меня будет несколько вопросов и одна просьба. Я надеюсь, вы пойдёте мне навстречу и исполните её.

— Леди не успела появиться в доме, а уже что-то требует, — хмыкнул Томас, промокнул губы салфеткой и бросил её на стол. — Что ж, если вы не голодны, может, перейдём в кабинет? Там вы сможете изложить свою просьбу, а я посмотрю, что могу для вас сделать.

С этими словами он кивнул миссис Пинс, поднялся из-за стола и стремительно покинул комнату. Луиза беспомощно посмотрела на управляющего, но тот лишь со вздохом пожал плечами и вернулся к ужину.

Кабинет Томаса Уоррингтона занимал, казалось, самую большую комнату в доме. По крайней мере, из всех, что успела увидеть Луиза. Огромный письменный стол поражал безупречной чистотой и порядком. Из распахнутых окон доносились звуки странной музыки, большей похожей на чьё-то дыхание. То прерывистое, то глубокое и спокойное.

— Там-тамы, африканские барабаны, — в ответ на её вопросительный взгляд пояснил Томас, останавливаясь у небольшого столика с графинами. Плеснув виски в стакан, он отошёл к столу и приглашающее указал на кресло.

— А мне выпить вы не предложите? — смело спросила девушка.

— А вам не слишком рано? — осведомился опекун, вытягивая длинные ноги в высоких сапогах для верховой езды, которые он так и не переделал, когда приехал.

— Мне уже восемнадцать! — возразила Луиза, обиженная тем, что Уоррингтон явно считает её ребёнком.

— О, вы правы, действительно уже можно! — шутливо извинился Томас и поднялся с кресла. — Что вам предложить? Бренди? Есть шерри, его особенно любят местные дамы. Или, может, виски?

— Шерри, — смутилась Луиза, принимая бокал из его рук. На самом деле, крепче шампанского и вина, разбавленного водой, она ещё ничего не пила, но желание доказать опекуну, что она уже взрослая, пересилило доводы разума. Осторожно пригубив напиток, Луиза прислушалась к ощущениям. Приторно-сладкое вишнёвое тепло разлилось по нёбу и покатило дальше, в горло, заставляя приоткрыть рот, опасаясь, как бы из него не вырвался огонь.

— Итак, теперь вы поведаете мне о своей просьбе, мисс Грейсток? — Удобно расположившись в кресле, Уоррингтон поглядывал на собеседницу через стакан. — Правда, сразу спешу огорчить- с нарядами у нас туго, приходится заказывать из Парижа. Англия не балует нас своими товарами с тех пор, как мы стали принадлежать Штатам.

— Мне не нужны платья! — возмутилась Луиза.

— Я не знаю, что ещё нужно девушкам вашего возраста, — развёл руками Томас. — Украшения? Лошади? Развлечения?

— У вас есть приют? — выпалила Луиза прежде, чем успела подумать. Сознание того, что опекун считает её ветреной девицей, которой только и нужно, что веселиться, больно укололо.

— Приют? — пришло время удивиться Уоррингтону. — Не думаю. Едва ли. А зачем он вам?

— Помогать больным и бедным, — ответила Луиза.

— Значит, вы любите помогать бедным. — Улыбка на лице Томаса застыла, превращаясь в маску, а глаза, прежде излучавшие тепло, теперь смотрели зло и холодно. — Мне приходилось видеть дам, что любят ходить по приютам... Собственно говоря, чему я удивляюсь? Ведь откуда-то они же должны братья...

— Простите? — не поняла Луиза.

— Не обращайтесь внимания, — качнул головой опекун. — Это- ваша просьба?

— На самом деле нет. — Луиза вздохнула и посмотрела на мистера Уоррингтона. — Я бы хотела вернуться в Англию в будущем году. Если это возможно. С вами.

— К чему вам я?

— Есть один джентльмен, — она замялась. — В общем, он собирается сделать мне предложение...

— Всё ещё не понимаю, к чему вам моё присутствие.

— Как опекун только вы можете дать ему свое согласие на наш брак. К тому же я бы хотела видеть вас на свадьбе...

— Мда-а, натворил Джонатан дел... — протянул Томас, откидываясь на спинку кресла. — Если бы не его завещание, как я понимаю, вы бы вышли замуж уже сейчас?

— Д-да, то есть нет, конечно, — поспешила ответить Луиза. — После смерти отца должен пройти год. Мы никому не сказали, что я уехала сюда. Для всех я отправилась в путешествие по Европе. А через год мы вернёмся, и вы выдадите меня замуж.

— Звучит заманчиво, — тонко усмехнулся Уоррингтон. — Не поймите меня превратно, я вовсе не мечтаю избавиться от вас... — поспешил он заверить девушку, видя её обиженный взгляд. — Просто для меня это стало полнейшей неожиданностью. И я, к своему стыду, действительно не знаю, какие у меня теперь обязанности по отношению к вам.

— О, не волнуйтесь, я помогу вам разобраться во всех тонкостях! — великодушно вымолвила Луиза. Наконец она могла выдохнуть и расслабиться, чувствуя непередаваемую лёгкость и всепоглощающую любовь к своему опекуну. Что-то назойливо звучало в её голове, настойчиво стучась в виски. Луиза поморщилась, пытаясь вспомнить, что ещё она хотела рассказать мистеру Уоррингтону.

— А знаете, отец не умер. — Она важно кивнула и, не рассчитав, стукнулась зубами о бокал. — Его убили.

— Убили? — Мистер Уоррингтон удивлённо приподнял бровь, ожидая продолжения.

— Ну да, убили, — скорбно вздохнула Луиза, смахнув так некстати выступившую слезу. — Я нашла его на полу. Совсем мёртвым. Совсем. — Она поднялась, слегка пошатываясь, и сделала несколько шагов по комнате, размахивая почти пустым бокалом в воздухе.

— Он лежал у стола, а кровь вокруг разливалась и разливалась... — Луиза всхлипнула и замолчала.

— Мне очень жаль, — после паузы ответил Томас, усиленно пытаясь найти слова сочувствия, подобающие случаю.

— Да, мне тоже, — отмахнулась Луиза, не обращая внимания на поражённо уставившегося на неё опекуна. — Его убили, — повторила она. — Но вот кто? И зачем? Зачем писать ему считалку? Убийца любил играть в салочки?

Томас откинулся в кресле, с интересом наблюдая за бормочущей девушкой, думая о том, что наливать ей шерри всё-таки было не лучшей идеей. Он и подумать не мог, что она так

опьянеет от одного бокала!

— Вот! — Она вдруг крутанулась на каблуках, выдёргивая из сумочки, висящей на поясе, какую-то бумажку. Но не рассчитала свои силы и начала заваливаться на бок, отчаянно размахивая руками в воздухе. Уоррингтон среагировал быстрее, подхватив девушку, усаживая её на диван и осторожно отбирая бокал из рук.

— Вот та считалка, что я нашла у отца в кабинете! — Луиза обиженно смотрела на опекуна, который, казалось, был обеспокоен лишь тем, чтобы устроить её поудобнее.

— Да-да, я обязательно её прочитаю, — рассеянно проговорил тот и сунул записку в карман, размышляя, судя по всему, о чем-то другом. Спустя некоторое время Уоррингтон, словно очнувшись, покосился на внезапно примолкшую подопечную и, усмехнувшись, крикнул слуг. Дверь распахнулась сразу же, и на пороге возник высокий темнокожий мужчина.

— Отнеси мисс Грейсток в её комнату, — Уорингтон кивнул на успевшую задремать девушку и, проследив за ними взглядом, вернулся в кресло.

Оставшись один, Томас откинулся на спинку кресла и устало выдохнул. К своему стыду, он совершенно забыл о том, что леди Грейсток приезжает сегодня. На севере плантаций снова пытались бунтовать рабы, и надсмотрщики умоляли его приехать. К их удивлению, негры слушались хозяина беспрекословно. Что он им говорил, какие слова или угрозы находил для того, чтобы уговорить бунтующих, никто не знал. На встречи с рабами плантатор неизменно отправлялся в одиночку, отвергая все доводы благоразумия, что приводили ему надсмотрщики и управляющий. Вот и сегодня ему хватило часа на то, чтобы выяснить причину недовольства. Она, эта причина, к вечеру должна была быть доставлена в «Магдалену», а утром он собирался показательно наказать подстрекателя.

Девочка, так внезапно появившаяся в его жизни, вызвала легкое раздражение, грозя своим присутствием разрушить устоявшийся порядок в холостяцком доме. Ей непременно понадобится выезжать. Возить её на пикники и званые обеды и устраивать подобные вечера у себя. Как бы ни далёк был Уоррингтон от светской жизни Луизианы, правила он знал и старался им следовать.

Полгода назад письмо Джонатана вызвало лишь улыбку. Ну в самом деле, что может случиться с крепким, полным сил мужчиной средних лет? И его просьба об опекунстве казалась невинным розыгрышем, шуткой. К тому времени, как граф Грейсток покинет этот мир, его дочь не только успеет выйти замуж, но и родит не одного внука. Поэтому Томас легко согласился на просьбу давнего друга из прошлого, которого не видел почти четырнадцать лет, но с которым продолжал поддерживать отношения через дружескую переписку.

Какие повороты, бывает, готовит судьба! Томас хмыкнул и отпил виски. Девочка что-то говорила об убийстве... Сунув руку в карман, Уоррингтон достал смятый листок. Расправив его, он быстро пробежал глазами по неровным строчкам, не замечая, как дрожит бумага. Отставив в сторону бокал, чувствуя, как взмокли внезапно ладони, он тяжело вздохнул и провёл рукой по волосам. Этот почерк он мог бы узнать в темноте, просто видя тонкие линии. Он провёл подле его обладателя несколько лет, и не все они были плохими.

Итак, Джонатана убили. Сомнений не было, Кинг вышел на их след. Хотя что тут искать, они и не прятались. Уж Грейсток-то точно. Наивные, они действительно думали, что сбежав из Бразилии, смогли спрятаться... Томас поднялся и щедро плеснул виски в стакан, замирая у тёмного окна. Кинг нашёл их. Обоих, или только Джона? Или ему тоже можнс

ждать пулю в лоб в любой момент? Нет, Кинг так просто его не убьёт... Зная его, Томас мог прекрасно представить как минимум десять пыток, что продлят ему жизнь, заставляя мучиться. Кинг не простит. Он убил Джона так легко, потому что тот всего лишь сбежал с его плантации. Его он не простит. А значит следует быть готовым. Как некстати приехала эта девчонка!

Восьмая глава

— Мисс Луиза, мэм! Проснитесь, мисс Луиза, мэм! — настойчивый голос Зэмбы звучал словно сквозь вату. Луиза, неохотно приоткрыв глаза, невольно отпрянула от служанки, чьи белоснежные глаза пугающе блестели в темноте. Плотные закрытые ставни пропускали мало света, а сетка, в несколько слоев укрывавшая кровать, походила на густой кокон.

— Что-то случилось? — Луиза удивлённо прислушалась к своему голосу, чувствуя невыносимую сухость во рту.

— Там мистрис Пинс, — в голосе Зэмбы звучал благоговейный страх. — Она уже несколько раз спрашивала, проснулись ли вы. А я ей говорю, что вы ещё спите. А она тогда говорит, что пора вставать. А я ей говорю, что не надо вас пока будить. А она опять...

— Всё-всё, я поняла! — Луиза откинулась на подушки и потёрла глаза. — Я встаю.

Воспоминания о вчерашнем вечере принесли с собой жгучий стыд. Она действительно заснула прямо в кабинете во время разговора? Невыразимый позор! Остаётся лишь надеяться, что мистер Уоррингтон не придаст этому значения.

Напевая себе что-то под нос, Зэмба распахивала ставни, впуская в комнату снопы солнечного света. На Луизу обрушилась какофония звуков и запахов, так разительно отличавшихся от привычного лондонского шума. Во влажном воздухе разливался пряный аромат неизвестных цветов, где-то в кустах под окном пронзительно кричала одинокая птица, и далеко, почти на пределе слышимости, кто-то пел. Луиза замерла посередине комнаты, прислушиваясь, и удивленно уставилась на служанку.

— Рабы поют, — равнодушно пожалала плечами Зэмба, наливая воду в таз для умывания.

— Рабы? — не веря своим ушам, Луиза смотрела на негритянку.

— Ну да, — та взяла в руки полотенце, ожидая хозяйку. — На плантациях. Они часто поют.

Это странное, берущее за душу пение, казалось, было повсюду. Пока молодая графиня одевалась и приводила себя в порядок, незатейливая, но невероятно красивая мелодия звучала в воздухе.

— Мисс Луиза, мэм! — Адеола радушно улыбнулась, заведя хозяйку. — Проходите в гостиную, там для вас накрыт завтрак.

— А остальные уже...

— Масса Томас давно уехал, — широкая улыбка не сходила с лица экономки. — Мистер Свенсон в кабинете, работает. А миссис Пинс ждёт вас. Пойдёмте.

Компаньонка и вправду обнаружилась в столовой. С лицом, полным невероятного осуждения, она молча сидела над пустой тарелкой. Плотные сжатые губы казались тонкой ниточкой на сухом лице. Чопорно поздоровавшись, она кивнула застывшему за спиной слуге, и тот принялся накладывать густую подливу из стручковой фасоли с томатом. Рядом парили ароматные колбаски, густо политые сливочным соусом. В кувшине со свежесжатым соком медленно таял лёд — настоящая роскошь даже для Лондона! Горкой возвышались кукурузные лепёшки, из-за которых выглядывал кувшинчик с топлёным маслом.

— Не знаю, что вы любите на завтрак... — Адеола обзревала стол с гордым видом. — В «Магдалене» любят, чтобы еды было вдоволь.

— И никакой яичницы с беконом, — страдальчески прошептала мисс Пинс, косясь на колбаски.

— Адеола, а кто отвечает за сервировку? — решила взять быка за рога Луиза, разглядывая разномастную посуду.

— Я, мэм, а что? — спросила экономка, пряча широкие руки в не менее широкие карманы платья. Сегодня оно было цвета фуксии. Лицо Адеолы, обрамлённое розовой косынкой, добродушно сияло.

— Если можно, я бы посмотрела на всю посуду, что здесь есть, — осторожно начала Луиза, боясь обидеть женщину чрезмерной поспешностью, с которой она собиралась знакомиться с хозяйством.

— Да благословит вас Господь! — всплеснула руками Адеола. — Я кого только ни пыталась приобщить к этому делу, так не хочет же никто! Масса Томас смеется, говорит, что ему и так сойдёт, но я-то знаю- не правильно мы что-то делаем. А как надо и не знает никто.

Со стороны миссис Пинс послышался страдальческий вздох- компаньонка принялась-таки за колбаску.

— А где мистер Уоррингтон? — полюбопытствовала Луиза после завтрака, пока слуги заносили горы посуды в опустевшую столовую.

— С утра прискакал негр с плантации «Розовый лес», сказал, там рабы бунтуют, просил помочь.

— Рабы бунтуют? — в страхе воскликнула миссис Пинс. — И часто такое случается?

— Да постоянно, — махнула рукой Адеола, любовно проводя рукой по большому марокканскому блюду, неизвестно как оказавшемуся здесь. — Побунтуют и перестанут, как получают от хозяев по шее.

— Прости, — вырвалось у Луизы. — Но разве ты не такая же, как они? В смысле...

— Такая же, как они? — Адеола задохнулась от возмущения, прижав руки к груди. — Я-из домашних, я никогда не работала на плантации! Я умею читать и писать, мэм! Как вы могли подумать хоть на минуту, что я похожа на них, на грязных рабов с тростниковых полей!

Экономка обиженно отвернулась и принялась перебирать фарфоровые блюда с золотыми виноградными листьями по ободку.

— Прости, — покаянно проговорила Луиза. — Прости, Адеола. Мне и в голову не пришло обидеть тебя. Я ведь выросла там, где рабов вовсе нет... Я... Мне казалось, они ничем не отличаются...

— Не отличаются.... -уже мягче проворчала негритянка, смахивая слезы. — Мы даже близко не стоим рядом с теми, кто рубит тростник и копает свеклу. Мы- семья массы Томаса. Он столько раз говорил мне: «Адеола, давай-ка я тебя освобожу!». А я всё отказываюсь. А куда я пойду? Да и как он без меня? Зэмба, моя внучка, вон тоже в доме выросла. Я так счастлива, что она при вас горничной стала, мисс Луиза, мэм, просто слов нету!

— Значит, мистер Уоррингтон хотел тебя освободить? — задумчиво протянула Луиза, открывая для себя ещё одну грань своего опекуна. Честный, смелый, а теперь вот еще и великодушный- пусть он и не имел титула, но являлся самым что ни на есть настоящим джентльменом!

— Да, предлагал, и не раз, — с готовностью подтвердила экономка. — Я, говорит, другую такую и в жизнь не найду, Адеола, но хочешь, дам тебе денег и открывай своё кафе в Новом Орлеане, уж больно ты готовишь хорошо.

— Он очень благородный, — заметила Луиза, покосившись на миссис Пинс. Завтрак,

кажется, не добавил очков в колоду мистера Уоррингтона, потому что компаньонка лишь недовольно качнула головой.

— Когда прикажете приготовить вам постель? — спросила Адеола спустя некоторое время.

— Постель? — Луиза переглянулась с миссис Пинс, но та лишь недоуменно пожала плечами. — Но ведь я только недавно проснулась.

— Днём у нас слишком жарко, — экономка, заметив удивление, решила объяснить. — И делать ничего невозможно. Поэтому в обед мы предпочитаем проводить время в тени и прохладе, а господа укладываются отдохнуть.

— Как интересно, — хихикнула Луиза. — Спать днём. В Лондоне мы, бывает, просыпаемся лишь к обеду. А ночи проводим на балах.

— Ночью надо спать, мисс Луиза, — неодобрительно покачала головой Адеола. — Ночью просыпаются духи и бродят бесплотными тенями по болотам, заманивая в свои сети заблудившихся людей... Ночью надо спать, — повторила она и снова принялась перетирать тарелки.

Луиза молчала, боясь показать, что слова о духах рассмешили её. Обижать суеверную экономку не хотелось. Но, помилуй Бог, какие духи?!

К обеду жара действительно стала невыносимой. Вчера, погружённая в дремоту, Луиза не обращала на неё внимания. Да и сам путь отнял слишком много сил. Сегодня же девушка изнемогала от невыносимой духоты и влажности, завистливо поглядывая на служанок, подоткнувших подола и расхаживающих по двору с голыми щиколотками. Тонкое муслиновое платье облепило тело, а нижние юбки прилипли к ногам, мешая ходить. Миссис Пинс переносила испытания стоически, ничем не показывая своего неудобства. Она даже не расстегнула верхнюю пуговку на платье бордового цвета, в которое была затянута, как в футляр. Не желая так легко сдаваться, Луиза продолжила разбирать посуду, с благодарностью приняв прохладный клубничный лимонад от Зэмбы. Но когда часы показали три, миссис Пинс побледнела и медленно осела под стол. Её тут же отнесли в комнату и, расстегнув пуговицы и ослабив шнуровку, обтёрли водой с уксусом. Смирившись с тем, что отдыхать днём не прихоть, а действительно необходимость, Луиза с блаженством скинула с себя платье и, оставшись в нижней рубашке, корсете и нижней юбке, упала на кровать.

— На вас так много всего надето, — протянула Зэмба, развешивая выбранное к ужину платье. — Бабушка говорит, что настоящая леди носит очень много одежды под платьем. Вы- настоящая леди, мисс Луиза, мэм!

Улыбнувшись этому наивному заявлению, Луиза подняла глаза к потолку, глядя на нежно-голубых птичек, порхавших по балдахину кровати. Комната пришлась ей по душе. Всё здесь было привычно и в то же время необычно. Стены, покрашенные голубой краской, поначалу казались голыми без тканевых драпировок. Зато с них было легко смывать следы многочисленных мошек. Полы, вощённые до блеска, укрывали плетёные ковры, которых Луиза никогда не видела в Англии. Лёгкие кресла, связанные из податливых прутьев ротанга, казались такими хрупкими, что на них было страшно садиться. А комоды, расставленные вдоль стен, напротив, удивляли массивностью и основательностью. Здесь, на втором этаже, совсем не было занавесок, их заменяли ставни ночью и густые заросли бугенвиллеи днём. Душистые гроздья голубых цветов заглядывали в окна, спускаясь по стене дома. Тонкая сетка, прячущая Луизу от москитов и мух, приглушала яркий свет, делая его рассеянным и мягким. Девушка сама не заметила, как её сморил сон.

— Какие у вас прекрасные волосы! — Зэмба медленно проводила по роскошным медовым волнам, пропуская их сквозь пальцы. — Я никогда таких не видела. Вы такая красивая! Как картина в спальне массы Томаса.

— Ты была в его спальне? — Луиза повернулась к служанке.

— Раньше я мыла полы во всём доме, — белозубо улыбнулась Зэмба. — А теперь горничная! Вот мне Таонга завидует! Ну да так ей и надо! Пусть теперь сама полы драит!

— Таонга? — Луиза с трудом выговорила новое имя. Кажется, выучить всех слуг из усадьбы будет не так просто, как ей казалось вначале.

— Да, мы с ней вдвоём прислуживали массе Томасу. Только она злая. Грубая. Что только хозяин в ней нашёл...

— Что ты имеешь в виду? — удивлённо вскинула брови графиня.

— Таонга говорит, что скоро масса Томас освободит её. Глупая. Она глупая, как цапля на болоте, которую вот-вот поймает аллигатор.

— Почему же она глупая?

— Глупая, — повторила Зэмба, закручивая последний локон и закрепляя его шпильками. — Готово.

Луиза посмотрела на себя в зеркало, которое принесли сегодня. Огромное, во весь рост, в раме светлого дерева, покрытой затейливой резьбой. На неё смотрела изящная леди в вечернем платье цвета индиго с небольшими рукавами-фонариками. Талию перехватывала широкая бархатная лента оттенка чайной розы. К платью прилагались кремовые кружевные перчатки. На шею Луиза надела бархотку с камеей, на которой был высечен профиль Софии Грейсток. Оставшись довольна собой, графиня кивнула своему отражению и вышла из комнаты.

Сегодня вечером дом казался ещё приветливей, или это Луиза начала привыкать к новому жилищу? Стол, накрытый белоснежной скатертью, сиял фарфором и хрусталём. В высоких канделябрах горели свечи, тихонько потрескивая. В настольной вазе, найденной среди посуды, распустились чайные розы. Миссис Пинс в неизменном платье тёмно-синего цвета мрачной вороной застыла среди этого торжественного великолепия. Мистер Свенсон, одетый в белоснежную рубашку и неуместный сейчас бархатный бордовый смокинг, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Добрый вечер! — Луиза улыбнулась поднявшемуся с её приходом управляющему и села на место. Стул во главе стола пока пустовал. Заметив её взгляд, мистер Свенсон поспешил ответить:

— Мистер Уоррингтон ещё не вернулся. Но мы можем начинать без него, уверен, он не будет возражать.

— Ещё бы, — хмыкнула миссис Пинс. — Конечно, мы не можем начинать без главы дома! Что за нравы!

— Я согласна с миссис Пинс, — к невероятному огорчению Свенсона ответила Луиза. — Мы не можем начинать без мистера Уоррингтона. Мы подождём.

Мистер Свенсон тяжело вздохнул, бросив тоскливый взгляд на блюдо с тушёной свининой, и сделал робкую попытку образумить дам:

— Мистер Уоррингтон может задержаться надолго.

— Думаю, мы сможем подождать столько, сколько потребуется, — упрямо заявила Луиза, встречаясь глазами с одобрительно кивнувшей компаньонкой.

Прошёл час. Вялые разговоры о погоде давно сошли на нет, и над столом всё чаще

разносились неприличные звуки урчащего живота. Мясо покрылось тонкой плёнкой жира, лёд в графинах с соком давно растаял. В последующий час Луиза и мистер Свенсон бросали голодные взгляды на еду, одна миссис Пинс, казалось, есть вообще не собиралась и пришла сюда единственно для того, чтобы придирчиво осматривать заново начищенную посуду.

Ржание лошадей за окном заставило всех встрепенуться и радостно переглядываться. Быстрые шаги зазвучали в коридоре, и в столовую вошёл мистер Уоррингтон. Замерев на пороге, он удивлённо посмотрел на три пары глаз, уставившихся на него с выражением плохо скрываемой радости.

— Я думал, что пропустил ужин, — заметил он, проходя вперед. Заляпаные грязью сапоги для верховой езды оставляли следы на натёртом полу. Терпкий запах пота, своего и лошадиного, заставил миссис Пинс поморщиться. Но указывать хозяину дома на то, что ему следует переодеться, она не стала. За спинкой кресла уже застыл слуга с тазом для умывания. Другой, с полотенцем и кувшином в руке, принялся лить воду в подставленные ладони.

— Надеюсь, вы не слишком проголодались, ожидая меня? — спросил Уоррингтон, жадно набрасываясь на еду. Кушать медленно и изящно у Луизы сегодня получалось с трудом. Она почти не чувствовала вкуса пищи, глотая её, практически не жуя. Расправившись с ужином за каких-то полчаса, мистер Уоррингтон промокнул губы салфеткой и встал, кивая дамам. Бросив Свенсону, что ждёт его в кабинете, он скрылся за дверями. Управляющий поспешил следом, дожёвывая что-то на ходу. Расправившись с бараньим рёбрышком, Луиза отодвинула от себя тарелку, чувствуя насыщение. И глубокое разочарование: ведь так хотелось узнать опекуна ближе! Понимая, что днём тот занят делами, ей представлялось, как они будут встречаться по вечерам, за ужином, обсуждая, как прошёл день. Неужели у него даже вечером совсем нет времени для своей воспитанницы?!

Ожидая, пока накроют десерт, она поднялась из-за стола и прошлась по комнате, останавливаясь у одного из огромных окон в полстены. Они выходили в сад, терявшийся в густой темноте. Шорох в кустах у самой земли привлёк внимание, и Луиза испуганно отшатнулась, разглядев полыхающий ненавистью взгляд, направленный прямо на неё. Снова зашелестела листва, и обладатель глаз скрылся во тьме.

Ночь прошла беспокойно. Луиза ворочалась, пытаясь устроиться удобнее, путаясь в длинной батистовой сорочке до пят. Вечером жара немного спала. Поднявшись, Луиза подошла к окну и распахнула ставни, впуская внутрь напоенный ароматами ночной воздух. Глубоко вздохнув, она перегнулась через подоконник и, подперев щеку ладонью, задумчиво уставилась вниз. Тёмный двор был пуст и тих, но спустя минуту Луиза начала различать в казавшейся безмолвной ночи редкий крик ночной птицы. Громко выводили свои трели сверчки. Девушка прикрыла глаза и принялась медленно раскачиваться, напевая себе забытую колыбельную. Сейчас она чувствовала себя почти счастливой. Внезапно ночную тишину пронзил жуткий нечеловеческий крик. Затем ещё один и ещё. Луиза похолодела, резко выпрямившись и напряжённо вглядываясь в темноту. По двору стремительно скользнули две тени и скрылись в лесу. На самой кромке одна из них остановилась и, как показалось графине, посмотрела на неё. Луиза резко отпрянула от окна и захлопнула ставни, чувствуя, как бешено колотится сердце. Нырнув под одеяло, она накрылась с головой и смогла забыться сном только под утро.

Девятая глава

Что-то назойливо стучалось в виски, прогоняя остатки сна. Луиза повернулась на живот и, обхватив руками подушку, упрямо зажмурила глаза, надеясь, что сон, ещё бродивший в отголосках сознания, вернётся. Но вскоре пришлось признать, что сегодня утро начнётся раньше, чем обычно. Перевернувшись, девушка сбросила с себя покрывало и потянулась, чувствуя прохладный утренний ветерок, пробежавший по тёплому после сна телу. Слабый свет пробивался между решёток ставен, и Луиза подошла и распахнула одну из них, вдыхая полной грудью ароматный воздух. Деревья обступали поместье, тёмные и мрачные. Небо над головой ещё серело, где-то за домом запел петух. Луиза облокотилась на подоконник и, подперев щеку ладонью, мечтательно посмотрела на лес. Дикий край очаровывал своей первозданной красотой. Она вдруг подумала, что абсолютно ничего не знает ни о поместье, ни о том, что его окружает. Где находятся плантации, если пение рабов слышно в доме? Почему пролесок, окружавший «Магдалену», никто не вырубает? В поместье Грейстоков идеально выстриженные газоны чередовались с невысокими деревьями, а те, в свою очередь, скрывали пруды и ухоженные клумбы. Здесь, в сереющей дымке утра, виднелся лишь колышущийся на деревьях седой мох да пышные заросли роз под окнами. Кажется, клумб здесь не было вовсе, а цветами, яркой шалью укрывающими дом, «Магдалена» была обязана природе и тому, что ей здесь никто не мешал. Где-то там, за деревьями, вставало солнце, окрашивая в ярко-зелёный их верхушки. Каким он будет, сегодняшней день? Луиза вздохнула, предвкушая, как отправится изучать поместье. Столько всего надо узнать, понять, познакомиться...

Познакомиться! Надо сделать визиты в ближайшие поместья... Что там Франческа говорила? Она обещала, что всё устроит. Луиза сморщила лоб- дел было невпроворот, как хорошо, что она встала так рано сегодня! А если поторопиться, она ещё сможет застать за завтраком мистера Уоррингтона, наверняка он уже проснулся! Охваченная радостным возбуждением, девушка оторвалась было от подоконника, но замерла, так и не сделав шаг.

Крик. Не тот, что привёл её в ужас ночью. Другой. Близкий и полный боли. Снова. И снова. Луиза выглянула во двор, боясь и желая разглядеть того, кто кричит. Двор был по-прежнему пуст.

— Зэмба? — позвала Луиза, прислушиваясь. Но служанка не отзывалась. До её слуха снова донёсся крик, заставив вздрогнуть. Тишина, обступавшая её в комнате, вдруг стала пугающей и напряжённой. Решительно сжав губы, Луиза схватила первое попавшееся платье. Натянула, расправив складки и посмотрела на себя в зеркало, прикусывая нижнюю губу. Плеснула воды на лицо, вздрогнула, встретившись в зеркале с испуганным взглядом зелёных глаз. Растрёпанные волосы удалось пригладить щёткой и затянуть лентой. Без корсета было непривычно и жутко неудобно. Точно голая вышла. Поведя плечами, Луиза нырнула в один из сундуков, извлекла тонкую кашемировую шаль и, набросив её на плечи, сразу почувствовала себя уверенней. Крик повторился, продолжая звучать в отдалении, и графиня поспешила выскочить за дверь, прислонившись к ней и тяжело дыша.

На этаже было тихо и пусто. Будить миссис Пинс Луиза не собиралась, решив разобраться во всём сама. К тому же- и тут Луиза, не сдержавшись, фыркнула- беспокоить компаньонку только для того, чтобы пройтись по дому, было верхом глупости. Что может ей здесь угрожать?! Успокоив себя таким способом, девушка плотнее завернулась в шаль и

поспешила вниз. Холл в неверном утреннем свете, казалось, угрюмо взирал на неё. Света из огромных стрельчатых окон пока было слишком мало, чтобы осветить его целиком. Где-то слева за спиной что-то загремело, и Луиза, не сдержавшись, подпрыгнула, оборачиваясь, чувствуя, как бешено колотится сердце. Но это оказалась всего лишь кошка, опрокинувшая небольшую вазу, стоявшую у стены. Дымчатое создание спокойно село рядом с растекающейся по мрамору луже и, не обращая внимания на Луизу, принялось вылизываться. Приложив руку к груди, девушка глубоко вздохнула, ругая себя за мнительность. Она явно перечитала мрачных романов! К чему красться по дому, как воришка? Она тут вообще-то хозяйка! Подняв голову, Луиза кивнула своему отражению в одном из многочисленных зеркал и проследовала в столовую. К её удивлению, завтрак ещё не накрывали. Стол, натёртый до блеска, был пуст. Крики здесь звучали намного громче. Луиза огляделась. Узнать точное расположение комнат она пока не успела, поэтому пришлось двигаться наобум, открывая поочередно двери и заглядывая внутрь. Огромная кухня встретила её той же тишиной и молчанием, что и остальные комнаты, и вот тут уже Луиза испугалась по-настоящему. На плите медленно кипело какое-то ароматное вариво, в печи остывали свежие хлеба. Неочищенная картошка лежала на столе, как и овощи, разложенные для нарезки на досках. Закралась малодушная мысль, что стоило бы всё-таки разбудить миссис Пинс, но молодая графиня спешно её отогнала. Задрав подбородок, Луиза распрямила плечи и решительно направилась к приоткрытой двери на задний двор.

Остановившись в нерешительности, Луиза прислушалась. В этой части поместья она ещё ни разу не была и теперь с любопытством оглядывалась. Брошенное седло, несколько вязанок хвороста, что лежат у стены, загораживая поленницу. Дверца в курятник приоткрыта, и несколько кур успели сбежать и теперь важно расхаживают по двору. Небо стремительно синело, наливаясь красками. Это утро, этот двор, эти куры- всё дышало таким умиротворением и покоем, что хотелось рассмеяться непонятым страхам, что привели её сюда.

Крик. И свист, жуткий, ранее неслышный. И снова полукрик-полустон. Совсем рядом Луиза бросилась в сторону звуков, почти сразу же, за углом дома, резко останавливаясь. Она нашла. Нашла причину. Большую площадку окружали молчаливые слуги. Ни одного звука, только осуждение во взглядах, направленных в центр. Луиза перевела взгляд туда и задыхнулась, резко прижав руку ко рту. Трое людей, привязанных к столбам, безвольно свисали на кандалах, закреплённых сверху. То, что когда-то было их спинами, теперь превратилось в кровавое месиво, из которого кое-где проглядывали пугающе-белые кости. Запястья, которые пытались выдернуть из кандалов люди во время истязания, вспухли и кровоточили. Эти столбы явно не сегодня здесь появились- пронеслась отчаянная мысль. Вдоль них медленно расхаживал невысокий смуглый мужчина со свисающими вниз усами. За ним пыльной змеёй волочила хвост плётка. Ближе к кромке леса, там, где заканчивался двор, стояли рабы. Покорные, напуганные. В одинаковых холщовых штанах и рубашках мужчины, в платьях небеленого полотна- женщины. Они казались совершенно чуждыми здесь. Домашние слуги время от времени бросали на них взгляды, полные презрительной жалости. В висевшей над двором тишине отчётливо слышалось жужжание мух, кружившихся над телами.

— Пожалуй, на этом всё, мистер Бличли. — Луиза замерла, только сейчас заметив мистера Уоррингтона. Повелительно махнув рукой, он, скривившись, наблюдал, как безвольным кулом оседают тела со столбов.

— Мисс Луиза, мэм, — громким шепотом окликнула её Адеола, подзывая к себе. Луиза облегчённо вздохнула, поспешив к экономке. Рядом с ней она чувствовала себя намного увереннее. — Что вы здесь делаете?! Мы думали, вы ещё спите.

— Меня разбудили крики, — голос звучал виновато, будто она совершила что-то запретное. — Я искала вас... Что здесь происходит? Кто эти люди?

— Это бунтовщики, — презрительно бросила Адеола. — Они пытались настроить рабов против хозяина. Масса Том ездил их умирять три дня назад.

Луиза кивнула, вспомнив о делах, которые упоминал мистер Свенсон в день их приезда. Тем временем трое мужчин были освобождены и теперь, шатаясь, пытались подняться на ноги. Луиза смотрела на их лица, по которым непрерывно стекал пот, капая на пыльную землю. На окровавленные руки, которыми они цеплялись друг за друга, помогая подняться, и понимала, что не может оторвать глаз. Не может не смотреть на это- на унижение, на беспомощность, на... Гордость? Один из бунтовщиков вдруг поднялся, распрямляя плечи, и заговорил на непонятном ей языке, быстро и громко, глядя прямо в глаза Уоррингтону. Затаив дыхание, Луиза следила за опекуном, выражение лица которого сейчас невозможно было угадать. Он бесстрастно слушал, скрестив руки на груди, глядя на раба сверху вниз. Вдруг стоявшая рядом Адеола тихонько ахнула, потрясённо качнув головой.

— Что он сказал? Адеола, что он сказал? — Луиза тянула экономку за рукав, чувствуя, как от безотчетного страха внутренности в животе скручиваются в тугий клубок. Резкий голос Томаса заставил её замолчать, тревожно вслушиваясь в интонацию. Языка она не понимала, но говорил он спокойно, чуть насмешливо. Казалось, Уоррингтон успокаивает ребёнка, увещевая его, прося прекратить баловаться и послушаться старших. Но раб в ответ оскалился, зло бросив что-то за спину, и оба его товарища по несчастью одобрительно загудели, исподлобья глядя на хозяина.

— Он ведь наказал их уже, да? — Луиза еле протолкнула из себя слова, чувствуя невыносимую сухость в горле. От вида крови, от запаха, который доносил ветер, её начинало подташнивать. Она с тревогой посмотрела на рабов из плантации, которые стояли, не двигаясь и не сводя глаз с Уоррингтона.

— Жалкие шакалы, — презрительно прошипела Адеола. — Они сами не знают, чего хотят.

Уоррингтон молчал, слушая срывающийся, но крепший с каждой фразой голос. А Луиза, не отрываясь, смотрела на него, невольно испытывая гордость. Спроси кто-нибудь сейчас у юной леди Грейсток, что именно вызвало в ней это чувство, она бы едва ли смогла внятно ответить. Просто ей было невыразимо приятно смотреть на него, чувствуя волны власти и силы, что исходили от его фигуры. Крик раба перешёл в визг и резко оборвался. Бунтовщик застыл, тяжело дыша, с вызовом глядя на Уоррингтона, смахивая капли пота дрожащей рукой.

Следующего движения Луиза не заметила. Просто раб только что стоял, а вот уже лежит с огромной дырой в голове, и лишь облачко дыма говорит о том, что только что произошёл выстрел. Жёлто-красное месиво разлетелось во все стороны, мерзко хлопнув. Томас неспешно опустил пистолет, прищурился и посмотрел на двух оставшихся мужчин. Один из них со стоном повалился на землю, бормоча что-то, целуя носки запыхлённых сапог. Второй стоял прямо, глядя в глаза плантатору.

— Нет! — крик Луизы потонул в грохоте нового выстрела- второй бунтовщик упал следом за первым. Луиза прижала руку ко рту, чувствуя, как стало кисло во рту. Брезгливо

отпихнув продолжавшего ползать по земле раба, Уоррингтон обернулся на звук, досадливо поморщившись.

— Я не думал увидеть вас здесь, Луиза. — Он в два шага оказался рядом, закрывая широкой спиной лежащие на земле тела. Рабы с плантаций быстро расходились. Слуги ещё стояли, обсуждая случившееся, укоризненно качая головами в сторону убитых.

— Я... я, — голос Луизы дрожал, и она ничего не могла с собой поделать. Она подняла глаза на опекуна, который с тревогой заглядывал в её лицо.

— С вами всё в порядке? Вы побледнели. Не следовало приходить сюда. Я не думал, что вы станете свидетелем... — Луиза слушала и не понимала смысла фраз, что говорил Уоррингтон. Он только что убил двух людей, а теперь так спокойно стоит перед ней и разговаривает, как ни в чём не бывало... Они ведь лежат сейчас там, на земле... Взгляд невольно скользнул вниз, за спину опекуна, цепляясь за багровую лужу, которая медленно впитывалась в песок. В глазах заплясали мелкие чёрные точки, а руки вдруг стали ледяными. Ветер взметнул мелкий песок, и нос моментально забился им: металлическим запахом крови, к которому примешивался другой, приторно-сладкий, незнакомый, но от того ещё более мерзкий.

— Я... — Луиза подняла огромные растерянные глаза на Томаса и вдруг резко согнулась, выплёскивая на его ноги остатки вчерашнего ужина. Её вывернуло так неожиданно, что опекун едва успел схватить её за плечо, не давая упасть. Всё ещё содрогаясь от спазмов, Луиза провела дрожащей рукой по лицу, смахивая тоненькие капельки пота, тяжело дыша. Уоррингтон скривился, занес, было руку, чтобы отряхнуться, но вовремя себя остановил. Луиза же, опорожнив желудок, сразу почувствовала себя лучше. Чего нельзя было сказать о её душевном состоянии.

— Простите, ради всех святых! Простите, мистер Уоррингтон! — Она торопливо оглянулась, ища глазами Зэмбу или Адеолу, но, как назло, рядом были только незнакомые лица. — Я сейчас помогу вам, — чувствуя, как щёки заливают пунцовая краска, Луиза торопливо лепетала что-то, ища на поясе оставленный в комнате ридикюль.

— О, адово пекло, перестаньте! — раздражённо воскликнул Томас. — С этим отлично справятся слуги!

С этими словами он торопливо покинул двор, оставив расстроенную и смущённую Луизу одну. Она беспомощно замерла, глядя ему вслед. Слуги постепенно расходились, с кухни уже можно было расслышать громогласный голос Адеолы, командующей поварам. Будто и не произошло только что ничего особенного... Мелкая дрожь пробежала по телу, и, запахнувшись в шаль, Луиза повела плечами: её охватило неприятное, липкое чувство. Резко повернув голову, она встретилась с горящим взглядом, направленным прямо на неё. Стройная девушка, с кожей настолько чёрной, что она, казалось, отливала синевой, застыла у поленницы, стискивая в руке подол кроваво-красного платья. Заметив взгляд, она моргнула, вздёрнула подбородок и скрылась в доме.

— Это Таонга. — Зэмба наконец заметила свою хозяйку и встала рядом. — Красивая. И глупая.

— Д-да, я помню, ты говорила про неё. — Луиза не могла отвести взгляд от прямой спины служанки, кожей ощущая её неприязнь. — Пойдём, поможешь мне одеться. — С усилием оторвав взгляд от Таонги, Луиза пошла к парадным дверям.

Завтрак проходил скованно. Миссис Пинс удивлённо смотрела на мистера Уоррингтона, который, иногда чуть морщась, поглощал жареные колбаски. Луиза, опустив

глаза, сидела напротив, пытаюсь втолкнуть в себя кусочек яичницы, которую выпросила у Адеолы. Лишь мистер Свенсон, вставший, как и компаньонка, недавно, с аппетитом разламывал хрустящий багет, макая его в подливу.

Ощущая огромную потребность извиниться, Луиза задержалась после завтрака, отпустив миссис Пинс к Адеоле, с которой они собирались продолжить знакомство с домашней утварью, перейдя к скатертям и салфеткам. Решительно застыв у двери кабинета, графиня сцепила руки в замок, несколько раз тяжело вздохнув. Сама мысль о том, чтобы говорить о случившемся, заставляла её краснеть. Но, поймав на себе несколько раз насмешливый взгляд опекуна, Луиза решила, что лучше один раз всё обсудить и забыть, чем становиться объектом скрытых насмешек на долгие дни. Собравшись с духом, она постучала, удивляясь, каким тихим и робким вышел звук.

— Входите. — Откуда взялся этот страх, будто перед входом в логово дракона? Расправив плечи, Луиза прошла в кабинет, невольно замерев на пороге, щурясь от обилия света, заливавшего комнату. От кабинета у нее остались смутные впечатления, разбавленные приторно-сладким вкусом шерри.

— Луиза? — Брови Томаса взлетели вверх. Он логично полагал, что после того, как её стошнило утром, девушка будет краснеть и прятаться по углам, и теперь был действительно удивлён.

— Я пришла поговорить с вами, — Луиза кивнула сама себе, притворив за собой дверь и проходя внутрь. С любопытством пробегая глазами по кабинету, она невольно сравнивала его с кабинетом отца, в котором провела столько счастливых часов. Стопки книг и бумаг, сваленных в кучу, пергаменты, перья, огромный глобус, утыканный флажками, отмечающими курс его кораблей, — кабинет отца олицетворял собой упорядоченный хаос, как сам Джонатан Грейсток любил повторять. Здесь, в кабинете мистера Уоррингтона, царил идеальный порядок. На огромном полированном столе красного дерева стоял малахитовый набор: чернильница и пресс-папье. Аккуратные стопки бумаги лежали на краю, с другой стороны стояла небольшая ваза с полураспустившимися бледно-розовыми бутонами роз. Ровные ряды книг, огромная карта на стене, несколько кресел, журнальный столик — всё находилось на своих местах.

— Вы пришли полюбоваться моим кабинетом? — легкое раздражение в голосе напомнило Луизе о цели её визита. Она действительно увлеклась, рассматривая комнату.

— Я пришла извиниться, — графиня открыто посмотрела на Уоррингтона. — Я не виновата в случившемся, но это столь постыдный и неприятный поступок, что я не могу оставить всё так. Простите.

Отложив перо, Томас внимательно посмотрел на девушку, будто видел её впервые. Невысокая, с упрямо сжатым подбородком и огромными, твёрдо смотрящими на него глазами цвета молодой весенней зелени. Губы, слишком пухлые для англичанки, она неосознанно кусала их, делая ярче и краснее, чем они были. Изящные кисти рук, сейчас не спрятанные за кружевом перчаток, нервно теребили подол платья приятного мятного цвета. Луиза тихонько кашлянула, привлекая его внимание, и Томас, опомнившись, оторвал взгляд от её рук.

— Не вижу в этом необходимости, — будничным тоном продолжил он, словно паузы в их разговоре не было вовсе. — Вы не виноваты в том, что нежное сердце не выдержало не предназначенной для ваших глаз сцены. Я всё прекрасно понимаю.

— О, — только и смогла произнести Луиза, чувствуя, как начинают краснеть кончики

ушей. Его покровительственный тон отчего-то прозвучал обидно. Она беспомощно посмотрела на опекуна, с внезапной злостью заметив искорки смеха в серо-голубых глазах. Сложив ладони домиком, он прислонил их к губам, старательно пряча смех: девушка сейчас отчаянно походила на нахохлившуюся птицу, распушившую перышки.

— Полагаю, таких сцен больше не повторится? — сумела процедить она, задирая подбородок так высоко, что Томас легко мог бы пересчитать все хрящики на её шее, если бы пожелал.

— Я обязательно буду предупреждать вас заранее, — кивнул Уоррингтон. Кивнув в ответ, Луиза резко развернулась, взметнув полы платья вокруг ног, и у Томаса снова перед глазами возникла птичка, махнувшая ярким зелёным хвостом. Дверь за девушкой давно закрылась, а он всё ещё улыбался, глядя ей вслед.

***

Огромные, расшитые белоснежными цветами скатерти лежали на полу бальной залы, подготовленные к придирчивому осмотру. Миссис Пинс, вооружившись моноклем, обходила зал, выискивая пятна жира и сока. Адеола, в свою очередь, осматривала вышивку, ища дырочки, которые могла оставить на хлопке вездесущая моль. Луиза, тихонько вздыхая, перебирала салфетки, пристроившись в углу за небольшим ломберным столиком, который принесли сюда специально.

Второй день они занимались этим, безусловно необходимым, делом, и графиня начинала бояться, что скатерти не закончатся никогда. За окном сияло яркое солнце, на кустах роз за окном порхали огромные бабочки, а разноголосые птицы весело гомонили. Подперев щеку, Луиза неспешно перекладывала ажурные салфетки, мечтая о том, чтобы прокатиться по поместью верхом. Или просто сесть и порисовать в тени одного из огромных дубов... А ведь действительно, окунувшись в дела поместья, она совсем позабыла о тех маленьких радостях, которые были у неё в Англии. Но там и за домом не приходилось приглядывать: вышколенные слуги прекрасно справлялись с работой под строгим и неусыпным присмотром Сеймура...

Тихонько вздохнув, Луиза снова вернулась к салфеткам, с лёгкой завистью вспоминая мистера Уоррингтона, выезжавшего сегодня со двора на великолепном арабском скакуне. Луиза только вышла из-за стола, собираясь в зал, когда её внимание привлекло громкое ржание. Она замерла у окна, восхищённо глядя на прекрасного коня, которого водили по двору. Он высоко поднимал тонкие ноги, то и дело нервно поводя крупом. Под атласной чернильно-чёрной кожей переливались упругие мышцы, и Луиза представила, как приятно было бы провести по ней, предвкушая прогулку по тенистым дорожкам поместья... Томас Уоррингтон появился на ступенях, заставляя отшатнуться от окна. Стремительно сбежав вниз, он подошёл к коню, похлопал его по холке и, что-то весело бросив конюху, забрал у него поводья. Взлетев в седло, мужчина тронул пятками бока скакуна, и тот сорвался с места, оставив после себя только облачко пыли.

Ночь, влажная, душная укрыла поместье. Луиза ворочалась без сна в кровати, перебирая в памяти события прошедшей недели. Столько впечатлений для коротких семи дней- новые дом, новые люди, новые обычаи. Девушка вздохнула: понять последние ей оказалось тяжелее всего. Она вспомнила, как равнодушно пожалала плечами Адеола на вопрос, не жалко ли ей убитых бунтовщиков.

— Заслужили, — бросила экономка, не сводя глаз с накрывающих стол слуг. — Они пошли против хозяина.

— Но ведь он мог отправить их в тюрьму, — не соглашалась Луиза, — отдать в руки правосудия...

— Лоиз, дорогая, здесь мистер Уоррингтон- правосудие, — заметила миссис Пинс. — И я склонна согласиться с его решением. Судя по всему, это были ужасные люди.

— Но он же убил их. — В голове молодой графини никак не могло уложиться то равнодушие, с которым окружающие относились к чужой жизни.

— Лоиз, ты так впечатлительна, — покровительственно улыбнулась компаньонка, переглянувшись с Адеолой. Луиза прикусила губу, подавив рвущиеся наружу возражения. Возможно, они были правы. Несомненно, правы, но принять эту правду как-то не получалось.

Луиза снова вздохнула, вытянувшись на кровати. Сорочка облепила тело, нежные кружева неприятно кололи. Ни малейшего движения воздуха, ни ветерка. Луиза поднялась, решительно подошла к окну и открыла ставни. Прохладное дуновение заставило блаженно выдохнуть. Надо сказать Эбме, чтобы перестала закрывать окна на ночь. Облокотившись на подоконник, девушка глубоко вздохнула- здешними ароматами невозможно было надыхаться. Словно попал на другую планету, далёкую от пыльного Лондона. На затерянную, оторванную от всего мира планету, одну из тех, про которые рассказывали в Гринвичской обсерватории, куда возил её когда-то отец. Тогда ей казался удивительным и нереальным тот факт, что где-то далеко-далеко в небе может жить кто-то еще. Теперь, в «Магдалене», эта мысль уже не казалась такой абсурдной. Здесь была своя жизнь, подчинённая своим правилам. Волшебная и дикая, оторванная ото всего мира...

Словно в подтверждение этих мыслей где-то на заднем дворе стукнул барабан, затем ещё один. Луиза прислушалась- она уже слышала эти звуки в первый свой день здесь, мистер Уоррингтон назвал их «тамтамы». Глухой ритм поплыл над домом. Примитивный, но завораживающий своей простотой, он захватил сознание, погружая в транс. Луиза прикрыла глаза, отдаваясь этим звукам, тихонько покачиваясь под заданный ритм. Захотелось оторваться от земли и лёгким вихрем закружиться над домом, поднимаясь всё выше и выше... Вскоре в звуки тамтамов впелся ещё один- кто-то запел густым, сочным голосом, низким и вибрирующим. Он проникал под кожу, впитываясь в кровь, стуча в одном ритме с сердцем. Луиза чувствовала, как разгорается что-то внутри, что-то первобытное, но очень знакомое, пульсирует, скручиваясь клубком где-то внизу живота. Захваченная музыкой, она подалась вперёд, чувствуя непреодолимое желание оказаться сейчас там, рядом, слиться с музыкой, стать её частью... Это было волшебство. Самое настоящее, неприкрытое, совсем рядом.

Сколько она слушала так, устроившись на подоконнике и подтянув колени к

подбородку? Подняв глаза вверх, она смотрела на звёзды, удивляясь, как могла не видеть их раньше, не замечать это необъятное небо, пересечённое густой широкой лентой Млечного Пути. Изредка его пересекали стремительные тени-летучие мыши вышли на охоту. Обняв ноги, Луиза мечтательно улыбнулась: где-то в далёкой Англии, быть может, лорд Норидж смотрит так же в небо, любуясь теми же звёздами... Ритм изменился, и голос запел что-то нежное, близкое, бывшее очень понятным, домашним. Девушка широко зевнула, соскользнула с подоконника и, прошлёпав босыми ногами по полу, нырнула в кровать, повернувшись к окну, в котором виднелся кусочек звёздного неба. В сладком сне, что сморил её, пели темнокожие рабы, выстукивая дробный ритм.

***

— Миссис Пинс, как вы считаете, не пришла ли пора нанести визит нашим соседям? — После завтрака мистер Уоррингтон снова уехал на прогулку, и Луиза вдруг подумала о том, как замкнута жизнь на плантации. Куда ей ехать? Дальше двора не выйти, верхом без разрешения опекуна не покатаешься. Да и не с кем. Графиня вздохнула, с тоской вспомнив прогулки по Гайд-парку, которые она совершала в сопровождении леди и джентльменов, называвших себя её друзьями. Интересно, вспоминают ли они о ней сейчас?

— Лоиз, думаю, стоит разослать карточки и ждать приглашения. — Миссис Пинс посмотрела на подопечную поверх серебряной оправы очков, которые надевала, когда собиралась писать. Сейчас она как раз склонилась над бумагой, что-то старательно выводя. — Наверяд ли здешнее общество столь уж сильно отличается от лондонского.

— Вы правы, — загорелась Луиза. — Зэмба! Зэмба, принеси мне шкатулку из спальни. — И проследив взглядом за умчавшейся служанкой, скривила губы: кажется, чинно ходить по дому та никогда не научится. Зря она отказалась взять с собой Сеймура. Хотя, может, ещё не поздно отправить за ним...

Распахнув серебряную шкатулку, на крышке которой матово переливалась эмаль с цветными птицами, Луиза достала несколько расписанных изящной вязью, с цветным гербом в углу, карточек. Зэмба восхищённо смотрела на вощеную бумагу, боясь прикоснуться к ней.

— Кто может отвезти их в соседние поместья? — проговорила Луиза, раскладывая карточки перед собой. — Сколько вообще у нас соседей? — Она перевела взгляд на миссис Пинс. Та сдвинула очки на переносицу и задумалась.

— Ближайшее к нам поместье «Розовый лес»- там живёт француз, некто Вилларе. Чуть дальше, к северу, плантация «Тризон», там живут Бишопы. Их соседи- семейная пара, Жаккар кажется. Полковник Смит... думаю, ему посылать карточку не стоит, как и полковнику Гибсону. Ещё две семейные пары, про них мистер Свенсон упоминал вскользь, но, думаю, им вы тоже должны засвидетельствовать почтение. Хотя, судя по всем этим плантаторам, вы, моя дорогая, единственная аристократка на многие мили.

— Когда вы успели столько узнать? — потрясённо прошептала Луиза, с уважением глядя на сухопарую фигуру в синем.

— Мистер Свенсон охотно делится со мной новостями, — немного смущённо улыбнулась компаньонка, поправив идеальный каштановый локон.

Светло улыбувшись в ответ, Луиза вернулась к карточкам, осторожно проводя рукою по гладкой поверхности. Перед глазами ярко вспыхнуло воспоминание о том, с какой гордостью вручал их ей отец, её первые важные атрибуты светской жизни. В большой коробке, перевязанной пышным бантом, их доставили днем, когда они сидели вдвоём в

голубой гостиной. Лорд Грейсток хитро смотрел на дочь, пока Сеймур торжественно ставил коробку на стол перед ней. Луиза и сейчас помнила, как от волнения покалывало кончики пальцев, пока она развязывала атласную ленту, гадая, что же там может быть... Нарисованные модным лондонским художником, карточки лежали четырьмя ровными стопками, разные, для разных случаев.

— Для визитов на чай. — Луиза достала карточку бежевого цвета с розовой бутоньеркой над её именем. — А эта- для ответных визитов и приглашений. — Она подняла бледно-голубой прямоугольник с венцом из лилий. — Это- для пикников и выездов, — светло-коричневая карточка с узором из листьев плюща легла обратно в коробку. — А эта... — Она благоговейно замолчала, поднимая глаза на отца.

— Для королевской семьи, — закончил за неё лорд Грейсток, тепло улыбаясь, глядя на то, с какой осторожностью, будто её уже касался сам король, Луиза берёт в руку белоснежную восковую карточку с оттиском герба в левом углу.

— Леди Луиза Клиффорд, графиня Грейсток, — прочла она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. После смерти матери её имя впервые звучало рядом с именем Луизы. Графиня Грейсток...

Мягко улыбнувшись воспоминаниям, девушка положила карточку обратно в шкатулку. Так получилось, что именно эти, оставшиеся для высочайших визитов, у неё и остались. Изготовление новых занимало немало времени, а художник, у которого заказывал себе карточки весь Лондон, был занят на год вперёд. Если бабушка сумеет его уговорить сделать исключение, то новые карточки придут через месяц.

Что-то грохнуло и покатилося по мраморному полу холла, звеня, заставляя удивлённо переглянуться и повернуться на звук. Голос Адеолы загремел по дому, ему вторил другой, грудной, приглушённый. Луиза отложила карточки в сторону, игнорируя укоризненный взгляд миссис Пинс, не разделявшей излишнего любопытства подопечной.

Остановившись в дверном проёме, графиня увидела серебряный поднос и многочисленные вилки и ложки, которые они с Адеолой пересматривали вчера, решив, что приборы срочно нуждаются в чистке. Сама экономка стояла у подножия лестницы, тяжело дыша и качая головой, слушая оправдания уронившей поднос служанки. Да и оправдания ли?

— Я не собираюсь чистить то, что не нуждается в чистке! — Луиза удивлённо смотрела на осмелившуюся перечить Адеоле девушку. Кажется, это была та самая служанка, которую она видела в день казни во дворе. Такой чернильно-чёрной кожи она больше не у кого здесь не видела. Негритянка держалась гордо, даже вызывающе, расправив плечи, держа спину настолько прямо и ровно, что сама мысль о том, чтобы её согнуть, казалась кощунством. Платье ядовито-зелёного цвета отличалось от тех, в которых ходили служанки дома. Ткань явно была дороже, да и шили её по другой выкройке.

Заметив графиню, Адеола приветливо улыбнулась, шикнув сквозь зубы чернильной девице. Та же, заметив перемену в лице экономки, резко обернулась. И снова Луиза поразила её необыкновенной, дикой красоте, которой злость придавала ещё больше притягательности: огромные глаза, чуть раскосые, сияли неприкрытой неприязнью. Крылья тонкого носа трепетали, а верхняя губа приподнялась, обнажая белоснежные зубы, будто их обладательница собиралась зарычать. Кажется, она даже сделала движение по направлению к Луизе, и та невольно дёрнулась.

— Таонга, — предостерегающе сказала Адеола. Служанка отвернулась и, будто через силу опускаясь на колени, принялась собирать разбросанные приборы. Кивнув Адеоле,

Луиза поспешила вернуться в гостиную, чувствуя неприятный осадок от встречи со служанкой. Почему она так смотрела на неё? Что плохого успела сделать ей Луиза?

***

— Мистер Уоррингтон! — Луиза успела остановить опекуна, когда тот стремительным шагом пересекал холл. Остановившись, он поднял голову, приветственно кивнув.

— Луиза. — Томас развернулся, собираясь продолжить путь.

— Подождите, — снова окликнула его Луиза, стиснув кремовое кружево подола. — Я хотела поговорить с вами.

— Что-то срочное? — Мистер Уоррингтон подошёл к резному столбику и с легким нетерпением посмотрел на застывшую посреди лестницы девушку.

— Я хотела попросить вас, — Луиза замялась, встречаясь с пронзительным голубым взглядом. — Я хотела бы осмотреть плантацию, если можно. Если вы не против, конечно, — она окончательно смешалась и опустила голову.

— Осмотреть плантацию? — Томас недоуменно нахмурился. — А зачем?

— Мне это было бы очень интересно, — еле слышно проговорила Луиза, чувствуя, как глупо, безумно глупо звучит её просьба.

— Просто так? Луиза, право слово, на плантациях нет ничего занятного, уж лучше осмотрите библиотеку, — с этими словами мистер Уоррингтон собрался уходить. Луиза тихонько вздохнула: почему в голове она умело приводила доводы и рассуждала о том, что могла бы быть полезной, заняться чем-то, чтобы не сидеть без дела в четырёх стенах, но при виде опекуна все аргументы словно выветрились, оставив вместо себя невразумительное блеяние.

— Уоррингтон, ах вы наш очаровательный затворник! — Двери распахнулись, пропуская Франческу Бишоп, в лиловом платье, размахивающую сложенным кружевным зонтиком. — Долго ещё вы собираетесь скрывать от нас свою прелестную подопечную?!

— Франческа! — Луиза никому ещё так не была рада, как миссис Бишоп, картинно замершей в дверях. Она стремительно сбежала по ступенькам, останавливаясь перед улыбающейся женщиной. И в удивлении замерла, наблюдая, как та оценивающим взглядом скользит по фигуре опекуна, склонившегося над её рукой. Франческа заговорщически улыбнулась Луизе поверх спины Томаса и послала ему обворожительную улыбку.

— Мистер Уоррингтон, надеюсь, теперь вы не найдёте больше отговорок избежать нашего общества! — она кокетливо ткнула его зонтиком в плечо, звонко рассмеявшись.

— Боюсь, что вы правы, леди Бишоп, — улыбнулся Томас, огибая её и выходя за двери. — Но сейчас, к моему величайшему сожалению, я вынужден спешить. Всего вам наилучшего!

С этими словами он скрылся во дворе, оставив дам провожать его долгим взглядом.

— И ведь он всегда так, — сокрушённо вздохнула Франческа. — Стоит решить, что попался, как тут же выскользает из рук... Ну да не о нём речь. Я ведь к вам приехала, Луиза, дорогая! Надеюсь, у вас нет никаких планов на пятницу?

— Планов? — Луиза подавила смешок, едва не заявив, что у неё нет вообще никаких планов ни на сегодня, ни на завтра, ни на пятницу, ни вообще на ближайшие несколько месяцев. — Нет, Франческа, в пятницу я, кажется, свободна.

— Прекрасно, — кивнула леди Бишоп, беря её под руку. — В таком случае мы ждём вас с мистером Уоррингтоном в «Тризоне» на пикник. Ничего особенного, лишь самые близкие друзья. Хотя кого я пытаюсь обмануть- соберётся всё наше небольшое общество.

— Надо спросить у мистера Уоррингтона, — замялась Луиза. — Будет ли у него время...

— Конечно же будет! — воскликнула Франческа. — Не может же он держать вас взаперти! К тому же я лично привезла приглашение... А давайте у него спросим! Сейчас же!

— Сейчас? — Луиза смотрела на миссис Бишоп, вновь заряжаясь её энергией.

— Ну конечно же, почему нет? Не будем же мы ждать, пока он вернётся! У меня, знаете ли, ещё пять визитов на сегодня запланировано!

С этими словами леди Бишоп решительно вышла во двор.

— Где тут у вас конюшни? — повелительным тоном спросила она проходившего мимо слугу. — Пойдёмте же, Луиза, дорогая!

Путь в конюшни лежал через двор, на котором несколько дней назад проходило наказание бунтовщиков, и Луиза поспешно отвернулась от столбов, выделявшихся на безоблачном небе. Франческа даже не повернула голову в их сторону, направляясь к распахнутым дверям большой конюшни, из которой как раз конюх выводил прекрасного жеребца мистера Уоррингтона. Сам он шёл следом, со стеклом под мышкой. Завидев дам, он остановился и слегка нахмурился.

— Леди Бишоп, вы что-то хотели? — Томас повернулся к ним с выражением крайней заинтересованности на лице.

— О, да, мистер Уоррингтон, — очаровательно улыбнулась Франческа, распахнув зонтик, который тут же отбросил кружевную тень на её лицо. — Я забыла сказать вам о цели своего визита.

— Разве вы приехали не навестить Луизу? — искренне удивился Уоррингтон, искоса наблюдая за тем, как нетерпеливо приплясывает жеребец. Забыв обо всём, Луиза залюбовалась прекрасным животным, наконец оказавшись от него так близко, что можно было рассмотреть даже небольшую белую звездочку на его лбу. Переглянувшись с конюхом, она подошла к коню, не решаясь, однако, протянуть руку.

— Я хотела пригласить вас на пикник, — проговорила меж тем Франческа, пытаясь поймать внимание Томаса. — Вы ведь приедете?

Уоррингтон тем временем с интересом наблюдал за Луизой, которая крохотными шажками подходила к Герцогу, несмело ему улыбаясь.

— Мистер Уоррингтон! — в нетерпении притопнула ножкой леди Бишоп. — Так что вы ответите?

— Непременно, леди Бишоп, непременно, — рассеянно произнёс Томас и, коротко поклонившись, направился к Луизе.

— Вы можете сидеть в седле? — он посмотрел на девушку, и та снова вспыхнула от ярких смешинок, что плясали в его глазах.

— Могу, — Луиза вздёрнула подбородок. — Мне даже приходилось участвовать в скачках!

— В скачках? — пришло время удивиться Уоррингтону.

— Луиза, вы поистине кладёшь открытий и неожиданностей! — воскликнула Франческа, подойдя ближе.

— Ну, это были скачки по Гайд-парку, — смутилась от неподдельного интереса в глазах собеседников Луиза.

— Что ж, думаю, здесь условия не хуже, — хмыкнул Томас. — Быть может, вы присоединитесь как-нибудь ко мне?

— С радостью! — Луиза счастливо улыбнулась- как всё легко и просто складывается, не стоило и переживать. — Правда, я давно не сидела в седле... Но уверена, это поправимо. Жаль, что пришлось оставить своё седло дома...

— Моя дорогая, боюсь, у мистера Уоррингтона не найдётся женских сёдел, — с лёгкой улыбкой проговорила Франческа. Следующий же вопрос мистера Уоррингтона подтвердил её опасения.

— Вы ведь умеете ездить верхом?

— Верхом? — Луиза посмотрела на жеребца. — По-мужски?

— Ну да, — невозмутимо продолжил Томас, кладя руку на седло. — По одной ноге с каждой стороны.

— Нет, конечно, что за глупости! — Луиза нервно рассмеялась и повернулась к Франческе, ища у неё поддержки. — У меня и ноги-то так не разойдутся!

— Моя дорогая, я охотно расскажу тебе о преимуществах езды верхом, — хитро улыбнувшись, леди Бишоп качнула головой. Сверху донёлся приглушённый смешок, и Томас, тронув бока коня, выехал со двора.

Одиннадцатая глава

В последующие дни Луиза практически не видела опекуна, но это удивительным образом перестало её беспокоить. Она готовилась к пикнику с таким усердием, будто ей предстоял приём в Букингемском дворце. И действительно, волнение, охватившее её, было схоже с волнением перед представлением Его Величеству, бывшее, казалось, так давно, ещё в прошлой жизни, год назад! Разбирая наряды, Луиза корила себя за то, что не додумалась узнать у Франчески, что сейчас модно в Луизиане.

— Ну, уж точно в лондонских нарядах вы от моды не отстанете! — проворчала миссис Пинс, придирчиво оглядывая разложенные перед ней перчатки. Луиза же, зарывшись в ворох атласа, муслина и газа, пыталась выбрать платье.

— Какая красота, мисс Луиза, мэм! — восхищённо воскликнула Зэмба, осторожно доставая из груды нарядов переливающееся золотыми нитями платье из тончайшего атласа Дюбари. Цвета слоновой кости, оно матово сияло в солнечном свете. Длинный шлейф золотым хвостом стелился по полу.

— О, я была в этом платье при представлении королю, — улыбнулась Луиза.

— Настоящему королю, мэм? — ахнула Зэмба, благоговейно кладя одеяние на кровать.

— Именно, — заговорщически шепнула Луиза. И со вздохом сожаления повернулась к платьям: — А что надеть на пикник не знаю.

— Думаю, стоит остановить выбор на чём-то менее торжественном, — бросила взгляд через стекло очков миссис Пинс. — Например, вон то мятное муслиновое для дня, а изумрудно-зелёное атласное для вечера.

— Изумрудно-зелёное? — с неохотой протянула Луиза, косясь на предложенное платье. Ей оно казалось слишком скучным и чопорным. Хотя появляться в бальном платье с низким вырезом на первый же приём было бы слишком вызывающе.

— Думаю, я остановлю свой выбор на муслиновом. — Она указала на выбранный компаньонкой наряд. — А для вечера выберу во-он то. — И её длинный пальчик указал на кусочек атласа цвета лаванды, отделанного серебряным кружевом. — Не слишком вычурно, не слишком скучно.

***

В ночь перед пикником Луиза думала, что не сомкнет глаз, но Адеола, по настоянию миссис Пинс, изготовила чай с успокоительными травами, который Луиза благодарно выпила.

— Чтобы не было мешков под глазами, — приговаривала миссис Пинс, следя за тем, чтобы подопечная выпила всё до капли.

— Вы так переживаете, что не сможете сомкнуть глаз? — Мистер Уоррингтон, проходивший, очевидно, мимо, облокотился на дверной проём, разглядывая ворох тканей. — Кажется, я забыл, что значит первый бал для дебютанток.

— Я не дебютантка! — вспыхнула Луиза. Почему он упорно считает её слишком юной?! — Мой первый бал состоялся год назад!

— В таком случае не могу понять причин вашего волнения, — Томас демонстративно обвёл взглядом платья. — Решаете, в чём пойти? Могу подсказать: дамы будут мало прикрыты. Скорее, задрапированы, нежели наряжены. Хотя признаюсь, это выглядит довольно мило. В некоторых случаях...

Миссис Пинс бросила сердитый взгляд на Уоррингтона, указывая глазами на побледневшую Луизу, которая с ужасом представила, что ей придётся выбирать наряды заново.

— Впрочем, уверен, всё, что вы уже выбрали, будет смотреться превосходно, — попытался исправить оплошность Томас. — Всё же я не знаток женской моды. Увы. — Он прошёл в комнату и взял в руки невесомую, отделанную лебяжьим пухом пелеринку. — Не уверен, что это вам пригодится. О, сколько пуговиц, надо же! — Томас поднял перчатку. — И все они расстёгиваются?

— Мистер Уоррингтон, — прошипела миссис Пинс, — думаю, обсуждение женских туалетов не входит в список рекомендованных для разговора тем.

— А такой список существует? — натурально удивился Томас, поднимая на нее ясный честный взгляд. Луиза не выдержала и прыснула, зажимая рот ладонью. — Простите, я действительно не знаю многого из того, что принято в лондонских гостиных. Возможно, именно поэтому приходится сидеть затворником в своём поместье. Лишь бы не стать посмешищем... — Он притворно вздохнул, сокрушённо качая головой.

— Мы обязательно это исправим, мистер Уоррингтон, — воодушевленно воскликнула Луиза. — Я с радостью посвящу вас во все тонкости этикета!

— Непременно, Луиза, непременно... — улыбке Томаса мог позавидовать самый приветливый мажордом в популярной гостиной. — А теперь я вас оставляю, чтобы не смущать. Миссис Пинс. — Он кивнул и покинул гостиную. Луиза некоторое время смотрела ему вслед, чувствуя, как зарождается дружеское тепло в груди. Действительно, с мистером Уоррингтоном можно найти общий язык. Надо только постараться. Широко зевнув, она виновато покосилась на компаньонку, но та покровительственно махнула рукой, отпуская уставшую девушку спать.

Ей опять было душно. Так душно, что воздух с трудом проталкивался через лёгкие. Луиза пыталась позвать Зэмбу, но из груди вырывались лишь сиплые выдохи. Перед глазами всё плыло, мутные очертания кровати выплывали из тумана. Столбик кровати незыблемым маяком стоял перед глазами, и Луиза вцепилась в него взглядом, пытаясь поднять отяжелевшую руку и протереть глаза. Но тело не слушалось, а разум проваливался в чёрную пропасть, изредка оттуда выныривая, чтобы снова найти чёрный столбик. Луиза нахмурилась, пытаясь понять, почему он вдруг раздвоился и одна его часть приближается к ней. Паника накатила резко, погребая под собой остатки разума. Девушка расширившимися от ужаса глазами наблюдала за фигурой, уже не сомневаясь, что это человек. В темноте что-то зловеще блеснуло. Её сейчас убьют! Мысль пронзила, заставляя крепко зажмуриться, попытаться сжаться в комочек. Она чувствовала, как человек склонился над кроватью, слышала тихое дыхание и пыталась успокоиться, перестать дышать так громко и тяжело. Кровать прогнулась, и Луиза почувствовала, что задыхается. Что-то лязгнуло, и вдруг всё прекратилось. Луизу снова окружала тишина и темнота. Приоткрыв глаза, она поняла, что совершенно одна. Что это было? Сознание покинуло её, уступая блаженной тьме.

Утро встретило ясным солнцем. Тихонько напевающая что-то мелодичное под нос Зэмба ходила по комнате, распахивая ставни. Комната стремительно наполнялась звуками: ржанием, криками слуг, стуком молотка и далёким пением рабов. Луиза потянулась, шурясь на свет, и улыбнулась. Тело наполняла лёгкость и воздушное предвкушение. Ночные кошмары остались позади, оставив лишь облачко недоумения на задворках сознания. Резко сев на кровати, Луиза потянулась, запуская руки в волосы. Зэмба склонилась над тазом для

умывания, наливая воду, а Луиза вдруг замерла, проводя по волосам снова и снова. Липкие мурашки пробежали по телу, оседая в животе: на затылке топорщился небольшой ёжик...

— Зэмба? — Луиза старалась говорить твёрдо, но голос ощутимо подрагивал. — А ко мне ночью никто не приходил?

— Ночью? — служанка обернулась, недоуменно глядя на хозяйку. — Нет, мисс Луиза, мэм, никого не было. А что?

— Н-нет, ничего. — Луиза рассеянно опустила руки в прозрачную воду, чувствуя, как стремительно тускнеет яркое утро. Страшная размытая фигура словно встала за спиной, щёлкая ножницами.

Надо непременно рассказать всё мистеру Уоррингтону! Несомненно, он найдёт разумное объяснение произошедшему. Ведь не с потолка же свалился этот ночной визитер! Это наверняка был кто-то из слуг. Но зачем кому-то понадобились её волосы? Луиза зябко поёжилась, стоя на утреннем солнышке и кутаясь в тонкую кашемировую шаль. Плетёный сундук с вечерним платьем уже закрепили на заднике коляски, и миссис Пинс, заставившая Зэмбу переодеться уже два раза, то и дело бросала нетерпеливые взгляды на двери.

— Мистер Уоррингтон хочет, чтобы мы опоздали? — Она покачала головой: — Это, конечно, признак хорошего тона, но приезжать к вечеру всё-таки будет слишком. —

Будто только и ожидая этих слов, дверь распахнулась, выпуская мистера Уоррингтона. Луиза облегчённо улыбнулась: невнятные страхи навевали мысли о том, что с опекуном что-то произошло.

— Все готовы? — он спустился по ступенькам и подошёл к коляске, протягивая руку, помогая забраться в коляску дамам. Луиза подтянула короткую дорожную перчатку, наблюдая, как мистер Уоррингтон садится в седло и отъезжает со двора. Ехать предстояло два часа, и Томас не спешил пускать коня в галоп, сопровождая коляску.

— Луиза, вы сегодня чрезвычайно бледны, — смеющиеся глаза смотрели сверху вниз на девушку. — Вы плохо спали?

— Ужасно, — с готовностью выдохнула Луиза, но тут же оборвала себя. Делиться с миссис Пинс, сидевшей рядом, не входило в её планы. — Переживала, — со слабой улыбкой добавила она.

— Думаю, вам как завсегдатаю лондонского общества должно быть совершенно не страшно перед местным. Уверен, вы всех поразите.

— Спасибо, — пробормотала Луиза, затягивая плотнее бант под подбородком. Коляска неспешно катилась по дороге, лёгкий ветерок колыхал поля соломенной шляпки, а яркое солнце с трудом пробивалось сквозь густые сплетения ветвей над головой. — Скажите, а болота от нас далеко?

— Болота? — Уоррингтон нахмурился. — А почему вы спрашиваете?

— Я почти ничего не знаю о месте, в котором живу. Но о болотах Луизианы успела услышать от миссис Бишоп. Да и Адеола утверждает, что по ночам по болотам бродят духи.

— И вы, несомненно, в это верите, — со смехом предположил Томас. — Нет, болота от «Магдалень» не далеко, они окружают плантации с севера и запада. Вон там, — он поднял руку, указывая в просвет между деревьев, — начинаются плантации тростника. Они тянутся вдоль дороги. Когда они закончатся, мы покинем «Магдалену».

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Луиза присмотрелась и разглядела серо-зелёное море, мерно колышущееся на ветру. Иногда тростник вздрагивал, будто кто-то дёргал его снизу.

— Сбор уже начался, — в ответ на её вопросительный взгляд произнёс Томас. — Здесь мы собираем два урожая за сезон, а в Азии, как мне известно, сбор доходит до четырёх урожаев за год.

— А что с ним делают потом, — заинтересовалась Луиза.

— Отправляют на переработку. Стебли обдирают, складывают в огромные чаны и там железными жерновами перемалывают их, заставляя выделять сок. Далее в сок, который, по сути, уже является сахаром, добавляют известь, нагревают и выпаривают... Но я боюсь, это не слишком интересно для вас.

— О, нет, напротив! — Такой долгой речи от опекуна она, кажется, ещё ни разу не слышала. Было видно, что он действительно любит своё дело. — А на «Магдалене» выращивают только тростник?

— Недавно мы стали засеивать свёклу, — воодушевлённо ответил Томас. — А на юго-востоке нашли соляное озеро. Думаю, со временем мы начнём его разрабатывать и добывать соль.

— Это невероятно интересно! — искренне заявила Луиза. — Быть может, вы найдёте время как-нибудь показать мне ваши владения?

— Не раньше, чем сделаем вам седло, — усмехнулся Томас. — Коляска не проедет по плантации. Это единственная дорога, которая соединяет нас с внешним миром.

Некоторое время они ехали молча, и Луиза исподволь любовалась жеребцом, что трусил у дверцы коляски. Упругие бока глянцево блестели, живот, перехваченный пристругами, мерно вздымался при каждом шаге. Взгляд Луизы невольно скользнул дальше, на стремяна, в которых плотно стояли начищенные до блеска сапоги из мягкой чёрной кожи. Бёдра, обтянутые бриджами травяного цвета, плотно сжимали бока коня. Луиза с интересом осознала, что мышцы, перекатывающиеся под тканью, привлекали к себе внимания не меньше, чем круп жеребца. Она вдруг подумала, что всадник и конь действительно составляли одно целое, двигаясь в одном ритме. И что ленивая грация, с которой они двигались, была более чем обманчива, и, будь на то необходимость, конь моментально сорвался бы с места в карьер, повинаясь малейшему приказу хозяина. Она снова бросила быстрый взгляд на ноги мистера Уоррингтона, чувствуя неожиданное и шокировавшее её желание дотронуться до них, погладить. Проверить, насколько он схож с породистым жеребцом, который вёз его.

Радуюсь тому, что широкие поля шляпки скрывают внезапно покрасневшее лицо, Луиза позволила себе маленькую слабость: снова посмотреть на столь взволновавшее её бедро, размышляя о том, что ранее не замечала за собой интереса к мужским ногам. К сильным, мускулистым мужским ногам. Беззвучно охнув, она стремительно опустила голову ещё ниже, будто кто-то мог прочесть мысли, молнией промелькнувшие в голове.

Миссис Пинс дремала напротив, Зэмба и кучер напевали незамысловатый мотив. А Луиза стискивала руки на коленях, сминая тонкую ткань перчаток, пытаясь не смотреть в сторону неспешно ехавшего рядом опекуна, молясь, чтобы тот либо отстал, либо, напротив, пришпорил коня. К счастью, её молитвы вскоре были услышаны, и Томас, сообщив, что по пути ему надо заехать на одно из полей и что он обязательно их догонит, свернул на неприметную тропинку.

С его отъездом Луиза будто выдохнула, снова замечая окружающую дорогу, и даже улыбнулась своим странным мыслям. И в самом деле, что за дикое желание — погладить чужую ногу! Луиза фыркнула, покачав головой. На миг она представила, как бы это

выглядело, реши она попросить разрешения у мистера Уоррингтона потрогать его ногу. О, святые угодники, эта жара кого хочешь сведёт с ума!

Плантация меж тем закончилась, и теперь дорога бежала сквозь густой пролесок, влажный и мрачноватый. Седые кружева мха поднимались к верхушкам деревьев, так крепко переплетая их между собой, что казалось, будто коляска едет по тоннелю. Яркие сочные лужайки исчезли, уступив место густым зарослям остролистных кустарников и миртовых деревьев. Отчётливо запахло водой, и вскоре показалась река, медленно несущая чёрные непрозрачные воды к морю. У берегов плясала ярко-зелёная ряска, космы мха спускались к воде, слабо подрагивая.

Дорога укачивала, и Луиза, несмотря на обещание, данное самой себе, не спать, не заметила, как задремала.

— Пропустите самое интересное, — прозвучал над ухом голос мистера Уоррингтона, и она вздрогнула, выныривая из смутных сновидений. Недоуменно посмотрев на вновь ехавшего у её дверцы опекуна, Луиза перевела взгляд вперёд. Мрачный лес давно закончился, сменившись обширными лужайками, засаженными разнообразными цветами, над которыми порхали разноцветные бабочки. Хозяйский дом выплывал из цветочного великолепия, словно распахивая руки, витые лестницы, гостям. Коляска сделала плавный круг и остановилась у подножия одной из лестниц, на которой уже стояла Франческа, облачённая в платье шафранного цвета и тюрбан с перьями глубокого гранатового цвета. Рядом застыл мужчина в гранатовых бриджах и сюртуке. Белоснежное кружевное жабо перехватывал небольшой рубин. От него веяло такой чопорностью, что Луиза на мгновение почувствовала себя вновь в Англии, почти с любовью посмотрев на мистера Бишопа.

— Луиза, дорогая, невероятно рада тебя видеть! — защебетала Франческа, стоило коляске остановиться. — Позволь же представить тебе моего мужа, лорда Бишопа. Генри, подойди, познакомься с графиней Грейсток.

— Позволь ей для начала спуститься. — Голос лорда Бишопа, казалось, был способен остудить Миссисипи, но на его жену никак не подействовал. Она продолжала что-то щебетать, протягивая руку мистеру Уоррингтону, который, поздоровавшись с хозяевами, помог спуститься дамам.

— Леди Грейсток, рад приветствовать вас в «Тризоне», — торжественно произнёс лорд Бишоп, склоняясь над рукой графини.

— Мне бесконечно приятно познакомиться с вами, лорд Бишоп, — ответила Луиза, внутренне съеживаясь от равнодушного взгляда холодных голубых глаз. — Я наслышана о вас.

— Не сомневаюсь, что Франческа представила меня в наилучшем свете, — тонкая светло-русовая бровь иронично изогнулась.

— Ну, что же мы стоим, все гости уже собрались! — Леди Бишоп, подхватив подол платья, поспешила по дорожке, усыпанной мелким гравием.

Яркое солнце вынырнуло из-за кроны дуба, освещая Франческу, и Луиза невольно ахнула. Миссис Пинс потрясённо выдохнула что-то нечленораздельное. Под жёлтым платьем креолки легко угадывались очертания фигуры, которая просвечивала сквозь два слоя тонкого муслина. Лёгкий ветерок заставлял ткань липнуть к телу, и под завышенным лифом отчётливо проступали очертания не скованной корсетом груди.

— Я же говорил, чтобы вы не переживали по поводу одежды, — прошептал мистер Уоррингтон, проследив за шокированным взглядом Луизы. — Местные дамы полагают, что

чем меньше её будет, тем лучше.

— Не думайте, что я позволю вам появиться в чём-то подобном, — тихо пробормотала миссис Пинс, провожая глазами Франческу и лорда Бишопа.

— Не думаю, что я когда-либо решусь на подобное, — нашла в себе силы ответить Луиза и, задрвав подборок, проследовала за хозяевами.

Двенадцатая глава

Обогнув дом, Луиза остановилась, искоса поглядывая на миссис Пинс, которую, казалось, вот-вот хватит удар.

— Мистер Уоррингтон, — прошептала Луиза, не переставая при этом улыбаться то и дело оборачивающейся Франческе, — но это же бесстыдство! Она же... кажется, у неё под платьем ничего нет!

— Я поражён вашей наблюдательностью, — ухмыльнулся Томас.

— Но как... почему... а лорд Бишоп... — беспомощно лепетала Луиза, не в силах отвести глаз от ног, чьи очертания легко угадывались под тканью.

— Думаю, что разбираться в тонкостях женского гардероба я не должен, по словам миссис Пинс это слишком неприлично. — Мистер Уоррингтон мило улыбнулся гневно вспыхнувшей компаньонке. Та собиралась было возразить, но хозяева остановились, а несчастная так и замерла, глядя перед собой, забыв закрыть рот.

На аккуратно подстриженных изумрудно-зеленых газонах в тени крон миртов, с которых свисал вездесущий мох, лежали пёстрые скатерти, на которых изящно сидели и полулежали дамы. Джентльмены стояли в стороне небольшой группкой, изредка перебрасываясь с ними весёлыми фразами. Ближе к дому стоял накрытый стол, и вышколенные слуги в ливреях застыли над блюдами, при необходимости разливая напитки и ожидая сигнала о том, что пора подавать жаркое.

Местный пикник на первый взгляд мало чем отличался от того, к чему привыкла Луиза в Лондоне, но вот мода... Она смотрела и не могла оторвать глаз от прозрачных платьев и того, с какой небрежной лёгкостью их носили молоденькие девушки и дамы в возрасте. Определённо, здешний мир сошёл с ума...

— Дамы и господа! Позвольте представить вам нашу гостью, прелестную графиню Грейсток! — Франческа театрально отступила в сторону, указав на смущённую Луизу, которая, впрочем, мгновенно взяла себя в руки и учтиво заулыбалась.

— Мадам Жаккар, — представила полную розовощёкую особу лет двадцати пяти Франческа. Затянутая в газ цвета фуксии, мадам Жаккар, не скрывая любопытства, рассматривала Луизу, не уставая растягивать пухлые губы в милой, как ей казалось, улыбке. Мсье Жаккар, высушенный сорокалетний мужчина с кустистыми бакенбардами, осторожно взял руку графини в свои влажные ладони и прижался к ней губами, словно хотел оставить след. Луиза едва сдержалась, чтобы не вырвать руку и не вытереть её о подол платья. Следом подошли два статных седовласых мужчины, в которых Луиза сразу признала отставных полковников.

— Полковник Смит. Полковник Гибсон. — Они синхронно склонили головы и кивнули мистеру Уоррингтону. Неуловимо похожие, мужчины запечатлели сухие поцелуи на её руке и с достоинством отошли в сторону, продолжая прерванный, видимо, невероятно увлекательный разговор.

— Ах, боже мой! Ну наконец-то, наконец-то у моих девочек появится подруга, которая сможет наставить их и просветить! — визгливо приговаривая, к Луизе подошла, пройдя между полковников, дама лет тридцати пяти, облачённая в небесно-голубое платье, что несомненно шло её глазам, но явно не соответствовало возрасту. Широко улыбаясь и не переставая причитать, она метнула грозный взгляд на Франческу, которая, незаметно

состроив Луизе гримаску, поспешила её представить.

— Мадам Монсиньи. — Названная дама дружественно кивнула и отошла в сторону, подталкивая под спину трёх неразлично похожих девушек. Все они обладали прекрасными глазами матери и, видимо, её утончёнными манерами.

— Вы прекрасны, леди Грейсток! — воскликнула самая высокая, разглядывая платье графини. — Это муар?

— Муслин, — поправила её Луиза, осторожно вытаскивая подол платья из её руки.

— Никогда не видела такой изумительной шляпки! — подхватила вторая, становясь на цыпочки, чтобы разглядеть головной убор.

— Вы- сама элегантность! — воскликнула третья, не сводя с графини влюблённых глаз. Растерявшаяся от такого напора неприкрытой любви и восторгов, Луиза могла только кивать и улыбаться, в душе надеясь, что выглядит не слишком глупо и поверхностно. Видимо, то же самое о ней подумал и стоящий неподалёку мужчина, насмешливо следивший за представлением графини.

— Де Шабри, ну подойдите же, — повелительно махнула рукой Франческа, подзывая незнакомца поближе. — Николя де Шабри, наш неподражаемый маркиз!

— Всего лишь виконт, — тонко улыбнулся де Шабри, запечатлевая невесомый поцелуй на протянутой руке. — Младший сын в большой семье. Очень большой семье.

— Наш дорогой Ники сбежал от родственников в Америку, — продолжала щебетать Франческа, бросая огненные взгляды на ладную фигуру маркиза. — До сих пор не хочет признаваться, что же заставило его остаться!

— Быть может, я расскажу вам, леди Бишоп, — лениво улыбнулся Николя, окидывая фигуру хозяйки дома оценивающим взглядом. Та вспыхнула и немного нервно взмахнула рукой:

— Я не верю ни одному вашему слову, де Шабри! Вы можете только обещать!

— Если бы вы были джентльменом, я бы вызвал вас на дуэль за такие слова! — притворно нахмурился Николя.

— Что ж, мне остаётся только сожалеть, что я не джентльмен, — вздохнула Франческа и кокетливо улыбнулась. Луиза с наслаждением вслушивалась в лёгкий флирт, чувствуя себя почти дома. А вот мистеру Уоррингтону явно было не по себе. Отойдя от подопечной, он, видимо, надеялся остаться незамеченным, но прекрасные дамы в лице дочерей Монсиньи окружили его, наперебой рассказывая о последней поездке в Батон-Руж.

— Кажется, вашего опекуна пора спасать, — шепнул де Шабри, кивая на Томаса, чья улыбка, казалось, приклеилась к лицу навечно.

— Думаете, стоит? — Луиза покосилась на девиц, которые чуть ли не отпихивали друг друга в попытке завладеть вниманием мистера Уоррингтона. К её удивлению, не только молодые девушки не сводили глаз с высокой фигуры Томаса. И старшая Монсиньи, и Жаккар тайком, как им казалось, бросали пылкие взгляды.

— Иногда я боюсь, что стоит мне споткнуться и упасть, как они набегут и съедят меня, — проследив за направлением её взгляда, сказал де Шабри. — Я несказанно рад, что Уоррингтон посетил нас сегодня.

— Но при этом вы не спешите ему помочь? — удивилась Луиза.

— О, нет, пусть немного побудет в моей шкуре, — ухмыльнулся де Шабри, хитро сверкнув глазами.

В целом пикник проходил весело и непринуждённо, а Луиза, оправившись от шока,

любезно общалась с плантаторами, стараясь не обращать внимания на слишком прозрачные платья и голые руки, в то время как сама так и не смогла заставить себя снять перчатки, несмотря на неоднократные увещевания Франчески.

— Дамам пора отдохнуть! — мило улыбаясь, хозяйка дома повела гостей в дом.

Луиза облегчённо вздохнула, оказавшись в прохладном холле, и призналась себе, что отчаянно запарилась, с завистью поглядывая на местных леди. Весело болтая, они поднимались вверх по изящной белоснежной лестнице, укрытой пушистым лиловым ковром. На время забыв о духоте и неприятностях, с ней связанных, Луиза с интересом разглядывала убранство «Тризна». Внутри главный дом невероятно походил на свою хозяйку: он был воздушным, светлым и ярким. На светлых, цвета слоновой кости, стенах висели пейзажи с видами Луизианы и лавандовыми лугами Прованса. Комнаты утопали в зелени и цветах, бывших повсюду, куда только могла дотянуться заботливая рука. Комната, в которой собрались дамы, походила на гостиную и будуар одновременно. Занавешенные тончайшей кисеей кровати, банкетки, расставленные вдоль стен, трехногие столики с изогнутыми ножками, заставленные прохладительными напитками- и всё это нежнейших лавандовых и белых тонов.

Со вздохами облегчения дамы падали на плюшевые кресла и диванчики, принимая из рук служанок оршад и лимонад. Над головами медленно запорхали пушистые опахала, принося долгожданную прохладу.

— Я до последнего сомневалась, что Уоррингтон приедет, — заявила мадам Жаккар, глупо хихикнув. — Простите, Луиза, мы несомненно рады знакомству и тому, что вы теперь принадлежите нашему обществу, но Томас Уоррингтон...

— Загадка Луизианы, — подхватила мадам Монсиньи, сделав большие глаза. — Он появляется лишь на балу, посвящённом Дню Независимости, да на Большом Рождественском балу. Представляете, какие домыслы гуляют среди нас?!

— А я считаю, что он невероятно красив, — мечтательно выдохнула старшая из дочерей Монсиньи, Маргарита.

— Красив, как самый тяжкий грех, — согласно кивнула мадам Жаккар, мечтательно пошевелив пухлыми пальцами в воздухе. — Но я бы нашла способ этот грех замолить, — она подмигнула Франческе и, не глядя, протянула пустой стакан за спину, где его моментально заменили на новый.

— Думаю, мы сполна насладимся сегодня его обществом, — заявила леди Бишоп, поворачиваясь, чтобы служанка расстегнула крючки на платье. — На этот раз ему не отвертеться от танцев!

Луиза удивлённо слушала о том, как женщины оживлённо обсуждают её опекуна. Нет, она считала его привлекательным мужчиной, но не думала, что дамы находят его настолько привлекательным. Они несколько минут спорили о цвете его глаз, а Луиза вдруг подумала, что тоже понятия не имеет, какие они. Серые или всё-таки голубые?

— А его фигура! — протянула мадам Жаккар. — Скажу вам по секрету: это одни из самых красивых ног во всём штате! У Уоррингтона и де Шабри. У моего Эдварда по сравнению с ними тощие палки!

— Бедный де Шабри наверняка будет ревновать! — воскликнула Маргарита, обведя присутствующих возбуждённым взглядом. — В прошлый раз я станцевала с ним две кадрили, и он полвечера говорил мне, что я невероятно изящна.

— Моя дорогая, смотри правде в глаза: аллигаторы на болотах изящнее тебя, —

отмахнулась мадам Жаккар, с удовлетворением замечая, как покраснела Маргарита. — Он просто хотел дать понять, что ты отдала ему все ноги!

— Думаю, по той же причине он не станцевал с вами, Аделаида, — мстительно парировала старшая Монсиньи, вздёрнув слегка курносый нос.

— Дамы, давайте не забывать, что среди нас новый человек! Что графиня Грейсток подумает о нас, услышав такие разговоры! — примирительно произнесла мадам Монсиньи, одёргивая дочь.

— О, поверьте, мне доводилось быть свидетелем не одного подобного разговора, — улыбнулась Луиза. — Я уверена, все здесь присутствующие являют собой образец грациозности!

— Я же говорила, что она невероятно воспитана! — громко прошептала младшая Монсиньи на ухо средней сестре. Окружающие предпочли сделать вид, что ничего не слышали.

— Осторожнее! — воскликнула Франческа, освобождаясь наконец от платья. Луиза невольно прикрыла глаза, чувствуя, как вспыхивают уши: неужели леди Бишоп совершенно чуждо чувство стыдливости?!

— С вами всё в порядке, моя дорогая? — послышался её заботливый голос, и Луиза нехотя открыла глаза. Вопреки опасениям, леди Бишоп оказалась облачена в кружевную рубашку и трико нательного цвета, похожее на то, что носили циркачи в «Амфитеатре Астли». — Вероятно, это от жары. Нам всем давно следовало бы раздеться!

Согласно загомонив, дамы отдались в умелые руки служанок, разоблачаясь и оставаясь, все как одна, в одинаковых трико. Луиза лишь усмехалась своим страхам — под платьями дамы оказались достаточно облачены, создавая лишь видимость обнажённого тела.

— Моя дорогая, вы всё ещё носите корсет! — воскликнула мадам Жаккар. Трико обтягивало её пышные формы, казалось, делая женщину ещё объёмнее.

— Боже, благослови мадам Жозефину и Директорию! — выдохнула мадам Монсиньи, подмигнув подругам. — Тот день, когда они провозгласили отказ от корсетов, до сих пор я отмечаю, как праздник!

— В Англии никто и не думает от них отказываться. — В сорочке, нижней юбке и корсете Луиза чувствовала себя не совсем свободно среди полуобнажённых женщин.

— А я ни разу не надевала его, — сказала Маргарита.

— И я, — хором ответили Анна-Мария и Полина, её сёстры.

— Ни разу? — Кажется, сегодняшний день уже не мог шокировать англичанку сильнее, но всё же это удалось. — Но как... Я ношу корсет с двенадцати лет, не представляю, как можно...

— Думаю, самое время что-то поменять! — заговорщически подмигнула Франческа. — И почувствовать себя наконец южанкой!

— Не думаю, что это именно тот случай, когда это уместно, — засомневалась Луиза, оглядывая обступивших её дам.

— Поверьте, об этом никто не узнает, а вы почувствуете себя совсем по-другому!

— Я бы всё-таки не стала менять что-то так резко, — попыталась слабо возразить Луиза, с тоской подумав о том, как ей пригодилась бы сейчас негибкая твёрдость миссис Пинс.

— Моя дорогая, право слово, ваш небольшой демарш никто не заметит!

— улыбнулась Франческа, деликатно прикрыв рот ладонью и подавляя зевок. — И я

уверена, что ближе к ужину вы измените своё решение.

Луиза облегчённо вздохнула- чопорной англичанкой выглядеть не хотелось, но здешние нравы уже успели поразить, и ей определённо было над чем подумать до танцев.

***

— Боже, оно невероятно красиво! — восхищённо выдохнули леди, разглядывая принесённое служанкой платье. Жара спала, и пришло время приводить себя в порядок. Отдохнув и немного подремав, дамы готовились к торжеству с нетерпением детей перед Рождеством. Луиза радовалась не меньше, предвкушая свой первый званый ужин в Америке. Подумать только, раньше она могла провести не один час, составляя расписание на месяц, смотря на десятки разложенных на столе карточек и думая, кому можно отказать без боязни обидеть. А теперь радовалась небольшому ужину и танцам в кругу столь узком, что в доме на ежедневный ужин у Грейстоков порою собиралось в два раза больше человек...

И вот сейчас одно из платьев, которое она надевала целых два раза, вызвало такую бурю эмоций! Поддавшись на уговоры, Луиза отказалась-таки на вечер от корсета и сейчас чувствовала небывалый подъём, казавшись себе отчаянной бунтаркой из авантюрных романов. Лиф платья нежного лавандового цвета льнул к груди, широкая лента серебряного цвета перехватывала завышенную талию, а книзу подол расходился и кружевным шлейфом струился по полу. Шелковые белоснежные перчатки выше локтя и расписной веер из слоновой кости дополняли её наряд. Тонкая нитка перламутрового жемчуга нежно-розового оттенка и серьги в тон были единственными украшениями. Луиза выглядела изящно и модно и могла бы хоть сейчас ехать в Друри-Лейн или Ковент-Гарден. Но, глядя на остальных дам, она понимала, что сильно отстаёт, если так можно сказать, от здешней моды.

Платья всех без исключения дам были невероятно коротки- на целую ладонь выше пола! А низкие декольте в форме сердец заставляли с тоской вздохнуть по отвергнутым по причине излишней откровенности придворным платьям. От драгоценностей рябило в глазах, ими не пренебрегали даже незамужние сёстры Монсиньи, а огромные перья и множество лент в причёсках делали их похожими на замысловатые гнёзда тропических птиц. И Луиза совершенно не удивилась, разглядев пару чучел колибри в каштановых локонах Франчески. Хотя надо признать, выглядели все леди чрезвычайно ярко и красиво, удачно балансируя на грани легкомысленной парижской моды и ужасающей безвкусицы.

Тихонько перешёптываясь и тоненько хихикая, они выпорхнули разноцветной стайкой из будуара Франчески. Замужние дамы прошли вперёд, а девушки поспешили следом. Мужчины расположились в кабинете лорда Бишопа, и теперь в просторном холле витал приятный аромат дорогого табака.

— Передай лорду Бишопу, что мы ждём в розовой гостиной, — бросила на ходу Франческа одному из слуг.

Мужчины не заставили себя ждать, учтиво кивая мило красневшим дамам, будто они не виделись целую вечность. Лорд Бишоп предложил руку Луизе как почётной гостье, а мистер Уоррингтон остановился возле Франчески. За их спинами строились остальные пары, но произошла заминка: мадам Монсиньи, прибывшая сегодня без мужа, отчаянно жеманничая, не могла сделать выбор между полковниками. В конце концов Франческа, тихонько вздохнув, подошла к ним и поставила полковника Гибсона в пару Полине, а её матери достался полковник Смит. Восстановив порядок, она вернулась к мистеру Уоррингтону и мягко улыбнулась мужу.

Надменно кивнув, со спиной столь прямой, что казалось, он не сможет сесть, лорд

Бишоп повёл леди Грейсток к столу. Белоснежные двери с золотыми розами распахнулись, и перед гостями предстал накрытый стол, посередине которого высились огромные вазы с цветами, источавшими густой сладкий аромат. В канделябрах горели все свечи, наполняя небольшую залу мягким сиянием, а из распахнутых настежь окон с улицы долетал тёплый ветерок. Подведя Луизу к столу, лорд Бишоп усадил её по правую руку от себя и опустился рядом. Слева от Луизы села миссис Пинс, о которой, к своему стыду, она успела позабыть. Гости медленно рассаживались, скрипя стульями по полу. Ужин начался.

Тринадцатая глава

Стоило гостям занять свои места, как слуги бесшумно заскользили за их спинами, предлагая блюда, а в углу нежно зазвучали «Времена года» Вивальди- темнокожие музыканты, два скрипача и виолончелист, старательно выводили прекрасную мелодию.

— Пришлось выписать учителя из Бостона, — склонился к Луизе лорд Бишоп, заметив, как та с интересом разглядывает музыкантов. — Талантливых рабов стоит ценить, невзирая на то, что они черномазые.

— Они превосходно играют, — проговорила Луиза, кивая слуге, который принялся накладывать на её тарелку листки артишока и поливать ароматным соусом. — А у вас есть фортепиано?

— Боюсь, что столь громоздкий инструмент не доедет до нас в целостности и сохранности, — вздохнул лорд Бишоп. — А вы играете?

— Не так хорошо, как бы того хотелось, — улыбнулась Луиза. — Но недавно я с удивлением поняла, что мне этого действительно не хватает.

— Наша дочь не имеет склонности к игре на музыкальных инструментах, — поджал тонкие губы лорд Бишоп. — Впрочем, к рисованию у неё также нет таланта.

— Быть может, она проявит себя в чём-то другом? — осторожно спросила Луиза. Ей показалось, что лорд Бишоп искренне переживает за своего ребёнка, но следующие его слова мигом спустили её с небес на землю:

— Она бездарна, как и её мать. Впрочем, сын всё-таки пошёл в меня, и это не может не радовать. — Он пригубил белого вина и холодно улыбнулся, бросив быстрый взгляд в сторону весело говорящей что-то своему соседу супруги. Луиза невольно посмотрела туда же, затем перевела взгляд на лорда Бишоп, что немигающее смотрел на Франческу, и стремительно опустила глаза, чувствуя, как в сердце разрастается жалость к этой яркой молодой женщине, вынужденной терпеть холодного и властного мужа. А если лорд Норидж передумает жениться на ней или женится на другой? Не выдаст ли её опекун за такого же лорда Бишоп? Луиза посмотрела на Томаса, смеющегося над очередной остроумной шуткой Франчески, и решила для себя: она убедит его не выдавать её замуж, если что-то пойдёт не так. Лучше она пойдёт сестрой милосердия в дом призрения, чем будет прикована на всю жизнь к такому человеку!

— Леди Грейсток, скажите, вы не в родстве с Грейстоками из Клиффорда? — Лорд Бишоп, перестав сверлить глазами жену, вспомнил об обязанностях хозяина и вновь любезно склонился к Луизе.

— Да, моему предку титул присвоила королева Елизавета, — кивнула Луиза, выныривая из мрачных мыслей о перспективах замужества. — Поместье Клиффорд находится на юге Англии, неподалёку от Бристоля. Дому более двухсот лет.

— Я был неплохо знаком с графом Грейстоком, вашим дедом. Помнится, после его смерти мне довелось пару раз видеть и вашего отца. Он производил впечатление приятного молодого человека, правда, склонного к авантюрам.

Луиза против воли почувствовала симпатию к человеку, знавшему её отца.

— Вы давно живёте здесь? — Она попыталась вспомнить то небольшое, что говорила о муже Франческа. — Леди Бишоп рассказывала мне, что вы прибыли в Америку по делам...

— Да, по делам, — небрежно обронил лорд Бишоп, нарезая сочащийся соком кусок

мяса. — Однако сметающая всё на своём пути сила любви спутала все мои планы. — Задумчивая улыбка, на мгновение появившаяся на суровом лице, преобразила его до неузнаваемости, разгладив морщины и заставив глаза вспыхнуть давно забытым светом. Некогда он был невероятно красив. Звонкий смех Франчески разрушил очарование, превратив губы лорда Бишопа вновь в тонкую линию, а глаза — в ледышки. — Впрочем, как и любое чувство, она имеет свойство проходить, — вполголоса заметил Бишоп и скептически скривился.

— Полагаю, дела на плантации отнимают слишком много времени. — Луиза посмотрела на широко улыбающегося мистера Уоррингтона и ощутила досаду — с ней он так никогда не смеялся.

— Да, рабы имеют свойство периодически бунтовать, — протянул лорд Бишоп. — Время от времени приходится умирять их порывы. Но, думаю, это не тема для разговора с юной леди. — Он тонко улыбнулся, склонив голову на бок.

— Отчего же, — смело ответила Луиза, — я имела удовольствие наблюдать за тем, как мистер Уоррингтон казнил бунтовщиков.

— Уоррингтон слишком мягок, — поморщился лорд Бишоп. — Его методы не подходят мне. Я предпочитаю грубую силу уговорам. Скот понимает лишь кнут.

Луиза поспешно опустила голову, сжав губы, пытаясь унять рвущееся наружу возмущение. Она была поражена презрительности, с которым лорд Бишоп говорил о рабах. Ей казалось, что на «Магдалене» равнодушны к рабам, но пренебрежение, с которым относились к ним Бишопы, переходило все возможные границы. Это просто невероятно — считать подобных себе людей бездушной скотиной! Однако спорить с хозяином «Тризна» Луиза не могла, и всё, что ей оставалось — кивнуть и обратить внимание на свиные ребрышки.

Ужин подходил к концу, и Луиза вздохнула от облегчения — общество лорда Бишопа тяготило её, а желание оспаривать каждое его слово выводило из равновесия. Когда Франческа подала пример гостям, поднимаясь из-за стола, Луиза с нескрываемым удовольствием подошла к мистеру Уоррингтону и положила руку на чернично-чёрный рукав его смокинга.

— Судя по вашей довольной улыбке, вам не терпится танцевать, — прошептал Томас, ведя Луизу соседнюю залу.

— Я рада заняться чем угодно, лишь бы подальше от лорда Бишопа, — призналась Луиза, пряча улыбку за веером.

— Я смотрю, его обаяние не обошло стороной и вас, — усмехнулся мистер Уоррингтон. — Хотя мадам Монсиньи считает его «невероятно занятым». — Он так точно скопировал её голос, что Луиза, не выдержав, хихикнула.

— Я надеюсь, вы не забыли, что должны станцевать с Луизой три танца? — раздался голос миссис Пинс, возникшей так внезапно, что Луиза едва не подпрыгнула от неожиданности.

— Три танца? — в притворном ужасе воскликнул Томас. — Боюсь, после танцев со мной она неделю не сможет ходить!

— Если вы обещаете, что так и будет, я отдам вам все свои танцы, — проворковала подошедшая ближе мадам Жаккар, томно закатывая круглые глаза.

— Боюсь, прекрасная Аделаида, мсье Жаккар будет оскорблён, если вы предпочтёте меня ему, — любезно ответил мистер Уоррингтон. — Однако я буду несказанно рад, если вы подарите мне один тур мазурки.

— Вы разбиваете мне сердце, Уоррингтон, — притворно надула губки мадам Жаккар, открывая бальную книжечку и делая там запись. — Надеюсь, вальс вы мне тоже пообещаете?

Луиза шокировано наблюдала за буквально выпрашивающей танец с мистером Уоррингтоном мадам Жаккар, а потому не сразу поняла последнюю фразу. Но миссис Пинс тут же вздёрнулась, будто боевой петушок, и грозно посмотрела на Аделаиду.

— Мистер Уоррингтон танцует вальс с леди Грейсток. Вероятно, он просто об этом забыл. Не так ли? — с нажимом проговорила она, повернувшись к опешившему Томасу. Тот осторожно кивнул, встречаясь взглядом с не менее потрясённой Луизой. Мадам Жаккар сокрушённо вздохнула и, сославшись на жажду, поспешила штурмовать маркиза де Шабри.

— Не думайте, что я позволю вам танцевать этот развратный и распущенный танец с кем-то кроме опекуна! — возмущённо прошипела миссис Пинс, сверля взглядом ничего не понимающую Луизу. — И вы, мистер Уоррингтон, могли бы и сами догадаться, что вальс не тот танец, что позволительно танцевать незамужней леди. Но, если уж тут так принято, проследите хотя бы за тем, чтобы никто не смог вальсировать с Луизой больше одного круга!

— Но, миссис Пинс, — начала было спорить Луиза, — я два раза танцевала вальс на балах в Лондоне, уверяю вас. Отец не находил этот танец предосудительным, и...

— Не стоит ссылаться на покойного лорда Грейстока. — Миссис Пинс была непреклонна. — Я прекрасно знаю, как относится общество к этому, с позволения сказать, танцу. В Берлине его и вовсе запретили! А в любом мало-мальски уважающем себя доме его осуждают за безнравственность!

— Диву даюсь, насколько мы здесь все безнравственны, — вполголоса заметил Томас, склонившись к Луизе. Она бросила на него смеющийся взгляд поверх веера и покорно склонила голову, слушая продолжавшую разглагольствовать миссис Пинс.

— Вы позволите мне пригласить леди Грейсток на котильон? — Перед ними возник маркиз де Шабри.

— Если честно, я не думала, что вы сможете найти время для меня в своей бальной книжечке, — склонила голову на бок Луиза.

— О, я специально оставил в ней место для вас. — Маркиз сделал вид, будто листает воображаемую книжечку. — Да, вот же оно: котильон и мазурка. Вы позволите? — Он повернулся к мистеру Уоррингтону, благодушно кивнувшему Николасу.

Постепенно карнэ* Луизы заполнилось, и, пока музыканты готовились играть, мистер Уоррингтон проводил её к дамам, что моментально замолчали при его появлении, гипнотизируя умоляющими взглядами.

— Я танцую с ним кадрили, — с гордостью поведала Маргарита Монсиньи, провожая взглядом высокую фигуру.

— А я- мазурку, — обвела победным взглядом собравшихся дам мадам Жаккар.

— Надеюсь, полковник Смит сменил туфли, — проговорила мадам Монсиньи. — В прошлый раз во время мазурки он два раза ударил меня по щиколотке. Я потом несколько дней делала компрессы- так сильно распухла нога!

— Если вы имеете в виду туфли с золотыми пряжками, то они снова на нём, — прищурившись, сказала Франческа. — Берегите ноги, дамы!

Начищенный до блеска дубовый паркет отражал свет десятков свечей в искрящихся хрусталём люстрах. Из распахнутых прямо в сад дверей доносились трели сверчков и густой аромат роз, чьи пышные кусты окружали бальную залу. Зазвучали первые торжественные

аккорды полонеза, и перед леди Грейсток возник лорд Бишоп, склоняя голову в учтивом поклоне. Протянув ему руку, Луиза плавно заскользила по залу, открывая бал.

Лорд Бишоп, прямой, как статуя, уверенно вёл её по кругу, непринуждённо повторяя замысловатые па. Луиза с удивлением отметила, что мистер Уоррингтон не отстаёт, с лёгкостью и небрежной грацией танцует с Франческой. Изредка взгляд её падал на маркиза де Шабри, который танцевал с Маргаритой Монсиньи, умудрявшейся что-то говорить в перерывах между фигурами. Долгий и сложный танец требовал от всех танцоров внимания и сосредоточенности, а потому было совершенно не удивительно, что Маргарита то и дело сбивалась с такта, наступая на ногу маркизу.

Первый танец завершился, и Луиза, не успев отдышаться, подала руку мсье Жаккару, который масляно поблёскивал глазками, усиленно делая вид, что не разглядывает её неглубокое декольте. Поначалу Луизу забавляло его поведение, она считала про себя, сколько раз он, отчаянно шурясь и рискуя заработать косоглазие, смотрел на серебряное кружево лифа. Она даже хотела спросить, не дать ли ему адрес своей лондонской портнихи, чтобы она сшила ему подобное платье. И это притом, что остальные дамы щеголяли глубокими вырезами, а некоторые, как мадам Монсиньи, даже прикрепили пару мушек, чем вызвали скрытый смех у Луизы. Впрочем, своё отношение к этим пережиткам прошлого она сумела скрыть. Однако когда фигура танца сменилась, Луизе стало не до смеху. Пальцы мсье Жаккара невзначай скользнули по талии и сжались чуть сильнее, чем было дозволено. Осторожно отстранившись, она решила было, что ей показалось, но в следующий раз мсье Жаккар осмелел и сжал тонкую талию увереннее. Едва дождавшись окончания танца, Луиза извинилась и отошла к Франческе, увлечённо переговаривающейся с маркизом.

— Мсье Жаккар проверил вашу талию на прочность? — спросила леди Бишоп, не успев Луиза подойти. — Не делайте такое удивлённое лицо, моя дорогая, об этой его страсти у нас знают все. Я прошу прощения, что не успела предупредить вас... Впрочем, я сделала это специально. — Франческа весело подмигнула: — Вы простите мне эту незначительную шалость?

— Разве можно на вас обижаться, — ответила на улыбку Луиза, раскрывая веер и принимаясь обмахиваться. — Просто свой следующий с ним танец я подарю вам. И вы не откажете мне в этой незначительной шалости.

— Графиня Грейсток остра на язычок, — со смехом проговорил де Шабри, наблюдая за вытянувшимся лицом Франчески. — Думаю, в следующий раз, восхитительная Франческа, вы несколько раз подумаете, прежде чем решите подшутить над ней.

— А ведь я даже обидеться на вас не могу! — покачала головой леди Бишоп, уважительно глядя на Луизу.

— Поверьте, в салонах высшего света я приобрела немалый опыт. — Луиза сложила веер, легонько стукнув по затянутой в белоснежную перчатку руке маркиза. — Меня сложно смутить чем-то на балу.

— Буду иметь в виду, — широко ухмыльнулся маркиз, блеснув ярко-синими глазами.

— Ники, кажется, я начинаю ревновать! — капризно протянула Франческа, протягивая руку де Шабри. Тот послушно приложился к ней губами, бросив быстрый взгляд сквозь густые ресницы на леди Бишоп. Та мило порозовела и поспешно опустила руку. — Следующий танец я обещаю лорду Бишопу. — Она сокрушённо вздохнула, наблюдая за строгой фигурой мужа.

— Что ж, мне повезло не меньше, — притворно вздохнул маркиз, кивнул дамам и

направился к сёстрам Монсиньи.

Луизу же закружил в кадрили полковник Смит, и ей пришлось признать, что рассказы о его меткости, что она слышала за ужином, не преувеличение. Он с поразительной меткостью попал носком туфли по одному и тому же месту на ноге, и Луиза с грустью подумала, что синяка ей не избежать.

— Если ваши ноги ещё целы, позвольте пригласить вас на котильон. — Луиза посмотрела на довольного маркиза, только что грациозно прыгавшего в кадрили и ничуть не запыхавшегося, и благосклонно кивнула.

— Одна просьба, маркиз, принесите мне чего-нибудь прохладного выпить. Здесь невероятно жарко.

В ожидании де Шабри Луиза неспешно обмахивалась веером, наблюдая за веселящимися гостями. Она наслаждалась каждой минутой, чувствуя себя как рыба в воде. Это было так естественно для неё: непринуждённый флирт, порою чуть выходящий за строгие рамки приличия, лёгкость танцев, горящие глаза дам, улыбки джентльменов... Она чувствовала себя так хорошо, что хотелось выйти в центр зала и кружиться, кружиться, не переставая, весело и звонко смеясь. И даже чернокожие слуги, невидимыми тенями скользящие между гостей, не могли разрушить этого очарования почти английского бала. Хотя нет, не английского. Невесомый флёр легкомыслия и вседозволенности витал в воздухе, находя отражение в излишне коротких платьях, чуть более крепких объятиях и призывно полуоткрытых губах.

— Мне кажется, я не переживу этот вечер, — простонала миссис Пинс, когда нога Анны-Марии Монсиньи так высоко поднялась, что обнажилась щиколотка, затянута в бледно-голубой шелковый чулок.

— Вы говорите это уже пятый раз, — улыбнулась Луиза, делая небольшой глоток шампанского, поднесённого ей услужливым маркизом.

— А вы пьёте уже третий бокал, — проворчала компаньонка, косясь на подопечную, но не решаясь, впрочем, делать ей более громкие замечания.

— Это всего лишь шампанское, — пожала плечами Луиза, делая новый глоток. Действительно, шипящий напиток она пила на балах, правда, не много и не часто, но кто теперь об этом узнает?! Невероятная лёгкость отрывала от пола, приподнимала за плечи, заставляя парить над паркетом, изящно выделявая заученные наизусть па. Луиза и сама не представляла, насколько была хороша сейчас. Длинное бледно-лавандовое платье выделяло из яркой толпы, заставляя смотреть только на неё. Нежная улыбка на губах привлекала больше, чем призывные взгляды. В медовых волосах вспыхивали крохотные жемчужинки, а зелёные глаза смотрели дружелюбно и весело.

Вечер медленно, но верно подходил к завершению. Свечи прогорели больше, чем до середины, постепенно погружая залу в интимный полумрак. Разгорячённые танцами и напитками пары смеялись чуть громче, чем положено, и шептались чуть тише, чем того требовали приличия. Луиза открыла книжечку, чтобы посмотреть, какой танец будет следующим, и сердце невольно скакнуло в груди. Вальс.

Она весь вечер наблюдала за опекуном, больше не удивляясь, отчего все дамы местного общества находят его невероятно привлекательным. Встретясь они при других обстоятельствах, и сама Луиза нашла бы мистера Уоррингтона занятным и загадочным. Быть может, она бы даже обсуждала его с одной из подруг, замирая от восторга, если он посмотрит в её сторону. В смокинге чернильного цвета, с пышным кружевным галстуком,

придерживаемым у горла бледно-голубым топазом, с аккуратно уложенными волнистыми русыми волосами- он казался ошеломляюще красивым. А стоило ему улыбнуться чуть с ленцой, скользя по лицу собеседника многообещающим, как начинало казаться Луизе с каждым новым выпитым бокалом, взглядом, и земля начинала вращаться чуточку быстрее. "Интересно, — думалось ей, пока она следила за его перемещениями по залу, — а сколько ему на самом деле лет? Ну не может такой взрослый мужчина выглядеть столь привлекательно!"

— Позвольте мне быть поборником вашего нравственного облика, Луиза, — поклонился мистер Уоррингтон, уводя её в круг. Луиза положила руку на предплечье Томаса и игриво склонила голову на бок

— Вы всё же поддались всеобщему веянию в деталях наряда, — констатировал мистер Уоррингтон, осторожно кладя руку ей на спину. Луиза невольно замерла, чувствуя жар, исходящий от его ладони.

— Некоторые местные обычаи пришлись мне по вкусу, — она вздёрнула подбородок, заглядывая в искрящиеся тёплой сталью глаза.

— Не могу не признать, что мне они тоже по душе, — хмыкнул Уоррингтон и, сделав крохотный шаг назад, уверенно повёл партнёршу.

На миг у Луизы перехватило дыхание: так стремительно закружил её в танце Томас. Ей не приходилось ранее вальсировать со столь умелым партнёром- в Лондоне танцевать этот танец молодым девушкам позволялось лишь с кавалерами чуть старше её по возрасту. Переведя дыхание, Луиза расслабилась и полностью отдалась танцу, подчинившись партнёру.

Мистер Уоррингтон крепко держал её, умело направляя, заставляя сливаться всё вокруг, кроме него- казалось, единственного неподвижного существа в зале. Яркие пятна за его спиной мельтешили перед глазами, и Луиза невольно зацепилась взглядом за его галстук, стараясь не смотреть по сторонам. Освоившись, она осмелилась оторвать глаза от топаза, в котором отражалось её восторженное лицо, и приподняла глаза на шею, глядя на мерно бьющуюся голубую жилку на его шее. От Томаса приятно пахло тонкой ноткой табака и чем-то ещё, тёплым и сладковатым, чем-то, принадлежащим только ему. Луиза вдруг подумала, как было бы, наверное, приятно зарыться носом в прячущуюся под галстуком ямку между ключицами и дышать, дышать этим запахом, забыв обо всём. Танец увлекал и всё сильнее кружил голову, а чужая близость наполняла смелыми и восхитительно запретными мыслями. Луиза скользнула взглядом чуть выше и замерла, разглядывая сложенные в улыбку губы. Интересно, какие они? Кажется, что невероятно мягкие... Луиза невольно приоткрыла губы, пытаясь представить себе, каково это- почувствовать их касание...

— Луиза, вам нехорошо? — обеспокоенный голос мистера Уоррингтона выдернул её из грёз так резко, что Луиза поначалу не сразу поняла, что он говорит.

— А? Д-да, у меня, кажется, немного кружится голова. — И действительно, Луиза чувствовала, что выпитое шампанское начинает напоминать о себе лёгкой, но назойливой головной болью.

— Я провожу вас на воздух. — Томас осторожно повёл Луизу к дверям, ища глазами миссис Пинс. Та незамедлительно возникла перед ними, будто весь танец только и делала, что следила. Передав подопечную из рук в руки, мистер Уоррингтон принял бокал от слуги и задумчиво проводил взглядом растворяющуюся в ночной темноте фигурку.

Короткая лентяя ночь сгустилась, предшествуя рассвету. Усталые гости разъезжались, а

некоторые, как маркиз де Шабри, что жил слишком далеко, оставались ночевать. Тепло попрощавшись с хозяевами, Луиза устроилась в коляске, чувствуя, как покалывает от усталости тело — сказывался перерыв в активной светской жизни. Жеребец мистера Уоррингтона, привязанный к коляске, трусил позади, а Томас сидел рядом. Миссис Пинс задремала, стоило им выехать со двора «Тризна», Луиза же мужественно боролась с подступающим сном, понимая, что ехать предстоит не менее двух часов и просидеть всю дорогу, глядя в окружающую темноту, она не сможет.

Их обступал тёмный лес, нависая над головами мохнатыми ветвями. В кустах что-то шевелилось и хрустело, а где-то в глубине чавкало. Оглушительно стрекотали сверчки, летучие мыши пересекали дорогу, иногда опускаясь так низко, что почти задевали крыльями голову. Справа у обочины какой-то зверь громко тьякнул, и Луиза вскинулась, недоуменно оглядываясь, понимая, что ненадолго задремала.

— Вы можете облокотиться на меня, обещаю, что никому не расскажу, — тихо сказал мистер Уоррингтон, поведя плечом. Луиза облегчённо вздохнула и осторожно положила голову на его плечо, тихонько втягивая воздух носом, чувствуя, как лёгкие наполняются его запахом.

---

*Карнэ- бальная книжечка.

Четырнадцатая глава

После пикника у Бишопов минуло несколько недель, а жизнь Луизы успела поменяться в лучшую сторону. Она с радостью окунулась в местную светскую жизнь: несколько раз её навещала Франческа, и четыре раза Луиза принимала у себя мадам Монсиньи с дочерьми. Хотя визиты последних носили двойственный характер: они совершенно искренне восхищались графиней Грейсток и столь же искренне, и, стоило признать, неистово мечтали обратить на себя внимание хозяина «Магдалены». Вчера, например, Маргарита так томно изогнулась на канапе, надеясь поймать взглядом шедшего через двор мистера Уоррингтона, что свалилась на пол, благо Томас этого не заметил.

Адеолу невероятно веселили эти попытки, и после визитов она с удовольствием обсуждала их с миссис Пинс, попивая на кухне горячий кофе с молоком. Компаньонка прониклась к этому напитку симпатией, и теперь её нередко можно было видеть с чашечкой обжигающего напитка. Изредка по вечерам в гостиной к ней присоединялся и мистер Свенсон, неторопливо делясь новостями. Жизнь постепенно входила в привычную колею, хотя и разбавленную практически полной изоляцией и неторопливостью течения жизни на юге. Ничего странного больше не происходило, в спальню к Луизе больше никто не проникал, а тихое пение по вечерам стало столь привычным, что девушка уже не могла без него уснуть. Близился сбор урожая, и местные плантаторы погрузились в работу, объезжая поля. Замерла светская жизнь, остановились званые ужины, балы и пикники, и Луизе, как бы ни хотелось ей собрать местное общество на ответный бал, оставалось лишь строить планы и представлять, как она будет устраивать свой первый в Луизиане раут.

За прошедший месяц она успела изучить поместье вдоль и поперёк. Рассмотрела все комнаты в «Магдалене», исключая покои мистера Уоррингтона, и теперь немало времени проводила в саду – так она назвала немногие розовые кусты и заросшие клумбы на заднем дворе. Под её неусыпным контролем сад постепенно преображался, а Франческа, похвалив её труды, пообещала прислать несколько саженцев роз и клубни лилий.

Всё вокруг дышало миром и покоем, и Луиза была бы совершенно счастлива, если бы не одно «но»: она стала замечать мистера Уоррингтона. Онавиделаего, и это приводило в смятение душу. Он был повсюду: в гостиной, залиvisto хохоча над очередным рассказом мистера Свенсона, во дворе, отдавая приказы слугам, в столовой, между блюдами коротко делясь новостями с полей, которые можно было поведать дамам. Луиза видела его, слышала и чувствовала. Его запах преследовал везде, занимая каждый уголок дома, заставляя удивляться тому, как она раньше не замечала его, не ощущала, не дышала им! Луиза совершенно точно могла определить, где и как давно он прошёл, как гончая, идущая по следу, втягивая воздух. Иногда она замирала у лестницы, ведущей на его этаж, чувствуя себя, как девушка из сказки про чудовище, которой было запрещено подниматься в закрытое крыло замка. Эти мысли обычно приводили в чувство, заставляя улыбнуться: в самом деле, кто накажет её, если она поднимется и посмотрит, как и чем живёт Томас Уоррингтон? Но всякий раз стоило этим бунтарским мыслям появиться в голове, как Луиза тут же одёргивала себя, напоминая, что ей не место в спальне мужчины, пусть даже и сам мужчина находится на несколько миль дальше. Она украдкой любовалась им, чувствуя, что всё глубже проникается к своему опекуну чем-то большим, нежели просто симпатия.

Быть может, виною тому было отсутствие других молодых людей вокруг, ведь Луиза

привыкла к всеобщему вниманию. Да, именно так и есть, успокаивала себя она, позволяя себе лишний раз подняться пораньше, чтобы увидеть, как Томас выезжает со двора. Подпирая ладонью щеку, Луиза мечтала, как прекрасно было бы ехать сейчас рядом с ним. Но, во-первых, седло из Нового Орлеана до сих пор не привезли, во-вторых, даже если бы его уже доставили, времени у Томаса совершенно не было. Он практически перестал появляться за ужином, всё своё время проводя на плантации. Изредка Луиза слышала его низкий неторопливый голос, говоривший что-то мистеру Свенсону, но подойти и послушать не смела. Однако обрывок разговора, который её посчастливилось услышать недавно, лишь растревожил.

— Вы уверены в людях, которых подобрали? — спросил Томас, и Луиза уловила в его голосе нотки нетерпения.

— Конечно, Томас, — терпеливо говорил управляющий тоном, который не давал усомниться в том, что этот разговор происходит не первый раз. — Все они- крепкие и опытные мужчины, в основном следопыты-северяне. Им приходилось иметь дело с индейцами, а опыта хоть отбавляй.

— Я был бы рад, если бы дело было в простых индейцах, — медленно проговорил Уоррингтон, и Луиза услышала звон стекла и звук льющейся жидкости. — Его люди гораздо хуже самых отъявленных и жутких ирокезов.

— Куда уж страшнее, — в голосе мистера Свенсона отчётливо слышался страх.

— Поверьте, есть чудовища, которых с трудом носит наш мир, — усмехнулся Томас. — И мне бы хотелось, чтобы, когда придёт время встретиться, я был во всеоружии. Надеюсь, Луиза к тому времени успеет покинуть «Магдалену».

— Мои люди ничего не слышали о темнокожем великане, по крайней мере, на побережье его никто не видел.

— Значит, время у нас ещё есть... — задумчиво протянул Уоррингтон.

Луиза тихонько отступила назад, чувствуя, как её охватывает невнятное чувство тревоги. Что-то происходило, и это что-то явно было связано с убийством её отца, она чувствовала это. Расслабившись, Луиза совершенно забыла о том, что где-то совершенно спокойно расхаживает убийца лорда Грейстока, который к тому же имеет все причины разыскивать и мистера Уоррингтона. Почему они ни разу не обсуждали это? Стоит непременно поговорить с опекуном, попытаться узнать о том, какие причины заставляют его так опасаться таинственного Кинга. Вспомнив о громадном его помощнике, который упоминался в письмах отца, Луиза поёжилась.

***

— Этот Бишоп сошёл с ума! — Громкий крик Уоррингтона заставил оторваться от вышивки и посмотреть в сторону дверей в надежде. — На что он надеется? На одну только силу? Он не понимает, что их больше? Гораздо больше, чем нас?!

Послышался торопливый голос управляющего, и вскоре оба стихли, скрываясь в кабинете. Луиза вздохнула и переглянулась с миссис Пинс- вероятно, рабы снова начали бунтовать. В дни сбора урожая это не было редкостью, как объяснила Адеола: надсмотрщики, подгоняемые нетерпеливыми хозяевами, спешащими привезти товар раньше остальных, лютовали, заставляя рабов работать без сна и отдыха. В эти недели гибло невероятное количество людей, что в итоге обогащало работорговцев, привозивших после сезона новые партии, заполняя рынки. Луиза вспомнила, с каким пренебрежением отзывался лорд Бишоп о мистере Уоррингтоне и его способах ведения хозяйства, и поджала

губы- так ему и надо. Пусть его рабы откажутся работать, тогда он точно останется без прибыли!

— Леди Грейсток! — В дверях показался де Шабри, и Луиза изумленно уставилась на него, не веря своим глазам.

— Смотрю, вы так же рады меня видеть, — усмехнулся маркиз, в два шага преодолев разделяющее их расстояние и коснувшись губами руки. — Признаться, я сам не планировал наносить вам визит, но обстоятельства заставили безотлагательно явиться.

— Что случилось? — Луиза указала глазами на канапе рядом с собой, и маркиз с готовностью опустил на него, расправляя фалды тёмно-синего камзола.

— Бунт, — пожал плечами де Шабри, пряча беспокойство за напускной небрежностью. — Обычное дело, не стоит волноваться.

— Настолько обычное, что вы примчались без предупреждения? — проницательно заметила Луиза, сощутив глаза.

— От вас ничего не скроется, — усмехнулся маркиз, покачав головой. — Вы правы, дело несколько серьёзнее, чем нам хотелось бы. Но не волнуйтесь, Уоррингтон всё уладит, ему всегда это удавалось. А если он не сможет, то я помогу.

— Вы сказали столько слов, но ни одного по делу, — немного обиженно проговорила Луиза, с укором взглянув на де Шабри. Но тот продолжал безмятежно смотреть на неё огромными синими глазами, и Луизе ничего не оставалось, кроме как принять его объяснения.

— Где же ещё искать де Шабри, как не в обществе прекрасных дам! — Томас появился на пороге, держа в руке ружье. Луиза с опаской посмотрела на оружие, но ничего не сказала. За спиной опекуна появился Свенсон, рассовывая пистолеты в кобуры, висящие на поясе. — Вы позволите похитить его, Луиза? — Томас посмотрел на неё, заставив сердце подпрыгнуть где-то в горле.

— Только если обещаете вернуть и сами вернуться, — заставила себя игриво склонить голову Луиза, чувствуя, как холодеет в груди от неясного и тревожного предчувствия. Зачем им столько оружия? Почему с ними едет даже Свенсон? Что происходит, ради бога?!

— Непременно, — стрельнул глазами де Шабри, поцеловав на прощание руку и кивнув миссис Пинс. Вскоре голоса мужчин уже можно было услышать во дворе: вскочив на коней и подняв тучи пыли, они скрылись. Луиза прикусила губу, чувствуя непреодолимое желание расплакаться. Миссис Пинс, поджав губы, поднялась и ушла на поиски Адеолы, которая несомненно была в курсе всего, что происходит.

***

«Магдалена» выплыла из темноты, приветливо встречая хозяина мягким светом, льющимся из некоторых окон. С тех пор, как в его доме поселилась Луиза, света стало гораздо больше. Томас спешил, передавая поводья конюху, и вошёл через кухню, кивая подскочившей было кухарке, дремавшей до того за пустым столом. Тревожить никого не хотелось. А вот чего действительно хотелось, так это покоя. Он невероятно устал. Три дня без устали они гонялись по тростниковым полям, выискивая подстрекателей, наказывая бунтовщиков и... Томас поморщился- мерзавцев, которых Бишоп держал в качестве надсмотрщиков, он бы не пустил к себе на порог. Они довели людей до невероятного истощения, а глаза, с которыми те смотрели на проезжавших господ, заставляли бессильно стискивать зубы, отворачиваясь.

Томас зашёл в кабинет, прикрыв за собой дверь, и выдохнул- здесь он всегда чувствовал

себя в наибольшей безопасности. Шагнув к канделябру, он пошарил рукой по столу, нашёл спички и зажёл свечу. Пламя вспыхнуло, отразившись в светлых глазах, и Томас невольно сощурился. Спустя минуту на столе загорелись все свечи. Уоррингтон плеснул в бокал янтарного виски и с блаженством откинулся в кресле, прикрывая глаза. Ноги приятно покалывало, и мысль о тёплой ванне, которую сейчас наверняка уже готовила Адеола, заставила довольно улыбнуться. Он дома.

Сколько лет пришлось блуждать по городам, прежде чем он смог назвать хоть какое-то место своим домом! Удача и везение- вот и всё, чем он владел когда-то. Бриллианты, которые с Джонатаном украли у Кинга, закончились слишком быстро, а он был слишком молод, чтобы понять, как употребить их в дело. Карты, салуны, красивые девушки- Томас впервые окунулся в эту жизнь, и она закружила его, играя яркими красками, пока не обнесла до нитки и не выбросила на улицу без гроша.

Несколько лет, что он провёл в Техасе, до сих пор напоминали о себе, ноя старыми шрамами от пуль. Да, мысль о том, чтобы примкнуть к банде, грабящей испанские прииски, была не самой лучшей... Да и скрываться в пустыне Сонора тоже оказалось не слишком мудрым решением. По дому до сих пор стояли полные графины с водой, и Томас строго наказывал слуг, если они не успевали уследить и вода испарялась или мутнела и зацветала.

Знакомство со Свенсоном, который прозябал в Сан-Антонио, держа небольшую конторку по сопровождению торговых дел, стало очередной улыбкой фортуны. Энтузиазм Томаса и небольшой капитал Свенсона дали результат, когда будущий управляющий «Магдалены» купил несколько бочек мексиканской томатной пасты, а Томас успешно довёз её до Французской Луизианы. Тот небольшой капитал они чуть было не прогуляли, но Свенсон, в отличие от Томаса, умел вовремя остановиться, и следующий караван принёс достаточно денег, чтобы покинуть Сан-Антонио и переехать в Новый Орлеан.

В течение следующих двух лет они упорно трудились, и, когда Томас купил плантацию, Свенсон безоговорочно принял на себя бразды правления, предоставив другу делать то, что он умел лучше всего: общаться с людьми. Деньги, манеры и невероятное обаяние новоявленного плантатора быстро позволили ему влиться в замкнутый круг местного общества, а дальше выгодные сделки и нужные знакомства в короткий срок завершили путь от бедного безвестного парня до утончённого джентльмена Американского Юга.

Томас сделал большой глоток и нахмурился: с недавних пор над всем его миром, построенным с таким трудом, нависла незримая угроза, и ощущение неизбежности выматывало, выпивая все соки. В том, что Кинг найдёт его, не было никаких сомнений. Томас откинул голову на спинку кресла и выдохнул: с тех пор, как весть о нём пришла в его дом, страх не покидал ни на минуту, и Томасу было не стыдно в этом себе признаться. Он боялся. Безумно боялся этого человека и того, что он может сделать. Особенно теперь, когда в его жизни появилась стабильность, спокойствие, люди, которые зависят от него...

Луиза. Тонкие губы невольно тронула улыбка. Девушка так внезапно ворвалась в его жизнь, что поначалу он не мог поверить, что это действительно происходит с ним. Её присутствие незримо ощущалось во всём доме, будь то букеты, которые заполнили комнаты, или изящный фарфор, который ставили даже за завтраком. Луиза постепенно занимала всё больше места в его доме и в его жизни, и Томас не мог сказать, что ему это неприятно. Присутствие женщины-хозяйки оживило «Магдалену», придав недостающего изящества. И теперь в душе Уоррингтона поселилось беспокойство за её жизнь. Следовало как можно скорее выдать её замуж за того англичанина. У Кинга не может быть счётов к

ней, иначе она умерла бы ещё в Лондоне.

— Вы позволите? — Дверь отворилась, и в комнату прошла Таонга, лениво покачивая бёдрами. Ослепительная красавица согревала постель Томаса Уоррингтона второй год, и он не скрывал своего удовольствия от обладания её роскошным телом. Одно из главных достоинств Юга- тебя никто, никогда и ни в чём не осуждает. Особенно, когда ты мужчина. Томас протянул руку, сажая Таонгу на колено и позволяя ей подлить виски в стакан.

— Вы очень устали, масса Том, — горячо прошептала красавица, водя кончиком носа по его шее, задевая кожу пухлыми губами. — Вы так давно не отдыхали... — Её рука скользнула к ремню на штанах, привычно занимая место между его ног. Томас прикрыл глаза, расслабленно выдохнул и не спеша погладил её спину. Расслабиться ему сейчас действительно было необходимо, и Таонга пришлось как нельзя кстати...

— Мистер Уоррингтон, вы вернулись! — Заметив, что дверь приоткрыта, Луиза не стала стучать, полагая, что будь Томас занят, он непременно дал бы это понять, запершись в кабинете. По крайней мере, отец всегда так поступал.

— Луиза! Вас не учили стучаться! — Томас буквально смахнул с себя Таонгу и раздражённо уставился на порозовевшую девушку.

— П-простите, — пролепетала она, переводя взгляд с взбешенного опекуна на служанку, бросающую на неё неприязненные взгляды. — Я хотела с вами поговорить... думала, вы не заняты... дверь была открыта...

Луиза выглядела столь искренне в своём раскаянии, что Томасу стало совестно. В самом деле, пора бы запомнить, что в доме находится незамужняя девушка.

— Оставь нас, — бросил он Таонге. — Проходите, прошу вас.

Луиза посторонилась, пропуская служанку, бросившую напоследок на нее пылающий ненавистью взгляд. Поведя плечами, Луиза вздёрнула подбородок и прошла в кабинет. Мог бы и закрыть дверь, если собирался развлечься со служанкой! Воодушевлённая, Луиза расположилась на диванчике и, расправив складки на платье, выдала:

— Мистер Уоррингтон, а сколько вам лет?

— Тридцать шесть, — опешил Томас. — Вы об этом со мной хотели поговорить?

— Нет, — замялась Луиза, понимая, что вопрос слетел с губ раньше, чем она успела остановить себя. — Конечно же нет. — Она нацепила непринуждённую улыбку и мягко произнесла: — Просто я привыкла, что мужчины вашего возраста либо женаты, либо вдовцы. Вы вдовец?

— Нет. — Томас прищурился, пытаясь понять, куда она клонит. Луиза и сама едва ли смогла бы ответить на этот вопрос. Откуда взялось столько смелости? Как она вообще решилась говорить с опекуном на такие темы?! Но отступить было поздно. Пусть лучше думает, что она невоспитанная, зато наконец узнает о Томасе что-то новое.

— А почему? — Глаза мистера Уоррингтона стали такими огромными, что Луиза спохватилась, поняв, как звучит со стороны её вопрос. Нервный смешок слетел с губ.

— Я имею в виду, почему вы до сих пор не женились, — пояснила она свой вопрос.

— Думаю, у меня просто не было на это времени, — пожал плечами Томас. Удивление, вызванное необычной темой для вечернего разговора, постепенно проходило, уступая любопытству. — Луиза, вы живёте здесь второй месяц, а я так ни разу не поинтересовался: как вам здесь? Всё ли вас устраивает? Быть может, вы чего-то хотите?

— Хочу? — Луиза задумалась. Она хотела поговорить с опекуном о Кинге, но разговор ушёл в абсолютно другую сторону, и теперь осторожно расспросить Томаса о его прошлом

не представлялось возможным. Однако была одна просьба, с которой Луиза планировала подойти к Томасу уже несколько дней. — Не знаю, право слово. Мне хотелось бы устроить бал, но я понимаю, что сейчас все слишком заняты, чтобы собраться... Я занялась садом, если вы заметили... — Томас с готовностью кивнул, честно пытаюсь вспомнить, с какой стороны дома должен находиться сад. — И Франческа обещала мне несколько саженцев... В общем, я хотела бы попросить разрешения съездить к ней за цветами.

— А слуг послать нельзя? — удивился Томас. Луиза резко погрузилась, опустив голову, и он спохватился: любитель одиночества, как он мог забыть о том, что девушка просто ищет повод пообщаться с подругой.

— Я думаю, вы можете навестить леди Бишоп в ближайшие дни. — Уоррингтон с удовольствием наблюдал за тем, как осветилось лицо подопечной.

— Спасибо. — Она улыбнулась. — Мне действительно очень не хватает этого-возможности свободно ездить туда, куда хочется.

— Здесь не Лондон, Луиза, — сокрушенно вздохнул Томас. — А я отвечаю за вашу безопасность. Обещаю, как только прибудет ваше седло, мы обязательно будем выезжать.

— Спасибо! — И снова эта обезоруживающая искренность. Как можно так радоваться сущим мелочам?!

— Луиза, не улыбайтесь так, — проворчал Томас, — а то я решу, что за вашей просьбой посетить леди Бишоп стоит нечто большее.

В ответ девушка звонко рассмеялась и, поднявшись с диванчика, присела в неглубоком реверансе.

— Я просто рада покинуть поместье хотя бы ненадолго!

— Вам невероятно легко угодить, — не сдержавшись, Томас улыбнулся в ответ. Кивнув опекуну, девушка поспешила к себе, по пути перебирая все сказанные им фразы и то, каким тоном он ей это говорил. А сколько раз посмотрел...? А потом даже два раза улыбнулся...

Пятнадцатая глава

Жара, казалось, достигла своего пика, не отступая даже ночью. Болота вокруг поместья пересохли, и выгоревшая ряска облепила обнажившиеся на дне коряги. Огромные аллигаторы зарылись в ил, выходя на охоту лишь под утро. Из-за жары Луиза почти перестала спать, вздрагивая каждый раз от криков, что издавали звери, попадаясь в пасть безжалостным хищникам. Кожа зудела от липкого пота, и многочисленные обтирания не приносили облегчения. А огромные тучи moskitov будто только и ждали засухи, чтобы жужжащим роем окружать кровать по ночам, не давая распахнуть несколько плотных слоёв сетки. Иногда Луизе хотелось плакать от бессилия и жалости к самой себе, особенно вспоминая о том, что в Англии лето постепенно подходило к концу, а в это время уже можно было накинуть на плечи кашемировую шаль, чтобы не простыть.

Очередная ночь, наполненная непрерывным звоном крыльев сотен насекомых и оглушительным цокотом сверчков, подошла к концу. Забывшись сном лишь под утро, Луиза с трудом разлепила веки, заставив себя подняться. Настроения не было, зато очень хотелось, чтобы из окна на неё не смотрело ослепительно яркое солнце.

— Будете кофе? — белозубо улыбнулась Адеола, поднимаясь с табурета. Не найдя никого в гостиной, Луиза заглянула на кухню, где и нашла компаньонку с экономкой.

— Я бы предпочла чай, — вздохнула девушка, опускаясь рядом с миссис Пинс. — С лимоном.

— Лоиз, вы чрезвычайно бледны, — обеспокоенно проговорила компаньонка, наблюдая за тем, как та вяло давит лимон в чашке.

— Никогда не думала, что скажу это, но я скучаю по лондонскому лету, — грустно проговорила Луиза. — Совсем ничего не хочется делать.

— Вам надо развлечься. — Адеола в подтверждение своих слов кивнула. — Вы, мисс Луиза, просто заскучали, а когда скучаешь, любая погода кажется плохой.

Луиза вяло кивнула, думая о том, что причину хандры она знала, но очень боялась признаться себе в этом. А дело было в том, что мистер Уоррингтон отсутствовал уже четвертые сутки и Луиза не находила себе места от беспокойства. Все вокруг продолжали вести себя как ни в чём не бывало, а ей хотелось встать посередине огромного холла и кричать что есть мочи, пытаясь привести в чувство мистера Свенсона, миссис Пинс, равнодушных слуг- всех, кто продолжал делать вид, что всё в порядке. Ей было страшно. Вдруг что-то случилось? Вдруг его конь сломал ногу, и мистер Уоррингтон лежит где-то посреди полей или, что ещё хуже, в лесу, окруженный крокодилами. Они окружают его, щёлкая зубами и грозно шевеля хвостами... Ей срочно надо было отвлечься!

— Праздник Бри, — снова кивнула Адеола и, тут же сменив добродушное выражение лица на грозное, прикрикнула на кухарку, слишком мало, по её мнению, положившую томатов в суп.

— Бри? — переспросила Луиза и вопросительно посмотрела на миссис Пинс. Но та лишь недоуменно пожала тощими плечами, продолжая попивать свой кофе.

— Праздник урожая, — пояснила Адеола. — Мы будем отмечать его сегодня вечером. Хотите- приходите. Мы всегда рады гостям на празднике.

— Я не знаю, найдётся ли мне там место... — засомневалась Луиза, косясь на миссис Пинс.

— Не думаю, что это возможно, — проговорила та, строго взглянув на Адеолу поверх кружки. — Юной девушке не место на языческом празднике.

— Мы не собираемся приносить в жертву детей или девственниц, если вы об этом, — обиделась Адеола, поджимая губы. — Насколько я знаю, вашего бога распяли на кресте свои же, а вы празднуете этот день. Это лучше радостного Дня Урожая?

— Полагаю, это сравнение не уместно, — вскинулась миссис Пинс, поднимаясь. — И обсуждать это с прислугой не лучшая идея.

— С этой прислугой вы проводите немало времени, — ядовито парировала Адеола, тяжело опираясь на стол. — И вам это даже нравится. Или нет?

— Я думаю, вы забываетесь, Адеола, — ледяным тоном проговорила миссис Пинс.

— Я прекрасно знаю своё место, если вы об этом, — лицо экономки потемнело от гнева. — И я помню, что вы здесь не хозяйка!

— Но и не рабыня! — выкрикнула миссис Пинс и осеклась, виновато глядя на негритянку. Однако слово уже было произнесено, и Адеола, сжав губы, резко отвернулась, отходя к окну. На кухне стало очень тихо. Даже кухарка старалась мешать суп, не задевая стенки кастрюли. Миссис Пинс беспомощно взглянула на полную фигуру, которая буквально дышала обидой, и, дёрнув плечом, ушла. Луиза проводила её долгим взглядом и посмотрела на Адеолу, которая подносила кончик фартука к лицу, стирая выступившие слёзы.

— Она не считает вас... — девушка замолчала, не в силах подобрать определение к слову «раб», которое не обидит Адеолу.

— Она считает меня тем, кем я являюсь, мисс Луиза, мэм, — мягко ответила Адеола, возвращаясь на своё место за столом. — Я живу здесь уже шестой год, и этот дом стал для меня родиной, которой меня когда-то лишили. А масса Томас для меня как сын, хотя я его и не растила. Он всегда тепло обращается со мной, и потому я иногда забываю, кто я и где моё место. — Адеола тяжело вздохнула. — Простите меня, мисс Луиза, мэм. Простите, если оскорбляю вас своим поведением.

— Ну что вы! — смутилась Луиза, глядя в полные слёз глаза негритянки. — Вы не видели экономку в моём доме в Лондоне! Я думаю, иногда её боялся даже мой отец! А своей строгостью и властностью она заткнула бы за пояс любого камердинера!

Думаю, мистер Уоррингтон согласился бы с тем, что я скажу: вы не рабыня, Адеола, вы-член семьи!

— Ох, мисс Луиза, мэм! — всхлипнула Адеола, протягивая пухлые руки и заключая в свои необъятные ладони хрупкие ладошки Луизы. — Вы- ангел! Чистый ангел!

— Я приду к вам на праздник, — решила Луиза, с удовольствием наблюдая за тем, как лицо Адеолы озарилось радостью. — Только я не знаю, надо ли что-то принести и в чём прийти.

— О, Зэмба расскажет, — широко улыбнулась Адеола.

— Только мне бы не хотелось, чтобы миссис Пинс об этом узнала, — понизив голос, проговорила Луиза.

— Не узнает, — сверкнула белками глаз негритянка. — Ничего не узнает.

***

— Бри- мой самый любимый праздник! — Зэмба тараторила, не переставая причёсывать медовые волосы своей госпожи. — Это праздник плодородия, урожая, праздник любви. В этот день зачинаются самые сильные и ловкие дети, а женщины молятся лодаухам, чтобы они заметили их и наградили ребёнком. В эту ночь способны исполниться

самые сокровенные мечты, ведь лоа сходят с небес, чтобы передать наши просьбы Богу-создателю Нсамби*.

— А о чём будешь просить ты? — хитро посмотрела Луиза. Зэмба фыркнула, зажав ладошкой рот:

— Мисс Луиза, мэ, о своих просьбах не принято говорить. Пусть сначала исполнятся.

— А если они не исполнятся?

— Тогда тем более вспоминать не надо. — Зэмба заплела тугую толстую косу, переплела её лентой и отступила в сторону. — Вам надо одеться в что-нибудь тёмное. Только белому колдуну унгану и его помощникам дозволено являться в светлых одеждах.

— Колдуну? — Любопытство Луизы постепенно разгоралось. Ей было и интересно, и одновременно страшновато идти вечером в лес и смотреть на праздник рабов. Но что может ей там навредить? А такого шанса больше точно не представится- в следующем году на этот праздник её здесь уже не будет. — Настоящему колдуну?

— Конечно, настоящему, мисс Луиза, мэ, — донёсся из глубины шкафа приглушённый голос Зэмбы. — У нас есть свой унган, а ещё колдунья мамбо. Они и их помощники проведут ритуал, почтив богиню любви Эрзули, которая будет невероятно сильна в эту ночь, и великого Змея Дамбалла Вedo. Окружённые своими лоа- духами, они ступят на землю в облики людей и будут бродить меж них всю ночь, предаваясь любви и танцам.

Луиза слушала, чувствуя, как колкие мурашки предвкушения пробегают по спине, заставляя подпрыгивать от нетерпения. Наконец Зэмба извлекла из глубин шкафа тёмно-синее ситцевое платье, которое обычно служило верхним платьем и не носилось без множества нижних юбок. Но здесь на тонкости английской моды можно было не обращать привычного внимания, и Луиза с радостью отложила корсет, от которого всё же не могла пока отказаться в повседневной жизни, и, оставшись в одной нижней юбке и сорочке, подняла руки, ныряя в платье.

Ночь, звучащая хором множества насекомых и птиц, ароматная и душно-сладкая, встретила Луизу лёгким ветерком, заставляя поёжиться. Глубоко вздохнув, она смело шагнула в темноту за Адеолой, которая несла в руках завернутую в чёрную ткань корзину. От поместья в лес неслышно шли тёмные тени- слуги из дома спешили к ритуальному дому колдуна, у которого, как объяснила Зэмба, будет проходить обряд. Колдун унган жил в лесу, в полудне ходьбы от хозяйского дома. Служанка спокойно шла вперёд, рассказывая хозяйке о счастливых историях, что произошли с теми, у кого сбылись мечты в ночь Бри. А Луиза чувствовала, как с каждым сделанным прочь от поместья шагом её решимость угасает, уступая место страху. Слишком мрачным выглядел лес вокруг, слишком пугающе скользили тени между стволов деревьев, слишком шумно пищали летучие мыши, проносясь в ночном воздухе. Поэтому, когда на лицо упал мохнатый мягкий мох, чиркнув по носу, Луиза не выдержала и замахала руками, отчаянно отгоняя от себя незримых чудищ. К счастью, они уже пришли.

Выходя из леса на освещённую факелами поляну, негры расходились, образуя круг на границе света и тени. Луиза встала за широкой спиной Адеолы, которая наклонилась, снимая ткань с корзины и бережно доставая фигурку человека, выпеченную из теста. Передав её Зэмбе, Адеола извлекла колосья ячменя и овса, перевязанные жгутами, и вдвоём они подошли к центру поляны, кладя принесённое на большой алтарь в виде стола, на котором две девушки уже зажигали толстые чёрные свечи.

Оставшись одна, Луиза невольно сделала шаг назад, скрываясь в темноте, боясь

пошевелиться. Всё вокруг казалось зловещим и пугающим, и она успела несколько раз пожалеть, что согласилась на предложение прийти. Адеола и Зэмба вернулись на место, и Луиза почувствовала себя увереннее, выглядывая из-за их спин и пытаясь рассмотреть высокого худого мужчину, облачённого в белоснежные одежды. Следом за ним шла красивая полногрудая женщина в длинной кроваво-красной юбке и пышном венке из белоснежных цветов, прикрывавшим обнажённую грудь. Колдун принялся обходить собравшихся по кругу, неспешно выводя мелодию на одной ноте. Луиза вздрогнула, зажав рот рукой — лицо унгана казалось лишённым кожи, и лишь когда он прошёл мимо, она поняла, что это рисунок, выполненный белой краской. Закончив обход, унган принял из рук мамбы длинный шест и поднял его над головой. Над поляной повисла тишина. Луизе казалось, что стук её сердца слышен каждому из собравшихся на поляне.

Застучали барабаны. Гулко и ритмично, объявляя о начале церемонии. Колдун вскинул руки вверх, громко выкрикивая что-то в небеса. Несколько людей начали громко вскрикивать, падая на землю или же застывая, будто парализованные.

— Унган взывает к папе Легбе, — шепнула за спину Адеола, когда колдун сделал небольшую паузу. — Он открывает врата, чтобы унган и мамба смогли напрямую общаться с лоа.

Барабаны зазвучали быстрее, а колдуны начали медленный танец, тонкой струйкой разливая воду из кувшина, что стоял на алтаре. Постепенно пришедшие на праздник люди принялись выходить в освещённый круг, вливаясь в ритм, кружась в первобытном танце. Песнь колдуна становилась громче, и вскоре к ней присоединился грудной голос мамбы, которая принялась чувственно изгибаться, обходя танцующих. Движения становились раскованней, и, хотя танцующие не касались друг друга, Луиза чувствовала, как начинает краснеть, а внутри медленно разгорается неведомый доселе жар. Аромат горящих свечей, густой, приторно-сладкий и слегка удушливый, поплыл над поляной. Луиза чувствовала, как ритмичная музыка стучит в груди, задевая незримые струны, приглашая выйти в освещённый круг и двигаться, двигаться, не останавливаясь, изгибаясь и покачивая бёдрами. Эти танцы, такие бесстыдные, казались теперь красивыми и волнующими, и Луиза представила, что было бы, если бы мистер Уоррингтон был сейчас здесь, делая те же движения, что и все мужчины вокруг... Щёки вспыхнули, а внизу живота вдруг сладко полыхнуло.

Музыка становилась громче, и вот уже все слуги и рабы кружились в одном непрерывном танце, почти сливаясь в жарких объятиях. Скрытая в темноте, Луиза жадно следила за ними, уже не пытаясь отгонять чувственные картины, что охотно вставали перед глазами. Она была почти частью этого примитивного действия, почти плясала в круге света среди людей, что выкрикивали что-то невнятное своим богам, припадая к земле и вознося руки в небеса. Сколько времени это длилось: несколько минут или несколько часов? Луиза не могла себе сказать. Она знала лишь, что огонь, разгоревшийся в теле, выжигал её изнутри, оставляя после себя пылающее нечто. Как во сне, она принялась медленно раскачиваться в такт музыке, запустив пальцы в густые волосы, позволяя ленте соскользнуть вниз, расплетая тугие пряди. Качнув головой, Луиза позволила им упасть светлой волной, скрывая лицо, рассыпаясь по плечам. В груди пульсировал ритм, разливаясь по венам.

Сквозь паутину волос Луиза наблюдала за танцующими, которые стали расступаться, вновь пропуская унгана в центр. Следом вышла мамба и закружилась так стремительно, что юбка вспыхнула кровавым маревом. Две прислужницы вышли из ритуального дома, неся в руках что-то трепещущее и явно живое.

Луиза вздрогнула, наблюдая за тем, как унган принимает из рук мамбы чёрного петуха, недвижимо сидевшего в руках колдуньи. Тошнота подступала к горлу, но ужас, что парализовал, не давал сделать шаг, хотя отчаянно хотелось бежать, бежать без оглядки подальше отсюда. Сверкнул нож, и алая кровь брызнула на белоснежные одежды колдуна, расплываясь бордовыми пятнами. Присутствующие медленно потянулись к унгану, подставляя свои лица, руки под кровавый дождь, что рассыпал перед собой колдун, размахивая обезглавленным петухом. Барабаны на миг смолкли, и Луиза вздрогнула, вынырнув из смутного транса на поверхность. Глубоко вздохнув, она бросилась в лес, стремясь покинуть ставшую жуткой поляну, заполненную окровавленными людьми.

Она бежала, не разбирая дороги, цепляя волосами нависавшие над головой ветки. Барабаны снова зазвучали, будто пытались догнать Луизу, и та, остановившаяся было, чтобы отдышаться, припустила ещё быстрее, чувствуя, как их магический ритм снова проникает под кожу, наполняя разум яркими картинками увиденного.

Тёмная и безмолвная «Магдалена» в любое другое время напугала бы Луизу, но сейчас казалась ей самым желанным местом на земле. Она стремительно влетела на кухню, прикрывая за собой дверь, чувствуя, как колотится где-то в горле сердце. Или это продолжали бить барабаны, отбивая свой чувственный ритм?

Прислонившись к двери, Луиза тяжело дышала, чувствуя, как сладкое томление, охватившее её на поляне, возвращается, наполняя каждую клеточку тела. Невнятные, но волнующие желания смущали и внушали смелые мысли. Например, подняться в комнату мистера Уоррингтона. Вдохнуть его запах, что наверняка пропитал там всё вокруг... Опекуна всё равно не было дома, слуги ушли, а миссис Пинс спала. Никто не узнает о таком демарше.

Успокоив себя таким образом, Луиза оторвалась от двери, ныряя в темноту дома. Отсутствие света не мешало, а наоборот, помогало скрыть, пока она на ощупь кралась к лестнице, стараясь не шуметь. Кровь шумела в ушах, а в голове всё ещё гулко стучали барабаны. Остановившись у лестницы, ведущей в крыло мистера Уоррингтона, Луиза не сдержалась и замерла, прикрывая глаза и делая глубокий вдох. Нет. Она не будет поддаваться страху. Она пойдёт и посмотрит на его комнату. Пусть даже в темноте. Пусть. Снова вздохнув, Луиза сделала первый шаг, неосознанно вжимая голову в плечи. Но потолок не рухнул, молния не сверкнула, и, ободрённая, девушка решительно поднялась наверх, замирая в коридоре. Протяжная песнь зазвучала в голове, придавая смелости. Луиза подошла к двери, осторожно потянула её на себя, радуясь, что та не скрипит, и занесла было ногу, собираясь сделать шаг, но так и застыла, не в силах отвести взгляд от открывшейся картины.

На широкой кровати, залитой лунным светом, сплетались в объятиях двое, поглощенные друг другом настолько, что, казалось, разверзлись над ними небеса, они не заметят. Таонга (а это несомненно была она) гибко выгибала спину, царапая плечи Томаса, томно мурлыкая, словно ласковая пантера. Луиза, как зачарованная, смотрела на мужские руки, скользившие по гладкой чёрной коже, будто это был один из тех танцев, что она наблюдала полчаса назад в лесу. Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд от напряжённой спины, от бёдер, которые рвано двигались, напоминая о ритме барабанов в ночи. Он коротко застонал, и Луиза сглотнула, чувствуя, как на этот звук отозвалось её тело. Она нервно облизнула пересохшие губы и вдруг поняла, что в эту сумасшедшую, наполненную колдовством ночь она хотела бы быть здесь, с ним. Под ним.

Луиза собиралась уже закрыть за собой дверь, когда Таонга хрипло выдохнула и

откинула голову на подушки, позволяя Томасу зарыться лицом в её волосы, закинула на него ногу и обернулась, встречаясь взглядом с девушкой. Она заметила её, в этом не было сомнений, и, стремительно притворяя за собой дверь, Луиза всё ещё видела горящий торжеством взгляд.

---

*Здесь и далее настоящие имена богов и религиозные обряды вуду переплетены с неуёмной фантазией автора.

Шестнадцатая глава

В эту ночь Луиза так и не смогла сомкнуть глаз. Перебирая в голове все события минувшего вечера, она то вспыхивала от воспоминаний о танцах, то прижимала руки к горящим щекам, думая об увиденном в комнате мистера Уоррингтона. Мысли крутились вокруг сцены, невольной свидетельницей которой она стала, и тугой клубок, что запутался внизу живота, начинал отчаянно пульсировать, разнося по телу неожиданно сладкие волны. За окном стремительно серело, а Луиза, перевернувшись на живот и обхватив руками подушку, снова и снова прокручивала в голове случившееся, отчаянно понимая, что в её жизни что-то поменялось, но вот что именно- осознать пока не могла.

Завтрак проходил в одиночестве: миссис Пинс, сославшись на жуткую головную боль, завтракала у себя, а мистер Уоррингтон и мистер Свенсон уехали по делам на плантацию де Шабри. Луиза малодушно порадовалась тому факту, что не увидит утром опекуна: при одном воспоминании об его обнаженной спине и, святые угодники! ягодицах кровь прилиwała к щекам, а в горле собирался комок. Покончив с яичницей с тоненькими колбасками и апельсиновым соком, она собралась было выйти в сад, где вчера разметила лунки под посадку роз, — проверить, как идёт подготовка. Но радужное настроение быстро сошло на нет при виде Таонги, гордо плывшей через холл. Заметив Луизу, она склонила голову, однако та успела разглядеть неприкрытое превосходство, с которым служанка посмотрела на свою госпожу. Ледяная волна пробрала с головы до кончиков пальцев, и Луиза, вдёрнув подбородок, прошла мимо и вместо сада направилась напрямиком на конюшню. От самодовольного вида Таонги её затрясло, и пришлось стиснуть руки и несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы прийти в себя.

— Приготовьте коляску, — крикнула она конюху, который сгребал сено у входа. Тот удивлённо поднял голову на хозяйку и уставился на неё непонимающим взглядом.

— Я еду в «Тризон», мне нужна коляска, — стараясь, чтобы голос не дрожал, произнесла Луиза. — Мистер Уоррингтон знает об этой поездке, — добавила она, видя, что работник колеблется. Услышав имя хозяина, конюх кивнул и, отложив грабли, скрылся в полумраке конюшни.

Вернувшись в свою комнату, Луиза лихорадочно принялась раздавать приказы Зэмбе, будто боялась, что в любой момент кто-то сможет её остановить и запретить куда-то ехать. Но миссис Пинс, по словам Зэмбы, выпила настой ромашки и липы и уснула, а мистер Уоррингтон совершенно определённо сказал, что мисс Луиза может съездить к Франческе. Успокоив таким способом не в меру разговорившуюся совесть, Луиза нырнула в небесно-голубое платье и, подхватив короткие кружевные перчатки и шляпку, поспешила вниз, с трудом заставив себя не перепрыгивать через ступеньки.

— Мисс Луиза, мэм! — Зэмба сбегала следом. — Я не могу с вами поехать, мэм, не сегодня. Я должна перебирать бобы.

— Бобы? — Луиза резко остановилась посреди лестницы, недоумевающе глядя на служанку.

— Может, вы попросите бабу... Адеолу отпустить меня? — с надеждой в глазах Зэмба посмотрела на хозяйку.

— Тебя наказали? — догадалась Луиза и, дождавшись кивка, пожала плечами: - Пойдём на кухню, я поговорю с ней.

Зэмба широко улыбнулась и поспешила следом, бормоча слова благодарности и клянясь в вечной преданности. Однако Адеола оказалась непреклонной: Зэмба останется в «Магдалене» и будет помогать кухарке. А вместо неё в «Тризон» поедет Алудо-пышнотелая девушка, приставленная к миссис Пинс. Луиза сокрушённо посмотрела на Зэмбу и пожалала плечами-оспаривать решение Адеолы она не собиралась.

Спустя полчаса коляска уже катилась по дороге из поместья, и Луиза, шурясь на утреннем солнце, любовалась окружающим пейзажем, радуясь тому, что осмелилась выехать из «Магдалены». И в самом деле, что здесь такого: в Лондоне она постоянно выезжала одна, и хотя дальность здешних поездок всё же была иной, сути дела это не меняло. Она ехала навестить подругу, в этом не было ничего плохого. Леди Бишоп сама разъезжает по плантациям, делая визиты, чем она хуже?! Два часа пролетели незаметно в мечтах о саде, что она разобьёт, и том, как по вечерам они с мистером Уоррингтоном будут сидеть среди розовых кустов, попивая чай. Ну, она будет пить чай, а он-виски, поправила сама себя Луиза, улыбнувшись.

— Луиза, дорогая! — Франческа, если и была удивлена неожиданному визиту, не подала виду. — Вы одна или мистер Уоррингтон вот-вот появится? — и она посмотрела за её спину, выглядывая ещё одного гостя.

— Нет-нет, Франческа, сегодня я одна, — улыбнулась Луиза, стягивая перчатки и усаживаясь в предложенное плетёное кресло.

— И хорошо, — вырвалось у леди Бишоп. Поймав изумлённый взгляд, она спохватилась и пояснила: — Генри и Томас на днях не сошлись во мнениях и слегка поспорили. Не думаю, что там что-то серьёзное, но лорда Бишоп пока лучше не тревожить. Он ходит мрачнее тучи, если честно, я сама стараюсь не попадаться лишний раз ему на глаза.

— Быть может, мне лучше уехать? — обеспокоенно спросила Луиза, почувствовав неловкость. Видеть лорда Бишоп мрачным ей не хотелось. Стоило только представить, как надменный лорд кричит, сразу хотелось убежать и спрятаться.

— Ах, не говорите глупостей, моя дорогая, — отмахнулась Франческа, разливая чай по фарфоровым чашечкам. — Я бесконечно рада вас видеть. К тому же ваши розы готовы, я собиралась сама отвезти их в «Магдалену». Как хорошо, что вы выбрались! — Луиза улыбнулась той искренности, с которой леди Бишоп радовалась её приезду, невольно при этом посочувствовав ей. Такая яркая и беззаботная, она вынуждена терпеть тирана-мужа, то и дело бросая взгляды в сторону дома... Поначалу и сама Луиза чувствовала скованность, с минуты на минуту ожидая появления грозного хозяина «Тризона», но спустя полчаса всё же расслабилась и вовсю смеялась с Франческой. Лорд Бишоп не спустился к обеду, зато Луиза познакомилась с Викторией, очаровательной двенадцатилетней особой, которая покорила её своими огромными карими глазами и робкой улыбкой.

После обеда они втроем уединились в музыкальном салоне, где Виктория, невероятно смущаясь, сыграла на скрипке, опровергнув слова лорда Бишоп о полном отсутствии талантов. У неё определённо был музыкальный слух. Девочка играла хорошо, и Луиза, заговорщически подмигнув, пообещала постараться выписать клавесин и со всеми предосторожностями доставить его в поместье. А Франческа, воодушевившись при виде загоревшихся глаз дочери, пообещала уговорить лорда Бишоп выписать из Нового Орлеана учителя.

День незаметно клонился к закату, и Луиза засобиравалась. Как Франческа ни уговаривала остаться на ужин, она не поддавалась, отшучиваясь, что не взяла наряд, чтобы

переодеться. На самом деле она радовалась возможности не встречаться с хозяином поместья, да и действительно пришла пора возвращаться. Пообещав навестить Франческу на следующей неделе, Луиза проследила за тем, как Алудо пристраивала корзину с едой, которую ей собрала в дорогу кухарка Бишопов, и села в коляску.

Колеса мерно поскрипывали, над головой кучера неспешно качался фонарик, освещая часть лица и правую руку. Луиза задумчиво грызла яблоко, думая о том, как её встретит миссис Пинс и заметила ли она вообще отсутствие своей подопечной... Тёмная тень мелькнула слева, и лошадь, испуганно заржав, шарахнулась в сторону, заставив коляску опасно накрениться. Алудо завизжала, цепляясь за борта, но кучер твёрдой рукой удержал поводья, остановил лошадь и, прыгнув с козел, пошёл успокаивать животное.

— Что это было? — испуганно сверкнула глазами Алудо, оглядываясь по сторонам.

— Не знаю, может, волк? — прошептала Луиза, стараясь не дрожать. Живут ли в лесах Луизианы волки, Луиза не знала, но думать о том, что это мог быть кто-то страшнее, не хотелось. Она нервно осмотрелась. Деревья вокруг уже не выглядели безопасными, за каждым стволом чудились жёлтые глаза. Внезапно кучер впереди коротко вскрикнул, послышался звук падения. Девушки переглянулись и прижались друг к другу, схватившись за руки. Из темноты вынырнула высокая фигура и, подойдя к коляске, распахнула дверцу.

— Прошу выходить, мэм. — Низкий голос незнакомца заставил Луизу застыть от ужаса. Всё происходящее казалось таким диким и нереальным и так разительно отличалось от написанного в романах!

— Вы грабите нас? — дрожащим голосом спросила она, теребя концы кашемировой шали.

— О да! — довольно хмыкнул мужчина.

— Но у нас ничего нет, — тихо проговорила Луиза, терзаясь от внезапной жуткой догадки.

— У вас есть то, что нам надо, мэм, — ухмыльнулся грабитель, обведя застывших девушек красноречивым взглядом. — Выходите! — прикрикнул он, протягивая руку и хватая за локоть Луизу. Та дёрнулась, попыталась вырвать руку, но мужчина грубо рванул ее на себя, и Луиза буквально упала на грабителя. Отшвырнув её в сторону, он потянулся за Алудо, которая вжалась в дверцу, отчаянно шепча молитвы. Из темноты вынырнул второй мужчина, быстро бросил что-то на незнакомом языке и ощерился, разглядывая добычу.

— Посмотри, какая красивая, — довольно проговорил первый, поднося фонарь к лицу Луизы. — Думаю, мы сможем выручить за неё немало монет на рынке в Мексике.

Луиза отшатнулась, испуганно переводя взгляд с одного незнакомца на другого. Осознание того, что происходит что-то жуткое и непоправимое, расплзлось внутри, заставляя сердце биться где-то в горле.

— Что встали? Вяжите! — Из темноты возник третий, ведя на поводу лошадь, распряжённую из коляски. Луиза невольно бросила взгляд туда, откуда он появился, и тихо вскрикнула, крепко прижав руку к лицу: в темноте отчётливо выделялось тело кучера, под которым расплывалась маслянисто поблескивавшая лужа.

— Нет! Нет! — Луиза громко закричала, пытаясь вырваться, когда к ней потянулся первый грабитель, разматывая веревку, что держал до этого. Алудо отчаянно верещала и билась в руках второго, размахивая ногами. Подхватив юбки, Луиза рванулась было к деревьям у обочины, но тут же захрипела, запрокидываясь назад: ее поймали за шляпку, и ленты впились в горло, заставив дёрнуться.

— Не так быстро, — прошептал мужчина, обдав шею горячим дыханием и удушающим запахом немытого тела и жевательного табака. Луиза закашлялась, на глазах выступили слёзы- он продолжал тянуть на себя шляпку. — Только дёрнись ещё раз, и я перережу тебе горло, — доверительно проговорил разбойник ей на ухо и тут же резко отпустил, оттолкнув от себя. Луиза глубоко вздохнула и захрипела, вскидывая руки к горлу и осторожно проводя по нему. Алудо тем временем извернулась и укусила за руку державшего её, и тот, охнув, отвесил ей оплеуху. Голова девушки дёрнулась, и она безвольно обмякла. Подхватив её под колени, он перекинул тело через плечо и обернулся к Луизе. Та поспешно протянула руки, позволяя связать их. Спустя несколько минут на дороге осталась пустая коляска и тело кучера.

Похитители не особо таились, продираясь сквозь кусты, и Луиза с облегчением подумала, что их очень быстро найдут, а после она сможет рассказывать об этом ужасном приключении в лондонских гостиных. Мысль об уютно потрескивавшем камине была столь яркой, что она на мгновение забыла, где находится и что с ней происходит, а потому грубый тычок в спину резко выдернул её из мечтаний, возвращая в реальность.

— Пошевеливайся! — Луиза споткнулась, но покорно пошла вперёд, с тоской думая о том, что платье безнадёжно испорчено и его придётся пустить на тряпки. Быть может, стоит отдать его Зэмбе, пусть перешьёт что-нибудь себе? Интересно, когда их найдут? И кто вообще эти люди? Не те ли бунтовщики, которых разыскивали де Шабри и Уоррингтон?

Неподалёку раздался тихий плеск, и впереди замаячили огни. Луиза моргнула и замерла как вкопанная, отказываясь сделать ещё хоть шаг. Перед ними лежала река, широкая и безмолвная. Чёрные пятна ряски окружали небольшое судёнышко, освещаемое двумя фонарями у кормы и носа. Они поплывут?! Но ведь тогда их могут не найти! Как мистер Уоррингтон отыщет след, если они будут спускаться по реке?

— Я не пойду! — Луиза замотала головой, упираясь ногами в землю. — Я не пойду!

— Понимание происходящего обрушилось на неё внезапно, заставляя заледенеть кровь. Паника подступила к горлу, заставляя задыхаться тяжело и часто. Луиза беспомощно озиралась, наконец разглядев лица похитителей, один из которых уже поднялся на борт с Алудо на руках, а второй осторожно заводил коня.

— Иди, — ткнул её в спину высокий грабитель, но Луиза отчаянно замотала головой, упираясь.

— Отпустите меня, пожалуйста! — На глазах выступили слёзы. Ей стало невыразимо жаль себя и безумно страшно при мысли, что жизнь её теперь в руках этой жуткой троицы. — Я богата. Вам нужны деньги? Я дам вам. Правда. Только отпустите меня.

— Деньги? — хмыкнул грабитель. — Слышите, парни, она предлагает нам деньги. -

Ободрённая его словами, Луиза с надеждой посмотрела на мужчин в лодке, но они, к её ужасу, лишь переглянулись и громко загоготали.

— Какие деньги, крошка? Думаешь, твои друзья так просто отпустят нас? Да ещё и денег дадут! Двигавай давай!

Но Луиза, кажется, решила сделать всё от неё зависящее, лишь бы не садиться в лодку. Заметив, что мужчины на судне заняты, она смущённо покосилась на терпеливо ожидавшего её похитителя и, потупив глаза, прошептала:

— Простите, но мне надо...

— У нас есть ведро, — равнодушно произнёс мужчина. Затем протянул руку и потянул Луизу за веревки. Но она осталась стоять, покачнувшись навстречу.

— Прошу вас, — она подняла на него огромные умоляющие глаза.

— Ладно, — вздохнул он. — Только быстро. И руки развязывать не буду.

Кивнув, Луиза приподняла юбки и отошла в кусты, поминутно оглядываясь. Отсюда похититель был отлично виден, чётко вырисовываясь на фоне лодочного фонаря. Пошуршав для вида юбками и ветками, Луиза тихонько поднялась и, крадучись, отступила в тень. Затем, убедившись, что за ней не наблюдают, резко развернулась и бросилась в темноту, не разбирая дороги. Только бы добраться до коляски! Неизвестно почему, ей казалось, что там она будет в безопасности. И мистер Уоррингтон сразу же найдёт её, сразу же, стоит только добежать до дороги...

— Стой! — раздался крик за спиной, и одновременно юбка оглушительно треснула, а Луиза повалилась на влажную землю, больно ударившись щекой. Мужчина резко потянул её наверх, заставляя подняться, и развернул к себе.

— Думала, сможешь сбежать? — он зло смотрел на неё, тяжело дыша. — А ну пошли!

— Нет! — Луиза выдернула руку. — Я никуда не пойду! Не пойду!

Последнее, что она запомнила- как похититель заносит руку. После этого перед глазами помутилось, и она потеряла сознание.

Семнадцатая глава

Приходила в себя Луиза тяжело. Голова гудела, а во рту чувствовался привкус крови. Она с трудом сдержала стон и осторожно разлепила веки, пытаясь понять, где находится. Видимо, прошло несколько часов, потому что лес серел и Луиза с лёгкостью могла рассмотреть детали оснастки судна. Оно легко скользило по реке, мимо проплывали огромные чёрные силуэты просыпающегося леса. Было тихо, лишь где-то в ветвях кричала какая-то птица. Луиза осторожно пошевелила пальцами на руках и охнула, почувствовав острую боль: видно, её попросту бросили на палубу, и теперь руки невероятно затекли, боль отдавалась в плечи, остро пульсируя.

— Очнулась? — Перед глазами возникло чёрное лицо, дружелюбно ухмыльнулись полные губы. — А я уж Коджо всыпал за то, что он тебя приложил. Давай помогу подняться. Сильно болит?

От столь заботливого голоса на глаза Луизы навернулись слёзы. Она помотала головой и взглянула на мужчину. Невысокий, полный, с добродушной улыбкой, он внашал доверие.

— Вы отпустите меня?

— Прости, крошка, но нет. — Он улыбнулся. — Мы отвезём тебя в Мексику и продадим на невольничьем рынке. Нет-нет, не бойся, тебя не будут выставлять на торги! Мы продадим тебя на закрытом рынке. И выручим много денег. Которых нам хватит, чтобы вернуться домой. Или просто жить безбедно. Только не в этой стране.

— П-продадите? — голос звучал жалко, но Луиза не могла с этим ничего поделать.

— Да, — жизнерадостно кивнул толстяк, — но ты не бойся. Это значит, что тебя никто не тронет по дороге.

— Не тронет? — ещё тише пискнула Луиза.

— Ну да, через две недели мы будем в Мексике. Советую по палубе не расхаживать. Не хочу, чтобы тебя съели аллигаторы.

В ответ на её вопросительный взгляд он кивнул в воду. Луиза перегнулась через борт и тут же в страхе отшатнулась: они как раз проплывали мимо берега, где лениво шевелились, сползая в воду, огромные кожистые туши.

— Ты же не хочешь прыгнуть? — он внимательно посмотрел на неё. Луиза отчаянно замотала головой. — Вот и хорошо. Я понаблюдаю за тобой, потом решу, освободить или нет. Меня, кстати, Гакэру зовут.

— Луиза, — машинально ответила Луиза и, не выдержав, рассмеялась. Она плыла в Мексику с рабами, которые собирались сами стать работоторговцами! И при этом мило представлялась похитителю! Звонкий смех разнёсся над водой, заставляя впорхнуть с нижних ветвей несколько мелких птиц. Гакэру покачал головой и отошёл, оставляя её наедине с безрадостными мыслями, которые не преминули нахлынуть вместе со слезами, стоило утихнуть смеху.

День постепенно вползал в тесную каморку, которая служила Луизе убежищем от зноя, москитов, жужжащих над цветущей водой, и жадных взглядов похитителей. Она успела оценить совет Гакэру не высовываться, когда выглянула наружу, шурясь на рассвет. Высокий сутулый мужчина хриплым голосом спросил, что желает госпожа. Луиза робко ответила, что хотела бы увидеть свою служанку. На что тот разразился сиплым смехом, переглянувшись с Гакэру. Толстяк философски пожал плечами и сказал, что служанка здесь, на борту, жива и

здорова. А судьба её больше Луизу касаться не должна. От тона, с которым были произнесены эти слова, бросило в дрожь, и Луиза поспешила скрыться в каморке, забившись в дальний угол и обняв колени.

Однако к обеду жара стала невыносимой, а природа начала напоминать о себе, заставляя стискивать зубы, пылая от стыда. Обшарив взглядом помещение, Луиза нашла небольшой железный горшок, видимо, о нём говорил третий похититель вчера ночью, прежде чем она попыталась сбежать. Воровато оглядываясь и вздрагивая от каждого звука, она справила нужду и осторожно выглянула наружу, с облегчением отметив, что похитители сидят на носу и не смотрят в её сторону. Плеснув содержимое горшка за борт, она юркнула обратно.

Жара немилосердно давала о себе знать, и спустя полчаса Луиза уже не могла думать ни о чём другом. Ужасно хотелось пить. Пот непрерывно струился по лицу, теряясь в волосах, пропитывая одежду. Хотелось раздеться. Она осторожно сняла туфли и чулки и облегченно вытянула ноги, пошевелив пальчиками. Но тут же спрятала их под юбку, заслышав чьи-то шаги. Это оказался хриплый. Заглянув внутрь, для чего ему пришлось согнуться в три погибели, он протянул бутылку и кусок хлеба, в котором она узнала хлеб из «Тризона», что ей дала в дорогу Франческа.

— Держи, ешь. — Он положил хлеб на пол и поставил бутылку рядом. — Воды мало, пей не спеша.

Мужчина сел у входа и достал большой нож, красноречиво проведя по нему большим пальцем. Луиза сглотнула и, подтянув к себе хлеб и воду, поднесла бутылку к губам. Вода была теплой и немного затхлой, но пить хотелось невероятно. Заставив себя остановиться и не выпить всё сразу, она осторожно отщипнула кусочек хлеба и с трудом запихнула его в себя. Есть не хотелось. Было страшно. Очень страшно. Она не могла отвести взгляд от ножа, который глянцево поблескивал в свете пробивающегося сквозь ветки солнца. Лодка неспешно скользила по коричневой реке, рассекая цветущую ряску, оставляя за собой след. Луиза подумала, что по этому следу можно было бы их найти, если бы ряска не смыкалась за бортами, стоило лодке пройти чуть дальше.

Хотелось плакать. Луиза понимала, что сейчас при этом огромном мужчине она просто не может показать свою слабость, но слёзы предательски заблестели на глазах, размывая всё вокруг. Она тихонько всхлипнула, прижав руку ко рту. Мужчина обернулся на звук и понятливо ухмыльнулся:

— Боишься? Правильно делаешь. Не будь на то приказа, я бы давно вскрыл тебе живот и смотрел бы, как ты любишься на свои кишки, медленно испуская дух... Как это сделал с моей женой хозяин поместья, в которое ты ездила отдохнуть.

Он злобно сверкнул глазами и, резко подавшись вперёд, опираясь на руку, почти столкнулся нос к носу с Луизой.

— Я ненавижу тебя, маленькая белая мразь! Ненавижу твою бледную кожу и светлые глаза. С удовольствием выколол бы их и скормил тебе! Хотя почему бы и нет? Я осторожно вытащу глазик, никто и не заметит.

Ледяная улыбка заставила Луизу похолодеть и забиться в угол, стараясь отодвинуться как можно дальше. Язык прилип к нёбу, а крик так и замер в горле, где бешено колотилось сердце.

— Коджо! — Яростный окрик заставил того вжать голову в плечи и испугано отпрянуть, оглядываясь.

К ним спешил Гакэру, смешно надувая щёки и переваливаясь с ноги на ногу. Но Луизе при взгляде на него смеяться совершенно не хотелось. Глаза добродушного толстяка светились ледяной злобой, ноздри широкого курносого носа гневно раздувались. Подскочив к сжавшемуся разбойнику, он толкнул его, не сильно, это было видно, но тот отлетел к борту, даже не думая защищаться. Мощный удар в челюсть заставил его дёрнуться, ударяясь головой о дерево обшивки. Из уголка рта мгновенно показалась кровь и тонким ручейком побежала к подбородку. Зло бросив что-то на незнакомом языке, Гакэру обернулся и заглянул в каморку, обеспокоенно осматривая Луизу быстрым взглядом.

— Всё в порядке? — голос лучился искренней заботой. Луиза смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах решить, кого теперь боится больше: открытого, понятного в своей злости Коджо или добродушного с виду, но такого опасного Гакэру. Помотав головой, она застыла, боясь пошевелиться.

— Он больше не будет тебя беспокоить, — улыбнулся толстяк и, бросив напоследок что-то Коджо, неспешно пошёл к мостику, насвистывая что-то непонятное. Коджо проводил его тяжелым взглядом, стёр кровь, поднялся и, не глядя в сторону Луизы, побрёл на корму. Луиза судорожно вздохнула, обхватив себя руками, и, уткнувшись носом в колени, закусилась платьем, стискивая ткань во рту. Крепко, до боли. Только бы не заплакать. Только бы не заплакать.

Дни тянулись невыносимо медленно. Влажный густой воздух не давал вдохнуть полной грудью, Луизе казалось, что она задыхается. Платье прилипло к телу, по спине под корсетом непрерывно стекали липкие ручейки пота. Волосы облепили голову, хотелось запустить в них руки и встряхнуть, но она боялась, что потом не сможет их собрать и станет только хуже. Со временем страх прошёл, сменившись любопытством, и в одно утро Луиза осмелилась снова выглянуть из своей каморки, с радостью заметив Алудо, скорчившуюся на носу лодки, пряча лицо в спутанных жёстких волосах. Коджо и Гакэру что-то обсуждали вполголоса, склонившись над листком бумаги, вероятно картой. А третий похититель стоял на мостике, лениво держа штурвал.

Лодка скользила по течению, парус ставить никто не спешил. Он бы только мешал, затрудняя движение. Низкие ветки в некоторых местах касались воды, а в середине узкого русла смыкались над головами, практически не пропуская солнечный свет. Воздух гудел от крыльев тысяч мелких насекомых, садившихся на руки, лицо, плечи. Время от времени справа и слева что-то неспешно плюхало: очередная огромная туша сползала в тёплую воду, лениво шевеля длинным хвостом.

Луиза невольно любовалась проплывавшим берегом, цепляясь взглядом за яркие цветы невиданных форм и окраса. В поместьях такие не росли — казалось, они появлялись прямо из стволов, спускаясь густыми душистыми гроздьями вниз, к земле, сплетаясь с седым мхом. Один раз она даже не удержалась и потянулась к одному из лиловых цветков, свисавших прямо перед ней. Осторожно сорвав его, она в восхищении разглядывала матовые листья и причудливо загнутую сердцевину, напоминавшую изящную туфельку. Цветок источал слабый аромат. Луиза погладила лепестки, качая цветок в руке. Такой прекрасный. Дикий. Смогла бы она приручить его и посадить в саду «Магдалены»?

Мысли с готовностью вернулись к положению, в котором она оказалась, и Луиза вздохнула, бросая быстрый взгляд на похитителей. Она не собирается сидеть и покорно ждать, когда её отвезут в Мексику и продадут! Для начала надо узнать, сколько дней они ещё будут плыть, а после, усыпив бдительность разбойников, сбежать. Надо как-то дать знать

Алудо. Она же не может бросить бедную девушку одну с этими людьми!

Стараясь не показывать особой заинтересованности, Луиза вышла на палубу и покосилась на воду за бортом. Мутная, коричнево-зелёная, она мерно плескалась, огибая лодку. Течение здесь было несильное, мимо медленно проплывали коряги, кружились листья. Смогла бы она доплыть до берега? Нет, эту мысль Луиза отмела сразу же. Во-первых, она не умела плавать. А во-вторых, даже если бы и умела, Гакэру не обманывал, когда говорил о крокодилах. Она очень скоро научилась различать их среди пёстрой зелени на берегу и яркой ряски на воде. Их внимательные немигающие взгляды пугали чуть ли не сильнее, чем смех похитителей.

Быть может, ночью, когда все уснут, она сможет подобраться к ним поближе и попробовать украсть нож... Тот огромный нож, которым Коджо ей грозил. Они с Алудо тихонько сойдут на берег и побегут обратно, туда, откуда приплыли. А река послужит отличным проводником, не дав сбиться с пути. Луиза зажмурилась и даже улыбнулась, представив, как они с Алудо появляются на дороге по пути в «Тризон» и как им радуется мистер Уоррингтон... Он же ищет её? Несомненно, ищет.

Ночь упала на лес внезапно: только что было светло — и вот уже ничего не различить, кроме теней на борту. Загорелись фонари, тихо переговариваясь, мужчины повели лодку к берегу. А Луиза сидела в каморке, жадно глядя на воду, которую ей принесли недавно. Для побега нужны запасы. Они не уйдут далеко без еды и воды. Придётся экономить. Пить хотелось невероятно. Но ради свободы она потерпит. Тихонько вздохнув, Луиза облизнула пересохшие губы и прислушалась: голоса становились громче, среди них явственно слышался визг Алудо. Служанка что-то нечленораздельно выкрикивала, кажется, пыталась звать на помощь. Но вскоре её голос затих: видимо, ей зажали рот.

Послышались чьи-то тяжелые шаги, и Луиза спешно закрыла глаза- пусть думают, что она спит. По лицу скользнул луч света, кто-то удовлетворённо буркнул и скрылся. Некоторое время Луиза лежала без движения, боясь пошевелиться. Наконец решимость, что подгоняла её весь день, вновь взяла верх, и она поднялась и осторожно выглянула наружу. На берегу, совсем рядом с лодкой, горел небольшой костёр. Вокруг него вольготно расположились двое. Тот, кто ходил проверять, спит ли она, вышел на свет, таща за собой упирающуюся Алудо. Луиза прижалась к стенке каюты- свет фонаря скользнул по кончикам её туфель и поспешил дальше. Выход с лодки был только один, и он лежал прямо перед костром. Пройти незамеченной не удастся. Прыгать за борт она не станет, тем более ночью. Оставалось дожидаться, когда похитители уснут.

Коджо протянул руку, приподнимаясь, и потянул на себя Алудо. Та приглушённо взвизгнула и упала ему на колени. Гакэру и третий похититель одобрительно заворчали, лениво наблюдая за тем, как Коджо задирает юбки и обнажает девичьи бёдра. Алудо протестующее замычала, поёрзав на коленях, а Коджо, звонко шлёпнув её по бедру, вдруг повалил её на спину, широко раздвигая ноги, и принялся возиться с завязками на штанах. Алудо кричала, пытаясь вырваться, и отчаянно звала на помощь.

Луиза оцепенело смотрела, не в силах отвести взгляд, за тем, как Коджо спускает штаны и грубо толкается в неё. Алудо громко крикнула, извиваясь под ним, как змея. Отвесив ей оплеуху, Коджо схватил лицо служанки за подбородок, поболтал им из стороны в сторону, проверяя, в сознании ли она, а затем устроился удобнее, закидывая её ноги себе за спину, и принялся яростно двигаться. До слуха Луизы донеслись пошлые влажные хлопки. Она, казалось, приросла к стене, с ужасом наблюдая, как поднимается Гакэру, неспешно дёргая

шнурки на штанах. Матерь Божия, они будут её насиловать по очереди?! Слёзы брызнули из глаз, а внутри разлился липкий отвратительный страх, а вместе с ним и мерзкое чувство, за которое она обязательно будет корить себя позже. Она благодарила Бога за то, что не оказалась на месте Алудо.

Крепко прикусив губы, чтобы не всхлипнуть, Луиза на ощупь пробралась обратно в каюту и, зажав уши руками, замерла, надеясь, что страшные звуки наконец прекратятся. Она бормотала все известные ей молитвы, обращаясь ко всем святым, которых знала когда-либо. Ей казалось, что вот-вот придут и за ней и потащат туда же, на поляну перед костром. И она будет кричать и отбиваться, готовясь встретить свой конец...

Сколько времени она просидела так, раскачиваясь и тоненько всхлипывая? Ей не пройти мимо них. И сможет ли идти Алудо? Насилие над служанкой продолжалось и на следующую ночь. И потом, и снова, три ночи подряд. Выходить на палубу Луиза больше не рисковала. С каждым днём, с каждой милей, оставленной за спиной, она всё больше теряла надежду, чувствуя, как душа наполняется отчаянием, беспросветным, глухим. Мысли о побеге постепенно отходили на второй план, оставляя горькое послевкусие. Украсть нож! У кого? У этого сухопарого гиганта, который каждый раз бросал такие взгляды в её сторону, что кровь застывала в жилах. Обмануть приветливого толстяка? От одного его оклика замирали оба его подельника, и Луиза со временем стала бояться его ещё больше, чем Коджо. А третий... Гвала. Ничем не примечательный, тихий, почти незаметный. Но девушка была уверена - он ничем не лучше остальных.

Ночи стали настоящим безумием, наполненные мучительными стонами бедной Алудо. Ночами Луиза забивалась в дальний угол, накрывая голову руками, и громким шепотом молилась, стараясь заглушить эти звуки, полные боли и отчаяния.

Подходил к концу четвёртый день их путешествия, когда к ней снова подошёл Гакэру. Присев у входа в каморку, он посмотрел на небо, прищурившись на тонкие красные лучи, пронизавшие листву.

— Устала?

Луиза с опаской посмотрела на него сквозь спутанные космы, свисавшие на лицо, и осторожно кивнула. Ей действительно уже стало казаться, что они будут плыть по этой реке вечность. И что ей больше не суждено увидеть никого из друзей и родных.

— Завтра мы оставим лодку. Пойдём по суше. До Техаса несколько дней пути, а там уж и до Мексики рукой подать.

Луиза слушала, с надеждой думая о том, что сбежать из лагеря на земле будет наверняка легче. Это не лодка, не замкнутое пространство, окружённое водой. Она сбежит, вот только знать бы, куда идти... И почему её никогда не интересовала география?! Где здесь север, где юг? Даже если и сбежит, куда идти? Одной, в непроходимом лесу, кишасщем дикими зверями?

— Задумалась? Не хочешь топтать ногами? — Гакэру усмехнулся: - Я тоже не хочу, но по-другому нам не дойти. Ладно, набирайся сил. Они тебе завтра понадобятся. Тащить на себе тебя никто не будет. Уж будь уверена.

С этими словами Гакэру подмигнул, поднялся и неспешно пошёл к носу лодки, бросив что-то Коджо по пути. Тот, довольно ответив, ослабил и, бросив быстрый взгляд в сторону Луизы, провёл ребром ладони по шее. Луиза вздрогнула и поспешила спрятаться, думая о том, что в первую же ночь на суше она сбежит. И пусть её лучше убьют, если не получится. Она не останется с ними больше ни одного дня!

Эта ночь тянулась невыносимо медленно. Сердце в груди колотилось, как бешеное, кровь стучала в ушах. Алудо кричала громче обычного, срываясь на тонкий, высокий визг, и в конце концов Луиза не выдержала, осторожно поднимаясь и выходя из каюты. Обойдя её, она выглянула из-за угла, мгновенно сощурившись от яркого света фонаря, что висел прямо перед ней. На берегу происходило нечто ужасное, но свет мешал разглядеть хоть что-то, а ветер доносил леденящие душу завывания, становившиеся всё тише и тише. Луиза напряженно вслушивалась в темноту, перегнувшись через борт, когда кто-то крепко зажал ей рот, утаскивая во тьму.

— Луиза! — Протестующее мычание моментально прекратилось, стоило ей услышать знакомый голос. Мистер Уоррингтон собственной персоной, человек, которого она мечтала увидеть больше всего на свете. И меньше всего ожидала.

— Как вы? Идти сможете?

— Да. — Луиза поспешно кивнула. — Но как вы... откуда вы...

— Уходим немедленно. На вопросы отвечу потом. — С этими словами Томас протянул руку и ободряюще сжал в темноте её ладонь.

— Пойдите. — Луиза бросила быстрый взгляд на берег. — А как же Алудо?..

— Ей мы уже ничем не поможем, — коротко бросил Томас. — Ну же, идём!

Подхватив юбки, Луиза вышла следом, не отпуская его руки. Со стороны поляны доносились приглушённые голоса, но Алудо среди них слышно не было. Томас, пригибаясь, повёл её к корме, время от времени бросая взгляды назад. Глаза постепенно привыкли к темноте, и Луиза не выдержала и обернулась, стремительно прижав руку ко рту: Алудо лежала в стороне от костра, раскинув ноги и руки в неестественной позе. Глаза её, застывшие, неподвижные, яркими белыми точками блестели в темноте. Отвернувшись, Луиза коротко шепнула молитву, обещая себе поскореть о служанке потом. А сейчас, подняв юбки до колен, она перешагивала через борт, падая в руки мистера Уоррингтона. Тот стоял по пояс в воде у самого берега.

— Вы плавать умеете? — Он посмотрел на Луизу и тут же досадливо пробормотал: — О чём я спрашиваю? Конечно же нет. Держитесь за меня, только не душийте.

Томас перекинул Луизу за спину, помогая обхватить себя за шею, и осторожно погрузился в воду, медленно плывя к противоположному берегу. Луизе казалось, что она дышит через раз. Она так боялась помешать ему, боялась, что сейчас, на середине реки, он выпустит её и уплывёт... Платье намокло и тянуло вниз, и Луиза чувствовала, как тяжело даётся мистеру Уоррингтону каждый новый гребок. Вода была тёплой и слабо пахла тиной. Будь Луиза в других обстоятельствах, не думай она о похитителях, что остались на берегу, и о крокодилах, которых видела в течение дня, можно было бы найти совместное плавание приятным и даже слегка пикантным. Но мысли об этом даже не приходили сейчас в измученный разум девушки, которая всеми силами старалась удержаться, боясь в то же время действительно надавить слишком сильно и задушить опекуна.

Наконец ноги коснулись илистого дна, и Томас побрёл на берег, ведя за собой Луизу, как на буксире. Их окружила густая темнота, и только фонари на лодке казались единственным источником света на многие мили вокруг.

— Сейчас... я отведу вас в укрытие... будете ждать меня там. — Томас говорил тяжело, с перерывами, хрипло и глубоко дыша. На прохладном ветерке Луиза начала ощутимо подрагивать, прижимая руки к плечам.

— Вы оставите меня здесь одну? — Они наконец выбрались на твёрдую землю, и теперь

Луиза отжимала подол платья, бывшего некогда бледно-лимонным, а теперь напоминавшего бесформенную бесцветную тряпку.

— Держите. Не думаю, что это сильно поможет, но уверенности придать должно. — Томас сунул ей в руку нож, сжав её руку на рукояти. — Подождёте меня до утра. Если я не вернусь, старайтесь придерживаться реки. Если повезёт, то через два-три дня выйдете на поисковый отряд.

— Если п-повезёт? Я по-пойду сама? — Зубы Луизы начали отстукивать громкую дробь.

— Я вернусь. Обещаю. Ждите. — С этими словами Томас впихнул её в огромное дупло в сплетении корней. Затем он ободряюще кивнул и вновь вошёл в воду. Спустя несколько минут на берегу не осталось никого. А ещё пару минут спустя из воды выполз огромный аллигатор, широко зевнул, раскрыв пасть, и медленно потопал в кусты.

Восемнадцатая глава

Эта ночь стала самой длинной и самой страшной из всех, прожитых Луизой. Бесконечно долгая, наполненная шорохами и звуками, она держала в напряжении, не давая сомкнуть глаз хотя бы на несколько минут. Забившись между корней, Луиза крепко сжимала нож, оставленный ей Томасом, отчаянно понимая, что воспользоваться им, чтобы защитить себя, она попросту не сможет. Нож дрожал в руках, глаза слипались, шея затекла и ныла, а под ногами что-то постоянно шуршало и ползало, задевая крохотными ножками кожу. Жуткое рычание раздавалось со всех сторон одновременно, хрустели кости, щёлкали зубы. Луиза боялась выглянуть и осмотреться, хотя глаза давно привыкли к темноте. Сон сморил её лишь под утро, когда напряжённые до предела нервы лопнули и Луиза разразилась слезами, всхлипывая и зажимая рот рукой. Нож выпал, но она даже не стала его поднимать, пряча лицо в коленях, чувствуя, как на смену страху, сжигавшему всю ночь, приходит равнодушие. И заснула, даже не заметив этого, провалившись в чёрную пустоту без сновидений.

Рассвет разлился над рекой, окрашивая серые невзрачные заросли в яркие краски. Громко запели птицы, а ночные хищники, лениво позёвывая, разбредались по норам, укладываясь спать. Томас устало вышел на берег. Эта бесконечно долгая ночь подошла к концу, и теперь можно было расслабиться и никуда не спешить, позволив себе кратковременный отдых. Как же он устал! Тяжело вздохнув, он подобрал вещи и повёл влажными плечами, подставляясь под тёплые лучи. Да, такие приключения уже явно не для него. Жизнь на плантации расслабила, и сейчас Томас бы многое отдал за возможность принять горячую ванну и лечь в чистую постель. Хмыкнув про себя, он покачал головой: давно ли самого факта того, что он жив, было достаточно для того, чтобы почувствовать небывалый прилив сил?! Ванна... подумать только...

Улыбаясь, он сделал несколько шагов, намеренно шумя, чтобы Луиза заранее услышала его и вышла навстречу. Но её не было, и Томас, чертыхнувшись, поспешил вперёд. Что с ней могло случиться? Напали дикие звери? Но он же дал ей нож! Нож, великое оружие в руках слабой девушки...

Огромное мангровое дерево стояло на месте, раскинув толстые корни. Заглянув внутрь, Томас остановился и облегчённо выдохнул, прислонившись к узловатому корню. Она спала, положив голову на колени, крепко обвив ноги руками. Волосы тяжелой спутанной волной рассыпались по спине, касаясь земли. Тонкий луч плясал на её лице, но Луиза спала так крепко, что не замечала его попыток проникнуть под плотно сомкнутые веки. Губы слегка приоткрылись, складываясь в чуть заметную улыбку.

Облегчение от того, что с ней всё в порядке, обрушилось на Уоррингтона, и он сполз вниз, не сводя глаз со спящей. Она была так близко: нежная, юная, казавшаяся такой невинной, что становилось удивительно: как можно так безмятежно спать, проведя столько дней с одними из самых жутких и жестоких людей во всей Луизиане! Опустив мешок на землю, Томас лёг рядом, подкладывая вещи под голову. Бросив последний взгляд на Луизу, он закрыл глаза, проваливаясь в сон.

День, влажный и душный, снова пришёл в леса, воздух загудел от тысяч насекомых, на тёплом мелководье запели крупные ядовито-зелёные жабы. Луиза вздрогнула и распахнула глаза, пытаясь понять, где она. Тело болело от сидения в неудобной позе. Луиза потянулась,

поднимая руки и задевая переплетение корней над головой, и замерла, заметив Томаса, лежащего у её ног. Опустившись на колени, попутно морщась от колких иголок, что пронзили всё тело, она ласково улыбнулась, чувствуя, как разливается в груди небывалая, невыносимая нежность. Он спал, подложив ладонь под щеку, плотно сжав губы. Даже во сне Томас был напряжен, веки его мелко подрагивали, длинные густые ресницы черными стрелами лежали на бледных впалых щеках. Русая прядь упала на высокий лоб, и Луиза потянулась, осторожно убирая её, думая о том, что никогда ещё не видела его таким уставшим и измотанным.

Стоило коснуться его лица, как Томас резко открыл глаза, встречаясь с ней взглядом. Несколько мгновений он непонимающе вглядывался в её лицо, затем моргнул и слабо улыбнулся, садясь.

— Я вижу, вы уже проснулись.

— Я не хотела будить вас, — в голосе Луизы слышалось раскаяние. — Вы устали. Спите. Я посижу рядом.

— Поспать уже не получится, — пожал плечами Томас, ныряя в мешок и выуживая из него флягу с водой. — Пейте. Чем быстрее мы покинем это место, тем быстрее выйдем на дорогу.

— А до неё далеко? — Луиза старалась пить не так жадно, но вода всё равно текла по подбородку, растекаясь по шее. Она только сейчас осознала, как сильно её мучала жажда.

— Если повезёт, то выйдем через два дня. — Томас взял из её рук флягу и, сделав один глоток, убрал её в мешок.

— Два дня?! — Перспектива блуждания по лесу, откровенно говоря, пугала. — А мы не можем уплыть на лодке?

— Я не справлюсь с ней один, — сокрушенно покачал головой Томас. — Придётся плыть против течения, на вёслах.

— Мистер Уоррингтон, у вас кровь! — Луиза, слушавшая вполуха, внимательно разглядывала его одежду, замечая засохшие пятна, которые поначалу приняла за грязь, на шее и в волосах.

— Это не моя. — Он рассеянно провёл рукой по шее и пристально посмотрел на Луизу. Та смутилась и кивнула, заинтересовавшись состоянием своей юбки и крохотным пятнышком на ней. — Вы не спрашиваете, почему мы не убегаем отсюда сломя голову, а спокойно спим в полумиле от лодки и похитителей.

— Я догадываюсь, что они больше нам не могут угрожать, — еле слышно прошептала Луиза, не сводя глаз с грязно-лимонной юбки. — Вы... вы...

— Я убил их, — ровно проговорил Томас, внимательно следя за реакцией Луизы. Но она не дрогнула, подняла глаза и встретилась взглядом с ним, глядя твёрдо и спокойно.

— Я не поблагодарила вас за моё спасение. — Луиза склонила голову на бок. — Спасибо. Страшно представить, какая судьба ждала бы меня, исполни они свой план.

— Я ваш опекун, — напомнил Томас, тонко усмехнувшись. — Я обязан заботиться о вас. Продажа в рабство не входит в мои планы.

Он упруго поднялся и протянул руку, помогая встать Луизе.

— Приводите себя в порядок, нам пора уходить. — С этими словами он ушёл к реке, оставляя Луизу одну. Сходив в кусты, она пошла к воде, мечтая о том, чтобы наконец смыть хотя бы с лица всю грязь и пот, скопившиеся за несколько дней. Но замерла, не смея сделать шаг, невольно залюбовавшись открывшейся ей картиной.

Склонившись над водой, Томас смывал чужую кровь с шеи, запуская руки в волосы, потемневшие от влаги. Рубашка лежала рядом, на берегу, и капли непрерывно стекали по обнаженному торсу. Солнце скользнуло по бледной коже, и Луиза замерла, прижав ладонь ко рту: всю спину Томаса пересекали тонкие бледные застарелые шрамы. Невнятное желание дотронуться до его спины, провести по ней рукой овладело Луизой, и она позволила себе маленькую слабость: не выдавая своего присутствия, неслышно понаблюдать за мужчиной, чувствуя, как сладко замирает сердце в груди, стоит ему повести плечами. Плеснув в лицо воды, Томас наконец обернулся и удивлённо нахмурился, заметив Луизу.

— Вы давно здесь стоите?

— Я... я... — Луиза окончательно смутилась и развела руками. Но Томас принял её смущение по-своему.

— Простите, если заставил вас ждать. Прошу. — И он широким жестом показал на воду, отходя в сторону и нагибаясь за рубашкой. Луиза смущённо потупила взгляд, отступая, давая ему пройти. Томас прошёл так близко, что она ощутила жар, исходящий от его тела, и судорожно сглотнула, чувствуя, как стремительно пересохло в горле. Прохладная вода, которую она плеснула в лицо, быстро привела в чувство, заставляя недопустимые мысли сбежать обратно, в самый тёмный уголок сознания, туда, куда она сама боялась заглядывать.

Луиза с наслаждением умылась, подняла волосы и протёрла шею, облегчённо вздохнув. Попыталась распутать волосы, но после вчерашнего вынужденного купания они спутались ещё сильнее, и пытаться прочесать их даже руками удалось с трудом. Она заплела некое подобие косы, закрутила её на голове и закрепила лентой, даже не пытаясь представить, как это выглядит со стороны.

Томас уже ждал её, прислонившись к дереву. Недовольный взгляд говорил о том, что она провела слишком много времени на берегу, но он сдержался и ничего не сказал. Лишь молча кивнул и пошёл вперёд. Первое время они молчали, но потом Луизе надоело пробираться сквозь спутанные ветви в тишине.

— Почему вы один? Больше никто не захотел меня искать?

— Желаящих хватало, поверьте, — в голосе Томаса послышалась насмешка. Он занёс руку с мачете и ударил по нижним веткам. — Мы разделились. Де Шабри с полковником Смитом поехал на восток. Бишоп и полковник Гибсон направились на границу с Техасом. Я вызвался искать вас вдоль реки. Как видите, мне повезло больше всех.

— И я бесконечно рада, что вы первым нашли меня, — тихо проговорила Луиза. Но Томас не услышал, продвигаясь вперёд.

— Миссис Пинс первой поняла, что что-то неладно. Признаться, я решил, что вы остались в «Тризоне» на ночь. Но она уверяла меня, что вы бы ни за что не остановились в чужом доме, не предупредив. Но записки не было, и я отправился за вами.

Он замолчал, вспомнив тот ужас, что охватил его, стоило увидеть пустую коляску на дороге и тело кучера, сброшенное на обочину. Никогда прежде он не испытывал такого страха за другого человека.

— Мы организовали поиски сразу же, стоило мне прибыть к Бишопам. Но ночь помешала полноценным поискам, пришлось прерваться до утра. А там уже подоспели остальные. Мы разбились на отряды и принялись прочёсывать лес.

— Мне очень жаль, что я заставила вас волноваться, — искренне проговорила Луиза, глядя на его спину. Он дёрнул плечом, будто хотел возразить. Но промолчал.

Казалось, Томас забыл про отдых, уверенно двигаясь по проторенной дороге. Луиза то и

дело встречала зарубки и свежесрубленные ветки- они возвращались той же дорогой, что он шёл за ней. Идти было тяжело. Юбки путались в низкорослом кустарнике, цеплялись подолом, и приходилось останавливаться и буквально выдирать ткань из цепких объятий. Тонкая подошва туфель в скором времени дала о себе знать, позволяя чувствовать каждый камушек, каждую веточку под ногами. Чулки, оставленные на лодке, сейчас очень быгодились, а без них Луиза быстро натёрла ноги и теперь прихрамывала, стараясь не показать, как ей больно. Волосы снова расплелись и лезли в глаза, из-за густой копны спине было невыносимо жарко. Спустя несколько часов Луиза покорно брела за Томасом, вяло отвечая на вопросы, которые он осторожно задавал, пытаясь выведать, как с ней обращались в плену. Но когда она просто проигнорировала очередной вопрос, он обернулся и нахмурился, разглядывая опущенную голову.

— Луиза, вы устали. — Он покачал головой. — И молчите. Вы знаете, что своим молчанием сделали только хуже?

Она подняла на него испуганный взгляд, и у Томаса невольно кольнуло в груди: такой слабой и потерянной выглядела она сейчас. Он ругал себя за то, что забыл, что с ним идёт не закалённый в походах мужчина, а слабая девушка, которая никогда не ходила пешком больше мили. Бесконечные танцы до утра не в счёт.

— Мы скоро дойдём до небольшой поляны. Остановимся там. Вы сможете ещё немного пройти?

Луиза кивнула, чувствуя невыносимый стыд за себя и свою слабость. Она задерживает их, а теперь ещё и оказалось, что надо было признаться раньше. Сейчас Луиза отчётливо понимала, что действительно сделала только хуже. В туфлях что-то липко хлюпало, даже идти уже было не больно. Платье, изодранное и грязное, волочило по земле оборванным шлейфом. Мелкие мошки садились на солёное от пота, липкое лицо, и у Луизы уже не было ни сил, ни желания отгонять их. Она буквально рухнула на траву, вытягивая ноги, стоило Томасу объявить о привале. Говорить не хотелось. Не было сил. Язык распух и, казалось, занял весь рот. Она благодарно кивнула, беря протянутую флягу, и сделала небольшой глоток.

— Простите, — вышло хрипло. — Я не хотела нас задерживать...

— Луиза, вы куда-то спешите? — Томас вздохнул, глядя в осунувшееся лицо. — Я понимаю ваше желание вернуться домой как можно скорее, но всё-таки нас никто не гонит. Мы спокойно дойдём, даже если наш путь растянется и займёт больше запланированного времени.

— Мне так стыдно, — она поморщилась, пошевелив ногой. Томас бросил быстрый взгляд вниз и устало выдохнул, опускаясь на колени и осторожно снимая туфлю с её ноги. Щиколотки оказались сбиты в кровь, ступню покрывали мелкие, наливающиеся чёрным синяки. Сняв с её ноги вторую туфлю, он озабоченно присвистнул.

— Вот это- действительно проблема. Я попробую помочь, надеюсь, вы сможете ходить, и нам не придётся ждать, пока всё заживёт.

Он отошёл к реке, а Луиза, откинувшись на ствол дерева, блаженно прикрыла глаза. Лёгкий ветерок обдувал влажное тело, и ей было почти хорошо. А если отрешиться от боли в ногах, можно представить, что она в поместье, сидит в гостиной и ждёт, когда ей принесут прохладный лимонад...

— Сейчас может щипать. — Голос Томаса выдернул из сладких грёз, заставляя стиснуть зубы, когда на ноги полилась вода. Смыв кровь и грязь, Уоррингтон положил её ступни себе

на ноги и проговорил как можно более серьёзно:

— Луиза, у вас же есть нижняя юбка?

— Что? — Луиза покраснела, ища подвоха в его словах. — Есть, конечно, но зачем вам...

— Бинтов у меня нет. Придётся обходиться подручными средствами. Думаю, материал, из которого сшита нижняя юбка, подойдёт больше, чем ткань вашего платья. К тому же низ слишком грязный, его нельзя использовать для перевязки. Вы позволите?

Он вопросительно смотрел на неё, ожидая разрешения, и Луизе ничего не оставалось, кроме как кивнуть и зажмуриться. Ног коснулся легкий ветерок, а потом... Она с трудом заставила себя не дёрнуться, почувствовав невесомое касание кончиков его пальцев к ноге почти под коленом. Раздался треск, и Луиза, не выдержав, открыла глаза, глядя на то, как ловко расправляется с её батистовой юбкой мистер Уоррингтон. Оторвав большой кусок ткани и обнажив её ноги по колено, он рвал юбку на широкие полосы, отбрасывая в сторону грязный подол, а платье задралось ещё выше, сбившись в лимонно-серую кучу. Луиза вцепилась в него, подавляя желание набросить ткань на ноги, подтянув их к себе. Но Томас уже закончил и теперь, осторожно взяв в руку её маленькую ступню, методично наматывал на неё ткань, обхватывая тонкую лодыжку. Когда и со второй ногой было покончено, он переложил её ноги на землю и поднялся. Луиза спешно набросила платье и взглянула на него снизу вверх.

— Спасибо.

— Должно помочь, но я не уверен. — Томас выглядел озабоченно. — Я разведу костёр, сегодня уже никуда не пойдём. А завтра вы пообещаете мне, что не будете молчать, когда почувствуете усталость или боль. Вы меня поняли? — Он строго посмотрел на Луизу, и та поспешно кивнула.

Томас скрылся в зарослях, и Луиза, расслабленно выдохнув, прикрыла глаза. Сон сморил её незаметно, и когда она в следующий раз открыла глаза, солнце уже скрылось за верхушками деревьев, погружая лес в мягкие сумерки. На полянке весело трещал небольшой костерок, а над ним поджаривались две небольшие тушки, по виду напоминавшие птиц. Томас сидел неподалёку, разложив на отрезе ткани пистолет, небольшой шомпол, предметы непонятного для Луизы назначения, внимательно прочищая дуло одного из двух пистолетов.

— Выспались? — он кивнул на жарящиеся тушки. — Скоро будем ужинать.

В животе у Луизы громко заурчало, и она, стремительно покраснев, вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего вечера. Полчаса спустя они аппетитно хрустели мелкими косточками, не обращая внимания на капающий на землю горячий сок.

— Очень вкусно, — похвалила Луиза, откладывая в сторону то, что осталось от тушки. — Где вы научились?

— Жарить птицу? — вскинул брови Томас. — Ещё в детстве. Приют, в котором я жил, стоял на берегу реки, и мы с друзьями частенько сбегали и ловили одну-двух диких уток. Когда хочешь есть, и не такому научишься.

— Вы голодали? — пришло время удивиться Луизе. — Но ведь в приютах хорошо кормят. Я знаю, я не раз приезжала в подобные заведения в Лондоне.

— И вам показывали хорошо одетых детей с розовыми щёчками и голубыми глазками? — с горечью проговорил Томас, пошевелив угли в костре. — А в это время остальные, те, кто не подошёл по внешности, сидели в тесных каморках под присмотром строгой сестры, боясь издать хоть один звук. А детки, милые, прелестные детки, давились вкусной едой, думая о тех, кто даже попробовать её не сможет.

— Это неправда! — возмутилась Луиза. — Все дети всегда были счастливы и довольны! И никто никогда не жаловался на монахинь и сестёр милосердия!

— Попробовали бы они, — хмыкнул Томас. — Десять розг- и дело с концом. У монахинь разговор короткий.

— Но ведь это бесчеловечно, — прошептала Луиза. — И вы... Вы тоже были в их числе? Голодали? Вас били?

— В их числе? О, нет. Я для них был слишком хорош, — иронично бросил Томас. — Меня выводили в числе первых, показывая прекрасным дамам, что приезжали в наш приют. Хвалили, кормили сладостями и тискали за щёки. Как же я ненавижу это показное благонаравие! — Он поднял на неё глаза, и Луиза невольно вздрогнула, разглядев в прозрачном стальном взгляде застарелую боль. — Я был маленьким мальчиком, мечтавшим о доме, а меня выставляли на показ, будто уродца на рынке. Потом дамы уезжали, рассаживаясь в свои дорогие кареты, а мы оставались наблюдать за тем, как сестры растаскивают по кельям еду, привезённую для детей, и делят деньги, выделенные очередной благотворительной организацией.

Он надолго замолчал. Луиза тоже не спешила говорить, обдумывая только что услышанное. Вот почему он так вспыхнул, стоило ей при первой встрече упомянуть про желание навестить приют. Неужели там действительно всё так, как рассказывает мистер Уоррингтон? Перед глазами вставали довольные розовощёкие дети, боявшиеся лишний раз поднять глаза на неё и тех, кто приезжал вместе с ней. Она вдруг представила среди них маленького Томаса, отчаянно ждущего, что его заберут и он обретёт семью. Глаза наполнились слезами, и Луиза спешно опустила голову.

— Давайте спать, — проговорил Томас, поднимаясь и протягивая ей свой плащ и свёрнутую в тугой кокон москитную сетку. — Ночью будет холодно. Ложитесь здесь, у костра, я буду рядом.

Луиза согласно кивнула и, укутавшись в плащ, позволила обмотать себя сеткой, думая о том, что москиты и так не оставили ни одного живого места на её теле. Засыпая, она смотрела на фигуру Томаса, пристально вглядывавшегося в пламя, и думала, что если бы смогла, то обязательно подарила бы ему настоящую семью.

Девятнадцатая глава

Они шли по лесу второй день, пробираясь вдоль берега, стараясь не терять из виду реку. К обеду она разлилась, и противоположный берег потерялся где-то в зеленоватой дымке. Солнце скрылось за низкими серыми облаками, на ветках повис туман, путаясь в седом мхе. Луиза заворожено смотрела на гладь могущественной реки, в которой отражалось тоскливое небо. Будто разом притушили все краски, сделав их бледными и невзрачными. Ядовито-зелёная ряска превратилась в хлопья пепла, плывущие по воде. Птицы притихли, звук гулким эхом разносился по лесу, казалось, будто они идут в огромном сером мешке. В наступившей тишине их дыхание казалось особенно громким. Внезапно Томас остановился, поднимая руку, и Луиза послушно замерла — его знаки она успела изучить за время их путешествия. Он поманил её, отодвигая рукой гирлянды мха, Луиза выглянула в импровизированное окно и, не сдержавшись, ахнула, восторженно глядя перед собой.

Солнце пробилось наконец сквозь облака, рассыпаясь сотнями мелких лучиков, отражаясь в белоснежных и нежно-розовых цветах, которыми была усыпана тихая заводь. Между ними неспешно бродили важные цапли, высоко задирая тонкие ноги. После серого унылого леса всё казалось таким ярким, будто сама жизнь начиналась здесь, в этом потайном месте, скрытом от человеческих глаз.

— Красиво, — прошептала Луиза, боясь спугнуть птиц. Томас же довольно смотрел на неё, думая о том, как легко загорается улыбка на её лице, заставляя искриться всё вокруг. Это желание обрадовать, вызвать улыбку, прогнать сосредоточенное, измученное выражение с лица преследовало весь день, начиная с раннего утра, когда Луиза, стиснув зубы, засунула перебинтованные ноги в туфельки и вымученно улыбнулась, поднимаясь и уверяя, что ей ни капельки не больно. Он специально шёл медленней, но она всё равно уставала, и Томас снова и снова делал привал, ссылаясь то на необходимость разведать путь, то на время перекусить. Вспомнив про лотосовую заводь, он сразу подумал о том, что Луиза просто обязана это увидеть. И сейчас, любуясь её восторгом, Томас чувствовал, что и сам хочет улыбаться в ответ так же тепло и искренне.

— Скоро будем устраиваться на ночлег, — так же тихо проговорил он, опуская мохнатые ветки.

— Мы ведь пройдем ещё немного? — Луиза посмотрела на него снизу вверх. — Ещё ведь рано останавливаться?

— Пройдем, — вздохнул про себя Томас. И вдруг поднял руку и убрал с её лица прилипшую ко лбу потемневшую прядь. Луиза изумлённо выдохнула, моргнув, и смятенно посмотрела на него, будто ожидая объяснения странному поступку. Но Томас и сам едва ли мог объяснить, что заставило его сделать это. Коснуться её. Вот так, просто, без повода.

— Думаю, вы хотели бы причесаться, — не нашёл ничего лучше сказать он, мысленно ругая себя на чём свет стоит.

— Да, это одно из самых сильных моих желаний, — уныло проговорила Луиза, отступая и опуская голову. Он считает её настолько неряшливой, что даже убирает волосы, в беспорядке торчащие во все стороны. Она вдруг почувствовала себя невероятно грязной, вспомнив, что не мылась уже несколько дней, ограничиваясь торопливыми обтираниями по утрам и перед сном.

Сегодняшний вечер не заладился с самого начала. Туман всё-таки опустился на землю,

укрыв всё вокруг плотным пологом. Томас тихонько чертыхался, пытаясь развести костёр из моментально отсыревших дров. Земля под ногами хлюпала- река здесь разливалась, застаивалась, превращаясь в болота, над водой носились тысячи mosкитов, на которых, видимо, туман совершенно не действовал. Ноги гудели, и Луиза с тоской наблюдала за попытками Томаса разжечь костёр. Наконец долгожданная искра пробежала по с трудом раздобытым сухим травинкам, и огонь весело затрещал, окутывая дымом. Луиза чихнула и покосилась на Томаса, достающего из мешка вчерашних уток и хлеб, прихваченный им с лодки.

— Я пойду к реке, — сказала она как можно более небрежно. Томас кивнул, продолжая возиться с ужином, и она, довольно улыбнувшись, пошла к пологому берегу, покрытому илом. Из воды торчали мелкие ветки, коряги и корни мангровых деревьев. Зайти в реку здесь не представлялось возможным, а так хотелось искупаться! Осмотревшись, Луиза удовлетворённо кивнула, заметив поваленный ствол, лежавший в воде неподалёку. Осторожно пройдя по нему, она села и, оглянувшись, задрала юбки до колен, осторожно снимая туфли и разматывая потемневшие тряпки, служившие бинтами. Хотя они действительно помогли, от старых мозолей спасти не могли. Ноги выглядели не лучшим образом. Опустив ступни в прогретую за день на мелководье воду, она стянула с себя платье, оставшись в одном корсете, нижней рубашке и юбке, едва доходившей теперь до колен.

Осторожно отложив платье на ствол, Луиза наклонилась над водой и принялась поливать себя, чувствуя, как уходит усталость. Блаженно прикрыв глаза, она медленно плескалась, скользя ладонями по шее и плечам, ныряя под корсет, смывая пот и пыль. Жаль, что нельзя помыть волосы, промелькнуло в голове, и Луиза открыла глаза. Нельзя? А почему нет? Стянув с себя нижнюю юбку, Луиза снова воровато оглянулась и спешно развязала корсет. Стоило его снять, как с губ слетел блаженный вздох. Так хорошо она не чувствовала себя уже много дней!

Скользнув со ствола, она оказалась по пояс в воде. Ноги ушли в топкий ил по щиколотку, но сейчас это беспокоило меньше всего. Она отмоет их, когда выберется обратно. Откинув голову назад, Луиза погрузила волосы в воду и принялась медленно распутывать их, поворачивая голову из стороны в сторону. И так увлеклась, что не услышала предупреждающий оклик Томаса, решившего проверить, куда она пропала.

— Луиза! Немедленно выходите из воды! — крикнул он ещё громче, заставляя её испуганно встрепенуться, оглядываясь. Кровь застыла в жилах, в животе что-то ухнуло и прокатилось вниз, к ногам, лишая возможности сделать хоть шаг. Две узкие длинные морды, походившие на узловатые коряги, быстро приближались, не сводя с нее немигающих жёлтых глаз.

— Выходите немедленно! — снова крикнул Томас, бросаясь в воду и протягивая ей руки. Коротко взвизгнув, Луиза бросилась к нему навстречу, чувствуя, как вязнут ноги, а каждый шаг даётся с таким трудом, будто время специально замедлилось.

— Быстрее, ну же! — Томас был уже близко. Она ухватилась за него руками, позволяя выдернуть из воды и подхватить, забрасывая на плечо. Поднимая тучу брызг, Томас выскочил на берег и побежал к лагерю. Луиза с ужасом смотрела, как на место, где он только что стоял, подплыли два огромных аллигатора и, широко распахнув жуткие пасти, злобно ими щёлкнули.

Томас остановился, только добежав до костра. Осторожно спустив Луизу, он смотрел на её побледневшее лицо и губы, принявшие голубоватый оттенок, с ходу проглатывая все слова

негодования, готовые сорваться сгоряча. Её огромные светло-зелёные глаза смотрели так испуганно, что ему ничего не оставалось, кроме как прижать к себе крепко, бормоча на ухо что-то о том, что уже всё позади и теперь всё будет хорошо.

Ночь наступила, как всегда, внезапно, и Луизу начала бить мелкая дрожь. До её сознания постепенно доходил тот факт, что она стоит практически полностью обнажённая в объятиях мужчины посреди леса. Смущённо обхватив себя руками, она отодвинулась, осмелившись поднять на Томаса взгляд.

— Я попробую достать вашу одежду, — верно понял он. — А пока завернитесь в плащ.

Поспешно нырнув в него, она села у костра. Томас вскоре вернулся, неся в руках платье и туфли.

— Кажется, остальное смыло водой. — Он протянул ей платье. Луиза взяла его, положила рядом и снова замерла, уставившись в костёр. Она чуть не умерла самой страшной смертью на свете. И всё из-за нелепого желания помыться. Если бы не мистер Уоррингтон...

— Простите меня, — прошептала Луиза, крепче обхватив себя руками. — Простите. Я обуза для вас. Я с самого начала вам мешаю. Простите меня.

Томас изумлённо наблюдал за зарождающейся истерикой, пытаясь понять, что послужило ей причиной. Вроде бы всё закончилось хорошо, и пора бы уже забыть и садиться ужинать, а она морщит лоб, кусая губы, пытаясь удержать рвущиеся наружу рыдания. И её крохотные пальчики ног выглядывают из-под его плаща, сжимаясь так трогательно, что хочется укрыть её, прижать к себе, качая, будто маленького ребёнка, и никуда никогда не отпускать. Томас никогда ещё не чувствовал себя таким беспомощным, как сейчас, перед этой девочкой.

— Луиза? — несмело проговорил он, досадуя на свою непонятно откуда взявшуюся нерешительность. — Ну что вы так... Теперь же уже всё в порядке...

Он присел перед ней, кладя руку на плечо, осторожно сжал, вынуждая посмотреть на себя. Луиза жалко кивнула, и выплеснувшиеся из глаз слезы побежали по щекам быстрыми прозрачными ручейками.

— Всё в порядке, — всхлипнула она, кивнув. — Правда. Я сейчас успокоюсь. — Луиза попыталась улыбнуться. — Пора ужинать.

Томас уважительно посмотрел на неё, радуясь, что она, видимо, действительно успокоилась, и снова вернулся к ужину.

Ночь прошла беспокойно. Туман сгустился, от воды тянуло сыростью, вещи промокли насквозь. Невыспавшиеся, недовольные, Луиза и Томас спешно собрались, едва рассвело, стремясь уйти как можно дальше, надеясь обогнать туман. Но тот, словно в насмешку, стал плотнее. С веток капало, под ногами хлюпало. Луиза продрогла, жалея об утонувших вещах, время от времени дую на озябшие руки. К обеду стало темнее, а влажность стала невыносимой. Стало тяжело дышать. Птицы притихли, пропали даже вездесущие москиты. Томас остановился, встревоженно прислушиваясь.

— Что случилось? — отчего-то шепотом спросила Луиза.

— Надо поспешить, — обеспокоенно ответил Томас. — Надвигается ураган. Очень надеюсь, что я ошибаюсь, но, к сожалению, едва ли это так.

— Ураган? — голос Луизы взметнулся вверх, сбившись.

— Здесь неподалеку есть заброшенная хижина. Если повезёт, мы доберемся до неё раньше, чем всё начнётся. Придётся очень постараться. Идём.

Стремительно темнело. Тишина стала осязаемой. Они почти бежали, огибая огромные

деревья, раздвигая густые заросли. Луиза тяжело дышала, боясь остановиться и перевести дыхание. О разрушительной силе луизианских ураганов она не раз слышала от Адеолы. Та любила вспоминать о силе стихии, обрушивавшейся на «Магдалену» несколько раз в год. Однажды ураган затопил почти весь Новый Орлеан, залил плантации, оставив без еды и пресной воды тысячи жителей. Невиданной силы ветер с лёгкостью срывал крыши и сносил хижины. «Магдалена» устояла лишь потому, что, став её владельцем, мистер Уоррингтон приказал укрепить стены, обложив кирпичом деревянный дом и хозяйственные постройки. А вот хижины рабов снесло. Многие тогда погибли. Луиза слушала эти рассказы, казавшиеся ей выдумкой, замирая от страха и восторга, а теперь сама могла попасть в самый центр могущественной стихии.

Яркая вспышка осветила всё вокруг, делая предметы нереально чёткими. Оглушительный грохот слетел с небес, заставляя испуганно присесть. Обернувшись, Томас схватил её за руку и крикнул: «Бежим!». После первого раската грома поднялся ветер. Застонали огромные стволы, закачались ветки над головами, осыпая листвой и обрывками мха. Они мчались, не разбирая дороги, а молнии теперь сверкали без перерыва, ослепляя. Раскаты грома оглушали, и Луиза чувствовала, что теряет связь с происходящим, испуганно метаясь меж одинаковых угольно-чёрных стволов.

Очередная вспышка выхватила из леса хижину, поднятую над землей на несколько футов. Толстые сваи, потемневшие от времени, крепко держали дом, который тихо поскрипывал на ветру. Первые тяжёлые капли сорвались с неба, когда Луиза уже занесла ногу над лестницей. Дождь хлынул внезапно, будто кто-то опрокинул ведро с водой. Они забежали внутрь, захлопывая за собой дверь, мокрые насквозь. Снаружи разразился настоящий ад. Ветер завывал и скрипел в кронах, потоки воды обрушивались на крышу со свирепым грохотом. Томас сделал два шага и чем-то зашуршал. Мгновение спустя дом озарился светом небольшой свечи, и Луиза испуганно отшатнулась, обнаружив прямо перед собой оскаленную морду пумы, украшавшую стену.

Вскоре в камине затрещал уютный огонёк, и Луиза принялась выкладывать на стол их скудные припасы, радуясь, что этот домик оказался именно там, где и предполагал мистер Уоррингтон, и что они успели, и что здесь сухо, в то время как за стенами бушует ужасающий ураган.

— Этот дом принадлежал одному колдуну, — произнёс Томас, доставая из ящика над камином тёмную бутылку. — Он жил здесь один, но позволял путникам останавливаться на ночь, если в этом была необходимость.

— Колдуну? — тоненько спросила Луиза, сразу вспомнив белую маску смерти на лице унгана на празднике Бри.

— Да, колдуну вуду, — легко пожал плечами Томас, усаживаясь на невысокую тахту, покрытую вязаным пледом. — О, ради всех святых, Луиза, что вы так побледнели? Для рабов колдуны- часть их жизни, их культуры. Они не приносят человеческих жертв, но лечат болезни, читают наговоры. Здешний колдун был неплох в заклинании погоды, как говорят. Я застал его уже дряхлым стариком. С его смерти прошло три года. Он завещал хижину путникам, наказав лишь, что каждый, кто проведёт здесь ночь, должен оставить что-то из припасов для следующих путников. А его хижина будет стоять столько, сколько будет выполняться его наказ. Не знаю, действительно ли он заколдовал её, но, как видите, даже крыша не течёт.

Луиза подняла глаза вверх, убеждаясь, что сквозь плотно пригнанные доски не

просачивается ни одной капли. Придвинувшись поближе к костру, она развернула широкие листья, в которые была завернута пожаренная на обед рыба, и достала черствый хлеб. Томас тем временем разлил по стаканам, которые снял с полки и сполоснул, приоткрыв ставень и высунув руку за окно, янтарной жидкости и протянул один из стаканов Луизе.

— Выпейте. Во-первых, вам надо согреться. А во-вторых, сегодня мы можем нормально выспаться, не опасаясь нападения зверей, так что можно позволить себе немного расслабиться.

Луиза с готовностью приняла стакан и, задержав дыхание, сделала большой глоток. Горло обожгло, а во рту расплылся бархатный привкус терпкого шоколада. Она подняла удивлённые глаза на улыбающегося Томаса.

— Это моя бутылка. Судя по всему, здесь уже год никого не было. Виски из личных запасов. Я ехал из Батон Руж и немного заплутал. При себе кроме пары бутылок виски ничего не было. Одну пришлось оставить. Пригодилась, как видите.

Луиза улыбнулась в ответ и, скинув туфли, подобрала ноги под себя. Ей было тепло и уютно. Платье просохло, внутри, благодаря виски, тоже всё согрелось. В животе разгорался крохотный огонёк, заставляя беспричинно улыбаться.

— Мне не верится, что это происходит со мной на самом деле. — Прислонившись к стене, Луиза задумчиво смотрела на огонь, раскачивая рукой со стаканом в воздухе. — Это похищение, жуткие дни, проведённые в лодке с теми людьми, издевательства над Алудо... А теперь мы с вами сидим в заброшенной хижине посреди урагана и пьём выдержанный виски. Это действительно происходит с нами?

Она посмотрела на него, легонько пошатнувшись, и Томас инстинктивно вытянул руку, лоя её и усаживая рядом с собой. Луиза глупо хихикнула и сделала новый глоток из стакана.

— Невероятно, как быстро вы всё же пьянеете, — пробормотал Томас и улыбнулся.

— Я просто устала, — пожалала плечами Луиза, удобнее устраиваясь на тахте. Ей было хорошо. Она подняла руки вверх и вытянула ноги, сладко потянувшись. Пошевелила высунувшимися из-под платья пальцами ног и выгнула спину, бросив взгляд из-под полуопущенных ресниц на Томаса.

Он молча окинул её оценивающим взглядом, будто в первый раз увидев так близко пухлые алые губы, словно созданные для жадных поцелуев, и прозрачную голубую жилку, лихорадочно бьющуюся на шее. Ткань платья натянулась, очерчивая небольшую высокую грудь и крохотные жемчужинки сосков, слабо прорисовывающиеся сквозь лиф. Да, Луиза была соблазнительной девушкой, которая вот-вот превратится в не менее соблазнительную женщину. На миг скользнуло сожаление, смутное, и оттого непонятное, но Томас даже не успел о нём задуматься. Треснуло полено. Он повернулся, подкинув дров, поворошил затухающие поленья.

— Кажется, вам пора спать, — не оборачиваясь, бросил он. Луиза пожалала плечами, допила виски и поставила стакан на стол. Спина Томаса так и манила прижаться к ней, что она и сделала, не задумываясь, прислонившись щекой, осторожно положив ладошки на плечи. Он вздрогнул от этого неожиданного прикосновения, боясь пошевелиться.

— Спасибо вам, мистер Уоррингтон, — еле слышно прошелестел голос, обжигая кожу на затылке, невесомо задевая губами. Томас выдохнул и решительно накрыл её ладони своими, снимая со своих плеч и разворачивая Луизу к себе.

— Вы устали. Ложитесь спать.

— Я не хочу, — прошептала она, не сводя с него своих нереально больших глаз. Луиза

смотрела на него, ожидая чего-то. Чего-то, что он ей дать не мог. Не мог. Не с ней. Не ей.

— Ложитесь, — мягко сказал Томас, помогая ей улечься и накрывая плащом.

— А вы? — сонно прошептала Луиза, закрывая глаза. — Вы же не ляжете на полу?

— Я буду спать рядом, — ответил Томас.

— Обещаете? — Её глаза вдруг распахнулись и посмотрели твёрдо и серьёзно.

— Обещаю, — кивнул он, подтягивая плащ к её горлу.

Спустя несколько мгновений Луиза уже сладко спала, подоткнув ладонь под щёку. А он сидел и смотрел затухающий в камине огонь, запустив руки в волосы. Что это было? Прямо сейчас, что это было? Она действительно хотела его? Своего опекуна? Эта маленькая девочка? Память услужливо напомнила, что уж кем-кем, а маленькой девочкой Луиза уже не была. Он помнил её тело, прикрытое лишь мокрой батистовой рубашкой, скорее подчёркивавшей все изгибы, нежели скрывавшей. Помнил и то, как она дрожала в его руках, обнимая, прижимаясь всем телом, на время забыв о стыдливости. А сейчас... Её губы так и просили о поцелуях, и она с радостью позволила бы себя поцеловать, он знал это. Он прекрасно знал это выражение, что появляется у женщин, когда они охвачены сладостным томлением. И меньше всего он ожидал увидеть его у Луизы. У невинной девушки, чьи мысли были полны чуши о приютах, сиротах и балах.

Ветка треснула и рассыпалась на сотню мелких искр. Томас вздрогнул, с трудом выныривая из мыслей. Подкинул дров в затухающий костёр, прислушался к буре за окном, которая, казалось, и не думала стихать. Вздохнул. Покосился на Луизу, так и не шевельнувшуюся во сне. Стянул сапоги и осторожно лёг перед ней, стараясь не касаться. Но Луиза, что-то пробормотав, прижалась к нему, зарываясь носом между лопаток. Томас напрягся, подавляя желание отодвинуться, но затем выдохнул и расслабился, проваливаясь в сон.

Луиза проснулась среди ночи, пытаясь понять, где она находится. За стенами шелестел дождь, буря стихала. В камине потрескивали, прогорая, дрова, а возле нее лежал Томас. Ей вдруг стало так уютно, что она не смогла сдержать довольной улыбки и осторожно подползла ближе, боясь коснуться ненароком, но в то же время отчаянно этого желая. Она бы хотела, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

Утро застало её ещё в постели. Томас ушёл, в створки неплотно прикрытых ставень заглядывало солнце. Луиза потянулась и не спеша поднялась, разглядывая следы вчерашнего ужина: пустые стаканы, раскрошенную рыбу. Надо бы убрать да оставить что-нибудь для... как там мистер Уоррингтон говорил? Новых путников? Луиза успела привести домик в первоначальный вид, умыться и кое-как причесаться, когда в дверях появился Томас. Увидев её, он вздрогнул, будто не ожидал, что та уже встанет. В руках он держал охапку свежесрубленных дров.

— Оставить, — пояснил он в ответ на взгляд Луизы и, старательно отводя взгляд, принялся складывать их в поленницу. Луизе вдруг стало обидно. Он избегал её взгляда, будто она стала ему настолько противна за эту ночь! На глаза набежали слёзы.

— Когда мы пойдём? — Она вздёрнула подбородок и посмотрела на Уоррингтона. Тот, не оборачиваясь, бросил:

— Если вы не собираетесь завтракать, то прямо сейчас.

— Сухари я могу пожевать и по дороге, — фыркнула Луиза и, резко развернувшись, покинула домик.

Стоило ей выйти, как Томас выпрямился и тяжело вздохнул, опершись о каминную полку. Это путешествие давалось ему особенно тяжело. Кто бы мог подумать, что опека над юной леди окажется столь изнурительной? Он усмехнулся: кто же знал, что она попадёт в плен к бежавшим с плантации Бишопов рабам?! Скорее бы дойти до дома, где Луиза будет в безопасности, и уехать куда-нибудь подальше, в Орлеан или в Батон-Руж, а лучше сразу в Джорджию, в Атланту! И сидеть там до тех пор, пока не придёт время выдавать её замуж!

— Ну, где вы там? — Нетерпеливый голос вернул на землю, и Томас, сложив оставшиеся бревна, вышел из дома.

День перевалил за середину, а они всё шли, не останавливаясь, обменявшись в дороге едва ли парой фраз. Луиза страдала, чувствуя себя никчёмной и ненужной, Томас же пытался думать о том, что вскоре они должны выйти на дорогу, где вскоре обязательно набредут на кого-то из поискового отряда. Очередной горький вздох за спиной заставил резко остановиться и обернуться, с укором глядя на замершую девушку.

— Случилось что-то, о чём вы опять не хотите мне говорить? — Он бросил быстрый взгляд на её ноги. Но, к его удивлению, Луиза вздёрнула подбородок и отрицательно мотнула головой. — Луиза, я не умею читать ваши мысли. У вас всё в порядке?

— Всё хорошо, — она смерила его тяжёлым взглядом и кивнула вперёд: — Я так понимаю, дорога уже рядом? Давайте не будем задерживаться.

Пожав плечами, Томас отвернулся, чувствуя, как откуда-то из глубины поднимается глухое раздражение. Разумные мысли о том, что девушка устала и измотана сильнее, чем он, вытеснялись злостью на её упрямство, всё больше казавшееся Томасу глупым капризом. Характер, которым он ещё вчера готов был восхищаться, сегодня заставлял морщиться

всякий раз, стоило раздаться очередному вздоху за спиной. Мачете с яростью впивался в сочную зелень, рассекая пополам тонкие стволы и пушистые кустарники.

«Спина такая ровная, будто он не шагает по тропическим лесам, а только что вышел к завтраку!»- с завистью покосилась на Томаса Луиза, выдёргивая из цепких объятий колючки потрёпанный подол. Каждый новый шаг давался с большим трудом, чем предыдущий, и Луиза понимала, что идёт вперёд исключительно на своём упрямстве. Все тело ныло и болело так сильно, будто её пинали всю ночь ногами. А тут еще и платье, как назло, никак не хотело отцепляться, надёжно запутавшись в неизвестном растении.

— Да что же это такое?! — в сердцах воскликнула Луиза, двумя руками потянув за ткань, и в этот момент та с треском лопнула, оставив на кусте изрядный кусок подола, а сама девушка, не успев удержаться, рухнула в небольшую лужицу с затхлой водой, пребольно ударившись копчиком. На глаза моментально набежали слёзы, и Луиза даже не успела подумать о том, чтобы их сдержать. Сидя в крохотном вонючем болотце, грязная, потная, она громко всхлипывала, продолжая сжимать в руках злополучный кусок платья.

— На вашем месте я бы не сидел в луже! — Томас успел уйти достаточно далеко и вернулся как раз к тому моменту, как позорное падение осталось позади. — До дороги осталось не более получаса, стоит поторопиться.

— К вашему сведению, я не специально сюда села! — Луиза подняла на Томаса огромные глаза, полные слёз, и грозно свела брови.

— В таком случае вылезайте, — пожал плечами Томас, подходя ближе.

Больно прикусив нижнюю губу, сдерживая рвущиеся наружу рыдания, Луиза завозилась в затхлом бочажке, пытаясь подняться. Гордо отвергнув протянутую руку, она попыталась отряхнуться, расправив обрывки ткани, спереди едва прикрывавшие колени. Приподняв в удивлении брови, Томас выразительно посмотрел на её ноги, затем перевёл взгляд на куст и весело хмыкнул. Проглотив язвительный ответ, содержащий в себе наставление о том, как должен вести себя джентльмен, увидев, что с одеждой леди произошёл конфуз, Луиза вдруг представила, как выглядит со стороны, и, не удержавшись, фыркнула. В следующую секунду они оба громко смеялись, глядя друг на друга искрящимися глазами. Остаток пути до дороги прошёл в благодушном настроении. То и дело Томас или Луиза начинали тихонько хихикать, качая головой.

Дорога вынырнула из зарослей, топкая, нехоженая. Ни одного свежего следа со времени дождя. Спутники уныло смотрели на месиво, раскинувшееся перед ними, прикидывая, не легче ли брести по лесу.

— Когда я попаду домой, первым делом прикажу приготовить ванну, — ворчал Томас, пытаясь счистить с сапог комья налипшей грязи. Те разлетались в стороны, шлёпаясь на дорогу и поднимая брызги.

— Боюсь, я буду первой в очереди, — мрачно откликнулась Луиза, бредя справа. Туфли она несла в руках, оборванный подол волочился за спиной. После первого же шага по дороге Луиза чуть не потеряла свою обувь, а посему решила, что разницы между тем, чтобы идти босиком или обутой, нет никакой. И теперь она ехидно поглядывала на Уоррингтона, который тихо шипел, выдёргивая сапог из очередной топкой ямы.

— Я не упоминал, что я не джентльмен? — вдруг спросил Томас, оборачиваясь и пристально смотря на Луизу. Она замерла, недоуменно глядя на него, нахмурившись.

— Упоминали.

— Я не уступлю вам право первой принять ванну, — победно проговорил он и вдруг

широко улыбнулся. Из уголков глаз разбежались смешливые морщинки, и солнце, будто специально пробившись сквозь густую листву, вспыхнуло небесной голубизной в его глазах. Луиза, как замороженная, залюбовалась, кажется, даже слегка приоткрыв рот. Не заметив её восторга, Томас хмыкнул, довольный, что она не стала возражать. Луиза же, опомнившись, подобрала юбки и поспешила за удаляющимся опекуном.

— Эй! Что значит, вы не уступите?! — Она громко шлёпала босыми ногами по грязи, нагоняя Томаса. — Я заслуживаю ванну не меньше, чем вы! Даже больше!

— Как хозяин «Магдалены» я пользуюсь всеми привилегиями, которые даёт это почётное звание, — невозмутимо проговорил Томас, не оборачиваясь. — Вы подождёте. Думаю, — тут он резко обернулся и смерил Луизу красноречивым взглядом смеющихся глаз, — вы можете подождать в конюшне, пока с вас не стряхнут всю грязь, что успела на вас налипнуть.

— Ну, знаете! — задохнулась от возмущения Луиза, сделав шаг, но не удержалась и покатила вперёд, испуганно размахивая руками. Томас успел её подхватить, но сам не смог устоять, и они вместе повалились на дорогу. От резкого падения у Луизы на миг перехватило дыхание, и она зажмурилась, ожидая громких ругательств. Но Томас, на которого она свалилась, лишь громко выдохнул, заскрипев зубами. Осторожно приоткрыв глаза, она встретилась с ним взглядом. Дыхание снова перехватило, и на этот раз падение было совершенно не при чём. Его глаза были так близко, что Луиза могла видеть каждую ресничку. Томас укоризненно смотрел на неё, терпеливо ожидая, пока она поднимется, но Луиза, к своему стыду, не желала двигаться с места, прикованная его взглядом. Наконец он не выдержал и красноречиво завозился, заставляя Луизу вздрогнуть и, оттолкнувшись ладонями от его груди, подняться. Томас тут же оказался рядом, встряхнув головой, как большой пёс, вылезший из воды. С кончиков волос веером разлетелись грязные капли.

— Вы это специально сделали, — обвиняюще проговорил он. Но весь эффект от нравоучительного тона рассеялся, стоило на его лице вновь расцвести широкой мальчишеской улыбке.

— Нет, — покачала головой Луиза. — Но вам полезно. Пока вас будут отчищать в конюшне, я займу вашу ванну! — И, стараясь не думать о том, как двусмысленно звучат её слова, Луиза вздёрнула подбородок и, обойдя Томаса, гордо зашагала вперёд. Губы её против воли растянулись в улыбке: теперь она точно знала- стальные. Его глаза. Стальные, как лезвие японского меча, висевшего у отца в кабинете. С тёмными прожилками и двумя крохотными коричневыми точками у самого зрачка на левом глазу. Бережно лелея это открытие, она задумчиво шла, не обращая внимания на крики Томаса за спиной.

— Да остановитесь же! — Он схватил её за плечо и резко развернул. — Стойте! Слышите?

Луиза послушно прислушалась, недоуменно нахмурившись. Лес над их головами шумел на ветру, перекликались птицы. Где-то за дорогой плюхало в болоте. Но вскоре она различила едва заметный мерный стук, который вскоре показался ей самой прекрасной музыкой на свете. Обернувшись к Томасу, она радостно подпрыгнула и захлопала в ладоши:

— Это ведь лошади! Правда?! Это лошади!

— Правда, Луиза, — довольно выдохнул Томас. — А значит, нам нет причин идти дальше. Мы можем спокойно дожидаться всадников здесь.

Топот копыт был слышен всё отчётливее, и вскоре из-за поворота показались несколько всадников. Поднимая тучи брызг, они неслись прямо на остановившегося посреди дороги

Томаса, и Луиза уже приготовилась закричать, когда лошади объехали застывшего мужчину и затанцевали, обходя его по кругу.

— Кажется, пора завязывать с бренди по утрам! — Звонкий голос де Шабри заставил Луизу широко улыбнуться. — Уоррингтон, ты ли это?! Мисс Луиза, — он обернулся, скользнув быстрым обеспокоенным взглядом по оборванной фигурке. — Всё в порядке? — Вопрос был обращён к Томасу, который кивнул и начал что-то говорить склонившемуся к нему маркизу.

Происходящее потом слилось для Луизы в одно размытое пятно. Кто-то из слуг спешился, уступая лошадь мистеру Уоррингтону, и спустя пару минут Луиза уже сидела перед ним, удобно откинувшись на грудь. Едва лошадь тронулась, как она провалилась в сон. Скакали всю ночь, попутно отправив пару слуг к другим поисковым отрядам, сказать, что мисс Луиза нашла.

«Магдалена» выплывала из предрассветного тумана, тихая и замершая в ожидании. Ветер едва задевал серые клочья мха, и они неспешно раскачивались под ведомую им одним мелодию. У входа стояло несколько слуг во главе с Адеолой, притоптывающей от нетерпения. Тербя бордовую юбку, экономка всматривалась в окружающую помещье темноту, чутко прислушиваясь. Стоило показаться на подъездной дороге первым всадникам, как она уже живо раздавала распоряжения.

— Луиза, мы приехали, — раздался над ухом тихий голос, и Луиза нехотя открыла глаза, щурясь на яркий свет фонарей. Тело затекло и ломило от сидения в неудобной позе. Она пошевелилась и глухо застонала.

— Что-то случилось? — воскликнула обеспокоенная Адеола, протягивая руки и помогая Луизе спуститься.

— Нет, просто долго сидела в одной позе, — поспешила успокоить Луиза экономку. Облегчение при виде взволнованного лица Адеолы накатило внезапно, заставив всхлипнуть и буквально упасть в тёплые объятия негритянки.

— Ну-ну, мисс Луиза, всё уже хорошо, — заворковала Адеола, осторожно уводя её в дом и поглаживая по спине. — Теперь вы дома, самое страшное уже позади.

Томас спешился, не глядя сунул поводья в чьи-то руки и, кивнув де Шабри, прошёл в дом. Силы покидали его буквально с каждым шагом, и в кресло в кабинете он уже попросту рухнул, пошевелив в воздухе пальцами.

— Плесните себе бренди. — Томас кивнул на столик. — И мне виски, если вас не затруднит.

— Пожалуй, я тоже остановлюсь на виски, — хмыкнул де Шабри, щедро плеснув в стаканы и протянув один из них Уоррингтону. — Выглядите вы просто отвратительно, — добавил он, опускаясь в соседнее кресло.

Томас сделал большой глоток и откинул голову на спинку кресла.

— Я бы на вашем месте этого не делал, — с преувеличенным беспокойством заметил маркиз. — Придётся выбрасывать отличную мебель.

— Думаю, что могу себе это позволить, — в тон ему ответил Томас и блаженно выдохнул, вытягивая ноги в грязных сапогах прямо на пушистый ковёр.

— Тяжело было? — Отбросив шутливый тон, де Шабри внимательно посмотрел на уставшего Уоррингтона.

— Чертовски тяжело, — кивнул Томас, прикрыв глаза. — Никогда не бросайтесь спасать юных леди. Они невероятно затрудняют продвижение к дому, отставая на каждом...

Томас уснул, не успев договорить. Де Шабри едва успел поймать опасно закачавшийся стакан. Вздыхнув, он поднялся и отправился на поиски Адеолы или кого-то, кто мог проводить его до спальни.

Луиза с блаженством откинулась в горячей ванной. Поначалу, правда, пришлось стоять в тазу и позволить Зэмбе смыть грязь, поливая её из ковшика. И лишь когда тело стало относительно чистым, Адеола позволила госпоже залезть в медную ванну, отдавшись в умелые руки слуг. Никогда ещё не принимала она их помощь с такой готовностью. Тонкие нотки масла лемонграсса и мяты поплыли в воздухе, и Луиза счастливо выдохнула, всё ещё боясь поверить, что она действительно вернулась домой. Странно, но только теперь она впервые смогла назвать «Магдалену» своим домом.

— Лоиз! Моя дорогая! Вы живы! — Дверь распахнулась, и в комнату влетела миссис Пинс в атласном халате и кружевном чепце. — Вы же обещали разбудить меня! — с мягким укором обратилась она к экономке.

— Пока мы смывали с неё грязь, вы бы всё равно не поговорили, — дружелюбно проворчала Адеола, внимательно наблюдая за тем, как готовят постель для Луизы.

— Лоиз! Мы тут все с ума сошли, думая самое страшное! — Миссис Пинс присела на небольшой стульчик у ванны и с тревогой заглянула в глаза подопечной. — Скажите мне всё, не таясь. Скажите, как есть. С вами хорошо обращались?

— Не думаю, что похитителей можно назвать джентльменами, — слабо усмехнулась Луиза, попытавшись перевести разговор в шутку. Но серьёзный взгляд компаньонки заставил выпрямиться в ванне. — Думаю, со мной не произошло ничего такого, что можно было бы назвать непоправимым. Никто из похитителей меня и пальцем не тронул.

Облегчение, отразившееся на лицах Адеолы и миссис Пинс, передалось и Луизе, и она слабо улыбнулась.

— Вы даже не представляете, как мы рады это слышать, — прошептала миссис Пинс, поглаживая руку Луизы. — Очень надеюсь, что вскоре мы сможем забыть обо всём, как о страшном сне!

— Лишь бы и остальные забыли, — проворчала Адеола, разворачивая махровую простынь.

— Не будем сейчас об этом, — предостерегающе сказала миссис Пинс, стыдливо опустив глаза, пока Луиза выходила из ванны.

Оставив без внимания диалог компаньонки и Адеолы, Луиза позволила облачить себя в кремовую батистовую сорочку и спустя минуту уже спала, не обращая внимания на шумевших вокруг слуг.

Двадцать первая глава

Луиза проспала весь день и проснулась под вечер только для того, чтобы выпить тёплого молока и снова провалиться в сон. Проснувшись на следующее утро, она почувствовала себя отдохнувшей и полной сил. За окном занимался рассвет, внизу кто-то ругался вполголоса, на заднем дворе кричал петух. Луиза улыбнулась- от этих звуков веяло таким покоем, что слёзы наворачивались на глаза. Но стоило ей пошевелиться, как радужное настроение постепенно сошло на нет. Всё тело нещадно болело, ноги, покрытые синяками и порезами, гудели. С губ Луизы сорвался невольный стон, едва она попыталась приподняться с кровати. Зато перед ней тут же возникло лицо Зэмбы, белозубо улыбающейся в полумраке.

— Мисс Луиза, мэм, вы проснулись! — Она поправила одеяло. — Что-нибудь принести?

— Лучше помоги мне встать. — Луиза осторожно поднялась, охая.

— Очень больно? — заботливо спросила Зэмба, поддерживая её под локоть.

— Будто меня камнями били, — слабо улыбнулась Луиза, позволяя довести себя до окна и тяжело на него опираясь. Зэмба принялась распахивать ставни, впуская утро в комнату. Солнечные зайчики заплясали в тазу с водой, разбежавшись по стенам.

— А мистер Уоррингтон уже проснулся? — вдруг спросила Луиза. Ещё две недели назад она бы и не подумала спросить об этом, но проведённые вместе дни сблизили их, а просыпаться вместе стало привычно. Луиза поняла, чего ей не хватало с самого утра- его взгляда, внимательного и немного усталого. Бедный мистер Уоррингтон, наверняка проспал сутки, как и она!

— О, масса Томас уехал, — махнула рукой кому-то во дворе Зэмба.

— Уехал? — пораженно спросила Луиза.

— Ну да, в Батон Руж, кажется, я не знаю точно. Ещё вчера вечером. Дела. — Служанка пожалала плечами и ушла вглубь комнаты.

Луизе оставалось лишь тихонько вздохнуть- кажется, их совместное приключение хозяина «Магдалены» не слишком-то и изменило...

Удобно расположившись в саду, Луиза лениво попивала прохладный оршад, вытянувшись в шезлонге и положив перебинтованные ноги на небольшую скамеечку. Неподалёку садовники, которых она полтора месяца назад выбрала из числа слуг, расчищали последнюю клумбу под посадку роз. Луиза смотрела на них, на бабочек, перепархивающих с одного цветка на другой, и думала о том, что здесь за время её отсутствия ничего не изменилось. И, попади она в Мексику, пропади навсегда, здесь всё осталось бы по-прежнему. Разве что розы бы так никто и не посадил, ведь едва ли мистеру Уоррингтону они были бы нужны.

Осознание того, что с ней чуть не произошло, постепенно накатывало горячей волной, и Луиза стискивала зубы, стараясь не разрыдаться, не думать о том, что могло бы произойти. Она действительно могла умереть. Или, что ещё хуже, попасть в рабство! Луиза зажмурилась и глубоко задышала, стискивая подлокотники кресла. Страшные оскаленные лица похитителей всплывали перед глазами, стоило их закрыть. Их голоса звучали в голове, перекликаясь с голосами слуг, что работали в саду. Несколько раз она вздрагивала, услышав знакомую интонацию, а когда один из них внезапно возник перед ней, спрашивая, что делать дальше, Луиза с трудом подавила крик.

Глубоко вздохнув, она ответила и даже заставила себя улыбнуться, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. Она дома. Всё в порядке. Здесь она под защитой. Сердце болезненно кольнуло- защитника-то в поместье и не было. Луизе не хватало его. Его уверенного спокойного голоса, его присутствия, от которого так и веяло надёжностью и силой. Самой себе она легко могла признаться в очевидном: она не видела мистера Уоррингтона всего два дня и отчаянно по нему тосковала. Что заставило его уехать из поместья, оставив её после всего, что ей пришлось перенести? Луиза снова вздохнула, на этот раз позволив одинокой слезинке скатиться по щеке.

— Луиза, дорогая, как я рада, что вы в порядке! — На дорожке появилась Тереза Монсиньи, следом за ней ступали три её дочери. — Как только я услышала, что вы спасены, сразу же поспешила узнать, не требуется ли вам наша помощь!

Приблизившись, почтенная глава семейства окинула Луизу цепким взглядом, с интересом задержавшись на покалеченных ногах, и, не сумев скрыть разочарование от вполне цветущего вида Луизы, присела в предложенное кресло. Дочери расположились за её спиной, ожидая, пока им принесут скамеечки из дома.

— Ну, скажите же мне, это было ужасно? — заохала мадам Монсиньи, распахивая веер. — Хотя, о чём я говорю, конечно же ужасно! Эти негры! Я давно говорила мужу, что они- звери! И даже те, кто живёт у нас в доме пугают меня! Моя дорогая Анна-Мария, впечатлительная девочка, так рыдала, когда узнала, что вы пропали! Мы все молились за вас, моя дорогая Луиза! И так рады вашему чудесному возвращению!

— Спасибо, — только и сумела вставить в эту тираду Луиза, улыбнувшись. Она не была расположена принимать гостей, но была действительно рада проявлению искреннего беспокойства за себя со стороны соседей.

— Так скажите же, — мадам Монсиньи склонилась к Луизе, заставляя ту потянуться ей на встречу, — они не слишком сильно над вами издевались?

— Издевались? — приподняла брови Луиза, пытаясь понять, куда ведёт Тереза. Мадам Монсиньи тем временем повернулась к дочерям и повелительно махнула им рукой, заставляя их отступить на несколько шагов.

— Моя дорогая, мы все понимаем, что вам пришлось не сладко, но я уверена, что вы повели себя более чем достойно. И даже если над вами совершили... — Тут она замялась, явно пытаясь подобрать нужное слово, и Луиза почувствовала, как по телу прокатилась ледяная волна понимания. Она выпрямилась и громко и отчётливо проговорила:

— Надо мной не было совершено никакого насилия. Они везли меня в Мексику, чтобы продать работорговцам. Но мистер Уоррингтон вовремя вмешался.

— О, мистер Уоррингтон, несомненно, герой! — ничуть не смутившись, подхватила мадам Монсиньи. — Уверена, он доказал, что является истинным джентльменом! И доказывал это каждый день, что вы были вместе... Сколько, кстати, занял ваш путь домой?

— Пять дней, — ровно произнесла Луиза, пытаясь унять охватившую её вдруг брезгливость.

Лицо Терезы Монсиньи пылало, а глаза горели, предвкушая скандальную историю, которой она потом непременно поделится за ужином. Чувство благодарности рассеялось, как дым, оставив после себя горький осадок.

— Пять дней, — как зачарованная, повторила мадам Монсиньи, бросив быстрый взгляд за спину. — Он вам очень помог, не так ли?

— Конечно, — Луиза чувствовала, как в ней поднимается волна раздражения.

Бестактные расспросы начинали злить. — Без мистера Уоррингтона я не прожила бы и дня в лесу. Он спас мне жизнь, причём не раз. — Перед глазами встало его лицо, когда он вытаскивал её из воды, спасая от аллигаторов, и Луиза, не сдержавшись, улыбнулась. Мадам Монсиньи победно хмыкнула и снова посмотрела на дочерей, будто пытаясь им сказать: «А что я вам говорила?!».

— Я очень рада за вас, Луиза, дорогая. — Мадам Монсиньи ласково пожала руку Луизы. — О, у вас очень обветренные руки, но, думаю, до свадьбы вы успеете привести кожу в порядок.

— До свадьбы? — Луиза нахмурилась, осторожно убирая руку. — Одна из ваших дочерей выходит замуж? Поздравляю! А за кого?

— О, дорогая, я имею ввиду вашу свадьбу, конечно, — продолжая ласково улыбаться, проворковала Тереза. — С мистером Уоррингтоном.

— С чего вы взяли, что мы собираемся пожениться? — весело фыркнула Луиза, улыбнувшись самой возможности такого предположения.

— А разве нет? — Лицо Терезы Монсиньи вытягивалось, меняясь на глазах.

— Не вижу причин, по которым я должна выходить замуж за своего опекуна, — пожала плечами Луиза, всё ещё не обращая внимания на перемены в лице собеседницы.

— Понятно, — процедила мадам Монсиньи, поднимаясь. — Боюсь, мы очень спешим и не сможем остаться на обед.

— Но ведь вы только приехали! — воскликнула Луиза, приподнимаясь.

— Не стоит нас провожать, отдыхайте, — бросила Тереза, и, подталкивая дочерей в спину, поспешила из сада.

— Не понимаю, что я сказала не так, — недоумевала Луиза тем же вечером, сидя в гостиной с миссис Пинс и мистером Свенсоном.

— Лоиз, вы слишком наивны, и в некоторых вещах это оправдано, но... — Миссис Пинс вздохнула, бросив беспомощный взгляд на управляющего, но тот поспешно опустил глаза. — Лоиз, — решившись, начала компаньонка, — вы были похищены негодяями и пробыли с ними больше недели. А после пробирались по лесам и болотам в компании мистера Уоррингтона... Боюсь, что местное общество сочтёт вас скомпрометированной.

— Меня?! — шокировано произнесла Луиза. — Но ведь я не делала ничего непотребного!

— Поверьте мне, большинство девушек, которых когда-либо обвиняли в подобном, ничего плохого не совершали, — вздохнула миссис Пинс.

— Но ведь я была с опекуном! Как такие мысли вообще могут зародиться у кого-то в голове?! Неужели мадам Монсиньи решила, что я и мистер Уоррингтон, что мы, что... — Она задыхнулась, отчаянно хватая воздух ртом.

— Я не могу этого утверждать, и надеюсь, что это не так, — покачала головой миссис Пинс. — Но это вполне вероятно. И, что более печально, наверняка она и остальные дамы уже написали письма в Англию, рассказывая о том, что с вами произошло. А вот весть о вашем чудесном спасении едва ли успела улететь за океан...

— Моя бедная бабушка! — прошептала Луиза, прикрывая ладонью рот. — А мистер Норидж! О, Боже, он же не захочет на мне жениться!

— Луиза, право слово, подождите вы так переживать, — проговорил мистер Свенсон, с жалостью глядя на потрясённую девушку. — Возможно, что предположения миссис Пинс останутся лишь предположениями. Вы ведь только вернулись. Пусть пройдёт время, я

уверен, что всё забудется. А в Англию мистер Уоррингтон напишет подробное письмо, в котором объяснит вашей вдовствующей графине Грейсток всё, что произошло, в мельчайших подробностях.

Луиза слабо улыбнулась, благодарно взглянув на управляющего. Его слова внушали доверие, и ей действительно захотелось думать, что всё наладится, а недоразумение с мадам Монсиньи так и останется недоразумением.

Но последовавшая после её визита неделя с каждым днём подтверждала опасения Луизы и миссис Пинс. Проведать её никто больше не спешил. Пару раз заехал де Шабри, но ограничился лишь вопросами о Уоррингтоне и, выпив кофе, поспешил уехать. За что Луиза была ему несказанно благодарна: если весть о её бесчестии распространилась по Луизиане, то принимать неженатого джентльмена в доме в отсутствие опекуна означало добавить пятен на её и без того не безупречную в глазах остальных репутацию.

— Я должна сама всё узнать, — на исходе недели всеобщего молчания заявила Луиза. — Я поеду к Монсиньи и всё узнаю от неё.

— Не думаю, что это хорошая идея, — с сомнением протянула миссис Пинс, разбирая нитки.

— Это единственно верная идея, — не согласилась Луиза, подзывая слугу. — Поезжай в поместье Монсиньи и передай, что я заеду к ним завтра.

До вечера Луиза мучилась от неопределённости, расхаживая из угла в угол в гостиной и нервно теребя подол платья. К вечеру слуга вернулся и, подойдя к Луизе, протянул ей знакомый прямоугольник с вензелями.

— Мадам просила передать, что завтра не принимает. И ещё просила отдать вам это. — Луиза дрожащей рукой взяла свою карточку, чувствуя, как на неё падает внезапно потяжелевшее небо.

— Я поеду к Бишопам, — непререкаемым, звенящим от сдерживаемых слёз голосом, произнесла она. — Пусть Франческа мне скажет в лицо, что мне отказано в доме.

— Вы совершенно правы, Лоиз, — внезапно поддержала её миссис Пинс. — Мы вместе отправимся к Бишопам. Не думайте, что я позволю пережить всё в одиночку, — добавила она в ответ на благодарный взгляд Луизы.

На утро коляска уже ждала их, а в сопровождение, по настоянию мистера Свенсона, были выделены четверо крепких слуг. Всю дорогу Луиза сидела прямо, не разжимая рук, сцеплённых на коленях. Мысли металась в голове, одна другой тревожнее. Она помнила, как часто сама отворачивалась от тех, кто по каким-либо причинам, чаще всего замалчиваемым, или же произносимым шепотом, лишался репутации. Помнила, как осуждающе поджимала губы и отворачивалась, стоило ей встретиться с подобными женщинами на улице. Никогда особо не вникая, за что, собственно говоря, та или иная леди становилась парией в высшем обществе, она всегда с готовностью принимала сторону обвинения. Иногда до неё доносились обрывки разговоров, которые с таким наслаждением вели стас-дамы, склонившись друг к другу на званых вечерах, и тогда слова: «наедине с мужчиной», «пикантная ситуация» и «как жаль, а ведь она казалась такой приличной» звучали с особым, пугающим оттенком. Однако стоило опороченной леди выйти замуж, как слухи тут же умолкали, и это было столь естественно, что, опять же, не вызывало ни единого вопроса. Так живёт общество, а общество всегда право.

Но сейчас Луиза впервые начала сомневаться в незыблемости этих слов. Она ведь была не виновата! Она не совершила ничего предосудительного! Не могли же они проникнуть в её

голову и прочитав те тайные мысли, что тревожили её по ночам! Или могли? Луиза похолодела. Неужели у неё на лице написано, о чём, а вернее, о ком все её мечты? Нет, это так смешно, что даже думать об этом не стоит... Она не виновна, и Франческа конечно же выслушает и поймёт. А после обязательно расскажет всем остальным, и мадам Монсиньи первая приедет извиняться за то, что вела себя непозволительно!

Белоснежный дом вынырнул из розовых кустов, колёса зашуршали по гравию дорожки. От крыльца бросился слуга, спеша помочь спуститься Луизе и миссис Пинс.

— Доложите леди Бишоп, что к ней прибыла графиня Грейсток с компаньонкой, — высокомерно проговорила Луиза, сама не замечая, как приготовилась к битве. Слуга кивнул и скрылся в доме, дамы последовали за ним и прошли в гостиную, располагаясь в креслах. Ждать пришлось долго. Луиза и миссис Пинс переглядывались, молча попивая прохладный лимонад, предложенный одной из служанок. Спустя полчаса двери распахнулись и на пороге возникла Франческа, и Луиза невольно поразились тому, как побледнела и осунулась леди Бишоп.

— Прошу прощения за задержку, — чуть хриплым голосом проговорила она, — Виктории нездоровиться и почти всё время я провожу у её постели.

— О, ради Бога, простите моё вторжение! — подскочила с кресла Луиза. — Я не знала, я не буду вас задерживать!

— Ну что вы, дорогая моя, — натянуто улыбнулась Франческа, поправив сползающую с плеча тонкую шаль. Взгляд Луизы невольно упал на чёрное пятно, на мгновение мелькнувшее из-под ткани. Но Франческа уже укуталась в блестящую бирюзовую ткань — казалось, что, несмотря на жару, её бьёт дрожь. — В «Тризоне» всегда вам рады. К тому же, у вас наверняка важное дело...

— Не то, чтобы слишком важное, — замялась Луиза, чью заготовленную речь спугало драматичное появление леди Бишоп. — Я лишь хотела навестить вас после моего спасения. Вы так ни разу и не приехали... — Против воли её голос звучал обвиняющее. Франческа подняла на Луизу слегка припухшие, уставшие глаза и горько улыбнулась.

— Весть о вашем спасении обрадовала нас. — Она прикрыла дверь и прошла в комнату, присаживаясь на диван рядом с Луизой. Миссис Пинс понятливо поднялась и, выразив желание пройтись по саду, поспешно скрылась. — Но Виктория заболела столь внезапно, что... — Франческа замялась, опуская глаза. Луиза растерялась. Она впервые видела её такой — измученной и... Напуганной? Леди Бишоп кто-то очень сильно напугал, но кто?

— Неужели с Викторией всё так плохо? — прошептала она, холодея от ужасного предчувствия. Но, к её облегчению, Франческа покачала головой и еле слышно проговорила:

— Хвала святым небесам, она уже почти полностью оправилась.

— Но в чём же тогда дело?

— Боюсь, я не могу вам об этом сказать, — мучительно проговорила Франческа, снова поправив сползающую шаль. Луиза невольно бросила взгляд на обломанные ногти на обычно ухоженных руках. Что же здесь происходило?

— Леди Грейсток! — ледяной голос лорда Бишоп разнёсся по гостиной, заставив его супругу втянуть голову в плечи. — Признаться, я удивился, заметив вашу коляску во дворе. Мне казалось, что после перенесённых вами страданий, вы ещё долгое время будете оставаться дома.

— Благодарю за беспокойство, — чопорно склонила голову Луиза. — Я пострадала не так сильно, как может показаться.

— Очень рад, очень рад, — рассеяно проговорил лорд Бишоп, цепким взглядом окидывая замершую фигурку жены. — Думаю, леди Бишоп уже сказала вам, что мы не можем принять вас сегодня. К моему глубокому сожалению, леди Бишоп нездоровится. То, что она смогла спуститься, чтобы встретить вас, уже чудо! Поднимайся-ка к себе, моя дорогая, ты устала.

Франческа, покорно склонив голову, поднялась и, попросившись с Луизой, покинула гостиную.

— Думаю, вам тоже уже пора, — проводив её взглядом, повернулся к Луизе лорд Бишоп. — Уверен, вы поймёте беспокойство отца, который воспитывает юную дочь... Ваше присутствие здесь... Оно не пойдёт ей на пользу.

— Простите? — холодно сказала Луиза, поднимаясь.

— Ну же, Луиза, не разыгрывайте из себя святую невинность! — За ледяной улыбкой лорда Бишопа проглядывало что-то сальное, порочное. Луиза невольно сделала шаг назад, крепче сжимая в руках ридикюль. — Такой женщине, как вы, не место в порядочном доме. И я не позволю вам приходить сюда и развращать мою дочь. Но в другом месте... — Лорд Бишоп вдруг сделал шаг и оказался непозволительно близко, приподнимая её подбородок. — В другом месте я с удовольствием провёл бы с вами время. Думаю, Уоррингтон успел научить вас, как доставить удовольствие мужчине...

Звук пощёчины ещё звенел в воздухе, а Луиза уже пробиралась к выходу, обходя ставшую такой громоздкой изящную мебель. Лицо её пылало, а рука горела от удара.

— Ну что же вы, леди Грейсток, — издевательский голос лорда Бишоп отдавался в ушах гулким звоном. — Неужели вы рассчитывали на другой приём? Привыкайте!

— Лоиз, что случилось? — За дверью уже ждала обеспокоенная миссис Пинс. Смерив лорда Бишоп презрительным взглядом, она поспешила за Луизой.

Луиза стремительно пересекла холл и выскочила на улицу, чуть не наскочив на поднимавшихся по ступеням мадам и мсье Жаккар. Мадам Жаккар отскочила от неё, будто могла запачкаться, и брезгливо подобрала подол юбки. Мсье Жаккар попытался улыбнуться, но быстро сник под суровым взглядом жены.

— Как хорошо, что мы вас встретили, — медово пропела миссис Пинс, выныривая из-за спины замершей Луизы. — Леди Грейсток не придётся приезжать к вам лично, хотя приглашения вам, естественно, пришлют.

— Приглашения? — Природное любопытство возобладало над необходимостью выражать презрение. Мадам Жаккар заинтересованно посмотрела на багровую Луизу. Та постепенно приходила в себя и теперь стояла, вздёргнув подбородок и пытаясь понять, куда клонит компаньонка.

— На свадьбу, — сладко улыбнулась миссис Пинс. — На свадьбу мистера Уоррингтона и леди Грейсток.

И, победно улыбнувшись, она кивнула Луизе, которая, оторопев от новости не меньше, чем чета Жаккар, покорно села в коляску. Едва они выехали за пределы двора, как Луиза спрятала лицо в ладонях и горько разрыдалась.

Двадцать вторая глава

Зал салуна Джина Лафита «Блэксмит Шоп» был забит в любое время дня и ночи. Один из самых знаменитых салунов Нового Орлеана, основанный в 1772 году, он являлся центром притяжения всех предпринимателей и плантаторов Луизианы. После торговых павильонов Батон Руж, где владельцы плантаций, больших и малых, собирались, чтобы продать свой урожай, салун Лафита считался вторым по значимости на южном побережье местом для заключения сделок.

Вытянув длинные ноги, Томас не спеша раскуривал ароматную сигару, думая о выгодных контрактах, которые удалось сегодня заключить. Несмотря на то что ему пришлось выпасть из дел в самый горячий период, Томасу удалось не только выгодно продать сахар и свёклу в Батон Руж, но ещё и заключить несколько контрактов на следующий сезон. А значит, можно не беспокоиться о сбыте — некий предприниматель из Бостона остался доволен качеством продукта и теперь ждал сотен фунтов отборного сахара в новом году.

Довольно улыбнувшись, Томас отпил виски и устало потёр глаза. Усталость брала своё, напоминая о том, что он так и не отдохнул как следует после изматывающего путешествия по влажным лесам. Мысли невольно вернулись к Луизе. Она действительно удивила, его маленькая храбрая подопечная! Воспоминания о том, как она, стискивая зубы, упрямо переносила все лишения, вызывали уважение и задумчивую улыбку.

— Отдыхаете от трудов праведных? — На стул напротив опустился маркиз де Шабри. — Отличный выдался сезон, а?

— Если так дело пойдёт, можно будет в будущем году прикупить пару соляных участков, — довольно улыбнулся Томас, пожимая протянутую руку. Они хорошо поладили с Николасом де Шабри. Уоррингтон не мог не оценить его помощь в поисках Луизы, да и после, в первые дни торгов, он очень помог. Правда, потом дела призвали неугомонного маркиза обратно на плантацию, а Томас остался, и теперь он был несказанно рад встретить человека, которого уже почти был готов назвать другом.

— Вы думаете, из них выйдет толк? — заинтересованно подался вперёд Николас, кивая официанту, расставлявшему перед ним ужин.

— Уверен, — хитро подмигнул Томас, плеснув в свой стакан и указав глазами на пустой- маркиза. Тот подвинул свой стакан и, дождавшись, пока он наполнится на половину, кивнул.

— Значит, стоит и мне об этом задуматься.

— Зря я об этом обмолвился, — улыбнулся Томас. — Надеюсь, вы сумеете сохранить в тайне будущую сделку. А то к следующему сезону от соляных озёр останется одно воспоминание, а нам придётся выбирать из негодных участков.

— О, тайну я хранить умею, — широко ухмыльнулся де Шабри. — Хотя этому умению мне ещё учиться и учиться у вас, Томас.

— Каждый из нас является кладезем тайн, — протянул Уоррингтон, поболтав в воздухе рукой со стаканом. — Разве у вас их нет?

— Полно! — легкомысленно выдохнул де Шабри. — Особенно тех, что касаются прекрасных дам. Но вы, мой друг, воистину невероятный скрытник! Утаить от меня свадьбу... Мне казалось, мы с вами достигли той степени доверия, когда такими

счастливыми событиями хочется поделиться.

— Не понимаю, о чём вы, — нахмурился Томас, выпрямляясь и с досадой понимая, что хмель незаметно взял своё, туманя разум. — О какой свадьбе идёт речь? Вы женитесь?

— Я?! Упаси меня от такого шага дева Мария! — Де Шабри шутливо взмахнул руками, но тут же посерьёзnel. — Боюсь, единственная, что могла бы составить моё счастье, принадлежит не мне...

— Сочувствую, — кивнул Томас, пытаясь понять, куда клонит Николас. — Но если вы не можете на ней жениться, то о какой свадьбе идёт речь?

— О вашей, Уоррингтон, ну хватит уже притворяться! О вашей свадьбе с леди Грейсток не говорит только ленивый!

— С леди Грейсток? — тупо переспросил Томас, чувствуя, что сейчас ему как никогда нужна трезвая голова. Кажется, Лафит добавляет в свой виски что-то дурманящее... — Но я не собираюсь жениться на ней. Да и ради всех святых, зачем мне это надо?!

— Хватит, Уоррингтон, это уже не смешно, — досадливо поморщился Николас. — Я слышал об этом из уст мадам Монсиньи, та от мадам Жаккар, а та, в свою очередь, от компаньонки леди Грейсток, миссис Пинс.

— Как много посредников у моей помолвки, — усмехнулся Томас. То, что говорил де Шабри, походило на весёлую шутку, но маркиз, напротив, выглядел серьёзным.

— Слухи о репутации леди Грейсток после вашего возвращения пошли не самые хорошие. — Он испытующе посмотрел на Уоррингтона. — Когда объявили о вашей свадьбе, они быстро поутихли, хотя некоторые из наших достопочтимых дам всё ещё обсуждают чудесное спасение леди Грейсток и ваше в этом участие.

— И она решила, что благодаря мне восстановит свою репутацию? — процедил Томас, откидываясь на стуле. — Очень умно.

— Уоррингтон, право слово, все восхищены вашим поступком.

— Я и пальцем её не коснулся, — невольно вырвалось у Томаса. — Почему за то, что я спас свою подопечную, я должен на ней жениться?!

— Судя по вашей реакции, вы действительно не знаете о планах леди Грейсток, — потрясённо проговорил де Шабри.

— Нет, не знал, — резко бросил Томас, сжав губы. Как она могла? Не знай он, что её похитили рабы Бишопы, то сейчас был бы готов поверить, что Луиза сама всё подстроила, чтобы женить его на себе! Коварство женщин воистину безгранично!

***

Путь до «Магдалены» никогда прежде не был столь короток. Томас гнал коня, не обращая внимания на встречающиеся коляски и всадников, что испугано шарахались от него в стороны. Злость на Луизу постепенно улеглась, сменившись всепоглощающим презрением. Томас в очередной раз убедился, что стремление решать свои собственные проблемы за чужой счёт — это прерогатива женщин. Сколько раз он встречал таких как Луиза- считавших, что мужчины им что-то непременно должны. И самой первой среди них была его мать, оставившая его в приюте из нежелания заботиться о ребёнке, которому дала жизнь. После были сёстры милосердия, выторговывавшие пожертвования за счёт его внешности. Женщины, имена и лица которых уже стёрлись из памяти, чередой проходили через его жизнь, опустошая карманы и оставляя после себя горькую пустоту. И теперь Луиза...

Томас подъехал к «Магдалене», когда на лес уже опустились мягкие сумерки. Окна первого этажа приветливо светились, и чувство покоя и умиротворённости невольно

пробралось в душу, усмиряя бушующий там яростный ураган. Решив не врываться в дом и не устраивать постыдных скандалов, Томас выдохнул и направил порядком уставшего коня к конюшне. Зайдя через кухню, он поднялся к себе, по дороге встретив слугу, состоящего при нём, и отправив его готовить ванну.

— Эти Монсиньи действительно чрезвычайно невоспитанны! — Миссис Пинс отняла глаза от вышивки и покачала головой. — Спрашивать, когда назначат дату свадьбы... Неслыханно!

— Они не единственные, кто написал об этом, — вздохнула Луиза, откладывая в сторону письмо, которое читала. — Не представляю, что скажет бабушка...

— Уверена, графиня Грейсток одобрит ваш выбор. — Миссис Пинс тепло посмотрела на Луизу поверх очков. — Вы поступаете верно, Лоиз, поверьте мне.

— Пока не могу с вами согласиться, — пробормотала Луиза, беря в руки чашечку с успевшим остыть чаем.

Брошенные в попытке защитить свою подопечную слова о скорой свадьбе, подобно снежному кому, разрослись в событие года среди местного общества. Прошла неделя, а её уже засыпали письмами с расспросами о дате, о том, будет ли она заказывать платье в Лондоне или же обойдётся тем, что есть, о том, куда они поедут в медовый месяц... То, что, как надеялась Луиза, останется просто словами, превратилось в новость, которую попросту нельзя игнорировать. Сказать сейчас, что свадьбы не будет, значило поставить на своей дальнейшей репутации огромный крест. Перед ней закроются все двери, она никогда не выйдет замуж за подходящего человека, и всё, что ей останется — сидеть дома и вышивать, поглядывая в окошко и обсуждая с горничной новости из вечерних газет... При мысли об этом у Луизы, обладавшей живым воображением, на глаза наворачивались слёзы.

Но ещё больше её пугала встреча с мистером Уоррингтоном. Как он отнесётся ко всему этому? Наверняка новость вызовет у него негодование, и он будет совершенно прав, если откажется от свадьбы. Но почему он должен отказываться? Она богатая, знатная и, что уж тут греха таить, привлекательная молодая особа, способная составить счастье любому, даже самому прихотливому джентльмену. Она образованна, умеет вести дом, а в будущем обязательно сможет подарить своему мужу не одного наследника! При этих мыслях Луиза обязательно краснела, представляя, как поднимутся брови мистера Уоррингтона, когда она дойдёт до этого аргумента в своей речи. В том, что ей придётся защищаться и оправдываться перед опекуном, сомнений не возникало.

Тихонько вздохнув, Луиза поднесла чашечку к губам, собираясь сделать глоток, когда дверь в гостиную распахнулась и на пороге возник мистер Уоррингтон. Белоснежная рубашка, светло-серый костюм, сапоги начищены до блеска, а влажные волнистые волосы слегка блестят. Кивнув мистеру Свенсону, безмолвной тенью сидящему у незажжённого камина, он молча смотрел на Луизу, полностью игнорируя миссис Пинс.

— Мистер Уоррингтон! — Экономка, видя замешательство подопечной, которая так и не донесла кружку до рта, постаралась перевести огонь на себя. — Мы так рады вас видеть! По вам не скажешь, что вы только что с дороги. — И она красноречиво обвела взглядом его фигуру.

— При всей своей невежественности я не мог не знать, что к невесте не принято приходить небрежно одетым, — холодно проговорил мистер Уоррингтон, не сводя глаз с Луизы. Та, в свою очередь, сумела взять себя в руки и, оставив чашечку на стол, мягко улыбнулась, надеясь, что улыбка не выглядит жалко.

— Мы действительно очень рады вас видеть, — пролепетала она, злясь на себя за то, что голос нещадно дрожит.

— Позвольте поговорить с вами в кабинете, — процедил Томас, не двигаясь с места. Миссис Пинс тут же подскочила, не желая оставлять Луизу на растерзание опекуну, пышущему яростью. Но тот остановил её коротким жестом:— Я полагаю, что имею право поговорить с леди Грейсток наедине.

Компаньонка покорно опустилась в кресло, не успев даже толком из него встать. Луиза же, напротив, с трудом поднялась, чувствуя постыдную слабость в коленках. Поймав ободряющий взгляд миссис Пинс и сочувствующий- мистера Свенсона, она выдохнула и, расправив плечи и вздёрнув подбородок, проследовала из комнаты, обойдя мистера Уоррингтона.

Дверь в кабинет закрылась со зловещим, как показалось Луизе, стуком. Пройдя к столу, мистер Уоррингтон хотел было опуститься в кресло, но передумал, резко развернувшись и скрестив руки на груди. Луиза с тоской подумала, что надо было прихватить с собой вышивку или хотя бы ридикюль... Ещё никогда ей так не мешали её руки. Робко улыбнувшись мистеру Уоррингтону, она поняла, что право начать разговор он оставляет за ней.

— Мы действительно рады вас видеть, — проговорила наконец Луиза. — Не знаю, слышали ли вы последние новости, они, возможно, покажутся вам...

— Слышал, — оборвал её Томас, не сводя с неё колючего взгляда. — И поначалу даже хотел потребовать от вас объяснений... Но потом...

— Но потом?.. — с надеждой продолжила Луиза, чувствуя, как с души потихоньку скатывается огромный камень. Неужели всё сложится так просто и ей не придётся уговаривать его?!

— Потом я понял, что требовать их от вас бесполезно. — Томас склонил голову на бок, вызываяще медленно пройдясь глазами по её фигуре. — Леди вашего круга частенько прибегают к подобным уловкам, желая женить на себе. Вы лишь не стали исключением.

— К подобным уловкам? — нахмурилась Луиза, пытаясь понять, куда он клонит. — Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Ради всех святых, Луиза, давайте будем честны хотя бы друг с другом! — Томас поморщился, как от зубной боли. — Вся эта история явно пришлась вам на руку, раз вы не преминули ухватиться за неё, чтобы выгодно выйти замуж. Скажете откровенно, вы узнали, что ваш жених женится, и потому решили не терять времени?

— Да как вы... — Луиза задохнулась от возмущения, чувствуя, как подступают слёзы, и зло загоняя их обратно. Она не расплачется при нём, только не сейчас! — Вы действительно полагаете, что я всё подстроила?! Что я только и ждала момента, чтобы женить вас на себе?! Да кто вы такой, чтобы я мечтала об этом?! Как подобная мысль вообще могла прийти к вам в голову?!

— Кто я такой? — Отчего-то именно эта фраза впиалась в мозг, вспыхнув в нём злой искрой. — Если я настолько не знатен для вас, не понимаю причин этого фарса!

— Вы действительно думаете, что мечтой всей моей жизни было выйти замуж за непонятого рабовладельца и всю оставшуюся жизнь провести, обсуждая урожай?!

— Я думаю, что мечтой всей вашей жизни было удачно выйти замуж, и вы упорно идёте к этой цели! Но знайте, я не собираюсь потакать вашим капризам и следовать вашим планам! Я не собираюсь защищать то, что не пострадало! Или отвечать за чужие ошибки! —

Тут он осёкся, в глазах мелькнуло понимание, и едкая усмешка скривила губы. — Кажется, причины вашего поспешного переезда в Америку предстают с новой стороны... Не знаю, сколько джентльменов добились вашей благосклонности...

— Да как вы смеете!.. — побагровела Луиза, подходя ближе. — Как вы смеете предполагать, что я...

— Не желаю слушать постыдные подробности вашей личной жизни, Луиза, — поднял руки Томас, словно возводя стену между собой и Луизой. — Говорить о благочестивых нравах высшего света тоже не стоит. Я не собираюсь вас осуждать, каждый живёт по собственной совести. Я лишь хочу поставить вас в известность, что свадьбы не будет.

— Вы считаете, что я вышла бы за вас замуж после всего, что только что услышала? — Луиза уже успела взять себя в руки и теперь смотрела холодно, упрямо задирая подбородок, пытаясь посмотреть прямо в глаза возвышавшемуся над ней Уоррингтону. — Я лучше проживу оставшуюся жизнь в одиночестве, чем стану вашей женой!

— Что ж, думаю, в таком случае между нами более нет разногласий, — пожал плечами Томас, обходя стол и берясь за графин. Разговор, задумывавшийся как попытка разобраться в сложившейся ситуации, обернулся совершенно не так, как планировалось, но Томас пообещал себе обдумать это позже. Сейчас же он старался не смотреть на замершую перед ним девушку, нервно сжимавшую и разжимавшую кулачки. Переживёт. Найдёт другого, кто женится на ней.

— Я не думала, что вы такой... — Луиза беспомощно замолчала, пытаясь подобрать определение охватившему её разочарованию. Оно оказалось настолько оглушительным, что не было даже слёз. И этого человека она считала самым благородным на свете? И им она восхищалась, замирая от восторга?

— Я не джентльмен, Луиза, я вас предупреждал, — устало выдохнул Томас, досадливо сжимая тонкие губы. Разочарование на её лице читалось так явственно, что ему вдруг хотелось сказать или сделать что-то, способное стереть его. Луиза подняла на него свои огромные зелёные глаза и коротко кивнула, соглашаясь. Затем развернулась и медленно пошла к двери, но, взявшись за ручку, остановилась и, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— Я покину «Магдалену» в ближайшее время и вернусь в Англию с первым же кораблём. — Её голос дрогнул, но Луиза быстро взяла себя в руки, заставив продолжить: — Спасибо за оказанное гостеприимство, мистер Уоррингтон. Я приношу искренние извинения за доставленные неудобства.

Луиза нашла в себе силы закрыть дверь тихо, хотя так хотелось хлопнуть ею так, чтобы штукатурка посыпалась ему на голову! Сжав губы, она молча прошла через гостиную, не обращая внимания на встревоженные вопросы миссис Пинс. Кажется, даже бросила ей что-то, вроде: «Всё в порядке». Лестница показалась бесконечной, но Луиза заставляла себя не спешить, чинно поднимаясь к себе. Однако, стоило закрыться за спиной двери, стержень, что держал её спину прямой, сломался, и Луиза осела на пол, содрогаясь от беззвучных рыданий. Едва ли она могла объяснить сейчас, что её больше поразило: отказ мистера Уоррингтона от свадьбы или то, что он всерьёз мог подумать, что она всего лишь хотела удачно выйти замуж.

Боль оказалась такой внезапной и острой, что перехватывало дыхание, и Луиза, прижав руки к горлу, судорожно выдыхала, кусая себя за щёку. Как она могла довериться ему, думать, что он поймёт и поддержит, мечтать о совместной жизни? Как она могла полюбить его?! Это открытие ошеломило едва ли не сильнее, чем сам разговор с мистером

Уоррингтоном, и долгожданные слёзы наконец хлынули из глаз. Она любит его, любит, а он считает её ничтожеством, подлой интриганкой! О, дева Мария, помоги перенести эти испытания!

За дверью раздался требовательный стук, и голос миссис Пинс вывел Луизу из оцепенения, в которое она погрузилась, не заметив. Рыдания давно иссякли, но бледное лицо, покрытое красными пятнами, говорило само за себя. Плеснув воды из кувшина, стоявшего на столе, Луиза открыла дверь, пропуская компаньонку внутрь.

— О боже милосердный, Лоиз! — всплеснула руками миссис Пинс, едва взглянув на свою подопечную. — Что он тебе сказал? Он тебя обидел?!

— Всё в порядке, миссис Пинс. — Луиза вдруг почувствовала себя невероятно уставшей и очень взрослой. Будто разом постарела на десять лет. — Мистер Уоррингтон сказал, что не женится на мне. Сейчас я и сама понимаю, что мы не вправе были заставлять его.

— Но как же... — залепетала было компаньонка, глядя на бледную Луизу.

— Мы уедем завтра же, — не терпящим возражений тоном проговорила та. — Вещи пришлют позже. А сейчас я, если вы не против, хотела бы лечь спать.

***

Глубокая ночь опустилась на «Магдалену», оглушая пением сверчков в кустах за окнами. Свечи прогорели больше чем на половину, а Томас всё сидел в кресле, задумчиво глядя на огонь. Где он ошибся? Если всё правильно, то отчего так гадко на душе? Дверь тихо отворилась, заставляя вздрогнуть от неожиданности, но тут же расслабиться: Адеола вошла в кабинет, держа в руках тряпку. Метнув быстрый взгляд на хозяина, она принялась протирать стеллажи, всем своим видом выражая глубочайшее неодобрение.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Уже поздно, Адеола, ты почему не спишь? — Томас сбросил ноги со стола и выпрямился в кресле. Но она не ответила, продолжая натирать каминную полку.

— Адеола, что-то случилось? — Экономка никогда прежде не позволяла себе так демонстративно не замечать Томаса. — Ты хочешь мне что-то сказать? Говори, я разрешаю. Ну же!

Адеола замерла с тряпкой и, решившись, резко развернулась, подходя к столу.

— Неправильно вы с мисс Луизой поступаете, масса Томас! — выпалила она, качая головой. — Она леди, она юная и добрая, её заклюют эти стервятники вроде мистрис Монсиньи. Видели бы вы, как она убивалась, когда от мистрис Бишоп вернулась, ох, масса Томас! Вы же не злой человек, вы же тоже добрый! За что вы так с бедной мисс Луизой? Она же без вашей защиты совсем погибнет!

— Ты считаешь, что я не прав, что не соглашаюсь жениться на ней? — усмехнулся Томас. Надо же, даже его слуги вторят его совести!

— Неправильно вы с мисс Луизой поступаете, — упрямо твердила свое Адеола, поджимая пухлые губы. — Я пойду, если позволите, — добавила она и, поклонившись, оставила его одного.

Дверь тихо закрылась, и Томас, громко выдохнув, рухнул в кресло. Его одолевали смешанные чувства, но если облегчение он с лёгкостью мог объяснить, то как понять чувство вины, захлестнувшее с головой? Он был обязан оберегать Луизу, адово пекло, разве он не сделал всё возможное для её безопасности?! Доставил её домой живой и невредимой, что ещё от него требовалось?! Почему местные сплетницы с ядовитыми языками, сами мечтавшие оказаться в его постели и не раз об этом прозрачно намекавшие, теперь должны

решать его жизнь и выбирать за него?! Возможно, Луиза оказалась жертвой обстоятельств, возможно, она не виновата в тех грехах, в которых он имел неосторожность её обвинить... Возможно. Но это не отменяет того, что она пошла на поводу у тех, кого и леди-то назвать можно лишь с большой натяжкой! Уж ей-то, выросшей в жестоком лондонском свете не знать о том, как легко манипулировать общественным мнением!

Томас вздохнул, вспомнив её печальный взгляд, и, залпом осушив стакан, вновь потянулся за графином. Неужели он всё-таки не прав?

Двадцать третья глава

Резко провалившись в тяжёлый тёмный сон, Луиза вынырнула из него так же внезапно. Некоторое время она пыталась понять, что заставило проснуться, пока внимание не привлек шорох в коридоре. Повернувшись, Луиза вздрогнула- там явно кто-то стоял. Тень отчетливо выделялась в узкой полоске света, льющегося из-под двери. Немного постояв, она тихо исчезла, и Луиза выдохнула, только теперь поняв, что не дышала всё это время. Показалось. Ей просто показалось. Мысли тяжело ворочались в голове, виски отчаянно пульсировали-напоминание о пролитых слезах. Подняв голову к потолку, Луиза судорожно вздохнула: воспоминание о разговоре с мистером Уоррингтоном вернуло её в реальность, окончательно прогнав сон.

Итак, завтра она уедет из «Магдалены». Хотя почему завтра? Уже сегодня. Вещи могут прислать позже, но здесь она не останется. Или останется? Уезжать не хотелось. Луиза и подумать не могла, что так привяжется к этому поместью. Как её встретит бабушка? Сможет ли она заставить замолчать сплетников, что будут судачить о ее внучке в каждой гостиной? Примет ли она её сторону? Или отвернётся, презрительно поджав губы?

Луиза снова горько вздохнула- кажется, ей нигде больше не будет места. Быть может, стоит действительно отправиться в Европу? Пройдёт время, про неё забудут, и тогда, спустя лет пять-семь, она сможет вернуться. И может быть, выйти замуж за какого-нибудь вдовца, которому будет не важна её репутация... Правда, тогда она уже будет очень взрослой, почти старой, шутка ли- двадцать пять! Зато мудрой и опытной, успевшей повидать мир. А может, она не станет выходить замуж, а вновь вернётся в общество, станет хозяйкой популярного салона, займётся политикой...

Мечтательная улыбка коснулась её губ- она живо представила, как в её гостиной будут собираться влиятельные министры и генералы, и дамы, такие же, как и она: начитанные, остроумные. У неё появится поклонник, а может, даже несколько, они будут пытаться добиться её благосклонности, а она будет грустно улыбаться в ответ на признания в любви и многозначительно вздыхать, утверждая, что любовь приносит только горе и следует её всячески избегать... А слава о ней и её салоне достигнет мистера Уоррингтона, и он поймёт, как жестоко ошибался, ведь она так никогда и не выйдет замуж. А она будет великодушна и простит его, ведь время лечит всё, даже самые глубокие раны...

Наверное, это последняя ночь в «Магдалене». Повинуясь внезапному порыву, Луиза поднялась с кровати и подошла к окну, распахивая его и облокачиваясь на подоконник. Густой аромат цветущих флоксов окутал её. Луиза обхватила себя руками и, привстав на цыпочки, потянулась вниз, пытаясь разглядеть цветы в темноте. Дом был окутан тьмой, только из одного окна на кусты падал свет. Луиза нахмурилась- неужели мистер Уоррингтон до сих пор не лёг спать? Но тут же фыркнула своим мыслям- вероятно, празднует, что так легко избавился от неё! Желание любоваться ночным садом резко пропало, и Луиза громко хлопнула ставни, возвращаясь в кровать.

Рассвет застал Томаса в кресле. Свечи давно прогорели и погасли, а графин, стоявший рядом, опустел. Но сон так и не пришёл, а от мыслей раскалывалась голова. Раздражённо отбросив потухшую сигару, Томас сцепил руки в замок и уронил на них голову, тяжело вздохнув. Чем больше он думал о разговоре с Луизой, тем сильнее его терзало чувство вины. Он наругал девушке, которая действительно ни в чём не виновата. Как он вообще мог

подумать, что она могла позволить какие-то вольности по отношению к себе со стороны лондонских джентльменов? Томас помнил затравленный взгляд, когда он нашёл её, помнил и то, как она, стискивая зубы, шла через болота, не признаваясь в собственной боли, помнил, как доверчиво она смотрела на него... Разве могла такая самоотверженная, честная и открытая Луиза поступить столь мелочно, поспешив женить его на себе?

Дом постепенно просыпался, хлопали двери, спешили по делам слуги. Томас потянулся, поморщившись- мышцы затекли от долгого сидения в кресле. Он принял окончательное решение, оставалось только объявить его Луизе. Остановив одного из слуг в коридоре, он приказал передать леди Грейсток, что ждёт её через час в кабинете.

— Через час в кабинете? — возмущённо фыркнула Луиза, услышав от Зэмбы пожелание мистера Уоррингтона. — Он что, думает, что после вчерашнего я побегу к нему за порцией новых оскорблений?! Пусть не надеется. Я ещё вчера сказала ему всё, что должна была. Мы уедем сегодня, так ему и передай. Недолго ему осталось меня терпеть.

— Мисс Луиза, мэм, я не могу так сказать массе Томасу, — испуганно вскинулась Зэмба.

— Хорошо, — смягчилась Луиза, — скажи мистеру Уоррингтону, что я буду ждать его в саду. Если он хочет поговорить со мной, пусть придёт туда через два часа.

Дверь за служанкой тихо затворилась, и Луиза довольно улыбнулась, чувствуя небывалое удовлетворение от этого крохотного выпада.

Спустя два часа она нервно расхаживала по дорожкам, с тоской думая о том, что цветения новых роз, что привезли из поместья Бишопов, она уже не увидит. Гравий тихо заскрипел, и Луиза резко обернулась, вертя в руках сорванный ранее белый цветок. Томас замер, не дойдя до неё несколько шагов, и теперь смотрел напряженно, сжав губы в тонкую линию.

— Вы хотели поговорить со мной, — первой прервала затянувшееся молчание Луиза. — Мне казалось, вчера мы уже всё обсудили.

— Не всё, — хрипло ответил Томас и кашлянул- в горле внезапно пересохло.

— Вы приготовили новую порцию оскорблений? — Луиза и сама удивилась тому, как высокомерно и гордо звучал её голос. При виде Томаса вчерашние слова всколыхнулись в голове, поднимая обиду.

— Нет, Луиза, я хотел извиниться за свои слова. — Томас поднял на неё глаза, к удивлению Луизы, действительно полные сожаления. — Я был резок. Вы застали меня врасплох. Но это не давало мне права оскорблять вас.

— Я принимаю ваши извинения. — Луиза слегка склонила голову. — Вы имели право на некое недовольство, вызванное неожиданной новостью. Я рада, что мы расстанемся друзьями.

— Расстанемся? — Томас нахмурился. — Луиза, но вам нет нужды покидать поместье. Собственно, за этим я вас и пригласил поговорить. Мы поженимся в любое удобное для вас время.

— Поженимся? — неверяще повторила Луиза, судорожно сжимая цветок. — Но ведь вчера вы утверждали...

— И глубоко раскаиваюсь в своих словах, — нетерпеливо оборвал её Томас. — После долгих размышлений я пришёл к выводу, что это действительно единственный выход для вас и вашей репутации.

— Значит, вы не считаете меня корыстной особой, что мечтает выгодно выйти

замуж? — Луиза не могла отказать себе в мстительном удовольствии уколоть Уоррингтона. Тот поморщился, но ответил:

— Нет, не считаю.

— Не думаете, будто я пытаюсь прикрыть этим браком пятна на своей безупречной репутации?

— Нет, не думаю.

— Или о том, что мой жених женится, и поэтому...

— Ради всех святых, Луиза! — воскликнул Томас раздражённо. — Я уже сказал, что раскаиваюсь в своих словах. Что вы ещё хотите от меня услышать?! Вы согласны стать моей женой?

— Да!

— Отлично! Ваше решение по поводу даты передадите мне позже. — Томас крутанулся на каблуках и поспешил прочь.

Луиза некоторое время смотрела ему вслед, кусая губы, пытаясь унять слёзы обиды. Вот ты и невеста, Луиза Грейсток. О таком ли предложении руки и сердца ты мечтала? Впрочем, показавшаяся спустя пару минут на дорожке миссис Пинс прогнала горькие мысли, заставив слабо улыбнуться.

— Что он вам сказал, Лоиз? — требовательно посмотрела на неё компаньонка. — Опять оскорблял? Ему мало того, что он наговорил вчера?

— Н-нет, миссис Пинс. — Луиза с усилием вынырнула из размышлений о мистере Уоррингтоне и его манере делать предложение и посмотрела на миссис Пинс. — Он предложил выйти за него замуж.

— О, пресвятая дева Мария! Благодарю тебя! — воскликнула компаньонка, воздевая руки к небу. — Ты слышала мои молитвы! Лоиз, я так счастлива! — На глазах миссис Пинс выступили слёзы. — Это же чудесная новость!

— Наверное, вы правы, — медленно проговорила Луиза, поворачиваясь к дому. — Вот только радости это у меня уже не вызывает.

— Бросьте, Лоиз, вы просто слишком много пережили за последние сутки! Вы привыкнете к мысли о том, что вы теперь невеста! Нам надо столько всего решить! Прежде всего определиться с датой! Свадьба не должна быть слишком поспешной, чтобы не давать лишнего повода пересудам. Но и затягивать с ней нельзя. Положенный год, увы, мы не сможем выдержать. Думаю, через три-четыре месяца будет самое то. Да, к Рождеству. Как вы на это смотрите, Лоиз? — Опешившая от такого бурного словесного потока Луиза лишь молча кивала, позволяя миссис Пинс увлечь себя в дом.

Уже к вечеру о предстоящем событии гудела вся «Магдалена». Слуги при встрече Луизы улыбались, Адеола же и вовсе не отходила от неё, то и дело довольно бормоча что-то и качая головой. Таонгу Луиза за весь день так и не встретила. Её реакции отчего-то она опасалась больше всего.

Приятные хлопоты охватили дом, и вечера, обычно тихие и спокойные, теперь были заняты обсуждением списка гостей, меню и украшений. Первым делом Луиза написала бабушке, надеясь, что вдовствующая графиня спокойно воспримет поток новостей, что наверняка обрушится на неё с прибытием почтового корабля. Вести о похищении, освобождении, свадьбе, сдобренные порцией сплетен от знакомых о её вероятном грехопадении: хватит ли сил бабушке выдержать всё это?

Время от времени, отрываясь от дописывания очередного списка, она бросала

тоскливый взгляд на дверь. Шёл третий день с их разговора, а мистер Уоррингтон больше не появлялся. Свенсон ответил, что он уехал в Батон Руж по делам поместья, но Луиза всё больше приходила к мысли, что мистер Уоррингтон её избегает. Этот брак его тяготит, и он не особо пытается это скрывать.

Луиза тихонько вздохнула. Она столько лет представляла себе это время. Подготовка к свадьбе. Радостные хлопоты. Прогулки с женихом, робкие касания рук, стыдливые поцелуи, украденные тайком... Она снова вздохнула: поцелуев она боялась больше всего. И мечтала о них не меньше. Представить себе, как её целует мистер Уоррингтон, у Луизы получалось с трудом.

Всё чаще перед глазами всплывала подсмотренная сцена с участием Таонги и мистера Уоррингтона. Тогда, после праздника, охваченная чувственным томлением, Луиза представляла себя на её месте. Теперь же она всё больше приходила к мысли, что подобное поведение с мужем не достойно леди. И как бы горько ей ни становилось от своих мыслей, но Таонга наверняка останется в жизни мистера Уоррингтона, и Луиза не будет этому противиться.

В подобных мыслях её укрепил и разговор с миссис Пинс в один из душных вечеров, который они проводили в саду. Розы прижились, обещая порадовать обильным цветением в будущем году. Яркие бабочки порхали между пышных шапок флоксов, лето в этом краю, хоть и задержавшееся, подходило к концу.

— Лоиз, мне надо спросить у вас, — начала миссис Пинс издалека, стыдливо отводя глаза.

— Что-то случилось? — Луиза нахмурила брови. Компаньонка явно нервничала, но с чем это было связано? Заказанное вино не прибудет в срок?

— Нет, ну что вы, — вымученно улыбнулась миссис Пинс. Затем вздохнула и, решившись, потянула Луизу за локоть, заставляя остановиться. — Ваша матушка давно оставила этот мир. А графиня едва ли могла говорить с вами о подобном, но...

— К чему вы клоните, миссис Пинс? — уже требовательно спросила Луиза. Ходить вокруг да около было не в привычках компаньонки.

— Я говорю о супружеском долге, Лоиз, — выпалила миссис Пинс. Пришла очередь Луизы покраснеть. Она опустила глаза, прикусив губу, и коротко вздохнула. Этой темы она боялась, но так хотела с кем-то её обсудить!

— Дело в том, что эту сторону супружеской жизни вам не удастся обойти стороной, как бы ни хотелось, — продолжила миссис Пинс, ободрённая молчанием Луизы. — Это то, что муж имеет право требовать от своей жены каждую ночь. И вы будете не в праве ему отказать. Скажу вам сразу и откровенно: придётся терпеть, ибо приятного в супружеском долге совершенно ничего нет.

Луиза вскинула голову, пристально заглядывая в глаза миссис Пинс. Но та лишь печально покачала головой, подтверждая её худшие опасения.

— Мужчины, Лоиз, они устроены не так, как мы. Им хочется того, о чём леди не могут подумать и в самых страшных мыслях. И супружеский долг — одна из подобных вещей. Одна радость — длится это недолго, а после супруг уходит в свою комнату, и вы можете вдоволь поплакать.

— Всё так плохо? — побледнев, прошептала Луиза. Отчего она думала, что за дверьми супружеской спальни происходит нечто прекрасное? Она снова обратилась мыслями к подсмотренной сцене: Таонга не выглядела недовольной. А те, кто танцевал на поляне...

Они тоже сплетались в сладострастных объятиях...

— Не могу сказать, что плохо, — протянула миссис Пинс задумчиво. — Скорее, противно. Мне, если честно, до сих пор с трудом верится, что Господь задумывал именно такой способ для размножения... Но есть и хорошее. Когда вы забеременеете, муж оставит вас в покое. А после у него появится любовница, и вы сможете жить совершенно спокойно, не опасаясь притязаний с его стороны. Надо лишь немного потерпеть.

— Любовница? — растерянно проговорила Луиза. — Вы так спокойно об этом говорите...

— Любовницы, моя дорогая, самое настоящее благословение небес для нас, — покровительственно сказала компаньонка. — Если муж не тратит на неё больше положенного, естественно. Она удовлетворяет все грязные потребности, а леди остаётся самое приятное: выезды в свет, совместные ужины и непринуждённые беседы у камина.

— Значит, если у мистера Уоррингтона есть любовница... — медленно протянула Луиза.

— О, Лоиз, выходит, вы знаете о ней? — обрадованно воскликнула миссис Пинс. — Да, это просто замечательно, что мистер Уоррингтон уже обзавелся любовницей. Таонга подходит как никто другой! Тратить на неё много денег он не станет. Как и ездить в другой город для встреч с ней. Вот видите, как всё счастливо выходит!

— Вы полагаете, я должна буду терпеть в своём доме другую женщину своего мужа? — поражённо проговорила Луиза, глядя на довольно улыбающуюся компаньонку.

— Ну почему же терпеть, Лоиз! — всплеснула руками миссис Пинс. — Это- дар божий для вас! — Она помолчала и, погрузившись в мысли, добавила: — Потерпеть придётся в первую брачную ночь. Вас наверняка шокирует происходящее, но вы должны терпеливо переносить все прикосновения мужа, даже в самых неожиданных и интимных местах. Советую вам стиснуть зубы покрепче и думать о чём-то очень хорошем, пока он будет делать своё дело. После первой ночи он не будет приходить к вам ещё несколько дней, чтобы всё зажило...

— Зажило?! — в страхе воскликнула Луиза. — О чём вы говорите, миссис Пинс?!

— Лоиз, не просите меня вдаваться в эти подробности! — умоляюще пробормотала та. — Боюсь, что произнести это я не в силах. Ближе к свадьбе мы ещё вернёмся к этому разговору, если вы пожелаете. Но пока просто знайте, что брачное ложе- это необходимое зло, которое нужно терпеть ради успешного и благополучного брака.

После этого разговора Луиза не могла прийти в себя ещё несколько дней. Вернулся мистер Уоррингтон, и она в страхе тайком разглядывала его, пытаясь представить, что такого отвратительного он с ней будет делать каждую ночь? Она смотрела на его руки, и память услужливо подбрасывала картинки из их совместного путешествия. И то, как он заботился о ней, как перевязывал ноги, как брал иногда на руки, молча неся через болота, как смеялся... Если ей придётся терпеть его прикосновения ради того, чтобы быть рядом, она согласна!

Придя к этой мысли, Луиза немного успокоилась, решив, что обязательно обдумает предстоящее, когда придёт время. А пока ей бы хотелось просто проводить немного больше времени со своим женихом, попытаться узнать его получше. Но он как на зло не стремился к тому же.

В очередной раз проводив его грустным взглядом, Луиза тоскливо вздохнула и тут же вздрогнула, встречаясь с горящим ненавистью взглядом Таонги. Та стояла, держа в руках поднос, и буквально прожигала Луизу насквозь. Кажется, о том, что в её жизни как раз таки

ничего не изменится, служанка пока даже не подозревала. Но — и тут Луиза гордо вздёрнула подбородок и прошла мимо — ставить в известность служанку о том, что она останется любовницей мистера Уоррингтона и после его свадьбы, Луиза не собиралась. И что бы там ни говорила миссис Пинс, при мысли об этом на глаза невольно наворачивались слёзы.

Двадцать четвёртая глава

Осень в этом году выдалась особенно влажной и душной. Рубашка липла к телу, пот градом стекал по спине, крохотные мушки, ползающие по лицу, невероятно раздражали, но Томас не смел пошевелиться, играя свою роль до конца. Едва ли кто-нибудь смог бы признать в бродяге, валявшемся за углом шумного салуна, одного из богатейших плантаторов Луизианы. Шляпа, надвинутая на глаза, позволяла беспрепятственно разглядывать подъезжающих и выходящих из одной из самых грязных забегаловок Техасской территории Новой Испании.

Индейцы, беспрепятственно передвигавшиеся по городу, практически не привлекали чужого внимания. Женщин на улице не было, только изредка проезжал экипаж, в котором можно было разглядеть кружево мантильи и яркие блестящие глаза.

Невысокий жилистый индеец появился в конце пустынной улицы, когда Томас решился наконец поменять своё местоположение, сделав вид, что пытается встать, но тут же свалившись обратно, успев поудобнее подогнуть под себя затекшую ногу. В этот момент дверь салуна распахнулась, на улицу вылетели двое мужчин, сцепившихся в драке. Невозмутимо переступив через дерущихся, индеец пошёл дальше, останавливаясь над лежащим Томасом и небрежно пихая его носком мокасина.

— Вставай, белый человек, — презрительно протянул он, не обращая внимания на шум за спиной. — Мой вождь сказал, ты должен ему. Вставай, или я привяжу тебя за ногу своего мустанга и протащу через весь город.

Томас недовольно заворочался, пытаясь увернуться от юркого носка индейской ноги, а дерущиеся, заинтересовавшись происходящим, медленно разомкнули объятия, поднимаясь. Индейцы редко позволяли себе подобное обращение с белыми людьми, а значит, этот пьянчужка действительно допрыгался.

— Эй, гринго! — Крепко сбитый смуглый мексиканец с жалостью смотрел на попытки Томаса подняться. — Что от тебя хочет этот краснокожий? Хочешь, мы поможем тебе от него избавиться?

— За определённую плату, конечно, — поддакнул тот, кто ещё пару минут назад готов был всадить нож меж лопаток своему собутыльнику.

Тем временем Томас поднялся, отчаянно шатаясь, и похлопал по карманам. Затем сокрушенно развел руки, громко икнув. Бывших дебоширов обдало волной застарелого перегара. Поняв, что здесь им нечего ловить, они пожали плечами и скрылись в салуне.

— Поторапливайся, белый человек, — флегматично протянул индеец. Поднявшийся ветерок шевелил немногочисленные орлиные перья в иссиня-чёрных волосах. Тяжело вздохнув, Томас кивнул, показывая, что готов идти, и поплёлся за индейцем.

Улица казалась бесконечной и совершенно безлюдной. Правило сиесты, завезённое сюда испанцами, неукоснительно соблюдалось всем городом, и только в салуне беспрестанно кипела жизнь. Стоило путникам зайти за угол цирюльни, как оба моментально преобразились. С индейца тут же слетела напускная медлительность, движения стали выверенными и плавными. Томас выпрямился, из глаз пропала сонная одурь. Он повёл плечами, разминая затёкшие мышцы, и с готовностью посмотрел на спутника.

— Человек, которого ты ищешь, сейчас здесь. — Индеец показал глазами на второй этаж цирюльни, где размещались гостиничные номера. — Я следил за ним весь день, из

комнаты он не выходил.

Он коротко крикнул, и Томас вздрогнул от неожиданности: умению индейцев мастерски передавать голоса птиц он всегда втайне завидовал. Откуда-то с крыши тут же откликнулись, и индеец довольно кивнул.

— Я не видел никого весь день, — недовольно процедил Томас, косясь на дом. — Ты уверен, что видел его?

— Уверен, — кивнул индеец. Его звали Гудэхи, и он считал своим долгом помочь белому человеку, который когда-то спас его, вытащив из пекла пустыни Сонора. Изнывая от жажды, Томас отдал последние крохи воды молодому индейцу, погибающему в жестоких песках. Гудэхи пришло время проходить обряд посвящения в мужчины, и, чтобы доказать всем вокруг, и прекрасной Вагош в частности, что он сильнее и смелее всех, кто проходил обряд до него, юный чероки решил провести его не в привычном месте, а в самом сердце пустыни. Он понял, что заблудился, на второй день, и, так как сам обряд длился обычно от четырёх дней до недели, искать Гудэхи никто не спешил. А Томас нашёл. Обожженного и практически полностью обезвоженного. И вынес на себе.

Дни, проведённые в племени чероки, Томас всегда вспоминал с благодарностью. И со всей серьёзностью принял клятву о вечной помощи от молодого индейца. И обратился к нему при первой же возможности, надеясь, что прошедшие годы не отразились на памяти Гудэхи. Как оказалось, он зря переживал. Взрослый уже мужчина, Гудэхи с готовностью откликнулся на просьбу помочь и тщательнее наблюдать за всеми приезжими, проезжающими по Техасской территории.

Томас надеялся, что его страхи всё же беспочвенны, хотя разум упорно твердил об обратном. И в подтверждение худших опасений неделю назад он получил весть от Гудэхи: в небольшом городке на границе с Мексиканской территорией замечен очень высокий мужчина с угольно-чёрной кожей, выделявшийся среди местных не только ростом и необычайной силой, но и спокойной уверенностью в себе, что редко можно было встретить на юге Америки. Он с небрежной лёгкостью доставал вольную, снисходительно посматривал на проверяющих его рейнджеров и невозмутимо продолжал выпивать, осторожно расспрашивая местных жителей о светловолосом гринго, который когда-то, много лет назад, мог расплачиваться алмазами.

С того момента время для Томаса завертелось с бешеной скоростью, подгоняемое неумолчным страхом за себя и всех, кто был рядом, попадая под удар. Кинг не станет разбираться, насколько близок ему Свенсон, нужна Адеола или дорога Луиза. И, помня об извращённом чувстве юмора бывшего друга, он был уверен — первым делом Кинг возьмётся за Луизу. Самым лучшим было бы отправить её в Англию. Слухи слухами, но жизнь важнее. Однако теперь, когда он сам согласился на свадьбу, сделать этого Томас попросту не мог.

Оставалось одно — ехать туда, где был замечен Саиб, и попытаться остановить его, пока он не узнал о нём и не успел передать весть хозяину. В том, что Кинг пока далеко, Томас был также уверен. Тот не любил поспешных шагов, всегда предпочитая действовать наверняка. Чтобы враг не мог избежать возмездия.

И теперь он второй день караулил надсмотрщика Кинга у салуна, где его видели неделю подряд. К удивлению Томаса, Саиб приехал не один, и как раз таки за его спутником и следил Гудэхи.

Заставив себя несколько раз глубоко вздохнуть, унимая бешеный стук сердца, Томас кивнул индейцу и бесшумно заскользил по лестнице, держа наготове пистолет.

Церемониться с напарником Саиба он не собирався, но сначала надо было узнать, как много известно надсмотрщику.

Гудэхи успел повозиться с замком ещё вчера, и теперь дверь легко поддалась, пропуская их внутрь. В комнате было темно, сквозь задёрнутые шторы едва проникал свет. В воздухе пахло затхлостью и чем-то тошнотворно-сладким. В тонком солнечном луче медленно кружилась пыль.

Они нашли его за столом. Мужчина сидел, откинувшись на стуле, тело успело раздуться, по почерневшему лицу ползали мухи. Прижав руку к лицу, Томас опустил пистолет и быстро обошёл тело, деловито оглядев его, отметив широкую полосу на шее. Бегло осмотрев номер, Томас кивнул Гудэхи, и они спешно покинули его, прикрыв за собой дверь. Молча и быстро спустились вниз и, только оказавшись внизу, перевели дух.

— Ушёл, — пробормотал Томас. Мысли закружились вокруг одного вопроса: как много он успел узнать?

— Найдём, — флегматично проговорил Гудэхи, махнув рукой. Через несколько минут рядом с ним стоял ещё один индеец.

— Спасибо, — с чувством произнёс Томас, с трудом выныривая из своих мыслей. Итак, Саиба они упустили. Почувствовал ли тот слежку или просто по привычке замёл следы, убив того, кто привёл его в этот городок? Смог ли найти тех, кто помнил, как Томас был здесь больше десяти лет назад? И главное: смог ли он связать его, плантатора, с правой рукой Кинга?

Распрощавшись с индейцами, Уоррингтон поспешил обратно. Прошло две недели, а он ничего не нашёл, зато приобрёл массу новых вопросов и поводов для беспокойства. Ясно было одно: Кинг подобрался ближе, чем он рассчитывал, и времени у него остаётся всё меньше.

***

Луиза тоскливо поглядывала в окно, пытаясь сделать вид, что слушает бесконечную болтовню мадам Монсиньи. Ничуть не смущаясь, достопочтенная мать семейства появилась на пороге «Магдалены», едва получила официальное приглашение. И теперь она и три её дочери буквально оккупировали Луизу, «помогая с подготовкой к свадьбе года». Мадам Жаккар не отставала от неё, то и дело засыпая советами по украшению зала, выбору блюд и основного цвета торжества. Франческа до сих пор не появлялась.

Луиза не могла решить: обижается она на ту, кого считала своей подругой, или же нет. Возможно, у Франчески есть серьёзные причины воздерживаться от визита. В любом случае навестить её сама она не могла. Или не хотела. Ледяной взгляд лорда Бишопа и его оскорбительные слова не шли из головы. Она придумала десяток остроумных ответов, способных поставить зарвавшегося джентльмена на место, вот только говорить их было уже поздно и не к месту.

— Луиза, дорогая, посмотрите же! — Она с трудом вернулась к действительности, глядя на Маргариту Монсиньи, протягивавшую ей украшенный альбом. Обложившись многочисленными образцами и журналами, девушки с восторгом обсуждали тот или иной фасон с матерью, забыв на время о самой виновнице переполоха. Луиза же, мельком взглянув на модели, с тоской подумала, что всё это было модно ещё в позапрошлом сезоне и её платья все до одного выглядят лучше, чем привезённые из Нового Орлеана наброски.

За окном шумел дождь, бурными грязными потоками стекая по двору. Мистера Уоррингтона не было вторую неделю, и Луиза чувствовала, что невероятно скучает по нему.

По его незримо присутствию рядом. Без него дом всегда становился пустым. Хотя теперь и тут Луиза могла признаться самой себе — она начинала иначе смотреть на поместье. Проявлять хозяйский интерес, узнавая у Свенсона о расходах и доходах «Магдалены», она пока не собиралась. Но за работой слуг стала следить с большей тщательностью, подмечая промахи, которые раньше списывала на местные привычки и устои. Теперь же она всё чаще приходила к мысли, что хочет поставить дела в поместье на английский лад. А значит, надо выписать из лондонского дома Сеймура и нескольких горничных. Всё это непременно стоит обсудить с мистером Уоррингтоном, ведь после вступления в брак распорядиться её деньгами станет он.

Луиза не сомневалась, что он пойдёт ей навстречу в желании устроить в «Магдалене» кусочек классической Англии. Действительно, не всё ли равно, чем она будет занята, если муж будет доволен? Трепетная необходимость исполнять супружеский долг казалась прозрачной, хотя и тревожащей. Луиза была готова исполнять его, пока не забеременеет, а потом все свои силы бросить на воспитание детей и содержание поместья. Они будут счастливы. Обязательно будут.

— Луиза, вы непременно должны посмотреть на это платье! — Мадам Монсиньи настойчиво подсовывала под руку Луизы журнал. — Посмотрите, эти кружева на рукавах будут смотреться потрясающе, я вас уверяю! И вам невероятно пойдут!

Луиза вздохнула, послушно обращая взгляд на рисунок, и едва сдержала гримаску: в подобных кружевах ходили кокетки по Пикадилли. Неужели мадам Монсиньи всерьёз полагает, что она наденет подобную безвкусицу?!

— Мама, как красиво! — откликнулась Анна-Мария, выхватывая из рук матери журнал. — Я непременно хочу что-то подобное на свой день рождения!

— И я! — толкнула сестру Маргарита, выхватывая журнал и водя по нему пальцем. — Только чтобы здесь и здесь было открыто. Маркиз де Шабри должен сделать мне предложение на вашей свадьбе, Луиза!

— О, не знала, что маркиз собирался жениться. — Луиза не могла отказать себе в чуть заметных ехидных нотках. — Он оказывал вам знаки внимания?

— Он их всем оказывает, — поддразнила сестру Анна-Мария, показывая ей язык за спиной матери. — Маргарита надеется, что он выберет её, а я думаю, если на ней женится полковник Смит — это уже будет удача!

— Да как ты!.. — Маргарита дёрнула младшую за локон, но тут же была остановлена возгласом мадам Монсиньи:

— Девочки, вы же в гостях, где ваши манеры?!

Луиза тактично отвернулась, делая вид, что увлечена разразившейся за окном непогодой. Как этот дождь не похож на тот, что застал их с Томасом, казалось, целую вечность назад! Она снова вздохнула — опять мысли закрутились вокруг жениха и его вечных отлучек. Он не хочет с ней делиться проблемами. Почему? Разве не должны они делиться всем «в болезни и здравии, богатстве и бедности»? Луиза сама себя одёрнула — клятвы ещё не произнесены, а она уже так много требует от будущего мужа. Она научит его доверять ей. Просто они совсем друг друга не знают. И мистер Уоррингтон совершенно не стремится узнать её ближе... Крики за спиной становились всё громче. Сёстры Монсиньи перешли на обсуждение сорочек и чулок, припоминая всё, увиденное ими ранее. Луиза поморщилась: кажется, у неё начинала болеть голова.

Темная тень на улице привлекла внимание, заставляя сердце забиться чаще. Неужели?

Коротко извинившись перед гостями, которые даже не заметили её ухода, она поспешила в холл, встречать позднего путника. Его осанку, его коня она не спутала бы и с сотней других всадников. Вскоре дверь распахнулась, пропуская внутрь мистера Уоррингтона. С его шляпы капало, костюм промок насквозь, да и вообще весь он имел вид уставший и продрогший.

— Мистер Уоррингтон! — Луиза ласково улыбнулась, подходя ближе. — Как я рада, что вы вернулись! Мне так много надо рассказать вам!

— Уверен, Луиза, что новости у вас действительно важные, — слабо улыбнулся Томас, наблюдая за тем, как вспыхнуло от удовольствия личико Луизы. — И я с удовольствием их выслушаю. Вот только... — и он красноречиво обвёл себя взглядом.

Луиза спохватилась, вспыхнув и отступив в сторону, давая Уоррингтону пройти к лестнице. Она была так рада видеть его, что совершенно забыла об элементарных правилах приличия! У подножия лестницы Томас остановился, прислушиваясь.

— У нас гости?

— О, это Монсиньи, — махнула рукой Луиза. — Они останутся на ночь. Дождь слишком разыгрался, дороги развезло.

— В таком случае, боюсь, что поговорить в гостиной нам не удастся. — Томас хитро улыбнулся. — Но мы можем спрятаться от них в кабинете. Я буду ждать вас там через час.

С этими словами он поспешил наверх, оставив Луизу счастливо улыбаться. Ей показалось, или он только что назначил ей свидание?

До ужина оставалось полтора часа, и Луиза с трудом отправила шумную семью в свои комнаты, отдохнуть и переодеться. Сама она решила, что успеет переодеться за полчаса, и теперь с замиранием сердца переступала порог хорошо знакомого кабинета.

Мистер Уоррингтон уже был здесь. Сидел в одном из кресел у камина, вытянув ноги и попивая янтарный виски. Хотя поза его казалась совершенно расслабленной, Луиза с тревогой отметила глубокую морщину, залёгшую между бровей. Томас не отрываясь смотрел в огонь, позабыв о стакане, что держал в руках. Губы его беззвучно шевелились, будто он вёл диалог сам с собой. Луиза попятилась — ей показалось, что лучше бы сейчас оставить его одного и не мешать. Но он заметил движение и резко повернулся, встречаясь с ней взглядом.

— Луиза, проходите. — Он показал на кресло напротив. — Вы давно так стоите?

— Нет. — Луиза опустилась в кресло, расправляя складки голубого муслинового платья. По подолу были разбросаны тёмно-синие васильки. Сложив руки на коленях, она подняла наконец глаза на жениха, радуясь, что может смотреть на него беспрепятственно, не пряча взгляд.

«А он действительно очень устал», — мелькнула мысль, когда Луиза получила наконец возможность рассмотреть Томаса поближе. Усталость плескалась в серых глазах, оседая на их дне чем-то, чего Луиза разгадать не могла или же разгадала, но не хотела верить. На дне его глаз таился страх. И темы для разговора, которые она заготовила заранее, теперь казались нелепыми и ненужными. Ей отчаянно захотелось занять свои руки. Хотя бы стаканом с чем-нибудь не слишком крепким.

— Вы что-то хотели рассказать мне, — мягко напомнил он, делая небольшой глоток. — Простите, что не предлагаю вам ничего выпить, просто вы так быстро устаёте от одного бокала, а у нас гости.

Томас улыбнулся, поймав взгляд Луизы, метнувшийся к столу с графинами. Она смутилась и покраснела.

— Я, вероятно, отвлекла вас, — она смутилась сильнее, понимая, какую глупость

только что сказала. Он сам назначил ей встречу, ждал, а она говорит о том, что отвлекает. Хотелось вскочить и убежать отсюда. Почему ей всегда так тяжело находиться рядом?

— Нисколько, — ответил Томас. Луиза решилась поднять на него глаза и снова опустила- в них плясали смешинки- он прекрасно понял причины её смущения, будто прочитал мысли. — Вы хотели поговорить со мной, Луиза, я полагаю, о свадьбе. Так? — пришёл он ей на помощь. Благодарно выдохнув, Луиза выпрямилась в кресле.

— Да, именно о ней. Вы уехали, как только мы определились с датой, и за это время пришлось решить немало вопросов, касающихся самого торжества.

— Вы хотите просвещать меня по поводу того, какого цвета будут платья у подружек невесты? — В притворном ужасе Томас вскинул руки.

— Нет, ну что вы, — со смехом сказала Луиза. — К тому же боюсь, я сама тут не смогу ничего решать, мадам Монсиньи взялась за дело слишком шустро. Миссис Пинс едва успевает отбивать её атаки.

— Боюсь, гости по её указке должны будут предстать перед нами в костюмах греческих богов, — сокрушённо покачал головой Томас. — Что делать? У меня нет тоги!

— Думаю, вы прекрасно обойдётесь без неё! — рассмеялась было Луиза, но тут же осеклась, поняв, какую двусмысленность только что сказала. Но Томас, казалось, не обратил на это внимания. Она обязательно обсудит с ним их супружескую жизнь. Позже. Пока же мысли о свадьбе отвлекают от мыслей о страшном, неизведанном и неизбежном.

— Я хочу выписать из Лондона нескольких слуг и своего дворецкого. Вы не против? — Она посмотрела на жениха.

— Нет, отчего же я должен быть против. — Томас пожал плечами. — Это ваше право. Не обязательно спрашивать о таких мелочах.

— Просто вы теперь будете распоряжаться всеми моими деньгами, и я не могу не предупредить вас о тратах.

— Я и раньше ими распоряжался, Луиза, — улыбнулся Томас. — Я всё ещё ваш опекун, вы не забыли?

— Это- другое. — Она упрямо вздёрнула подбородок. — Мы вот-вот станем мужем и женой. Вы же не будете отрицать, что наши отношения изменятся и не будут походить на отношения опекуна и подопечной?

— Если вы переживаете по поводу денег, то не волнуйтесь. Я распоряжусь, чтобы вам назначили хорошее содержание, которое вы вольны будете тратить по своему усмотрению. — Уоррингтон потянулся к графину, добавив виски в стакан. — Поверьте, у меня нет стремления ограничивать вас. Вы хотели попросить меня ещё о чём-то?

«Да! Полюбите меня!»- эта просьба так ярко вспыхнула в голове, что она испуганно захлопнула рот, побоявшись, что произнесла её вслух.

— Нет, больше ничего. — Она поднялась. — Мне пора переодеваться к ужину.

— Встретимся в столовой, — кивнул Томас. — Боюсь, общества Монсиньи мне всё же не избежать. Или вы позволите мне отсидеться здесь до завтрашнего утра? — И он умоляюще посмотрел на неё. Луиза, не удержавшись, фыркнула.

— Нет-нет, вы не будете столь жестоки, оставляя меня с ними ещё и на целый вечер, — она притворно вздохнула. — Я не выдержу.

— Вы вьёте из меня верёвки, — со вздохом произнёс Томас, откидываясь в кресле. Луиза, улыбнувшись, ушла, оставив его наедине со своими горькими мыслями.

Луиза же спешила к себе. Счастливая улыбка не сходила с лица. Распахнув дверь, она

буквально влетела в комнату и замерла как вкопанная. На кровати лежало приготовленное к ужину платье, изрезанное на мелкие кусочки.

Двадцать пятая глава

Луиза медленно прошла в комнату и остановилась у кровати. Платье красно-жёлтого атласа в полоску неровными кусками лежало на покрывале. Луиза осторожно взяла в руки один из кусочков, и перед глазами ярко всплыл момент его покупки. Небольшой магазин на Тотнем-Роуд, где они с подругами обсуждали очередной бал. И материал, что сразу приглянулся. Она так ни разу его и не надела. Буквально через пару дней погиб папа. А после всё завертелось, и стало не до нарядов... Луиза всхлипнула, скомкав в руке обрывок ткани. Сжала губы. Она, конечно, подозревает, кто это.

За последние две недели еда Луизы три раза была пересолена и пять- переперчена. Один раз она даже нашла стекло в своём соке, едва его не проглотив! В Англии слуги-вольнонаёмные рабочие. И хозяйка должна сама решать подобные проблемы. Обычно-увольнением. Что делать в случае с рабыней, она не знала. Но её сегодняшняя выходка заставила забыть о кротости.

— Зэмба! — Не дожидаясь, пока придёт служанка, Луиза распахнула шкаф, просматривая платья. Не то, всё не то. Слишком блекло, слишком скучно, слишком помпезно. Вот оно! Достав изящное творение знаменитой модистки, Луиза довольно улыбнулась. «Пепел розы». Именно так назвала этот цвет мадмуазель Шантильи, когда предлагала атлас Луизе. Нежный, переливающийся, он вызывал желание дотронуться до него ещё и ещё.

— Позови Адеолу, — бросила Луиза появившейся Зэмбе, осторожно снимая платье с плечиков. Пусть она ещё не миссис Уоррингтон, но поставить слуг на своё место готова вполне!

— Мисс Луиза, мэм. — Адеола остановилась на пороге, сложив руки на груди. От экономки веяло надёжностью и теплом. Луиза на миг устыдилась того, что собиралась потребовать, но тут же её взгляд упал на обрывки платья, и она вздёрнула подбородок, твёрдо глядя на Адеолу.

— Это платье я нашла изрезанным. — Луиза указала на ткань. — Я полагаю, мы обе знаем, кто это сделал. Я сообщу об этом мистеру Уоррингтону. А ты- слугам. Пусть не думают, что я наказываю несправедливо и предвзято.

Вечер прошёл непринуждённо. Но после Луиза остановила мистера Уоррингтона, осторожно коснувшись его локтя.

— Мы можем поговорить?

— Конечно. — Томас серьёзно кивнул, глядя на взволнованную Луизу. Проводив её до кабинета, он прикрыл дверь.

— Мистер Уоррингтон. — Луиза замерла, не в силах произнести то, что собиралась. Это слишком... Слишком откровенно, но... Порезанное платье, пересолённый сок, стекло в бульоне...

— Я хочу сказать, что некоторые слуги чересчур забываются, мистер Уоррингтон. — Луиза решила взять официальный тон, пытаясь строго смотреть на жениха.

— Забываются? — Томас, не спеша придавать значение возмущению Луизы, прошёл к глобусу, задумчиво крутанув его.

— Да, забываются, — подхватила Луиза. — Я не буду перечислять все гадости, что мне пришлось испытать на себе за время вашего отсутствия, это было бы голословно. Но

сегодня... — Она подняла глаза на Томаса и отчеканила:- Ваша любовница, Таонга, изрезала мне платье стоимостью триста фунтов. Так больше продолжаться не может. Я не намерена и дальше закрывать глаза на безобразия, творящиеся с вашего попустительства.

— Что? — Брови Томас взлетели вверх. — Она изрезала платье? Вы уверены?

— Абсолютно. — Луиза кивнула в подтверждение своих слов. Если поначалу ей было жалко рабыню, страдающую по прихоти господина, то теперь, когда это начало касаться лично её, жалость быстро прошла.

— Я вас понял. — Томас поднял глаза на Луизу. — Она будет наказана.

— Спасибо, — выдохнула Луиза, отступая. Накрывшее облегчение было неожиданно сильным даже для неё. А чего она ждала? Что Уоррингтон начнёт защищать любовницу?!

— Вы хотите присутствовать при наказании? — Томас говорил буднично, словно судьба любовницы и впрямь его нисколько не волновала. Луиза вздрогнула, пристально посмотрев на него. Неужели он такой бесчувственный?

— Нет. — Она вздрогнула, обхватив плечи. — А это обязательно?

— Для наказаний у нас есть надсмотрщик. — Томас пожал плечами. — Просто я предположил, что вы решите проследить, достаточно ли получила Таонга. Она ведь сильно вас огорчила? — и он посмотрел на Луизу в упор, не мигая. «Ждёт, что она её пожалеет», — поняла Луиза, выдерживая его взгляд.

— Я не буду делать вид, что телесные наказания для слуг- обычно дело для меня. — Она вздёрнула подбородок. — Я доверяю вам, вашему опыту в подобных случаях. Думаю, Таонга получит по заслугам, не больше, но и не меньше.

— Это всё? — Томас склонил голову на бок, внимательно изучая будущую жену. Нахохлилась, как птичка. Смотрит вызывающе, сжимая кулачки. Словно вот-вот ринется в бой. Он почувствовал, как в душе шевельнулось уважение. Прямота Луизы импонировала Уоррингтону.

— Да. — Луиза кивнула.

— В таком случае позвольте пожелать вам спокойной ночи. — Томас улыбнулся, обводя фигуру Луизы теплым взглядом. — Вы превосходно выглядите сегодня.

— Спасибо. — Луиза не смогла сдержать улыбку. — Compliments о внешности говорят дамам в середине вечера.

— Я не могу сделать его под конец? — хмыкнул Томас, протягивая руку и касаясь гладкого атласа на плече. Луиза вздрогнула- ей показалось, что его рука пылает. — Весь вечер хотел узнать, каков он на ощупь.

— Вы не носите атлас? — удивилась Луиза, стараясь не показать, как взволновало её чужое прикосновение.

— Есть несколько жилетов. — Томас пожал плечами. — Но их ткань совсем не похожа на эту.

— Не думала, что вы такой знаток. — Луиза с интересом посмотрела на Уоррингтона. — Вы действительно чувствуете разницу между двумя видами атласа?

— Я давно интересуюсь производством ткани. — Томас опустил руку, не отводя глаз от платья. — Возможно, через пару лет куплю ещё несколько полей восточнее, чтобы сажать хлопок.

— У вас далекоидущие планы. — Уважительные нотки в голосе удивили саму Луизу.

— Благодаря деньгам, что вы принесёте, это не составит труда, — пожал плечами Томас.

— О! — только и смогла выговорить Луиза.

— Откровенность за откровенность, — хитро улыбнулся Уоррингтон. — Вы возражаете?

— Н-нет, что вы, — выговорила Луиза. — Мои деньги все принадлежат вам. И вы вольны ими распоряжаться, как пожелаете.

— Ваше одобрение очень важно для меня. — Томас серьёзно посмотрел на Луизу, осторожно беря её ладони в свои. — Я обещаю, что оправдаю все ваши надежды.

— Звучит так, будто вы женитесь на мне ради денег, — прошептала Луиза, глядя на жениха, впервые за долгое время оказавшегося так близко.

— Должны же быть хоть какие-то выгоды от этого брака, — шутливо шепнул Томас и потянулся к ней.

«Поцелует. Сейчас он меня поцелует!»- забились отчаянная мысль, и Луиза послушно потянулась навстречу, прикрывая глаза.

Сухие горячие губы осторожно коснулись лба, оставляя невесомый поцелуй. Луиза едва подавила вздох разочарования и распахнула глаза, встречаясь с яркими смешинками в живой стали напротив.

— Доброй ночи, Луиза. — Он кивнул и, развернувшись, вышел. Луиза проводила его взглядом, чувствуя, как бушует внутри разочарование вперемешку с раздражением.

Она полагала, что не сомкнёт глаз до утра, но уснула, едва коснувшись подушки. Утром Луиза пыталась найти в глазах безмятежной Зэмбы страх или осуждение- ведь она заставила наказать одну из них, из рабынь. Но служанка, казалось, вовсе не задумывалась над судьбой Таонги, тихонько напевая что-то себе под нос, укладывая волосы Луизы. Спросить, когда обычно приводят в исполнение наказания? Нет, подумает ещё, что она кровожадная или же интересуется из праздного любопытства.

За завтраком Монсиньи продолжали шумно обсуждать предстоящую свадьбу, не забывая ежеминутно благодарить мистера Уоррингтона за предоставленный кров. Томас кивал, не пытаясь вставить хотя бы слово в словесный поток, что изливался на него с двух сторон, но Луиза время от времени ловила на себе его внимательный серьёзный взгляд. Он не доволен ей? Её решением? Действительно ли ему настолько всё равно, будут ли наказывать его любовницу?

Луиза вспомнила, как радовалась миссис Пинс, говоря о Таонге, и вдруг её словно окатило ледяной водой: если мистер Уоррингтон откажется от Таонги, он будет искать новую любовницу! И, быть может, найдёт её не здесь, а где-нибудь на стороне! И что тогда будет делать она, Луиза, зная, что он уезжает к другой?

На глаза навернулись слёзы, и Луиза поспешила их промокнуть, натыкаясь на взгляд Томаса. Слабо улыбнувшись ему, она пробормотала что-то о головной боли и вышла из-за стола, поспешно покинув столовую. Остановить наказание? Но кем тогда она будет выглядеть в глазах слуг? О каком авторитете может идти речь, если она сама не знает, чего хочет? Нет. Луиза остановилась посреди холла, с удивлением понимая, что действительно готова была бежать и искать надсмотрщика. Таонга получит то, что заслужила. А будет ли искать мистер Уоррингтон новую любовницу, она ещё посмотрит.

Кивнув сама себе, Луиза распрямила плечи и прошла в сад. Задумчивое гуляние по дорожкам всегда помогало привести мысли в порядок. Пышные шапки разноцветных флоксов окутали своим ярким благоуханием. Луиза вздохнула, подняв глаза в небо. Как же ей не хватало английской осени! Приближался октябрь, а здесь по-прежнему было жарко и

влажно, лишь участились дожди. Как же ей хотелось вдохнуть прохладный воздух, пропитанный запахом увядающих листьев! Пройтись по осеннему лесу, вороша носками туфель желтый ковёр... Луиза скучала по осенней охоте, традиционно устраивавшейся в их графстве. По красным костюмам охотников, нетерпеливому лаю собак и возбуждённому предвкушению скачки...

Резкий крик боли выдернул из мыслей, заставив вздрогнуть. Наказание началось. Луиза не знала, сколько ударов положено Таонге за проступок, но считать их не собиралась. Подбрав юбки, она поспешила обратно в дом и на пороге буквально налетела на мистера Уоррингтона. Он едва успел поймать её, удерживая от падения.

— С вами всё в порядке? — он заботливо смотрел на неё, ища следы замеченных ранее слёз. Но Луиза выглядела слегка побледневшей, не более.

— Я тоскую по осени, — только и смогла вымолвить она, глядя на Томаса снизу вверх.

— Понимаю, — серьёзно кивнул Уоррингтон, не спеша её отпустить. Маленькая, хрупкая, Луиза вызывала всё большее желание защищать, держать в руках, ограждая ото всех опасностей. Не похожая на других. На тех, кто был у него когда-либо. Она не была его собственностью, не продавалась за деньги- и в то же время была и тем и другим одновременно. Пораженный пришедшей в голову мыслью, Томас просто смотрел на Луизу, не замечая, как сильнее сжимает ладони на её плечах. Его. Она- его. Сознание этого будто ударило обухом, перехватывая дыхание.

Эта девочка скоро станет его женой. И он сможет не просто смотреть на неё. Он будет делить с ней постель. А ведь он ни разу ещё об этом не задумывался. Казалось естественным, что придётся жениться. Томас смирился с этой мыслью, принял её и задвинул в дальний угол, позволив себе думать о насущных проблемах вроде Кинга. Или, в крайнем случае, цен на урожай. Но сейчас эта хрупкая девушка в его руках словно заставила взглянуть на себя иначе. Что изменилось?

Он шёл за ней, думая, что застанет в слезах, что она будет молить об отмене наказания. Или просто будет прятать слёзы, поджимая губы и осуждающе глядя на него. Но Луиза была спокойна. Она приняла неизбежность наказания, а ведь наверняка думала об этом всё это время. Она будет хорошей хозяйкой. И женой тоже.

Томас смотрел на неё, будто видя впервые так близко. Маленькие тёмные крапинки в светло-зелёных глазах. Лёгкий румянец на щеках, придающий ей такой милый, невинный вид. И губы. Полные. Слегка приоткрытые. Интересно, целовали ли её когда-нибудь или же он станет первым?

— Ах, какая прелесть! — Визгливый голос мадам Монсиньи заставил Луизу и Томаса резко отпрянуть друг от друга. — А я ведь сразу говорила, что любовь так и витает в воздухе! Голубки! Ну точно, голубки! Помнится мне, мы с месье Монсиньи...

Она взяла Луизу под локоть и повела в сад, продолжая рассказывать о временах своей далёкой молодости. Луиза рассеянно кивала, думая о своём. О том, что плечи всё ещё горят в тех местах, где их касались его руки. И о том, что она опять почти поверила, что он вот-вот её поцелует...

***

Таонга больше не попадалась на глаза Луизе, а на её осторожный вопрос Адеола фыркнула, пренебрежительно ответив, что её отправили на плантацию.

— И правильно сделали, — доверительно проговорила экономка, перебирая скатерти. — Распоясалась девчонка, думала, что ей всё можно. Будет остальным урок. То-то.

Луиза призналась себе, что почувствовала себя гораздо легче с уходом Таонги. Она и не замечала, что живёт в вечном напряжении и ожидании подвоха. К тому же неизвестно, было ли это связано, но мистер Уоррингтон стал проводить с ней больше времени. Вечера в гостиной стали оживлённее, мистер Свенсон и мистер Уоррингтон часто рассказывали истории из общего прошлого, со смехом вспоминая ужасные лишения и невероятные авантюры, в которые они кидались с головой.

— Никогда бы не подумала, что вы так любите приключения, — укоризненно покачала головой миссис Пинс в один из вечеров, когда за окном привычно шелестел дождь, а в камине так уютно трещали дрова.

— Мы были гораздо моложе, миссис Пинс, — виновато склонил голову мистер Свенсон. Луиза удивлённо переводила взгляд с управляющего на экономку и обратно.

— Тяга к приключениям не красит ни в одном возрасте, — не сдавалась миссис Пинс, смотря на Свенсона поверх очков. Управляющий, казалось, готов был провалиться сквозь землю, лишь бы избежать этого взгляда.

— Луиза, может, вы нам сыграете? — поспешил спасти давнего друга Уоррингтон, кивая на недавно привезённое из Нового Орлеана фортепиано. Вообще-то инструмент предназначался Виктории Бишоп, но Луиза решила оставить его пока у себя, с тоской вспоминая дочку Франчески и саму подругу, от которой до сих пор так и не было никаких вестей.

Присев за инструмент, она открыла ноты и замерла над клавишами, готовясь погрузиться в волшебный мир музыки, и даже взяла первые аккорды, когда на пороге возник слуга, едва успевший объявить маркиза де Шабри. Промокший и продрогший, он являл образец жизнерадостности. Картинно замерев на пороге, маркиз снял шляпу и эффектно осмотрел присутствующих.

— Погода сегодня не располагает к прогулкам. — Он улыбнулся, стремительно пройдя внутрь и склонившись над рукой Луизы. — А я так хотел пригласить вас испытать мою новую коляску!

— Вы купили коляску, Шабри? — Луиза, не скрывая, радостно улыбалась неожиданному гостю.

— И решили испытать её именно сейчас? — прищурился Уоррингтон.

— Что поделать, другого времени может и не быть, — легкомысленно пожал плечами де Шабри и поклонился миссис Пинс, чопорно кивнувшей маркизу.

— Думаю, что разделю общее мнение, пригласив вас остаться у нас на ночь. — Луиза бросила быстрый взгляд на Томаса, и тот едва заметно кивнул, вызвав лёгкий вздох облегчения. За окном гроыхнуло, и маркиз посмотрел на улицу, в глазах его мелькнули тревожные огоньки.

— Вы боитесь грозы, Шабри? — хитро улыбнулась Луиза, проследив за его взглядом. Но он уже непринужденно улыбнулся и, наклонившись к ней и сделав большие глаза, трагично проговорил:

— Невероятно, леди Грейсток! С детства!

— Не волнуйтесь, «Магдалена» выдержит любую бурю. Правда, мистер Уоррингтон? — Луиза кокетливо склонила голову на бок.

— Истинная правда, Луиза. — Томас мягко улыбнулся. — Пройдем в кабинет? До ужина есть время поговорить. Вы с вещами? — Удивлённый вопрос Уоррингтона прозвучал уже в холле.

Буря усиливалась, обрушиваясь на поместье снова и снова, но обитатели «Магдалены», казалось, и вовсе её не замечали.

— Помните ту ужасную бурю в лесу, мистер Уоррингтон? — весело спросила Луиза, отрезая кусочек телятины и отправляя его в рот.

— О да, в той хижине она чувствовалась гораздо сильнее, чем здесь, — улыбнулся воспоминаниям Томас.

Очередной раскат грома заставил сидящих за столом одновременно пригнуться от неожиданности, втягивая голову в плечи. Едва всё стихло, как они обменялись весёлыми взглядами- испугаться, пусть и на время, успели все. Дверь в гостиную распахнулась, пропуская вперёд промокшую фигуру. Луиза первая опомнилась от удивления, поднимаясь.

— Франческа! Бог мой, как же вы здесь!..

Двадцать шестая глава

— Франческа?.. — Луиза поспешила из-за стола, подбегая к подруге. — Как вы здесь?..

Что случилось?

— О, сущие пустяки, моя дорогая, — небрежно взмахнула рукой леди Бишоп. — Я приношу извинения за то, что испортила вам ужин.

— Ну что вы, какие тут могут быть разговоры! — Луиза взяла Франческу под руку, выводя из столовой. — Вы продрогли, вам надо срочно переодеться. А после вы обязательно расскажете мне, что произошло.

Спустя полчаса Франческа, переодетая в сухое платье, держа в руках чашку горячего бульона, неспешно рассказывала о том, что с ней приключилось.

— Я выехала из поместья ещё днём. Тогда, как вы помните, дождь едва срывался. Ничто не предвещало бурю. Ах, боже мой, живу здесь всю жизнь, а до сих пор так и не научилась предсказывать погоду! — Франческа легко улыбнулась и осторожно сделала маленький глоток бульона. — Неприятности начали преследовать меня почти сразу, стоило покинуть «Тризон». Надо было вернуться. Иногда упрямство играет со мной дурную шутку.

Франческа бросила быстрый взгляд на маркиза, что не укрылось от Луизы. Тот лишь ободряюще кивнул ей, будто в ответ на невысказанный вопрос.

— В дороге мы два раза застряли. И один раз пришлось остановиться и помочь завалившейся коляске. К нам приехали новые соседи! Я успела познакомиться с приятным молодым человеком. Его жена приедет чуть позже. Забыла его фамилию. — Франческа равнодушно махнула рукой. — Буря застала меня, когда я ехала уже по вашим плантациям, Уоррингтон. Пришлось сворачивать в «Магдалену», дальше уже не проехать.

— Так куда же вы направлялись? — спросила Луиза, разглядывая Франческу. Внешне она совсем не напоминала ту напуганную болезненного вида женщину, которую она видела несколько месяцев назад.

— В Новый Орлеан, конечно, — откликнулась Франческа, снова бросая взгляд на Шабри. — Я хотела узнать, когда уходит очередной корабль в Европу. И взять билеты. Я ведь говорила вам, что езжу к сыну два раза в год.

— Да, но до Рождества ещё полно времени, — растерянно проговорила Луиза. — И я надеялась, вы задержитесь на нашу свадьбу...

— Свадьбу? — Франческа выглядела удивлённой.

— Вы разве не знали? — пришла очередь удивиться Луизе.

— Н-нет, лорд Бишоп не говорил мне, — пробормотала Франческа, опуская голову.

— Я присылала вам несколько писем, — не сдавалась Луиза, пристально разглядывая подругу.

— Думаю, они попросту где-то затерялись, — вымученно улыбнулась Франческа, поднимая глаза. — Я долго болела. Сначала я, потом Виктория... Лорду Бишопу наверняка было не до писем. А потом о них и не вспомнили.

Луизу неприятно поразило равнодушие, с которым Франческа говорила о письмах. А она-то переживала за неё! Хотя, возможно, это она придаёт им так много значения, а Франческа и впрямь была тяжело больна, и все в доме были поглощены тем, чтобы помочь ей выздороветь... Придя к таким мыслям, Луиза улыбнулась, осторожно сжав руку подруги.

— Я рада, что вам лучше. Мне вас не хватало.

— Мне тоже вас не хватало, — тихо произнесла Франческа. И добавила ещё тише:— Вас всех.

***

Гости уже разошлись по отведённым для них комнатам, а Луиза всё никак не могла заставить себя лечь. Буря усилилась, обрушивая на поместье потоки дождя. Вода шумела по водосточным трубам, деревья стонали, угрожающе треща. Поняв, что просто не может сидеть за закрытыми ставнями в своей комнате, Луиза закуталась в шаль и спустилась вниз.

Дом, погружённый в темноту, спал. Лишь из-под дверей кабинета на пол легла тонкая полоска света. Луиза нахмурилась— мистер Уоррингтон тоже не спит. Он вообще ложится в постель? «Ложится», — тут же подсказала услужливая память, и Луиза чуть не выронила подсвечник, резко остановившись. А что если у него сейчас Таонга? Или какая-нибудь другая служанка, мало их что ли в поместье? Глубоко вздохнув, Луиза нахмурилась: личная жизнь мистера Уоррингтона касается её ровно настолько, насколько она касается лично её. Остальное— не её дело. Распрямив плечи, Луиза решительно прошла мимо кабинета в библиотеку.

Библиотека «Магдалены», конечно, не шла ни в какое сравнение с обширной библиотекой Грейстоков в фамильном имении. Здесь едва ли набралось бы три сотни книг, и Луиза давно их изучила, с разочарованием заметив, что прочитала практически всё, что здесь есть. Но сон упорно не шёл, и надо было себя чем-то занять, посему, решительно подняв свечу, Луиза принялась обходить полки в поисках чего-нибудь интересного для того, чтобы скоротать ночь.

Объемный фолиант в красном бархате, тиснённый золотом, привлёк внимание сразу, заставляя недоуменно прищуриться. Эту книгу Луиза раньше здесь не видела. Поставив свечу на столик, она двумя руками осторожно потянула на себя книгу, которая оказалась невероятно тяжелой. Опустившись в кресло, она прошла по золотым буквам кончиками пальцев, обводя их. Сверху шла удивительная вязь, не похожая ни на один знакомый Луизе язык. Ниже на английском было написано: «Сказки Тысяча и Одной Ночи».

Сказки. Луиза разочарованно хмыкнула. Ей хотелось почитать что-нибудь о героях и приключениях, если повезёт, то о любви. Но сказки... Однако любопытство пересилило, ведь представить мистера Уоррингтона горячим поклонником сказок получалось с трудом. Поэтому она открыла первую страницу и погрузилась в чтение.

Душный Восток опустился на её плечи, дурманя ароматами благовоний и оглушая криками погонщиков верблюдов. Никогда ещё Луиза не читала ничего подобного, чего-то чуждого, из совершенно другого мира. Шейхи, гаремы, наложницы, благородные разбойники и джинны...

Прикусив губу, она читала, полностью погрузившись в книгу, переживая за принцессу, что вот-вот отдадут замуж подлому визирю, когда в комнату, привлеченный горящим в ней светом, вошёл Уоррингтон. Остановившись, он облокотился на дверной косяк, невольно залюбовавшись.

Освещённая бледным и неровным светом одинокой свечи, Луиза сидела в глубоком кресле, подобрав ноги, и слегка хмурилась, кусая нижнюю губу. От неё веяло таким теплом и уютом, что у Томаса невольно перехватило дыхание. Он поймал себя на мысли, что хотел бы просто сидеть рядом и слушать, как она читает сказки. Слушать её голос, ловить интонацию, наблюдая, как она переживает за героев. Он всегда завидовал детям из приюта, которые попали к ним из семей. Они рассказывали о том, как мама читала им на ночь

сказки, а ему всегда казалось глупым: зачем слушать, как читают другие, когда можно слушать голос в своей голове, читающий книгу? А теперь, глядя на Луизу, он вдруг отчётливо понял, что хотел бы слушать её. Просто слушать, не вдумываясь в смысл. Прикрыть глаза и наслаждаться покоем, которого ему всегда так не хватало...

Он громко вздохнул, и Луиза, вздрогнув от неожиданности, подняла на него глаза.

— Давно вы здесь? — шепотом спросила она.

— Достаточно, чтобы понять, что книга вам нравится, — тихо проговорил Томас, не желая разрушать хрупкую интимность момента.

— Я не видела её раньше. — В голосе Луизы зазвучали обвиняющие нотки. Она вздёрнула подбородок, встречаясь взглядом с глазами Томаса, отражавшими огонёк свечи.

— Она была в моей комнате, — так же тихо сказал Томас, подходя ближе и кладя одну руку на спинку кресла. — «Тысяча и Одна Ночь». Я выиграл её в карты в Мадриде. Она оказалась ценным приобретением.

Луиза невольно вжалась в спинку кресла, не в силах отвести взгляд от Томаса. Он нависал над ней, не сводя глаз с книги. Луиза тихонько втянула воздух, чувствуя лёгкий аромат табака и терпкого одеколона, внезапно представив себя одной из героинь прочитанных только что сказок. Робкой наложницей перед султаном. Истории, чувственные, приторно-сладкие, как восточные сладости, дурманили голову, прогоняя последние разумные мысли. Как же ей хотелось, чтобы он сейчас её поцеловал! Луиза неосознанно приоткрыла губы, глядя на Томаса, склонившегося над книгой в нескольких дюймах от неё.

— Какую сказку вы читаете сейчас? — выдохнул Томас, скользя глазами по строчкам.

— Аладдин, — еле слышно ответила Луиза, чувствуя непреодолимое желание коснуться его щеки губами. Почувствовать вкус его кожи.

— Мне всегда нравилась эта сказка больше всех. — Томас медленно повернулся к Луизе, встречаясь с ней взглядом. Сердце Луизы стучало где-то в горле, мешая дышать. Она ещё шире распахнула глаза, в которых плескалось так много мольбы и ожидания, что Томас не смог сдержать слабой улыбки.

подавшись вперёд, он невесомо коснулся её губ, и Луиза замерла, боясь пошевелиться. Не встретив сопротивления, Томас принялся покрывать мелкими поцелуями её губы, поочередно целуя то одну, то другую, слегка втягивая их, мягко сминая своими губами. Вспомнив, как дышать, Луиза осторожно подалась вперёд, робко отвечая, возвращая его поцелуи и прикрывая глаза, полностью погружаясь в новые невероятные ощущения.

Почувствовав, что Луиза ему отвечает, Томас коснулся её щеки, скользнув по скуле кончиками пальцев, ныряя к затылку, путаясь в мягких волосах, собранных в пучок. Луиза вздрогнула, почувствовав чужой язык, но с готовностью открыла рот, позволяя ему скользнуть внутрь. Поцелуи стали глубже, язык Томаса порхал по её губам, встречаясь с её языком; Луиза чувствовала, как внутри, в животе раскрывается что-то огромное и невероятное, что-то, что скользнуло вниз, пробежало по ногам, лишая способности двигаться. Она чувствовала, что готова провести так всю жизнь — целуясь с ним, подаваясь вперёд, желая слиться с ним в одно целое.

Раскат грома, казалось, сотрясший весь дом от основания до крыши, заставил их вздрогнуть, останавливаясь. Томас резко отпрянул, тяжело дыша. Луиза смотрела на него затуманенными страстью глазами, хватая воздух широко раскрытым ртом. Несколько раз глубоко вздохнув, Томас сделал слабую попытку улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

— Я забылся, Луиза. Даже не знаю, как я смогу заглядеть свою вину перед вами.

— М-мы ведь помолвлены, — голос Луизы дрожал. Грудь ныла, мечтая о его прикосновениях, а внизу живота пылал неведомый доселе пожар. — Н-нет ничего предосудительного в том, что мы с вами поцеловались...

— Не думаю, что наши, м-м, ласки должны быть столь откровенны. — Луиза покраснела и поспешила закутаться в шаль, подтягивая ткань и возвращая её на место. Томас проследил за её руками взглядом и отвернулся, коротко выдохнув.

— Я шокировала вас, мистер Уоррингтон? — отчаянно прошептала Луиза, пряча глаза.

— Скорее, я шокировал сам себя, — еле слышно ответил Томас. Повернувшись, он ласково улыбнулся Луизе, вся поза которой сейчас выражала отчаяние. Осторожно коснувшись её подбородка двумя пальцами, он заставил её поднять голову и посмотреть на него. — Вы прекрасны, Луиза. Помните об этом.

— Вы не сердитесь? — с надеждой спросила она.

— Нет. — Он улыбнулся. Провел большим пальцем по припухшим от поцелуев губам. — Но до свадьбы нам лучше не позволять себе подобного.

— Совсем? — в голосе Луизы слышалось острое разочарование.

— Совсем, — кивнул он. — Я уже говорил вам, что я не джентльмен? Давайте не будем давать повод слухам, ходящим вокруг нас, подтвердиться. А теперь позвольте сказать, что время уже позднее.

Луиза кивнула, пряча разочарование в глазах. Закрыла книгу, всё это время лежавшую на коленях, и, отложив её на столик, поднялась.

— Вы идёте? — Она обернулась в дверях, придерживая одной рукой сползающую с плеч шаль, а другой держа подсвечник.

— Я останусь ненадолго, — кивнул Томас и проводил взглядом закрывшуюся за Луизой дверь.

В кабинете повисла тишина, прерываемая лишь звуком дождя, бьющего по стеклу. Некоторое время Томас продолжал сверлить глазами дверь, за которой скрылась Луиза, не двигаясь и, кажется, даже не дыша. Наконец он ожил, тяжело вздохнул и устало покачал головой, запуская руки в волосы. Что только что с ним произошло? Он едва не потерял контроль из-за прелестей леди Грейсток? Или сказывалось отсутствие женщины? Томас криво усмехнулся и прошёл по библиотеке, подходя к окну. Молния осветила его лицо, придавая ему мертвенный оттенок. Томас закрыл глаза, слушая раскаты грома, и снова вздохнул. Не надо было её целовать. Симпатия к Луизе была сейчас так некстати...

Луиза не помнила, как дошла до своей комнаты и упала на кровать, прижимая ладони к горящим губам. Кровь до сих пор гудела в ушах, пульсируя в животе тугим клубком. Он её поцеловал. Луиза улыбнулась, сворачиваясь в клубок, касаясь кончиками пальцев пылающих губ. Лицо Томаса всё ещё стояло перед глазами так явственно, что не надо было даже представлять. Счастливая улыбка осталась блуждать на её лице, когда Луиза погрузилась в сладкий сон, полный неясных, волнующих образов.

***

К утру дождь превратился в обычный затяжной ливень, буря ушла к морю. Собравшиеся за столом жители «Магдалены» были слишком погружены в собственные мысли, чтобы пытаться поддерживать хотя бы видимость вежливого разговора. Франческа с энтузиазмом расправлялась с окороком, щедро поливая его клюквенным соусом. Де Шабри, задумчиво покусывая щёку, бросал короткие взгляды на леди Бишоп, ловя крохотные картофелины в тарелке. Луиза не сводила глаз с яичницы с беконом, кроша хлеб в руках, а Томас рассеянно

кромсал свой кусок мяса, не спеша отправляя его в рот. Лишь Свенсон и миссис Пинс неспешно и с достоинством завтракали, не торопясь прерывать молчание. Слуги бесшумно скользили за спинами, ожидая любых приказов.

Громкий стук в дверь заставил всех одновременно повернуть головы.

— Лорд Бишоп просит принять его, — склонился на пороге слуга, глядя на мистера Уоррингтона. Тот сухо кивнул, поднимаясь:

— Проводи его в кабинет.

Луиза встревоженно посмотрела на Франческу, но та продолжила есть как ни в чём не бывало, ни один мускул не дрогнул на её лице. Де Шабри нахмурился, покачав головой.

— Франческа, что происходит? — решила наконец Луиза, которой порядком надоело играть в гляделки и строить невнятные догадки. — Простите, что я лезу не в своё дело, но мне кажется, здесь все в курсе, кроме меня.

Миссис Пинс как раз склонилась к мистеру Свенсону, обсуждая варенье, которое только что поставили перед ними. Оглянувшись на них, Франческа пожала плечами, виновато улыбнувшись.

— Простите, Луиза, если развею все интриги. Не понимаю, о чём вы.

— Вы прекрасно меня понимаете! — повысила голос Луиза, но тут же покосилась на миссис Пинс и повторила тише: — Вы прекрасно меня понимаете, Франческа. И вы, и маркиз И даже мистер Уоррингтон! Что происходит? Говорите прямо: вы ушли от мужа?

— Луиза! — охнула Франческа, явно не ожидавшая подобных выводов.

— А что я по-вашему должна думать? — громко прошептала Луиза, не переставая коситься в сторону компаньонки. Но та, похоже, была слишком поглощена обсуждением преимуществ абрикосов перед персиками и мало интересовалась происходящим. — В последний раз я видела вас бледную, со следами синяков на руках, после вы продолжительное время болели, а теперь вдруг появляетесь среди ночи и говорите, что вам срочно нужно в Новый Орлеан. В довершение ко всему вслед за вами здесь появляется лорд Бишоп. Может, я и наивная дуручка, Франческа, но я умею сложить два и два! — Луиза обиженно замолчала, откинувшись на спинку стула.

Леди Бишоп не спешила отвечать, нервно комкая в руках салфетку. Маркиз, прищурившись, переводил взгляд с неё на Луизу и обратно, покручивая в руках десертный ножик. Наконец он отложил его в сторону и, сцепив руки в замок, подался вперёд, проникновенно глядя на Франческу.

— Быть может, стоит ей довериться, дорогая?

Франческа и Луиза вздрогнули одновременно, воззрившись на де Шабри. Первая выныривая из своих мыслей, вторая — шокированная вольным обращением маркиза. Вымученно улыбнувшись, леди Бишоп протянула руку и слабо пожала руку де Шабри.

— Спасибо, Ники. — Затем она повернулась к Луизе: — Я должна принести извинения, Луиза, что не смогла разглядеть в вас сразу искреннего друга, заботящегося обо мне и моём благополучии. Что поделать, в свете последних событий мне повсюду чудятся враги... Я обязательно расскажу вам обо всём, моя дорогая, но не сейчас. Нет-нет, — поспешила она остановить Луизу, едва открывшую было рот, чтобы начать протестовать. — Я прошу вас. Сейчас мне надо вернуться в «Тризон». И я могу просить вас о последней услуге, которую вы выполните вслепую, не зная причин моей просьбы? Вы поможете мне, Луиза?

Потрясённая Луиза молча кивнула, стараясь не смотреть на то, как сомкнулись пальцы де Шабри на дрожащей руке Франчески.

— Я прошу вас подтвердить, что я приехала к вам. Что вы написали мне письмо, умоляя приехать и остаться на ночь. Прошу вас, Луиза. Это очень важно для меня.

— Но я... — Луиза не успела договорить, как дверь распахнулась, пропуская Томаса и лорда Бишоп.

— Приношу искренние извинения за то, что помешал завтраку. — Лорд Бишоп склонил голову в коротком поклоне. Леди Бишоп широко улыбнулась мужу, едва успев разомкнуть руки с маркизом перед тем, как открылась дверь.

— Мой дорогой, я не думала, что мой отъезд так взволнует вас! Я ведь говорила, что собираюсь навестить леди Грейсток!

— Вы не говорили, когда, леди Бишоп, — тонко улыбнулся лорд Бишоп, скользнув по Луизе ледяным взглядом. — Я не думал, что в это время здесь будет гостить и маркиз.

— О, всё получилось так внезапно! — смеясь, воскликнула Луиза, поднимаясь из-за стола и протягивая руку лорду Бишопу. Тот вынужден был склониться над ней, давая возможность Луизе попросить глазами мистера Уоррингтона подыграть ей. — С Франческой мы договорились ещё пару недель назад, а вот маркиз, — и тут Луиза шутливо ткнула его плечо пальчиком, — прибыл ночью, когда мы уже легли спать. Я сама удивилась, застав его за столом.

— Это правда? — прищурившись, посмотрел на Уоррингтона Бишоп.

— Я ведь сразу вам сказал, — пожал плечами Томас, — здесь нет никакого сговора. Буря собрала под одной крышей всех, кто был неподалёку.

— Что ж, — Франческа поднялась, грустно вздыхая, — полагаю, раз за мной приехал муж, лучше не заставлять его слушать наши женские сплетни. Я надеюсь, он позволит мне навестить вас опять в ближайшее время? — И леди Бишоп выразительно посмотрела на супруга. Тот скривился, натянуто улыбнувшись, и кивнул.

— Ловлю вас на слове! — кокетливо улыбнулась Луиза, провожая Франческу до двери. Де Шабри не пошевелился, а миссис Пинс и мистер Свенсон недоуменно смотрели на собравшихся, пытаясь понять, что происходит.

Едва до их слуха донёсся стук колёс и коляска Бишопов проехала мимо окон, де Шабри, извинившись, резко поднялся и вышел из столовой.

Двадцать седьмая глава

Маркиз покинул поместье следом за Бишопами, скупно попрощавшись с Уоррингтоном и Луизой. Мистер Свенсон тут же поймал Томаса под локоть, уводя того в кабинет и рассказывая что-то о нескольких разрушенных вчерашним ураганом домах в негритянском посёлке, которые непременно следует лично осмотреть, чтобы оценить ущерб. Тихонько вздохнув, Луиза с сожалением проводила высокую фигуру мистера Уоррингтона взглядом и развернулась, собираясь идти в гостиную. Но тут же буквально натолкнулась на внимательный взгляд миссис Пинс.

— Лоиз, вы не хотите со мной ничем поделиться?

— Поделиться? — Луиза вздрогнула, лихорадочно пытаюсь представить, откуда компаньонка узнала о вчерашнем поцелуе.

— Леди Бишоп. Её поведение. Что здесь происходит? Мне уже пора беспокоиться?

— Если честно, я и сама не знаю, что происходит, — облегченно вздохнула Луиза, проходя в гостиную. Дождь не собирался стихать, решено было зажечь свечи и разжечь один из трёх больших каминов, чтобы разогнать сырость. Обсуждение причин, побудивших Франческу приехать среди ночи в «Магдалену», постепенно перешло к её отъезду, а после и скорой свадьбе.

— Письмо от бабушки до сих пор не пришло. — Луиза горько покачала головой, раскладывая на столе золотую ленту для бутоньерки, которую она делала. — Она не хочет благословлять наш брак. Вероятно, мне будет отказано во всех приличных домах без её поддержки. Смогу ли я ещё хоть раз увидеть Лондон?

На её глазах блеснули слёзы. Сегодняшний день был так далёк от вчерашней ночи... Луизе начинало казаться, что поцелуй с Томасом ей приснился. Она прикусила губу, стараясь не всхлипнуть. Сегодня он вовсе не обращал на неё внимания. И его равнодушие ранило больше, чем ей хотелось себе признаваться. Луиза всё утро пыталась поймать его взгляд, но натыкалась на отчуждение и равнодушие. Горько вздохнув, она потянулась за белоснежным атласным отрезом, прикладывая его к золотой ленте.

— Думаете, золото с белым будет уместно смотреться на рождественской свадьбе? Может, всё-таки лучше золотой и зелёный? — Чтобы хоть как-то отвлечь себя от грустных мыслей, Луиза решила вернуться к обсуждению свадьбы. Странно, но раньше она рассматривала её отдельно от мистера Уоррингтона. Теперь же она с определённой ясностью поняла, что за свадебным вечером последует первая брачная ночь. И если прежде напуганная деликатными рассказами миссис Пинс Луиза старалась не думать о грядущем супружеском долге, то теперь все её мысли крутились вокруг него, окрашивая щёки в нежно-розовый цвет.

— Лоиз, мы же уже всё решили, — укоризненно посмотрела поверх очков миссис Пинс. — Вы ведь сами выбрали платье после наших споров с Монсиньи.

Действительно, в свой последний приезд мадам Монсиньи так сильно настаивала на том, чтобы пригласить знакомую портниху из Нового Орлеана, тыча в одно из платьев из каталога, что Луиза не выдержала и заявила, что свадебное платье у неё, слава богу, есть и ни в чьих услугах она в ближайшее время не нуждается. После, правда, едва отговорила семейство Монсиньи посмотреть на платье немедленно, аргументируя это тем, что до свадьбы они ещё успеют насмотреться. Прекрасное творение одной из самых знаменитых

модисток Лондона, то, в котором она была представлена Его Величеству. Атлас Дюбарри цвета слоновой кости, затканый золотыми цветами, с длинным золотым шлейфом. К платью прилагались высокие бальные перчатки с крохотными золотыми пуговками. Решено было украсить волосы Луизы кремовыми розами, а в качестве украшений взять свадебный жемчуг Стефани, матери Луизы. Три нитки крупных жемчужин идеально ровной формы были привезены бароном Буршье, дедушкой Луизы, из индийских колоний.

Теперь же Луиза и миссис Пинс целыми днями занимались изготовлением украшений для бального зала и дома, делая розетки и бутоньерки из бесконечных отрезков атласа, лент и кружев.

— Могла ли я подумать, что выйду здесь замуж? — прошептала Луиза, нанизав хрустальные бусинки на нитку. — Всё моё приданое осталось дома, в Лондоне.

— Уверена, леди Грейсток всё вам перешлёт, — успокаивающе проговорила миссис Пинс, похлопав Луизу по руке. — Может, она просто не получила пока ваше письмо?

— Вы так считаете?

— Корабль мог потерпеть крушение или просто задержаться, — пожала плечами компаньонка. — Думаю, вам следует написать ещё одно письмо.

— Вы правы! — Глаза Луизы загорелись. — Я так и сделаю! Сегодня же напишу ей снова!

Уоррингтону и Свенсону пришлось задержаться в деревне, поэтому леди ужинали одни. Луиза задумчиво отламывала крохотные кусочки от торта, думая о том, что ещё несколько месяцев назад она и помыслить не могла, чтобы сесть за стол без хозяина дома. Жизнь в «Магдалене» диктовала свои условия, перекраивая правила приличия на свой лад. Отодвинув от себя тарелку, она посмотрела на миссис Пинс. Та аккуратно орудовала десертной вилочкой и ножом и, казалось, совершенно не переживала о том, что они нарушают этикет.

Хозяин «Магдалены» вернулся далеко за полночь. Луиза услышала стук копыт и голоса и спрыгнула с кровати, подбегая к окну и приоткрывая ставни. Изрядно промокшие, Свенсон и Уоррингтон даже отсюда выглядели уставшими. Луиза проследила за тем, как они отдали лошадей и скрылись в доме, и наконец спокойно легла, позволяя себе заснуть.

Последующие несколько дней мало чем отличались друг от друга. Дождь всё так же лил, Уоррингтон пропадал в поселении, Луиза и миссис Пинс шили. Иногда Луизе начинало казаться, что так будет длиться вечно. Вечный дождь, вечная тишина и горы лент и бусин на столе. Из «Тризона» в конец недели пришло письмо от Франчески, в котором та говорила, что с ней всё в порядке и она с радостью примет Луизу в поместье, когда наладится погода. Мистер Свенсон, вернувшись из Нового Орлеана, принёс печальные новости: корабль, перевозивший почту, действительно так и не достиг берегов Англии. Судьба его была до сих пор неизвестна. Луиза написала ещё одно письмо бабушке, сетуя, что теперь-то она точно не успеет к свадьбе, ведь плыть во время зимних штормов едва ли разумное решение. Пришлось смириться с тем, что на свадьбе не будет ни одного родного человека.

***

Погода изменилась за одну ночь, словно кто-то стянул облачное покрывало, открывая ясное бирюзовое небо. Адеола скептически заметила, что такая погода ненадолго и вскоре снова зарядят дожди. Но Луиза не хотела думать об этом, радуясь солнышку и появившейся возможности выйти в сад. Размокшая земля нехотя отпускала ноги, грозясь отобрать башмаки, но Луиза, подобрав полы белого муслинового платья в маргаритках, упрямо гуляла по дорожкам, сетуя про себя на то, что гравия, доставленного с побережья, не хватило на

весь сад и теперь придётся ждать весны, чтобы сделать все дорожки удобными для прогулок. В глубине сада во время бури завалилась огромная старая акация. Теперь она лежала, печально шевеля пожухшими ветвями, оплетенными космами серого мха, и преграждала путь. Тяжело вздохнув, Луиза развернулась и побрела обратно. Кажется, сегодня всё было против её прогулок. В довершение ко всему огромный комок грязи отлетел от ботинка на подол, растекаясь по нему отвратительным пятном. Остановившись на дорожке, Луиза раздражённо потрясла ногой, надеясь, что налипшие к ботинкам куски отвалятся. Не нести же эту грязь в дом! Можно, конечно, пройти через кухню, там как раз сейчас сидит Адеола. Заодно узнать у неё последние новости из соседних поместий и выпить большую чашку кофе с молоком. Воодушевленная, Луиза кивнула сама себе и направилась на задний двор.

Здесь, как всегда, царил суматоха. Бегали куры, спешили по делам слуги, в углу слышался стук топора- кто-то колот дрова. Мимо прошла чрезвычайно важная Зэмба, неся в руках охапку её выстиранных платьев. Луиза на мгновение остановилась, пытаясь привыкнуть к этому шуму и суете после тишины сада. К её удивлению, здесь почти не было грязи! Хотя чему тут удивляться: вытоптанной до каменной твердости земле дожди были нипочём. Снова посмотрев на свои ноги, она вздёрнула подбородок и поспешила к кухонным дверям, из которых доносился голос Адеолы.

— Луиза! — Голос Томаса заставил резко остановиться и удивлённо прислушаться- не показалось ли. Зов повторился, и Луиза, не веря своим ушам, повернулась, не в силах сдержать улыбку.

Томас стоял у конюшни, держа на поводу белоснежного жеребца. Тот меланхолично жевал сено, поглядывая на людей из-под длинной чёлки. Луиза подошла к жениху, глядя то на него, то на коня, не в силах решить, кто из них вызывает больший восторг. Наконец она решила и протянула руку, осторожно погладив бархатный нос.

— Он прекрасен, — прошептала она и повернулась к Томасу. — Вы куда-то собрались, мистер Уоррингтон?

— Нет. — Томас широко улыбался. — Вообще-то я собирался послать за вами. Не ожидал вас здесь увидеть.

— Послать за мной? — Луиза приподняла бровь.

— Да, понимаю, это звучит удивительно, особенно учитывая наше редкое общение... — Томас раздражённо замолчал, поняв, что несёт что-то невнятное. Глубоко вздохнув, он снова тепло улыбнулся. — Ваше седло наконец пришло.

— Седло? — Луиза покосилась на спину жеребца, но кроме уздечки на нём ничего не было.

— Я решил, что для седла вам нужна будет лошадь, — пожал плечами Уоррингтон, протягивая ей поводья. — Это мой подарок. Вам.

— Он- мой? — неверяще прошептала Луиза, принимая поводья и любуясь жеребцом.

— Его зовут Белый орёл. — Томас похлопал его по шее. — Он выносливый, сильный, но кроткий. Не понесёт, не сбросит, будет слушаться беспрекословно.

Луиза отошла в сторонку, теперь уже хозяйским взглядом окидывая подарок, отмечая крупноватые для скаковой лошади ноги, широкий круп и невысокий рост.

— Его отец- мустанг из индейских территорий, — подсказал Томас, видя её недоумение. — Я попросил друга достать мне лошадь, которой можно доверить свою невесту. И он привёл его.

— Спасибо. — Луиза обернулась и, убеждаясь, что их никто не видит, вдруг сделала

шаг, оказываясь прямо перед Томасом. — Спасибо, — снова шепнула она и, привстав на цыпочки, поцеловала его. Ей отчаянно хотелось, чтобы поцелуй походил на тот, что подарил ей Уоррингтон, но губы неумело скользили по его закрытым губам, не зная, что делать дальше. Томас не спешил помогать ей, не двигаясь, опешив от неожиданности. Луиза же, крепко зажмурившись, продолжала впиваться губами в его губы, отчаянно думая, что, если он сейчас не ответит, она сгорит со стыда прямо здесь.

Кровь шумела в ушах, заслоняя все звуки, а из глаз вот-вот готовы были политься слёзы, когда Томас наконец шевельнулся, кладя одну руку на талию, а вторую запуская в волосы и притягивая её голову к своей. Его губы раскрылись, мягко и нежно касаясь её, и Луиза сразу же ответила, чувствуя, как подкашиваются ноги. Она расслабилась, готовясь принимать его ласку, но в следующий момент её губ уже касался прохладный ветер, а сам Томас с укором смотрел на неё сверху вниз.

— Я же говорил вам, что нам не следует этого делать. — Его голос звучал приглушенно и так интимно, что у Луизы по спине пробежал холодок. Она хитро посмотрела на него, собираясь ответить, но поняла, что все слова вылетели из головы, стоило снова погрузиться в его глаза. Томас тоже молчал, просто держа её в своих объятиях, и Белый орёл, чувствуя, что его никто не держит, отошёл в сторону конюшни и, найдя травинку, неспешно начал её жевать.

— Не могу вам обещать, что больше не буду, — ответила наконец Луиза, боясь пошевелиться и выскользнуть из его рук.

— Теперь я буду наготове, — в тон ей ответил Томас, улыбнувшись одними уголками губ. Он опустил руки, отступая на шаг и кивая на коня. — Кажется, ваш подарок решил вас покинуть.

— Не так быстро, — засмеялась Луиза, отбегая к жеребцу и хватая его за поводья. — Когда же мы сможем покататься?

— В ближайшие пару дней, я полагаю. Сегодня, к сожалению, не получится. У меня ещё есть несколько нерешённых дел. — И, поклонившись, Томас быстро пошёл к дому.

Проводив его глазами, Луиза вздохнула и повернулась к Белому орлу.

— Сбежал, — сокрушенно вздохнула она, кладя голову на шею жеребца и перебирая его длинную гриву. — Интересно, после свадьбы он так же будет убегать от меня?

***

Она отвлекала. Отвлекала, внезапно заняв все его мысли, заполонив голову, разогнав то, что сейчас было самым важным и необходимым. Но с недавних пор стала важным и сама Луиза. Томас вдруг понял, что ему нравится её присутствие рядом. Нравится то, как она незаметно изменила уклад его жизни, как внесла незначительные, но такие приятные и домашние мелочи в повседневность. Ему никогда так не хотелось скорее вернуться домой, как сейчас. Зная, что его ждут не только слуги. Что стол будет накрыт, и в спальне на втором этаже обязательно будет гореть свет, даже если он вернётся поздно ночью. Она ждала его, и это наполняло душу теплом, заставляя сердце биться чуть быстрее.

А ещё он с удивлением понял, что хочет заботиться о ней. Видеть, как вспыхивают от радости глаза, как она улыбается. У неё невероятная улыбка. Прошло несколько месяцев, прежде чем он заметил, но теперь эта улыбка озаряла его дни, вызывая желание беспричинно улыбаться в ответ.

Её неумелая попытка поцеловать его сегодня заставила сердце сжаться от всепоглощающей нежности. Луиза была столь трогательна в своём желании понравиться,

что Томасу в тот момент хотелось только одного — прижать её к себе, обнять крепко и никогда не выпускать. Его невеста. Он до сих пор не верил в то, что это действительно произойдёт. Но Луиза, казалось, не испытывала и тени сомнений, а потому на будущей неделе следует поехать в Батон Руж и посмотреть обручальное кольцо. Томас задумчиво улыбнулся, делая маленький глоток виски, — он вдруг представил её в белом, стоящую у алтаря и доверчиво протягивающую ему свою руку.

Лёгкий стук в окно с трудом отвлек от непривычных, но чрезвычайно приятных мыслей. Томас отставил в сторону стакан и поднялся с кресла, подходя к плотно закрытым створкам. Стук был ему знаком, а потому он спокойно распахнул окно, позволяя темной фигуре ловко вскочить на подоконник и спрыгнуть с него, проходя внутрь. Щелкнул замок, отсекая Томаса и его ночного визитёра от внешнего мира.

Кабинет, озаряемый двумя свечами, тонул во мраке. Лишь стол, освещенный и, как обычно, идеально чистый, отражал два мерцающих огонька. Томас подошёл к графину и, плеснув в стакан воды, протянул его своему гостю. Гудэхи никогда не употреблял алкоголь, неодобрительно глядя на своих соплеменников, с удовольствием прикладываящихся к «огненной воде». Пока индеец утолял жажду, Томас добавил виски в свой стакан и расположился в кресле напротив, отбивая нетерпеливую дробь по колену. Едва ли кто смог бы узнать в нём сейчас того задумчивого мечтателя, которым он был несколько минут назад. Томас был собран и деловит, готовясь услышать любые новости, хорошие или плохие.

— Его видели в Луизиане. — Допив воду, Гудэхи осторожно поставил стакан на стол и внимательно посмотрел на Томаса. Тот невозмутимо продолжал смотреть, ожидая продолжения.

— Я выследил его через шесть дней после того, как ты уехал. Поначалу он пытался прятаться, но, попав в твой штат, снова повёл себя как богатый бывший раб. Сейчас он в Орлеане. Когда я собирался сюда, он покупал билет до Вашингтона. Его корабль отходит сегодня ночью.

— Значит, Кинг уже в Вашингтоне, — задумчиво протянул Томас, отставляя стакан и откидываясь в кресле. — Быстро. Слишком быстро.

— Не думаю, что он тебя нашёл. — Гудэхи серьёзно посмотрел на Уоррингтона. — Я слышал, как он говорил с напарником, который ждал его в салуне. Сказал, что поедет за дальнейшими указаниями. Что пока поиски ничего не принесли.

— Не знаю, — протянул Томас, всё ещё погружённый в свои мысли. — Не знаю. Хочется верить, что это так. Что у нас есть ещё время. Но с Кингом ни в чём нельзя быть уверенным.

— Он встрепенулся, тепло посмотрев на индейца. — Спасибо тебе. Я не знаю, как благодарить тебя. Ты ушёл так далеко от дома, выслеживая моего врага...

— Я не мог доверить это дело другим, — довольно улыбнулся индеец.

— Я всегда точно знаю, что могу на тебя положиться, — широко улыбнулся Томас. — Я позову слугу, пусть приготовит тебе комнату.

— Ты думаешь, я захочу спать на твоих подушках? — фыркнул Гудэхи, поднимаясь. — Я заночую в конюшне, там удобнее. А утром вернусь в Орлеан, узнаю, уехал ли твой Саиб.

— Я действительно не знаю, как тебя благодарить. — Томас поднялся следом, протягивая руку индейцу и сжимая его предплечье.

— Я делаю это не потому, что должен тебе, — серьёзно ответил Гудэхи, глядя на Томаса непроницаемыми чёрными глазами. — А потому, что ты — мой друг.

Луизе не спалось. В последнее время она совершенно потеряла сон, беспокойно ворочаясь в кровати, прислушиваясь к ночным звукам. Надо попросить у Адеолы успокаивающий травяной чай, потому что иначе к свадьбе от неё ничего не останется. Она знала, где именно экономка хранит липу и мяту, а тёплая вода ещё наверняка осталась в чайнике, ведь они легли меньше часа назад. Решив не мучиться и не страдать понапрасну, Луиза накинула кремовый халат из мягкого хлопка, взяла свечу и отправилась на кухню.

Когда-то ночной дом пугал её, из-за каждого угла мерещились тени, а за окнами блестели глаза. Теперь же Луиза ходила по «Магдалене» без дрожи, спокойно и уверенно, как и следовало хозяйке поместья. Высоко подняв свечу над головой, она спустилась в холл и, бросив быстрый взгляд на кабинет Томаса, не смогла сдержать раздражённый вздох- он опять не спит. Что можно делать целыми ночами?! Неужели работать?! Пройдя мимо, Луиза свернула через столовую к кухне, распахивая дверь и проходя внутрь.

Здесь было тепло и пахло домашней колбасой. Накануне забили двух коров, и весь день кухарка и две служанки перемалывали мясо, делая небольшие аппетитные колбаски. Часть их отправили в коптильню, а часть- в ледник, к оставшемуся мясу. Луиза с удовольствием выслушала отчёт Адеолы о проделанной работе вечером, после ужина, наполняясь непередаваемым чувством гордости за то, что слуги уже приняли её, невзирая на то что до свадьбы оставалось полтора месяца, и обращались к ней как к хозяйке.

Угли в печке слабо тлели в темноте, рядом с плитой стояла огромная кастрюля с тестом. Луиза достала кружку, травы и потянулась за чайником, осторожно снимая его с плиты и пробуя рукой. Горячий. Наполнив кружку, она вернула чайник на место и только собралась взять кружку и свечу, как шорох за спиной заставил испуганно вздрогнуть, резко поворачиваясь. Прямо из темноты на неё смотрели страшные круглые глаза. В длинных чёрных волосах пришельца блестели бусины, за спиной шевелились огромные перья. Несколько секунд Луиза молча смотрела на него, хватая раскрытым ртом воздух, а потом с тихим вздохом осела на пол.

Гудэхи подошёл к девушке и поднёс палец к её губам, ловя слабое дыхание. Усмехнувшись, он развернулся и поспешил в кабинет. Следовало сказать Томасу, что его невеста лежит без чувств на кухне.

Двадцать восьмая глава

Луизе снился Томас. Он нежно целовал её, шепча что-то чрезвычайно романтическое на ушко, а она таяла в его объятиях, подставляя шею под его жаркие губы. Сон был таким реальным и таким сладким, что Луиза проснулась с широкой улыбкой на лице, обнимая подушку. И тут же резко села, пытаясь вспомнить, что случилось вчера на кухне. Она с ужасом вспомнила жуткую фигуру, поджидавшую её на кухне. А после... После была темнота. Ей казалось, что её несут на руках, и было так спокойно и уютно, что Луиза с готовностью погрузилась в сон, сквозь дрему чувствуя, как её укрывают чьи-то заботливые руки. Счастливо вздохнув, Луиза упала на подушку — её принёс сюда Томас, в этом не было никаких сомнений. Сегодня утром она впервые пожалела о том, что до свадьбы ещё так долго!

— Луиза, какие у вас планы на сегодняшний день? — поинтересовался Томас за завтраком, глядя невесту поверх большого букета гортензий и флоксов.

— О, мы продолжим делать украшения к свадьбе, — вздохнула Луиза, думая, что уже сделанных гирлянд и розеток хватит ей на всю оставшуюся жизнь, если украшать дом на каждый праздник.

— Быть может, миссис Пинс отпустит вас на небольшую прогулку? — Томас склонил голову, выжидающе глядя на компаньонку. Та приподняла тонкую бровь и смерила Уоррингтона внимательным взглядом, будто пыталась прочесть все его мысли. Видимо, не найдя там ничего предосудительного, миссис Пинс величественно кивнула, будто королева, дающая дозволение своему вассалу, и вернулась к завтраку.

— Отлично, — довольно улыбнулся Томас, и Луиза в очередной раз почувствовала, как замирает сердце при виде его широкой улыбки. — В таком случае, я буду ждать вас в конюшнях после завтрака.

— В конюшнях? — воскликнула Луиза, недоверчиво глядя на жениха.

— А разве вы не хотите наконец испытать свой подарок, Луиза? — пришло время удивиться Уоррингтону. — Или Белый Орёл уже не кажется вам привлекательным?

— Нет-нет, просто я так долго не сидела в седле, что боюсь, как бы не разучилась, — сокрушенно вздохнула Луиза, бросая кокетливый взгляд из полуопущенных ресниц.

— Уверен, вы быстро всё вспомните, — хмыкнул Томас, проигнорировав её попытку пофлиртовать, и поднялся из-за стола. — Вам хватит часа, чтобы собраться?

— Конечно! — Луиза лихорадочно пыталась вспомнить, где лежат её амазонки, и какую из них дать Зэмбе погладить.

Спустя полтора часа она уже спускалась по лестнице, перекинув юбку амазонки горчичного цвета через руку. В другой руке она держала короткие коричневые перчатки с раструбами, постукивая ими по перилам. Высокие сапоги то и дело мелькали в разрезе юбки, пуговицы на которой были застёгнуты до середины, открывая нижнее батистовое платье приятного голубого цвета. Казакин, плотно облегающий затянутую корсетом талию, в отличие от юбки был застёгнут на все пуговицы, а шею скрывал тончайший газовый платок, голубой, как и нижнее платье. Шляпка, кокетливо приколотая к косам, была скорее милым украшением, нежели могла защитить от солнца.

Томас уже давно ждал её, прохаживаясь у входа в конюшню и раздражённо поигрывая со стеклом. Увидев Луизу, он улыбнулся, тщательно скрывая недовольство, и смерил её

оценивающим взглядом, от которого Луиза покраснела и нервно поправила платок на шее.

— Простите, я задержалась. — Она верно истолковала искры раздражения, плещущиеся в стальных глазах Томаса.

— Думаю, мне придётся к этому привыкнуть, — вздохнул Томас, отворачиваясь к своей лошади.

— Право слово, мне ужасно неловко, — умоляюще начала Луиза, подходя к жениху и кладя ладонь на его спину. — Впредь я постараюсь тщательнее рассчитывать своё время.

— Очень на это надеюсь. — Голос Уоррингтона звучал сухо и безжизненно, рука неспешно гладила мощную шею жеребца, пропуская сквозь пальцы густую гриву.

— Простите, — покаянно прошептала Луиза, расстроенная сверх меры, чувствуя, как радужное настроение, с которым она выходила из дома, медленно сходит на нет.

— Полно, Луиза! — Томас повернулся, чувствуя, что переиграл. Осторожно приподняв подбородок невесты, он внимательно посмотрел в полные слёз зелёные глаза и ласково улыбнулся. — Я готов ждать вас столько, сколько потребуется. Вы достойны того, чтобы вас ждали вечно.

Он прошептал это тихо, на выдохе, и Луиза замерла, чувствуя, как от его горячих пальцев от подбородка разбегаются тёплые волны.

— Вы и впрямь не злитесь на меня, — шепнула Луиза, замирая от предвкушения. Она смотрела на желанные губы, бывшие в такой сладкой близости от её, и буквально молила про себя о том, чтобы почувствовать их вкус.

— Нет, — шепнул Томас, с сожалением отпуская её подбородок и делая шаг назад. Сейчас он как никогда желал, чтобы свадьба была как можно раньше.

Лошади неспешно ступали по тропинке, а всадники отодвигали тонкие космы мха, спускающиеся с ветвей уксусных деревьев. Ветер доносил слабый запах воды и тления от болот. Изредка можно было услышать тяжёлый всплеск — очередной аллигатор соскальзывал с берега, скрываясь в ярко-зелёной ряске. Говорить не хотелось. Луиза просто наслаждалась каждой минутой, проведённой вне дома в обществе мистера Уоррингтона. Окружающая природа волновала её прискорбно мало, а звуки леса, напротив, заставляли вздрагивать, вызывая не слишком приятные воспоминания. Зато широкая спина Томаса, неспешно ехавшего впереди, притягивала к себе взгляд, заставляя строить смелые предположения о том, как пройдёт их первая брачная ночь.

Незаметно для себя, эта тема стала главной и заняла все мысли Луизы, заставляя то и дело краснеть, пытаясь представить, как и что будет происходить между ними, едва закроется дверь спальни. Знаний на этот счёт было катастрофически мало, а спросить, как оказалось, было не у кого. Миссис Пинс дала исчерпывающий ответ, основываясь на собственном опыте, но Луиза уже поняла, что ответ её был слишком субъективным. Быть может, стоит спросить у Адеолы?

Ободрённая этой идеей, Луиза снова перевела взгляд на Томаса, вспоминая их прошлое путешествие через лес. Тогда всё казалось проще, они ещё не были женихом и невестой, и это напряжение, охватывающее её в его обществе, не давало о себе знать. Луиза мысленно перенеслась в то утро, когда она увидела его полуобнажённым, купающимся в реке. Щёки пунцово вспыхнули, память угодливо подсунула картинку его мускулистого торса, и спины, покрытой белой сеткой шрамов...

Луиза нахмурилась. Откуда они взялись? Сможет ли она расспросить его со временем? Или он не пожелает делиться этим ни с кем, даже с женой? Что она вообще знает о своём

женихе кроме его приютского прошлого и того, что он некоторое время работал на убийцу её отца? Луиза досадливо прикусила губу — за собственными переживаниями она успела позабыть о страшном происшествии, что привело её в «Магдалену» и свело с мистером Уоррингтоном. Хороша же дочь, нечего сказать! Но и мистер Уоррингтон не спешит делиться с ней своими догадками.

Расправив плечи, Луиза осторожно тронула бока своего коня, пуская его вперёд и догоняя Уоррингтона, возвышавшегося над ней на своём огромном жеребце. Казалось, он всегда и во всём будет выше и сильнее, и Луиза вдруг подумала, что ей нравится это чувство защищённости рядом с женихом.

— Мистер Уоррингтон, вы позволите задать вам вопрос? — набралась смелости Луиза.

Томас, удивлённый её осторожным тоном, кивнул, и Луиза, глубоко вздохнув, выпалила:

— Расскажите мне о Кинге. Я совсем ничего о нём не знаю, кроме нескольких слов в письмах отца. Какой он был? Как вы с ним познакомились?

Едва с губ Луизы сорвалось имя Кинга, как Томас крепко стиснул челюсть и отвернулся, глядя прямо перед собой. Нет, он знал, что Луиза в конце концов вспомнит о нём, а вспомнив, начнёт задавать вопросы. Но, даже будучи готовым к этому, он не знал, что и как ей сказать. Хотя полуправда в любом случае лучше лжи, а правды она никогда не узнает.

— Простите, я видимо сказала что-то не то, — тихо произнесла Луиза, и уже приготовилась было придержать коня, пропуская Уоррингтона вновь вперёд, но он вдруг заговорил, по-прежнему не глядя в её сторону.

— После приюта я оказался на улице. Мальчишка тринадцати лет от роду, не умевший ничего, кроме как прятаться и воровать еду у сестёр. Нас выбрасывали на улицу, забывая, стоило переступить порог приюта, и большинство умирало в первый же год от голода, или же от дубинок жандармов. Я до сих пор не знаю, кого мне благодарить за тот день: пресвятую Магдалену, или же дьявола, но я уже собирался проститься с жизнью, когда меня заметил Кинг.

Он замолчал, вспоминая солнечное марсельское утро, солёный бриз на губах и слёзы отчаяния, которые он с трудом пытался сдержать, упрямо стискивая зубы.

— Вы когда-нибудь слышали про галеры, Луиза? Есть безумцы, что идут на них от отчаяния, нанимаясь, чтобы заработать. Но основную часть гребцов составляют заключенные. И не все они убийцы и воры. Я был там.

— Вы?.. О, Господи! — Луиза в потрясении уставилась на Томаса, не в силах вымолвить ни слова.

— Не так долго, всего месяц, но мне хватило, — невесело усмехнулся Уоррингтон, наблюдая за реакцией невесты. — Меня поймали на краже. О, нет, не делайте такие глаза, я не был благородным вором, и воровал не еду. Это были золотые часы и кошелёк одного богатого негоцианта, которых так много в порту. Он поймал меня за руку и отвел в жандармерию. Там церемониться не стали — тюрьмы переполнены, а императорским галерам вечно не хватает гребцов.

— Но ведь вы были так малы, — нашла в себе силы сказать хоть что-то Луиза. У неё в голове не укладывалось, как можно быть таким жестоким к ребёнку?

— Простите, Луиза, но вы знаете что-нибудь о работных домах? — вдруг спросил Томас, резко поворачиваясь к невесте.

— Не много, — нахмурившись, ответила она. — Слышала, что там помогают детям,

которые попали в беду, дают им работу и кров. А что?

— Дети работают в них с пяти лет. Вы считаете, это правильно?

— К чему вы клоните? — спросила Луиза, пытаясь понять, в чём подвох. Собственно говоря, о работных домах она сама не раз говорила с папой, и тот всегда соглашался, что это истинный акт милосердия по отношению к бедным сироткам.

— Странно считать тринадцатилетнего подростка маленьким для галер, а пятилетнего ребёнка- взрослым для работы.

Луиза смутилась- она никогда не задумывалась об этом. В самом деле, так ли уж хороша идея заставлять работать малышей?

— Не утруждайте себя ненужными мыслями, Луиза, я не упрекаю вас. Я лишь хочу сказать, что жандармы в Милане тоже сочли, что я прекрасно подхожу для галер, и спустя два дня после кражи я уже гремел кандалами, обряженный в красный колпак. Не буду скрывать, я не думал, что продержусь в том аду больше полугода, благо, наше судно не ходило в дальние рейды, бороздя побережье Италии. В один из рейсов на корабле оказались несколько пассажиров, среди которых был и Кинг. Он единственный заинтересованно смотрел на гребцов, то и дело уточняя что-то у надсмотрщика. В следующем же порту он сошёл на берег и забрал меня с собой.

— Невероятно, — протянула Луиза. — Как может уживаться в одном человеке благородство и такая жестокость?

— Благородство? — фыркнул Томас, но тут же осёкся, заставив себя слабо улыбнуться. — Кинг всегда действует в своих интересах и только в них. Я понял это позже, но тогда был благодарен так, как только может быть благодарен висельник, снятый с петли в последний момент. Я провёл рядом с ним несколько лет, он многому меня научил, и мне действительно есть за что его благодарить. Но я предал его, сбежал, прихватив не только алмазы. Как раз таки их он бы легко мне простил. Нет. Я унёс больше, чем можно себе представить. Свою голову.

Луиза непонимающе уставилась на Томаса, пытаясь понять, что же он имеет в виду. Он легонько постучал себя по лбу:

— Я слишком много знаю о его делах. И хотя я ни разу за эти годы не использовал эти знания, Кинг не простил. И не забыл.

— Он действительно такой страшный человек, как писал папа? — робко спросила Луиза после продолжительного молчания.

— Он гораздо страшнее, Луиза. Гораздо страшнее. — Томас покачал головой в такт своим мыслям, но тут же широко улыбнулся, глядя на перепуганную невесту. — Не волнуйтесь, Луиза, до вас он не доберётся, уверяю вас. А после свадьбы мы покинем «Магдалену» на время, и это, надеюсь, позволит нам сбить его со следа.

— Так он уже вышел на ваш след? — в ужасе воскликнула Луиза, вцепляясь в лук седла, чувствуя, как от ужаса у неё кружится голова.

— О, нет, ну что вы! — воскликнул Томас, поняв, что сболтнул лишнего. — Это лишь предосторожность, не более того. Вы знаете, а ведь я только что понял, что мы с вами до сих пор не обсудили, куда поедём в свадебное путешествие!

— Действительно, — слабо улыбнулась Луиза, чувствуя, как ледяная рука страха, сжавшая сердце, стремительно тает от его улыбки. — А куда бы хотели поехать вы?

— Я путешествовал так много, что с радостью предоставлю выбор места вам. — Томас слегка склонился к Луизе, подцепляя пальцем газовый платок и осторожно вытягивая его. —

Быть может, в Африку? Море там ярче вашего платка, бирюзовое, а песок такой белый, что слепит глаза.

— Томас, как же много я о вас не знаю, — прошептала Луиза, зачарованно наблюдая, как Томас подносит её платок к губам, вдыхая слабый аромат лемонграсса.

— Могу сказать то же самое о вас, Луиза, — доверительно сообщил Уоррингтон, глядя на неё поверх платка. — Мы обязательно это исправим, я вам обещаю. — Он наклонился к Луизе, очерчивая кончиками пальцев её скулу и останавливаясь в дюйме от губ. Лошади остановились, но всадники этого не заметили, поглощённые друг другом. Луиза невольно приоткрыла рот, подаваясь вперёд, но Томас уже убрал руку, выпрямляясь в седле.

— Вам невероятно идёт амазонка. — Он произнёс это таким светским тоном, что Луиза, не выдержав, прыснула от смеха, в который раз за этот разговор поражаясь тому, как он резко перескакивает с одной темы на другую.

— Мне часто об этом говорили, — поддержав игру, чопорно заявила Луиза, распрямляя спину и трогая бока коня.

— Джентльмены? — грозно сдвинув брови, Томас поспешил нагнать её, теперь они снова ехали наравне.

— Естественно, — кивнула Луиза, стараясь удержать дрожащие губы, готовые вот-вот растянуться в улыбке.

— Боюсь, что мне придётся запереть вас после свадьбы дома, — озабоченно покачал головой Томас. — Двор «Магдалены» не выдержит наплыва поклонников, умоляющих вас подарить хотя бы одну прогулку.

— Я с радостью перестану выходить из дома, если вы тоже перестанете покидать поместье, — прошептала Луиза, не сводя с него сияющих глаз.

— Вы очаровательны, Луиза, — вырвалось у Томаса прежде, чем он успел себя остановить. Луиза вспыхнула, опуская глаза, не пытаясь спрятать довольную улыбку.

***

В Луизиану вновь вернулись дожди, то ураганные, со шквалистым ветром, сотрясающим крышу, то тихие и ровные, мирно шелестящие за окнами. Зима, столь отличная от привычной Луизе, медленно, но верно приближалась к Магдалене. Давно затихли рабы на плантациях, и мистер Уоррингтон всё больше времени стал проводить дома, изредка покидая «Магдалену» на несколько дней, а после подолгу запираясь в кабинете со Свенсоном. Луизе показалось, что в доме увеличилось количество слуг, но, возможно, это было связано с приближением торжества, которое несомненно потребует больших сил и множества рук.

Сама она пребывала в некоем подобии эйфории, почти не замечая ничего и никого вокруг, пребывая в мечтах о свадьбе и свадебном путешествии, которое, после недолгих разговоров решили провести в Европе, посетив Англию и вдовствующую графиню, а после отправившись в Италию. Луиза заявила, что лета ей хватит и в «Магдалене», а увидеть бабушку, быть может, больше никогда не удастся. Томас не спорил, прекрасно понимая желание невесты, к тому же, Англия была достаточно далеко от Америки, а догадаться, что именно он является мужем графини Грейсток, едва ли под силу даже Кингу.

Адеола и миссис Пинс лишь добродушно переглядывались и улыбались, вздыхая, глядя на сияющую невесту, вспыхивавшую при каждом появлении своего жениха. Вот и сейчас она с тоской смотрела на вышивку, не сделав ни одного стежка за пятнадцать минут, прислушиваясь к звукам, доносящимся со двора. На улице было слякотно и сыро, и Луизе как

никогда вспоминался Лондон, мало чем отличавшийся от Луизианы в этот день. Томас снова отсутствовал, Свенсон говорил, что у него дела в Батон-Руж, но Луиза иногда со страхом думала о том, что с исчезновением Таонги у него вновь возникла потребность любовнице, и теперь он, возможно, ищет себе любовницу в Новом Орлеане или Батон Руж. При мысли об этом в глазах вскипали слёзы, и Луиза то и дело прикусывала губу, стараясь не разрыдаться.

— Мисс Луиза, мэ. — В дверях появился один из новых лакеев. Дождавшись кивка, он прошёл в гостиную и остановился в шаге от Луизы, почтительно замерев.

— Что у тебя? — Луиза подняла на него глаза, чувствуя, как сердце холодеет от страшного предчувствия.

— Масса Томас... — начал было слуга, но Луиза уже перебила его:

— Что с ним?! Говори скорее!

— С ним всё в порядке, мэ, — испуганно вытаращил глаза слуга, сцепляя руки на груди. — Он просил вас передать, что ждёт вас неподалёку от поместья, сказал, вы знаете, где. Сказал, там, где вы обычно катаетесь. Сказал, у него для вас сюрприз.

Счастье стремительно разливалось в груди, затопляя тревогу. Луиза посмотрела на миссис Пинс, дожидаясь её разрешительного кивка, и, подобрав юбки, поспешила переодеться. Действительно, у них с Томасом вошло в традицию ездить вдоль дороги, ведущей от «Магдалены» к «Тризону» и обратно, изредка петляя по тропинкам. И сейчас, переодеваясь в амазонку, Луиза пыталась представить, какой именно сюрприз её ждёт. Ехать надо было не далеко, буквально три сотни метров от поместья, а потому Луиза не стала брать слугу и, устроившись в седле удобнее, поспешила на встречу любимому.

Два часа спустя покой миссис Пинс, которая недавно задремала у камина, был нарушен: в гостиную стремительно вошёл Томас, окидывая комнату ищущим взглядом.

— Миссис Пинс, — он кивнул компаньонке, подходя ближе. — А где Луиза? Я надеялся найти её здесь.

— Луиза? — Миссис Пинс недоуменно посмотрела на Уоррингтона, пытаясь понять, о чём идёт речь. — Но разве она не поехала навстречу вам?

— Куда поехала? — холодеющими губами спросил Томас.

— Слуга. — Миссис Пинс, окончательно проснувшись, смотрела на Уоррингтона, всё больше не понимая, что происходит. — Слуга пришёл и сказал, что вы передали, будто ждёте её там, где вы обычно катаетесь... Мистер Уоррингтон?

Но Томас уже не слышал, стремительно выбегая из дома. Ему казалось, что ужас сковал ноги, и теперь он не может сделать шаг вперёд. Его жеребца ещё не успели расседлать, а потому Уоррингтон вбежал в конюшню и, не останавливаясь, вскочил в седло. Смысла брать с собой людей, если за этим стоит Кинг, он не видел.

Двадцать девятая глава

Луиза крепко сжимала поводья, всматриваясь в лес, лежавший впереди. Где именно Томас дожидается её? За этим поворотом? Или же за следующим? Косматый мох печально и медленно раскачивался на ветвях, а обступившая тишина всё больше давила на нервы. Выпрямившись в седле, Луиза осторожно отодвигала особенно длинные пряди мха, прислушиваясь. Но лес молчал, и только приглушенное чавканье копыт Белого Орла являлось единственным звуком на мили вокруг. Болота, появившиеся недавно, теперь всё чаще мелькали меж стволов ядовитыми прогалинами. Луиза нахмурилась — они никогда ещё не забирались так далеко в своих поездках. Быть может, она не так поняла, и Томас давно ждёт её дома?

Заставив коня остановиться, Луиза оглянулась. Дорожка, по которой она приехала сюда, терялась за поворотом далеко за спиной, а вперёд уходила ровно и прямо, будто приглашала последовать за собой. Где-то впереди одиноко и пронзительно закричала птица. Луиза вздрогнула от неожиданности, тут же упрекнув себя за глупый страх. День постепенно клонился к вечеру, серое небо опускалось всё ниже, цепляя верхушки деревьев.

«Нет. Надо поворачивать обратно. Томас поймёт мои страхи и ещё посмеётся над ними». Решившись, Луиза уже тронула было бока коня, разворачивая его, когда произошло сразу несколько событий. Белый Орел захрипел, вставая на дыбы, поводья вырвались из рук, и Луиза, нелепо размахивая руками, не успев сориентироваться, кулем упала на землю, машинально откатываясь в сторону от копыт коня. Коротко всхрапнув, тот покосился на хозяйку и начал заваливаться на бок. Луиза медленно села, поправляя съехавшую на лицо шляпку, и тут же замерла, в ужасе прижав руки ко рту: из белоснежной шеи жеребца торчал кинжал, вогнанный в неё по рукоятку.

Коротко всхлипнув, Луиза попыталась подняться, путаясь в юбках амазонки, но чья-то сильная рука вцепилась в волосы, заставляя откинуть голову и выдохнуть: прямо перед ней стояла Таонга.

С момента последней встречи она изменилась, только горящий ненавистью взгляд остался прежним. Острые скулы, впалые щёки, торчащие ключицы — рабыня похудела и теперь походила на обтянутый чёрной кожей скелет. Платье из желтоватого небелёного полотна висело бесформенным мешком, на щеке темнела свежая ссадина.

— Что, хороша? — Таонга ощерилась, показывая дыру на месте переднего зуба. — Ты ведь этого добивалась, а?

Луиза оцепенела от страха, с ужасом понимая, что не может двинуть ни рукой, ни ногой. Таонга же, напротив, словно обрела огромную силу и с лёгкостью потянула её за волосы за собой, утаскивая вглубь леса. Руки Луизы взметнулись вверх в попытке ослабить хватку, но Таонга, зашипев сквозь зубы, лишь сильнее дёрнула её на себя, вынуждая упасть прямо в болотистую лужицу. В следующую секунду Луиза ахнула от боли — деревянный башмак со всей силы ударил по рёбрам, за первым ударом последовал новый. Потом ещё и ещё. Луиза подняла руки к лицу, закрываясь, и пыталась увернуться, не делая попыток ответить. Всё произошло так внезапно, что она до сих пор не могла прийти в себя, покорно принимая удары.

Таонга же, почувствовав безнаказанность и полное безволие своей жертвы, вновь запустила руку в медовые волосы, дёргая на себя, заставляя Луизу смотреть прямо в её глаза.

— Что, мисс Луиза, нравится? — Она издевательски ухмыльнулась, и Луиза с ужасом увидела безумие, плясавшее в чёрных глазах. — Ты, наверное, радовалась, когда услала меня из дома на плантацию. Радовалась, когда по твоему приказу меня насилывал надсмотрщик? Радовалась, говори?!

— Я... я ничего не знала об этом, — нашла в себе силы пролепетать Луиза, отчаянно пытаясь вырваться из цепкой хватки. Её руки взметнулись вверх, вцепляясь в державшую её ладонь, но Таонга, замахнувшись, отвесила ей оплеуху, от которой голова Луизы метнулась в сторону, а глаза моментально наполнились слезами.

— Врёшь, — зашипела Таонга, и от ненависти, сквозившей в каждом её жесте, Луиза почувствовала, как холодеет сердце. — Ты врёшь, мисс Луиза. Ты всё знала и наслаждалась моими мучениями. Как быстро ты заняла моё место? В ту же ночь? Масса Том умеет дарить наслаждение, я знаю. — Таонга скривилась, как от зубной боли. — Я не виню его. Он мужчина. Он не устоял перед твоими чарами. Что ты сделала с ним, а? Каким богам принесла жертвы?

— Я ничего не делала. — Луиза постепенно приходила в себя. Губу пекло, во рту чувствовался слабый привкус крови, и это отрезвило её, заставив поверить, что происходящее — сон. — Я не выгоняла тебя. Ты сама это сделала.

— Не-ет. — Таонга улыбнулась и снова резко дёрнула волосы, заставляя Луизу проползти несколько шагов за ней. Резко запахло тинной и затхлостью. Луиза распахнула глаза, инстинктивно отшатываясь от воды. — Не нравится? Тебя никто не найдёт. Никто и никогда.

— Ты не посмеешь. — Голос Луизы окреп. Она попыталась выпрямиться, но тут же получила удар в живот, заставивший согнуться пополам, ловя губами воздух.

— Я уже принесла жертву Нсамби. — Таонга говорила отрывисто, зло, словно торопилась. — Он ждёт. Он ждёт тебя. Ждёт твою плоть. Нсамби поможет. Унган обещал.

Она толкнула Луизу вперёд, и та покатила к берегу, остановившись прямо у кромки воды. Почувствовав, что её больше никто не держит, Луиза подобрала юбки, поднимаясь, и посмотрела на противницу. Таонга стояла неподалёку, тяжело дыша, выставив вперёд руки с согнутыми пальцами.

— Я никогда не желала тебе зла. — Луиза говорила медленно, как обычно разговаривают с маленькими детьми. — Я не просила мистера Уоррингтона выгонять тебя. Это его решение.

— Неправда, — прошептала Таонга, мучительно морщась. — Масса Том любил меня. Он бы женился на мне, если б не ты.

— Таонга, ты обманываешь сама себя. — Луизе вдруг стало искренне жаль рабыню, которую пропитал яд любви к своему хозяину. — Он бы никогда не женился на тебе.

— Потому что я чёрная? — фыркнула Таонга, выпрямляясь во весь рост и становясь на миг вновь той ослепительной красавицей, что встретила Луиза на третий день в «Магдалене».

— Потому что... — Луиза беспомощно замолчала, не зная, что сказать. И впрямь — почему она так уверена, что Томас не женился бы на Таонге? Потому что в их кругу подобное не принято? Но ведь он не из их круга, он сам столько раз подчёркивал это. Не разрушила ли Луиза чужую жизнь в угоду собственному счастью?

— Ты должна умереть. — Это прозвучало так буднично и просто, что Луиза вновь оцепенела. — Ты умрёшь, а масса Том опять вернёт меня в дом. И мы будем счастливы.

— Тебя накажут. — Луиза старалась говорить спокойно. — Тебя обвинят в моей смерти.

— Как? — Таонга засмеялась. — На плантации все уверены, что я с надсмотрщиком. Он слишком часто берёт меня к себе, — горько добавила она. Но тут же торжествующе посмотрела на соперницу. — Он спит. Так крепко, что никто не разбудит. Я вернусь, а когда он проснётся, то даже не поймёт, что я уходила.

— Таонга, подожди, давай поговорим. — Луиза медленно отступала, пятясь к болоту, пытаясь держать дистанцию с Таонгой. — Мы вернёмся вдвоём в «Магдалену», я поговорю с мистером Уоррингтоном, уверена, он поймёт. Он даст тебе свободу, даст денег. Не совершай ошибки.

— Поздно, мисс Луиза, — горько прошептала Таонга, делая новый шаг навстречу. — Я уже принесла жертву, мне не скрыться от гнева Нсамби, если он не получит свою награду. Он уже ждёт тебя.

Таонга смотрела куда-то за её плечо, и Луиза невольно обернулась, чувствуя, как волосы на голове встают дыбом. На противоположном берегу в нескольких футах лежали три крупных аллигатора, не спешившие пока сползать в воду, но уже проявлявшие интерес, поднимая плоские головы и лениво зевая.

— Это Нсамби вселил духов в их тела и ждёт тебя. — Луиза вздрогнула, услышав голос Таонги над ухом, и резко обернулась — та стояла совсем близко, пока не делая попыток нападать.

— Поехали домой, Таонга. — Она снова сделала попытку уговорить рабыню, лихорадочно думая о кинжале, что торчал в шее бедного Белого Орла. — Тебя отпустят. Я обещаю.

Таонга склонила голову набок, задумавшись над предложением, и Луиза, ободрённая её молчанием, сделала маленький шагок в сторону от кромки воды, надеясь обойти Таонгу и броситься к дороге.

— Думаешь, масса Том может меня освободить? — задумчиво протянула рабыня, по-прежнему не сводя глаз с аллигаторов.

— Уверена! — с энтузиазмом кивнула Луиза, делая новый шагок. Ещё немного, и она сможет обогнуть Таонгу и побежать к лошади. Она постаралась как можно незаметнее подобрать юбки, постепенно выбираясь из топкой грязи на твёрдую землю. — Он освободит тебя и даст денег. Обещаю. Ну же, Таонга, поехали домой.

Луиза сделала ещё один шаг, готовясь бежать, когда Таонга резко выбросила руку вперёд, хватаясь за жёсткий ворот казакина, и притянула её к себе.

— Ты считаешь меня совсем глупой, мисс Луиза. — В сером свете угасающего дня лицо Таонги тоже отливало серым. — Думаешь, я не понимаю, что меня убьют, стоит войти в поместье? Не-ет. — Она хищно улыбнулась, рывком разворачивая Луизу спиной к болоту. — Мой бог поможет мне, ему я верю. И только ему. Духи, что повинуются ему, помогут мне. Ты умрёшь!

Таонга толкнула Луизу вперёд, и та невольно отступила, чувствуя, как погружается в вязкую жижу сапог. За спиной раздался всплеск, небольшие волны заколыхались у берега. Таонга подошла ближе, вцепляясь в плечи Луизы и надавливая на них, заставляя отступать всё дальше и дальше в болото. Намокший подол юбки мигом потяжелел, топкое дно цепко держало, не давая сделать новый шаг.

Луиза почувствовала, как её охватывает паника, поднимаясь куда-то к горлу, мешая

дышать. Она сейчас упадёт, и тогда аллигаторы, пока что наблюдающие в стороне, бросятся к своей добыче. Из груди поднялась волна страха, страха за свою жизнь. Отчаянно вскрикнув, Луиза вцепилась в Таонгу, стиснув зубы и утягивая её к себе в болото. Таонга, не ожидавшая от хозяйки подобной силы, на миг опешила, что позволило Луизе усилить напор, крепко держась за рукава её платья.

Таонга зарычала, пытаясь сдёрнуть чужие руки, постепенно заходя всё глубже в болото. Луиза уже не обращала внимания на то, что вода доходит до колен, а сапоги увязли, что за спиной её ждут аллигаторы, не спешащие нападать, пока они борются. Инстинкт самосохранения, проснувшийся в ней, был так силён, что она не могла думать ни о чём другом, кроме спасения. Она рычала, стискивая зубы, пытаясь повалить Таонгу, но та будто приросла, не двигаясь больше, больно схватившись за её плечи.

Луиза проклинала многочисленные юбки, которые мешали свободно двигаться, в то время как Таонга не была стеснена в движениях, не догадываясь об этом своём преимуществе. Луиза чувствовала, что вязнет глубже, ещё немного — и она не сможет двинуться, и тогда всё пропало. Призвав на помощь все свои силы, Луиза решилась на отчаянный рывок. Бросившись на негритянку всем телом, она повалила её в воду, падая сверху и вцепляясь ей в шею, не давая сделать вдох. Таонга ушла под воду с широко открытым ртом и, тут же набрав болотной жижи, вцепилась в руки, что не давали ей вынырнуть наружу. Луиза сидела сверху, крепко держа Таонгу под водой, пока та молотила в воздухе руками и ногами, пытаясь выбраться. Наконец движения её ослабли и замедлились. Луиза оглянулась, отнимая руки и сползая с рабыни: заметив, что обе жертвы оказались в воде, аллигаторы неспешно приближались, не сводя с них своих жутких жёлтых глаз.

Испуганно выдохнув, Луиза поползла на берег, запуская руки в грязь. Тяжёлое платье тянуло на дно, мешая сделать новый шаг. Но Луиза, сцепив зубы, упрямо ползла на четвереньках, не оглядываясь, думая только об одном — выбраться на берег. Жесткая пожухлая трава царапнула ладони, и Луиза, подтянувшись, упала на землю и только тогда рискнула обернуться.

Таонга, придя в себя, медленно поднималась из воды, надсадно кашляя. С её волос, измазанных тиной и грязью, стекала вода. Найдя глазами Луизу, она хищно улыбнулась и попыталась встать, но болото держало крепко, заставляя трепыхаться и ворочаться, пытаясь выбраться. Таонга не видела приближения опасности, не сводя глаз с ненавистной соперницы. Но Луиза, не отрываясь, смотрела на приближающихся аллигаторов. Вот первый из них подплыл достаточно близко, широко раскрывая пасть, и Луиза зажмурилась, не в силах смотреть дальше. Раздался громкий крик, полный боли, и глухой всплеск. Луиза приоткрыла глаза и потом уже не могла их закрыть, с ужасом наблюдая за разыгравшейся драмой.

Крики несчастной всё ещё звенели в ушах, когда Луиза тяжело поднялась и, бросая последний взгляд на черную воду, стремительно затягивавшуюся ряской, пошла к дороге. Белый Орёл ярким светлым пятном выделялся в наступивших сумерках, и Луиза только сейчас поняла, как стемнело вокруг. Подойдя к коню, она присела перед ним на корточки и осторожно коснулась гладкой холодной шеи. Первый подарок Томаса. Глубоко вздохнув, она положила руку на рукоять и медленно потянула на себя, вытаскивая кинжал. Если она оказалась одна в лесу, то без оружия точно не протянет.

Охватившее её оцепенение позволяло смотреть на произошедшее равнодушно и спокойно. Холодало. Мокрое платье липло к ногам, в сапогах хлюпало. Луиза села на бок

Белого Орла и стащила сапоги, выливая воду. Лес стремительно чернел, наполняясь ночными звуками. Обхватив себя руками, Луиза потёрла плечи, пытаясь согреться. Сколько она просидела так, на мёртвой лошади, тихонько раскачиваясь, Луиза потом никогда не могла сказать.

Стук копыт с трудом вывел её из ступора, заставляя с надеждой повернуться и наконец всхлипнуть, различив знакомую фигуру, появившуюся на дороге. Она с трудом поднялась навстречу, пошатнувшись, — от долгого сидения ноги затекли и замёрзли. Томас спрыгнул с лошади и бросился к Луизе, хватая её за плечи и легонько встряхивая.

— Вы как? Всё в порядке? Что случилось? Вы в порядке? Луиза? Кто это был? Что произошло? Вы в порядке?

Смысл града вопросов, которыми завалил Луизу Томас, ускользал от неё. Она только кивала, не сводя с него глаз, просто смотрела и смотрела, счастливо улыбаясь. Он нашёл её. И теперь так тепло. И хорошо. Всё теперь будет хорошо.

— Кто это был, Луиза? — Томас, обеспокоенный молчанием, снова встряхнул её. — Это был Кинг? Скажите мне, это был Кинг?

— Кинг? — Знакомое имя с трудом пробилось сквозь туман, и Луиза нахмурилась, пытаясь понять, о чём идёт речь. — При чём здесь Кинг? Это была Таонга.

— Таонга? — пришла очередь удивиться Томасу. — Но как она здесь оказалась? Что ей понадобилось?

— Она пыталась убить меня. — Луиза и сама удивилась, как буднично прозвучали эти страшные слова. — Она ждала меня здесь и...

Вскоре Луиза всхлипнула, потом опять, и снова, и вот она разрыдалась, не в силах остановиться, а Томас осторожно прижал её к себе, шепча что-то ободряющее. Облегчение, которое он испытал, найдя Луизу живой и невредимой, не вязалось ни с чем, испытанным ранее. Оно было огромным и всепоглощающим. Живая. Мысли, самые страшные, предположения, самые отчаянные — ему казалось, что он сходит с ума. Кингу не надо ничего делать, достаточно просто украсть Луизу, и он сам придёт к нему. Томас понял это сегодня с пугающей ясностью, как и то, что Луиза стала невероятно дорога ему.

— От меня жутко воняет, — прошептала, икая, Луиза, смущённо улыбаясь в его камзол.

— Бывало и хуже, — так же тихо ответил Томас, осторожно отодвигая её от себя. — Всё позади, Луиза. Вы невероятно сильная. И смелая. Я горжусь вами.

— Правда? — Робкая улыбка расцвела на её лице.

— Правда. — Томас почувствовал, как сжалось сердце при взгляде на неё. — Поехали домой. — Он посадил её в седло и сел сам. Луиза с грустью посмотрела на Белого Орла.

— Мне жаль его. Действительно, очень жаль.

— Я пришлю завтра рабов, его похоронят. — Томас взял поводья и развернул коня.

Луиза, уютно устроившаяся в кольце его рук, прислонилась к его груди, чувствуя, как наваливается запоздалая усталость. Произошедшее до сих пор казалось ей нелепым страшным сном, только крики Таонги всё ещё звучали в голове.

***

Она сидела на берегу. Ядовитая ряска болота под ногами мерно колыхалась. А где-то в центре, в нескольких футах, плавали огромные аллигаторы. Они не спешили вылезать на берег, но Луиза знала — они её ждут. Вдруг один из них открыл пасть и произнёс голосом Таонги:

— Нсамби ждёт тебя, мисс Луиза. Иди к нам. Иди в воду.

Луиза с ужасом почувствовала, что мышцы не повинуются ей более. Ноги послушно подняли её тело и понесли к болоту, где ждали жуткие аллигаторы. Луиза в отчаянии приказывала себе остановиться, но ноги не слушали её, продолжая нести к воде. Аллигатор захохотал, визгливо и зло, и жуткий голос снова промолвил:

— Тебе не выбраться, мисс Луиза. Твоя душа обещана Нсамби!

— Нет!

Луиза резко села в кровати, тяжело дыша, чувствуя, как бешено колотится сердце. Это был сон. Всего лишь кошмар, который преследовал её пятый день подряд. Луиза перестала спать, в углах комнаты постоянно мерещились чёрные тени. Она провела дрожащей рукой по лицу, убирая влажные прилипшие ко лбу пряди, и судорожно вздохнула. Чушь. Всё это чушь, именно так на эти кошмары ответит миссис Пинс. А ещё непременно добавит, что ревностной католичке не следует бояться языческих духов. Луиза прикрыла глаза и начала читать «Аве Мария», чувствуя, как разливается по телу долгожданный покой. Но силы молитвы хватило ненадолго: спустя час она снова вскочила от кошмара, ещё более жуткого, чем предыдущий. Всхлипнув, Луиза прижала руку ко рту, окидывая свою комнату сумасшедшим взглядом расширенных от ужаса глаз.

Сквозь ставни пробивался лунный свет, ложась на пол тонкими полосками. За дверью было светло- по настоянию Луизы в коридорах всегда горели свечи. Было тихо. Огромный дом спал. Луиза выдохнула, собираясь лечь, когда колыхание теней в углу заставило подобраться, комкая простынь. Там кто-то был. Там явно кто-то был. Темнота зашевелилась, и Луиза, взвизгнув, подскочила с кровати и выбежала в коридор. Отсюда, из освещённого тёплым и мягким светом пространства, её комната казалась средоточием мрака. Взяв в руку свечу, Луиза осторожно зашла обратно, говоря себе, что это всё- глупые страхи. И действительно, комната оказалась пуста. Но сердце продолжало стучать, как заполошное, а руки мелко подрагивали.

Поняв, что заснуть снова навряд ли получится, Луиза закуталась в тонкую шаль и пошла вниз. Что она будет делать, Луиза слабо себе представляла, но точно знала, что в кровать в ближайшее время не вернётся. В кабинете мистера Уоррингтона горел свет- он как всегда работал. Вот и отличный повод узнать, чем занимается её жених долгими ночами. Распрямив плечи, Луиза подошла к двери и тихонечко постучала. Ей ответила тишина. Луиза постучала громче, чувствуя, как возвращаются недавние страхи. А что если мистер Уоррингтон лежит, как папа, в луже крови на полу, пока она тут мнётся в нерешительности на пороге?

Рванув на себя дверь, Луиза забежала внутрь, с ужасом отмечая беспорядок на столе и приоткрытое окно. Мистера Уоррингтона не было. Нижняя губа начала мелко подрагивать, и Луиза, поставив подсвечник на ближайший столик, обошла кабинет, подходя к столу и уже холодея от того, что она найдёт на полу. Но и там было пусто. Обведя беспомощным взглядом кабинет, Луиза собралась было идти и будить управляющего, когда её взгляд наткнулся на кончики сапог, возвышавшиеся над спинкой дивана.

Томас спал, вытянувшись на узком диване и закинув ноги на подлокотник. Несколько листков, что он читал, лежали у него на груди, на полу стоял полупустой графин и стакан. Луиза подошла ближе, присаживаясь напротив на колени, и внимательно всмотрелась в лицо спящего. Волнистая русая прядь падала на лоб, густые ресницы, чёрными тенями лежащие на щеках, подрагивали- ему что-то снилось. Губы, обычно смеющиеся, сейчас были сжаты в тонкую полоску. Подперев кулаком подбородок, Луиза любовалась своим женихом,

позволяя себе скользнуть взглядом ниже, за ворот расстёгнутой рубашки, к груди, покрытой редкими волосами. Она поймала себя на мысли, что ей хочется прикоснуться к ним, пропустить между пальцами. Томас спал крепко, и Луиза, осмелев, протянула руку, касаясь его груди, осторожно очерчивая контур ключиц, соскальзывая в ямочку меж них. Осмелев, рука потянулась ниже, к распахнутому вороту, невесомо касаясь оказавшихся на удивление мягкими волос. Чужая рука, перехватившая её ладонь, застала врасплох. Луиза подняла глаза, встречаясь с ясным взглядом серых глаз, чувствуя, что краснеет.

— Вы снитесь мне, Луиза? — хрипло проговорил Томас, ослабляя хватку, но не выпуская её руку.

— Может быть, — еле слышно прошептала Луиза, смело опуская ладонь, чувствуя, как под нею ровно стучит чужое сердце.

— Тогда это самый приятный сон из всех виденных мною в последнее время, — выдохнул Томас, пытливо взглядываясь в её лицо, перебегая от глаз к губам и обратно.

— Мне тоже часто снятся кошмары, — призналась Луиза, кончиками пальцев второй руки проводя по полоске, оставшейся на щеке от диванной подушки. — Не знаю, как с ними бороться.

— Наши кошмары живут внутри нас, — выдохнул Томас ей в ладонь, поворачивая голову и целуя тонкое запястье. Луиза неслышно ахнула, чувствуя, как от этой невинной ласки по позвоночнику растекается тепло. — И избавиться от них мы можем, лишь взглянув им в лицо.

Сказав это, Томас потянул Луизу на себя, мягко целуя, и она с готовностью ответила, чувствуя, как сбивается с ритма его сердце.

Тридцатая глава

Серое утро нехотя заглядывало через незакрытые окна, стучало по стеклу назойливым дождём. Луиза лежала в кровати и смотрела в потолок, пытаясь заснуть. Но глаза отказывались закрываться, а перед внутренним взором то и дело возникали картинки того, что случилось в кабинете Томаса этой ночью.

Она не знала, что так бывает. Она даже не подозревала, что это ждёт её в замужней жизни. И до сих пор не могла понять, счастлива она или же разбита и расстроена. Потому что произошедшее выходило за все рамки морали и нравственных устоев, впитанных с детства. То, что она позволила своему жениху, едва ли вызвало бы одобрение в глазах миссис Пинс. Определённо. Луиза нервно хихикнула.

Когда Томас поцеловал её, Луиза растаяла. Она вдруг ясно осознала, что невероятно соскучилась по его губам. По рукам, властно притягивающим её голову к себе. По запаху, забивавшему лёгкие. Она скучала по нему и теперь отвечала с жадностью, которой сама от себя не ожидала. От него пахло виски и табаком, и этот запах хотелось вдыхать полной грудью.

Томас целовал её так, как ни разу не целовал до этого. Самозабвенно, глубоко. Луиза сама не успела понять, как и когда она оказалась лежащей на полу, а он навис сверху, покрывая поцелуями шею, путаясь в волосах, затянутых в тугий узел. Луиза тяжело дышала, впервые чувствуя тяжесть мужского тела на своём, пытаясь обхватить руками широкие плечи, подаваясь навстречу его губам.

Он спускался ниже, к целомудренному вырезу ночной сорочки, завязанной на слабый узел. Кашемировая шаль защекотала щёку, когда Луиза, прикрыв глаза, сладко вытянулась, подаваясь навстречу. Узел легко поддался его зубам, и сорочка распахнулась, предоставляя доступ к небольшой груди.

Луиза охнула, испуганно вздрогнув, когда его губы коснулись нежной кожи, ставшей вмиг невероятно чувствительной, и распахнула глаза, пытаясь поймать взгляд Томаса. Но его глаза были крепко закрыты, а руки уже оглаживали колени, задирая тонкую шёлковую ткань сорочки выше, к бёдрам.

Новые ощущения захлестнули, вытесняя из головы мысли. Луиза ожила в его руках, откликаясь на каждое движение, отдаваясь новым ощущениям, которые сокрушали и ошеломляли. Мужские ладони прожигали кожу бёдер, губы терзали грудь, властно спуская ткань к локтям.

Она тонула, плыла по волнам чувственности, превращаясь в пульсирующий оголённый нерв. Неизведанные доселе ощущения собирались внизу живота, сладкие, томящие, волнительные. Чувство, охватившее её, было сродни жажде, неистовой, нахлынувшей внезапно, лишившей возможности размышлять. Она выгибалась навстречу его рукам, оглаживающим живот, сминаящим грудь, жадно ловила его губы, прикусывая, сладко выдыхая. Она жила сейчас этими прикосновениями, желая только одного — избавления от этой неистовой жажды.

— Пожалуйста... — слетело с пересохших губ, но Луиза едва ли могла ответить, о чём просила. Она лишь хотела его. Почувствовать сильнее, больше, слиться с ним в объятии, неразрывном, крепком...

Чужие пальцы, чуть влажные и горячие, коснулись её там, где она сама стеснялась себя

касаться, и Луиза инстинктивно сжала колени, распахивая глаза. Но Томас по-прежнему не смотрел на неё, ласково целуя нежную кожу груди, глубоко и шумно дыша. Палец стал настойчивее, стремясь ниже, к пылающей глубине. Его колено вторглось меж её ног, раздвигая их одним движением, и Луиза, всхлипнув от стыда, подчинилась, крепко зажмурившись и прикусив нижнюю губу.

Сладкий туман ослабел, позволяя мыслям о недозволенности происходящего наконец проникнуть в голову. Щёки вспыхнули, стоило Луизе представить весь позор своего положения и того, что случится, застань их кто-нибудь здесь и сейчас. Она дёрнулась, делая слабую попытку подняться, но Томас, словно почувствовав протест, накрыл её губы своими, вовлекая в глубокий сладкий поцелуй, поднимая её руку и запуская в свои волосы. Луиза, послушно ответив, забылась на миг, путаясь в мягких русых волосах, лаская его затылок, машинально раздвигая ноги шире и позволяя ему устроиться удобнее.

Ощущение горячей шелковистой плоти, подрагивающей у внутренней стороны бедра, сейчас казалось чем-то незначимым, не стоящим внимания — ведь его пальцы вернулись к изучению её нежных складок, осторожно ныряя неглубоко внутрь и вновь обводя чувствительную кожу по кругу.

Луиза захлёбывалась в собственных вздохах, приподнимая бёдра, сама не понимая, что бесстыдно подаётся вперёд, навстречу умелому пальцу, чувствуя, как скользит по коже рядом с ним пульсирующая плоть.

— Луиза, — горячо выдохнул Томас, подаваясь вперёд, и Луиза коротко вскрикнула, почувствовав давление и боль, нарастающую и тянущую вниз. Она раскрыла рот, ловя губами воздух, будто рыба, вытащенная на берег, Томас же, не открывая глаз и уткнувшись ей в шею, продолжал давление, медленно входя в неё, заполняя, пока его бёдра не соприкоснулись с её.

Луиза тихонько всхлипнула, пошевелившись под ним, и Томас словно очнулся, тонко и сладко выдохнув, и начал двигаться, иступлённо целуя её шею, ключицы и грудь. Боль волнами разливалась по телу, разгоняя остатки удовольствия, вызывая желание отодвинуться, прекратить эту пытку. Движения становились отрывистей, сильнее, и Луиза, уже не скрываясь, громко стонала, чувствуя острую боль, раздиравшую её надвое. Она крепко сжимала края шали, молясь про себя, чтобы этот кошмар скорее кончился, и святые, видимо, услышали её молитвы, потому что Томас, глухо и сладко застонав, выгнулся и, шумно выдохнув, упал на неё, неспешно и лениво целуя.

Луиза лежала, боясь вздохнуть и пошевелинуться, глотая солёные слёзы. Томас не шевелился, и она, приоткрыв глаза, посмотрела на него. И тут же, не сдержавшись, громко и возмущенно фыркнула: он спал! Сладко спал, положив голову на её грудь и обняв одной рукой. Сжав губы в тонкую полоску, Луиза прищурилась. Боль стремительно уходила, уступая место злости. Он только что взял её прямо на полу, как какую-то служанку, а теперь спит! Мысли о том, что она сама с готовностью отвечала на его ласки, Луиза тут же отмела, пообещав себе вернуться к ним, когда окажется в безопасности в своей кровати. Кое-как спихнув с себя Томаса, она вылезла из-под него, становясь на четвереньки и чувствуя, как что-то горячее и липкое стекает по внутренней стороне бёдер. Поднявшись, она попыталась вытащить свою шаль, но Томас был слишком тяжёл, и Луиза, махнув рукой, запахнула рубашку на груди и поспешила к себе в комнату, оглядываясь, не встал ли кто из слуг пораньше.

На её счастье, дом ещё спал. Оказавшись в комнате, Луиза прислонилась к двери, тяжело дыша. Между ног саднило, рубашка липла к телу, а сама она пропиталась чужим

запахом насквозь. Хотя, и тут Луиза невольно покраснела, этот запах она бы не хотела с себя смывать. Сбросив рубашку, она подошла к тазу с остывшей за ночь водой и, вздрагивая от холодных капель, обмылась, размазывая кровавые потёки по коже. Посмотрев на испачканную рубашку, Луиза воровато оглянулась и запихнула её поглубже в шкаф. Сама же, достав свежую, надела её и нырнула под одеяло.

И вот теперь, в тишине подступавшего утра она смотрела в потолок, пытаясь переварить происшедшее. Она только что провела свою первую брачную ночь. Нет, Луиза больше не питала иллюзий- это было именно то, чем занимаются муж и жена в постели. Как же она теперь понимала миссис Пинс! Сладкие поцелуи, нежные слова- это всё было призвано заманить доверчивую девушку в самое неприятное испытание, которое она теперь обязана будет терпеть долгие годы. Понравилось ли ей? Определённо нет! Луиза даже возмущённо фыркнула, недовольно поморщившись. Но тут же скривилась, вынужденная признать, что поначалу было очень приятно. Она даже готова терпеть совокупление с мужем ради кратковременных ласк. До того, как забеременеет, конечно.

Луиза снова покраснела. То, что произошло... Это было так стыдно. Так интимно. Так... Как она теперь будет смотреть ему в глаза! Ведь они не женаты! А если он теперь не захочет на ней жениться?!

Эта мысль была тут же отмечена как нелепая, ведь Томас женится на ней из-за слухов, так не всё ли равно, если теперь они подтвердились? Тяжело вздохнув, Луиза повернулась на бок, подперев рукой подушку. Это не её вина. Ну, или почти не её. Она доверчиво поддалась, а он... А он просто воспользовался её доверчивостью. И не важно, что он был пьян и наверняка считал происходящее сном. Ей не в чем себя винить. Впрочем, как и его. До свадьбы остался месяц. А после они будут заниматься этим каждую ночь. Сердце тоскливо жжалось. Надо. А если надо, Луиза будет выполнять свой долг столько раз, сколько потребуется. И сама поможет найти ему любовницу после. Да. Теперь она определённо на это согласна.

***

Что-то настойчиво зудело в голове, вытаскивая из сладкой сонной глубины. Томас глухо простонал и нехотя раскрыл глаза, тут же поспешно зажмуриваясь- серые рассветные сумерки ослепили. Во рту пересохло, голова гудела, и Томас отметил про себя, что заказывать виски у Джонсона он точно больше никогда не будет. Он много лет не позволял себе напиваться до такого состояния, чтобы уснуть на полу. На полу? Томас нахмурился, оглядываясь. Определённо он ложился на диване. Свалился и даже не проснулся. Хорош. Увидела бы его Луиза в таком состоянии... Он прикрыл глаза, слабо улыбнувшись: сон, что снился ему, ещё никогда не был таким ярким и реалистичным. Жаль, что пока это был лишь сон.

За дверью послышался шум: дом начинал просыпаться, и Томас нехотя сел, думая, что сегодняшний день неплохо бы провести дома, благо погода не располагала к дальним поездкам. Подняться удалось с трудом, и он провёл ладонью по лицу, разгоняя сонную одурь. Взгляд невольно прошёлся по дивану, на котором лежали несколько забытых с вечера листков. На полу стоял полупустой графин, и он отчётливо помнил, что наполнял его после того, как опустошил первый. А рядом на полу лежала скомканная кашемировая шаль цвета слоновой кости. Шаль? Откуда? Томас недоуменно нахмурился, пытаясь вспомнить, заходила ли Луиза вчера вечером, и если да, то как он мог это забыть.

Дрожь понимания прошла по телу, заставляя потрясённо опуститься на кресло. Он

медленно обвёл себя взглядом, машинально отмечая одежду, пребывавшую в беспорядке, и глухо застонал, роняя голову в ладони. Что он натворил? Память угодливо подбрасывала обрывочные воспоминания о ночи, упорно отказываясь складывать их воедино. Значит, это был не сон. Томас глубоко вздохнул, чувствуя её тонкий запах, казалось, впитавшийся в кожу. Он действительно это сделал. Обесчестил свою невесту.

Хотя она не особо сопротивлялась, это он помнил точно. Но разве это что-то меняло? Она ушла, а значит, была слишком расстроена. «Или не захотела оставаться и спать с тобой на полу», — скептически заявил внутренний голос.

Томас тяжело вздохнул — что бы ни думала о нём Луиза, он об этом узнает. Она обязательно расскажет, не в её характере носить всё в себе, это он уже успел понять. А сейчас главное, чтобы о случившемся никто не узнал. Подбрав шаль, Томас поднялся и вышел из кабинета, не замечая пару внимательных глаз, наблюдавших за хозяином из холла.

***

— Я не очень хорошо себя чувствую. — Луиза почти не лукавила, говоря это. Ведь душевные терзания могут приводить к серьёзным болезням. Зэмба обеспокоенно посмотрела на хозяйку и, пробормотав что-то о погоде и травяном чае, отправилась на кухню за завтраком.

Луиза облегчённо вздохнула. Она корила себя за малодушие, но сейчас ничто не смогло бы её заставить спуститься и встретиться лицом к лицу с мистером Уоррингтоном. С Томасом, мысленно поправила она себя. Назвать его мистером Уоррингтоном язык не поворачивался. Луиза нервно фыркнула, удобнее устраиваясь на подушках и расправляя одеяло вокруг себя. Она обязательно поговорит с ним и всё обсудит. Обязательно. Только не сейчас. А чуть позже.

Зэмба вошла, неся большой заставленный поднос, и Луиза невольно потянула носом воздух, чувствуя поистине зверский голод. Казалось, что она не ела несколько дней!

— Вы будете есть в постели, мисс Луиза? — Зэмба замерла посередине комнаты. Луиза довольно отметила про себя, что служанка многому научилась — раньше она водрузила бы поднос на стол и вышла, оставляя хозяйку самой решать, где и как завтракать.

— Накрой стол, — решила Луиза, выбираясь из кровати и с удивлением прислушиваясь к себе. Мышцы ног тянуло в непривычных местах, и ей невольно пришло в голову сравнение с верховой ездой в мужском седле. Сделав новый шаг она невольно охнула и вдруг залилась краской, вспомнив давний разговор с Франческой и её шутки по поводу полезности езды по-мужски. Неужели она имела в виду?.. Святые угодники! Она что, до сих пор занимается этим с лордом Бишопом?!

Луиза поражённо уставилась перед собой, не обращая внимания на служанку, наливавшую остро пахнувший незнакомыми травами отвар. Мир вдруг открылся ей с совершенно новой стороны, заиграв иными, неизведанными красками. И этот праздник, на котором ей удалось побывать, казалось, где-то в прошлой жизни... Эти движения, бесстыдные, откровенные, сейчас заставили ярко вспыхнуть щёки. И она была там. Присутствовала на этом бесстыдстве... Мать божия!

Луиза глубоко вздохнула, пытаясь унять бешеный стук сердца. Потому что следующее, о чём она вспомнила, была подсмотренная в комнате Томаса сцена. Он и Таонга. Он занимался с ней этим, делал то же самое, так же двигался, так же трогал... О-о!

— Вам плохо, мисс Луиза, мэм? — обеспокоенно спросила Зэмба, оторвавшись от платьев, приготовленных к глажке. Она просматривала их, чтобы определить, нуждаются ли

они в починке, и возглас хозяйки, обычно спокойной и невозмутимой, напугал её. — Может, вы лучше приляжете?

— Д-да. — Луиза растерянно посмотрела на Зэмбу, явно не понимая, что она говорит. Но стоило той подойти, как она встрепенулась. — Нет, Зэмба. Я буду завтракать. Оставьте меня.

— Вы уверены? — Зэмба смерила скептическим взглядом бледную хозяйку, на щеках которой пылали два пунцовых пятна. — Мне кажется, вы заболели, и лучше бы...

— Я уверена, — холодно произнесла Луиза, взяв себя в руки. — Я хочу побыть одна. Ты свободна.

Пожав плечами, Зэмба подхватила платья и вышла, бормоча что-то о хозяйских причудах по утрам себе под нос. Дверь закрылась, и Луиза наконец осталась наедине со своими мыслями и с завтраком, за который она поспешила приняться. Итак, теперь она точно знала, что Таонга была не просто утешением одинокого джентльмена и заменой жены, как часто говорила миссис Пинс. И если несколько часов назад Луиза готова была мириться с наличием любовницы, то теперь в ней просыпались собственные чувства, сильные и пугающие.

Она вдруг поняла, что определённо не собирается ни с кем делить своего мужа. Ни с кем и никогда. Луиза вдруг представила, что будет, если он заведёт любовницу из служанок, и глаза моментально наполнились слезами. Эта мысль оказалась очень болезненной. Неужели так действительно заведено у всех? На ум пришли разговоры на балах, перешептывания матрон, сплетни, передающиеся из уст в уста вполголоса... Женщины тоже заводили любовников. Это было нормой. Но вот для кого? Смогла ли она позволить другому мужчине сделать всё, что позволила ночью Томасу? Конечно же нет! Но тогда зачем всё это? Хотя будь её мужем лорд Бишоп... Луиза вздрогнула от отвращения. Бедная Франческа! Надо будет набраться смелости и попытаться расспросить её о тонкостях семейной жизни. Сейчас Луиза почти была уверена, что у неё есть любовник. И все эти полунамёки и знаки... Она даже начала догадываться, кто мог им быть. Определённо, надо поговорить с Франческой.

В дверь постучали, послышался голос миссис Пинс.

— Лоиз, вы позволите мне войти?

Компаньонка обеспокоенно осмотрела подопечную, отметив лихорадочный блеск в глазах, и пришла к выводу, что та простыла.

— Вам лучше провести этот день в постели. Боюсь, как бы нас не охватила эпидемия простуды. Мистер Уоррингтон тоже простыл и не спускался к завтраку.

«Трус!»- фыркнула про себя Луиза, сразу же почувствовав себя гораздо лучше.

— Я бы хотела навестить леди Бишоп.

— Но не в вашем же нынешнем состоянии! — всплеснула руками миссис Пинс. — Вам нужно лежать. И желательно провести в постели два-три дня. Адеола сказала, что лично будет заваривать для вас свой чай. Боюсь даже спрашивать, что в него входит. Но на ноги он поднимает отлично.

Луиза прикусила губу, понимая, что своей мнимой болезнью сама себя загнала в ловушку. Что ж, она напишет Франческе и попросит её приехать. А пока отлежится положенные два дня в постели. Хотя мысль о том, что Томасу так же стыдно показываться ей на глаза, почему-то наполняла её мстительной радостью.

Ответ от леди Бишоп пришёл после обеда. Она извинялась, что не может приехать в

ближайшее время и выражала надежду, что Луиза навестит её на будущей неделе, после того, как окончательно выздоровеет. Луиза раздражённо отбросила листок на кровать, прикусив губу. Лежать надоело. А перспектива провести в постели два дня приводила в ужас.

Надо было хотя бы озаботиться книгами, прежде чем запира́ть себя в своей комнате. Решив, что прогулка до библиотеки не слишком сложна даже для сражённой простудой леди, Луиза завернулась в голубую шаль и решительно вышла из комнаты. В доме было тихо и пустынно. Из гостиной доносился негромкий голос миссис Пинс, кажется, она обсуждала что-то с Адеолой. Прощмыгнув мимо полуоткрытой двери, Луиза поспешила в библиотеку и смогла перевести дух, только оказавшись внутри. Прислонившись к двери, она облегченно выдохнула и направилась к стеллажам.

— Похоже, это единственное место, где можно спрятаться. — Луиза подпрыгнула от неожиданности, услышав голос Томаса из глубокого кресла. Он резко поднялся, оказываясь напротив, и она задохнулась, поднимая на него глаза.

— Я думала, вы болеете. — Луиза сказала первое, что пришло на ум, и мысленно хлопнула себя по лбу. Глупо. Как это глупо.

— Признаться, я считал так же, — тихо сказал Томас, чувствуя, как стыд, терзавший его весь день, отступает. Она смущалась и мило краснела, но не выбежала с ужасом из комнаты, стоило его увидеть. — Хорошо, что мы оба ошибались. — Желание поцеловать её было таким сильным, что он с трудом сдержался, отступая в сторону и пропуская её к книгам.

— Нам надо поговорить. — Луиза рассеянно кивнула, оглушённая той яркой гаммой чувств, что вызвала его близость. Только что она готова была забыть о том, что сейчас день и за дверью полно слуг, и просить его поцеловать её так, как он делал это вчера. Святые угодники, в кого она превращается?!

— То, что произошло вчера... — Томас замялся, подбирая слова. — Это было... неправильно, но... — Он замолчал и глубоко вздохнул. Потом поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. — Я не хотел, чтобы наш первый раз был таким. Но это случилось. Сможете ли вы простить меня когда-нибудь?

Луиза смотрела на него, не мигая, чувствуя, что растворяется в этих умоляющих глазах. Слова застряли в горле. Неверно истолковав её молчание, Томас сделал шаг, снова сокращая расстояние между ними, и взял её руки в свои, осторожно поглаживая.

— Я понимаю, что прошу слишком многого. Я вёл себя отвратительно. Моему поступку нет оправдания. Я пойму, если вы никогда больше не посмотрите на меня без осуждения. Но Луиза, я прошу лишь об одном: дайте мне шанс всё исправить.

— Я не... — Луиза замолчала, боясь расплакаться от нахлынувших чувств. Томас продолжал держать её руки, осторожно поглаживая ладони. Ей хотелось стоять так вечно, просто стоять и смотреть на него, слушая его голос. Но Томас склонил голову, поочередно коснулся губами её рук и отступил, робко улыбнувшись.

— Я не буду настаивать на вашем немедленном ответе. И не буду пока беспокоить вас. — Дверь тихо закрылась, оставляя Луизу обескуражено смотреть в пустоту. Она пыталась переварить всё, что только что сбивчиво пытался объяснить Томас, но пока слышала лишь одно- мольбу в его голосе. А значит, ему не безразлично.

Тридцать первая глава

— Масса Том, к вам пришёл джентльмен. Он называет себя вашим другом. — Слуга почтительно замер перед столом.

— Что за джентльмен? — Томас нахмурился, отрываясь от бумаг, которые просматривал, и переглянулся со Свенсоном.

— Сказал, вы его ожидаете. — Слуга беспомощно посмотрел на хозяина, явно жалея, что ничем не может помочь.

— Пусть зайдёт. — Томас отпустил его, а сам достал из верхнего ящика стола пистолет и взвёл курок. Свенсон выпрямился в кресле, стиснув подлокотники.

— Гудэхи! — Напряжение моментально спало, а на лице Томаса расплылась широкая улыбка. — Признаться, ты меня здорово напугал. Не ожидал увидеть тебя днём.

Индеец прошёл к столу, окинув Свенсона цепким взглядом, и посмотрел на Томаса.

— Он всё знает. Знакомься, Свенсон, это тот индеец, о котором я тебе рассказывал. Гудэхи, это Свенсон, мой помощник и друг.

Мужчины обменялись сухими кивками. Гудэхи сел, не сводя с Томаса непроницаемых чёрных глаз.

— Он снова здесь. Саиб. Я видел его вчера в Новом Орлеане.

Томас взял перо, лежащее перед ним на столе, и задумчиво его прокрутил. Казалось, его совершенно не волнует тот факт, что главный помощник его врага находится в нескольких часах езды от «Магдалены». Наконец он поднял глаза на индейца и медленно кивнул.

— Значит, Кинг уже знает.

— Совершенно точно мы не можем быть уверены... — начал было Свенсон, но Томас его перебил:

— Надо быть уверенным, даже если это не так. Он знает. И мы знаем, что он знает. И это, смею надеяться, даёт нам преимущества. Надеюсь, он не станет откладывать нашу встречу в долгий ящик. Я, признаться, уже пресытился ожиданием.

— Сколько у нас есть времени? — поинтересовался Гудэхи, удобно устраиваясь в кресле.

— У нас? — приподнял брови Томас.

— Ты думаешь, я теперь уйду? — Индеец усмехнулся. Покачал головой. Томас лишь вздохнул, но губы тронула довольная улыбка.

— Не могу сказать точно, но думаю, неделя-две. Как долго Саиб находится в городе?

— Прибыл вчера в обед.

— Может, времени чуть больше. Свенсон, надо проверить наш арсенал. И постоянно быть наготове. Предупреди людей, которых нанял.

Управляющий кивнул, делая пометки у себя в голове.

— Гудэхи, тебе придётся пожить у нас. Я не знаю, сколько это может занять времени.

— А Луиза? — спросил Свенсон. — Куда вы денете её?

— Думаю, Луизе сейчас безопаснее всего оставаться в «Магдалене», — вздохнул Томас. — Мы не знаем, что известно Кингу и как он будет использовать полученную информацию, но я уверен, если он узнает, что Луиза- моя невеста, то попытается воспользоваться этим против меня.

***

Шли третьи сутки добровольного заточения, на которое себя обрекла Луиза. Даже самая сильная простуда за это время должна была сойти на нет, а если учесть то невероятное количество травяных чаёв, которые присылала Адеола, то в ближайшее время Луиза должна была заболеть лет через десять, не раньше. Сегодня она проснулась полная решимости выйти наконец из спальни. Вспомнилось приглашение Франчески, да и вопросов к ней за прошедшие три дня накопилось немало. Слишком много мыслей успела передумать Луиза. Слишком много вопросов теснилось у неё в голове. Вопросов, на которые могла дать ответ только женщина.

Лиловое платье из тонкой и мягкой шерсти удачно оттенило не в меру цветущий вид недавней больной. Накинув на плечи шаль, она распрямила плечи и вышла в коридор. Дом жил привычной жизнью. Две служанки натерли воском перила витой лестницы и стремительно склонили головы, когда она прошла мимо. В холле слышался голос Адеолы, отчитывающей кого-то за тусклое столовое серебро. Луиза невольно прислушалась, довольно улыбнувшись. На ум пришли первые дни в «Магдалене», бардак в управлении и груда разномастной посуды на столе. Она определённо умела вести дом, приведя его в порядок за каких-то несколько месяцев. Всего-то и требовалось, что сильная и уверенная женская рука...

В этот момент дверь кабинета отворилась, выпуская Свенсона и мужчину, внешний вид которого заставил Луизу испуганно взвизгнуть. Это явно был тот индеец с кухни, который напугал её до обморока. Индеец равнодушно скользнул по ней взглядом, но Луиза могла поклясться, что он усмехнулся.

— Луиза. — Томас кивнул, слишком сухо, по её мнению, что царапнуло по самолюбию, заставив подойти ближе, вздёрнув подбородок.

— Мне надо с вами поговорить.

— Не сейчас, Луиза. — Томас качнул головой, делая шаг по направлению к удаляющимся мужчинам.

— Но это важно! — нахмурилась Луиза, уязвлённая его тоном.

— Луиза, я прошу вас- потом, — с нажимом проговорил Томас. Индеец и Свенсон остановились у двери, делая вид, что не прислушиваются.

— Я собираюсь поехать к Бишопам сегодня.

— Нет, Луиза. Вы останетесь в поместье.

— Я не спрашиваю, я ставлю вас в известность! — Луиза задыхнулась от возмущения.

— Луиза. — Томас нахмурился. — Я тоже не прошу вас. Вы останетесь в поместье. Это не обсуждается.

Луиза замерла, потрясённо глядя на него. Она не верила своим ушам! Они провели вместе всего несколько... кхм... минут, а он уже обращается с ней, как с женой, приказывая!

— Если вы думаете, что я буду спокойно сидеть в поместье, когда вам вздумается запретить мне выезжать, то вы жестоко...

— Луиза! — Томас угрожающе повысил голос. Тишина, повисшая в доме, стала осязаемой, оседая на плечи. — Давайте обсудим это позже.

— Вечером. — Луиза с вызовом посмотрела на Томаса.

— Хорошо, — раздражённо выдохнул Томас, думая, что объяснять реальные причины отказа невесте он не может, а значит, придётся выдумывать более-менее объективную причину.

Сухо кивнув, он присоединился к мужчинам, и спустя пару минут Луиза осталась одна,

не считая слуг, спешно вернувшихся к работе. Возмущение кипело, затмевая доводы рассудка, призывающие прислушаться к Томасу, дожидаться вечера и узнать причины запрета. Но благоразумие уступало место желанию поступить назло, показать, что она не собирается подчиняться любому запрету будущего мужа, который, возможно, превратится со временем в обычного самодура!

Спустя час коляска Уоррингтона выехала за пределы поместья- Луиза, убедившись, что Томас уехал на плантацию, довольно улыбалась своему маленькому демаршу, представляя, какое у него будет лицо, когда он узнает об её отъезде. До «Тризна» добрались без происшествий. Солнце светило ярко, небо было голубым, а розы в поместье Бишопов всё ещё цвели. Франческа встретила подругу с радостью, поднимаясь с диванчика и протягивая руки.

— Луиза, дорогая, я несказанно рада вас видеть!

— Простите, что не предупредила вас заранее, но вы, помнится, звали посетить вас, как только я поправлюсь. — Луиза сняла перчатки и шляпку и присела напротив.

— Какие могут быть между нами условности! — Франческа, как всегда, сверкала, словно райская птичка. Сливовое платье и изумрудно-зелёный тюрбан могли бы испортить кого угодно, но на леди Бишоп смотрелись модно и органично. — Вы не откажетесь от чашечки кофе?

— Если честно, этот напиток пока так и не полюбился мне, — призналась Луиза, наблюдая за тем, как служанка накрывает на стол. — А где лорд Бишоп? Как дела у Виктории?

— О, лорд Бишоп уехал в Батон-Руж. — Франческа взяла в руки чашечку и улыбнулась, как кошка, наевшаяся сметаны. — Его не будет ещё три дня. А Виктория сейчас занимается с учителем. Я же, как видите, предаюсь унынию.

— Вижу, что ваше уныние пытаются развеять письма. — Луиза красноречиво посмотрела на несколько листков, которые Франческа, видимо, читала до её прихода. Та вдруг смутилась, пытаясь накрыть письма рукой.

— Прошу вас. — Луиза протянула руку, касаясь её колена. — Не стоит. Я не враг вам. И уж тем более никогда ничего не расскажу лорду Бишопу.

— Откуда вы?.. — в глазах Франчески испуг мешался с облегчением. Её взгляд лихорадочно метался по лицу Луизы, ища осуждение или презрение. Но находил лишь понимание и сочувствие. Наконец она судорожно выдохнула и спрятала лицо в ладонях.

— Вы не представляете, как это тяжело- хранить всё в себе, не имея возможности поделиться. А ведь я... Я так его люблю, Луиза!

— Де Шабри? — Луиза и сама удивилась, как легко это прозвучало. И почему она раньше ни о чём не догадывалась? Не видела очевидного.

Франческа кивнула, не отнимая рук от лица. Плечи её мелко вздрагивали. Луиза впервые видела её такой- подавленной, но вместе с тем действительно очень счастливой.

— Вы пытались сбежать тогда, — медленно проговорила Луиза, вспоминая ночь, когда на их пороге появилась Франческа.

Франческа кивнула, поднимая глаза на Луизу, и слабо улыбнулась.

— Он всё продумал, всё, до мелочей. Только погода не захотела считаться с нашими планами. Если бы не ураган, мы бы уже давно были вместе...

— Но почему вы не пытались бежать ещё раз?! — удивилась Луиза.

— Мне больше не позволят совершить подобную ошибку. — Улыбка Франчески стала печальной. — Я слишком много знаю, чтобы лорд Бишоп позволил мне убежать. Я имела

глупость оставить ему письмо, надеясь, что оно станет залогом безопасности, моей и Виктории. Но он нашёл его раньше, и теперь я стала заложницей собственных слов.

— Ничего не понимаю. — Луиза недоуменно смотрела на Франческу, но та лишь грустно покачала головой.

— Не пытайтесь, Луиза. Эта тайна стоит слишком дорого, чтобы я имела право посвящать вас в неё. Достаточно того, что я никогда не смогу вырваться отсюда, чтобы стать по-настоящему счастливой. А когда Виктория выйдет замуж, я и вовсе останусь одна с лордом Бишопом...

Усталая обречённость в её голосе заставила Луизу вздрогнуть. Она вдруг по-новому посмотрела на эту женщину, что стала её подругой. Яркую, жизнелюбивую и прямую. Ей невольно пришло на ум сравнение с яркой птичкой, запертой в клетку, отнюдь не золотую. А серую, унылую, повешенную в самый дальний угол пыльной комнаты.

— Мне очень жаль, Франческа, — прошептала Луиза, действительно чувствуя невыразимое сожаление.

— Не стоит, Луиза. — Франческа уже взяла себя в руки и снова смотрела с игривым любопытством. — Расскажите лучше, как дела у вас. Как подготовка к свадьбе? Как мистер Уоррингтон?

— О, он уже вовсю пользуется своим правом мужа запрещать мне что-то, — недовольно махнула рукой Луиза. — Сегодня, например, он не позволил мне приехать к вам. Представляете? Просто так! Наверняка ему нравится эта власть, что он вскоре надо мной получит.

— Мистер Уоррингтон никогда не совершал необоснованных поступков, — покачала головой Франческа, беря в руки кружечку с кофе. — Вы уверены, что он запретил вам приезжать просто так?

— Мы собирались обсудить это вечером. — Луиза вдруг почувствовала холодок, пробежавший по позвоночнику. Действительно, стоило ли срываться с места и ехать сегодня, когда можно было обсудить всё спокойно и приехать завтра?

— Вы уже жалеете о своём поступке? — понимающе улыбнулась Франческа, легко читая Луизу как открытую книгу. — Уверена, мистер Уоррингтон вас простит. Он очень хорошо к вам относится. Возможно, со временем даже полюбит.

В её голосе снова скользнула грусть, и Луиза решила задать очередной вопрос.

— Франческа, а когда вы выходили замуж, вы любили лорда Бишопа?

— Любила? — Франческа горько усмехнулась. — Я боготворила его! Он приехал в Новый Орлеан и моментально покорила всех и вся своими манерами, видом, титулом. Английские пары — редкость в Новом Свете. А он вдруг заявил, что хочет остаться здесь навсегда! Я любовалась им издали, мечтая станцевать хотя бы один танец. Мне было шестнадцать. Я была слишком юна и слишком влюблена. Когда он выбрал меня из десятков других невест, мне казалось, я умру от счастья!

— А сколько лет было лорду Бишопу?

— Сорок пять.

— Так много! — вырвалось у Луизы. — Но как вы решились... как вы... он же...

— Был старым уже тогда? — понимающе улыбнулась Франческа. — Он был прекрасен. Умудрен опытом, окутан ореолом таинственности и загадочности. И я была счастлива с ним. До того момента, как родился Найджел. Уже тогда в нём стала проявляться незамеченная ранее жестокость. А после, с рождением Виктории, он окончательно отдалился, посвятив

всё время заботам о плантации. Иногда слишком живо вникая в решение проблем...

Она замолчала, и Луиза тоже задумалась, пытаясь представить, каково это- с каждым годом всё дальше и дальше отдаляться от любимого, постепенно раскрывая в нём жестокого и холодного человека, лишённого сочувствия.

— Скажите, Франческа, а у лорда Бишопа... в смысле... как он... у вас больше не было детей...

— Луиза. — Франческа перебила её, снисходительно качая головой. — Кажется, я понимаю, о чём вы хотите спросить. Есть ли у моего мужа другая женщина? Полно. Все молоденькие служанки в доме, несколько рабынь на плантации, продажные женщины Нового Орлеана и Батон Руж- лорд Бишоп всегда любил разнообразие.

— Матерь Божия! — вырвалось у Луизы. — И вы всё это терпите?!

— Помилуйте, а что мне остаётся? Куда мне деваться, одной и с ребёнком?! Все мои деньги принадлежат мужу, жить мне негде. «Пока смерть не разлучит вас...»- иногда эти слова приобретают очень зловещий смысл.

— Это ужасно. — Луиза никогда не пыталась заглянуть в чужую семью дальше, чем было необходимо, и то, что открылось ей сегодня, заставляло очень крепко задуматься над своим собственным будущим.

— Не всегда. — Франческа тепло улыбнулась. — Дети придали смысл моей жизни и...

Шум в холле заставил её замолчать и прислушаться, переглянувшись с Луизой. Дверь в гостиную распахнулась, и на пороге появился мистер Уоррингтон, за спиной которого маячила фигура испуганного мажордома.

— Леди Бишоп. — Томас кивнул Франческе и повернулся к Луизе. От его ледяного взгляда у неё внутри всё застыло. — Надеюсь, вы извините нас, но нам с леди Грейсток необходимо вас покинуть.

— Мистер Уоррингтон. — Франческа хитро улыбнулась, переведя взгляд с пылающего ледяным гневом Томаса на перепуганную Луизу. — Уверена, вы бы не стали лишать меня приятного общества без особой на то необходимости.

— Рад, что вы меня понимаете, — кивнул Томас, следя за тем, как Луиза поднимается, берёт в руки шляпку и перчатки и скомкано прощается с Франческой.

Держа голову высоко поднятой, Луиза прошла за Томасом через холл и замерла на мгновение на крыльце. Шестеро всадников ждали у входа, лошади их нетерпеливо приплясывали, блестя потными боками. Их явно не щадили. Коляску подали через пять минут, и за это время Томас не произнёс ни слова, отбивая стеклом нетерпеливую дробь по голенищу сапога. Наконец коляска остановилась перед ними, и он протянул руку, помогая забраться внутрь. Если бы Луиза могла, она бы с радостью вспорхнула туда, не касаясь его твёрдой, как камень, ладони. Едва дверца коляски закрылась, как Томас взлетел в седло и всадники медленно выехали на дорогу.

Обратный путь прошёл в полном молчании и спешке. Никогда ещё Луиза не ездила из «Тризона» в «Магдалену» с такой скоростью. Коляска сделала круг и остановилась у входа в поместье, где их уже ждали слуги. Томас тут же оказался перед дверцей, подавая руку и буквально вытаскивая Луизу наружу. Она вцепилась в его рукав, чтобы не упасть- с такой силой он потянул её наружу. Бросила было вопросительный взгляд, но он даже не смотрел в её сторону.

— Мистер Уоррингтон? Томас? — Луиза сделала слабую попытку заговорить, но натолкнулась на непробиваемое молчание.

— Я... я не должна была ехать без вашего разрешения. — Луиза заговорила сбивчиво, быстро, понимая, что стоит им зайти в дом и он оставит её, возвращаясь к своим делам. — Я прошу простить меня. Томас, пожалуйста! — Она потянула его за рукав, вынуждая остановиться на пороге перед дверью. — Я прошу вас, простите меня. Я не знаю, с чем связан ваш запрет, но теперь я понимаю- просто так вы не стали бы...

— Не стал бы, — эхом повторил Томас, обратив на неё яростный взгляд. — А вы- стали. Вы не просто решили послушаться меня. Вы сделали это демонстративно, после того как я запретил вам выезжать на глазах у всего дома! Что, по-вашему, я должен сделать теперь?

— Наказать меня, — еле слышно ответила Луиза, глотая слёзы.

Томас фыркнул, качая головой. Раздражение, злость на Луизу бурлили в крови. Страх, когда он понял, что она уехала, облегчение, когда увидел её спокойно распивающей чай с Франческой, ярость за то, что заставила мчаться сломя голову, да ещё и подключив к этому людей, которые должны были охранять «Магдалену»...

— Вы уже сами себя наказали, Луиза, — сухо ответил он и открыл дверь, пропуская её вперёд.

Тридцать вторая глава

Дни потянулись, тоскливые, серые, как и погода за окном. Дожди накрыли Луизиану мокрым покрывалом, не прекращаясь ни на минуту. Проливные, сильные, морозящие, мелкие- Луиза полагала, что, живя в Лондоне, узнала о дождях всё. Как же сильно она ошибалась! Казалось, влажность проникала повсюду, и прогнать её могли только ярко натопленные камины, которые горели, не переставая. Но даже им было не под силу разогнать холод, поселившийся в «Магдалене».

Минуло две недели после поездки в «Тризон», а Томас так и не произнёс ни слова. Вежливо и отстранённо он разговаривал с Луизой за столом, в обществе миссис Пинс и Свенсона. Но, стоило им остаться наедине, он уходил, не обращая на Луизу ни малейшего внимания. «Вы сами себя наказали»- сколько смысла теперь было в этих словах! Луиза уже сотню тысяч раз прокляла себя за ту поездку, за то, что ослушалась, решив проявить свой характер тогда, когда в этом не было никакой необходимости. За то, что заставила переживать Томаса. Теперь она понимала, что запрет действительно был вызван не желанием показать свою власть. Что-то происходило. Что-то, державшее в напряжении весь дом. Появились новые люди. Удвоилось количество слуг, а мужские силуэты с ружьями то и дело мелькали за окнами, вызывая безотчётный страх.

До Рождества оставалось меньше трёх недель, но дом едва ли походил на место будущего торжественного события. Даже говорить старались тихо, словно где-то в дальних комнатах лежал смертельно больной человек.

В очередной раз тяжело вздохнув, Луиза отложила вышивку в сторону и с затаённой надеждой посмотрела на закрытую дверь, за которой можно было услышать голос Томаса. Миссис Пинс сочувственно посмотрела на подопечную. О размолвке между ней и мистером Уоррингтоном она узнала из первых уст- Луиза поведала обо всём в первый же вечер. И не сказать, что компаньонка не разделяла мнения мистера Уоррингтона о поведении Луизы. Напротив, его негодование нашло горячую поддержку у миссис Пинс, которая не преминула добавить, что в её молодости подобный поступок неминуемо привёл бы к наказанию и простым порицанием Луиза бы не отделалась.

— Скорее всего, Лоиз, вы бы два дня не могли нормально сидеть, — добавила миссис Пинс, поджав сухие губы. Тогда Луизу ужаснули её слова, сейчас же она бы с радостью приняла любое наказание, которое было бы лучше этой невыносимой тишины. Он смотрел будто сквозь неё, не замечая, говорил, словно цедил слова, и после каждой подобной встречи Луиза не могла сдержать слёз, чувствуя, что к свадьбе от неё останется лишь слабая тень.

Свадьба. Неужели и после он будет относиться к ней так же?! Тяжесть одного в общем-то незначительного проступка перенесёт на всю их совместную жизнь?! О, мать Божия, она не вынесет этого молчания!

Голоса в холле затихли, видимо, джентльмены снова заперлись в кабинете, в котором проводили теперь почти всё время, свободное от поездок по плантации. Даже еду им всё чаще приносили туда, лишив Луизу возможности видеть Томаса хотя бы за завтраком и обедом.

День, занятый напряженным ожиданием, подходил к концу. Томас, проверив, все ли на месте, устало выдохнул и потёр глаза. Неизвестность изматывала. Нервы, натянутые, как тонкая струна, грозили вот-вот лопнуть. Он готов был сам ехать на встречу с Кингом, и

давно бы так и сделал, но Саиб опять исчез. Его не видели ни в Орлеане, ни в Батон-Руж, ни в небольших городках в округе. Томас чувствовал себя добычей, вокруг которой кругами ходит тигр, постепенно сужая кольцо и готовясь вот-вот взять его в тиски и прыгнуть.

Он, Гудэхи, Свенсон — кажется, они давно забыли, что значит сон. Непрерывное ожидание опасности изматывало, лишая сил, мешая мыслить здраво. Сегодня они разругались, решая, кому лучше отправиться на поля проверять посты. Люди там мокли, сутками просиживая в воде, всматриваясь в дождливую пелену. Наконец Томас вспомнил, что они только сегодня отправили туда отряд на смену, и мужчинам оставалось лишь растерянно улыбнуться, пожимая плечами — усталость брала своё. Им непременно следовало отдохнуть. Волевым решением Томас отправил Гудэхи и Свенсона спать, а сам задержался в кабинете, всматриваясь в многочисленные заметки и карты и чувствуя, что совершенно ничего в них не понимает.

Последние дни давно слились в одно мутное пятно, в котором нельзя было разглядеть ни одного проблеска. Главное, что Луиза была здесь, под присмотром, и он мог защитить её. Томас тяжело вздохнул, лестница, ведущая в его спальню, никогда ещё не казалась такой длинной. Луиза. Он давно простил её, напомнив себе, что восемнадцатилетние девушки очень часто лишены рассудительности и действуют порывисто и, как им кажется, дерзко. Стоило бы поговорить с ней, но времени на это катастрофически не хватало.

Поднявшись к себе, Томас закрыл дверь, отмечая, что слуги не только растопили камин, но и зажгли пару свечей, освещающих кровать мягким рассеянным светом. Адово пекло, он и сам не осознавал, как устал! Томас принялся стягивать тёмно-серый фрак, когда взгляд его упал на тень, черневшую на полу. Чужой профиль обрисовывался за ширмой. Томас бросил фрак на кресло и непринуждённо подошёл к тумбочке, расстёгивая запонки. Затем наклонился, кладя их в фарфоровую подставку, и в следующую секунду уже выхватил пистолет, лежащий в верхнем ящике, и направил его на ширму.

— Лучше выходи. — Он взвёл курок, сухо щелкнувший в тишине. — Не думаю, что выстрел в голову ты сможешь пережить.

Тень за ширмой покачнулась, и из-за неё медленно вышла Луиза. На бледном лице ярко блестели испуганные глаза. Томас выдохнул, опуская руку, и укоризненно посмотрел на девушку.

— Луиза, вы знаете, что я мог запросто вас пристрелить? Без слов?

Луиза молча кивнула, пытаясь совладать с дрожью.

— Что вы здесь делаете? Вам здесь не место. Возвращайтесь к себе. — Томас вернул пистолет на место и устало пригладил волосы.

— Нам надо поговорить. — Самообладание вернулось к Луизе, и она твёрдо посмотрела на жениха, полная решимости развеять все недомолвки. — Я никуда не уйду, пока вы не выслушаете меня.

— Вы невероятно настойчивы, — пробормотал Томас, отворачиваясь и расстегивая перламутровые пуговицы на атласном жилете. — Говорите, только быстрее, прошу вас. Я несказанно устал и хочу скорее лечь.

— Вы что, так и будете продолжать раздеваться? — испуганно спросила Луиза, наблюдая за тем, как к фракку присоединился жилет, а руки Томаса уже сражаются с завязками у горла рубашки.

— А что, вас это смущает? — Томас повернулся и улыбнулся краешком губ. — Вы видели меня и без рубашки, если память мне не изменяет.

— Но тогда мы были в лесу, и... — Луиза беспомощно замолчала, глядя, как он стягивает с себя батистовую ткань, оставаясь обнаженным по пояс.

— Луиза. — Томас замер, держа рубашку в руках. — У меня нет желания смущать вас сверх меры. Но, смею напомнить, это вы пришли ко мне в комнату и требуете чего-то. А значит, с вашего позволения, я продолжу свой вечерний туалет, пока вы рассказываете, зачем пришли.

Произнеся это, Томас, к облегчению Луизы, зашёл за ширму. Она вспыхнула, расслышав звук расстегивающегося ремня, живо напомнивший ей тот, другой, так часто являвшийся ей во снах. Смущённо кашлянув, она начала:

— Я пришла извиниться. Я знаю, что поступила плохо, знаю, что поставила по угрозу ваш авторитет перед слугами. Я не думала о том, что делаю, я лишь хотела задеть вас. Вы запретили мне ехать, а я... я... — Она замолчала, глядя на Томаса, облачённого в бордовый стеганый домашний халат. Взгляд невольно скользнул вниз, на босые ступни, выглядывающие из-под длинных и широких штанин. Отчего-то его ноги, которые она впервые увидела без обуви, показались невероятно волнующими и привлекательными. Она поспешно подняла глаза на Томаса, который, казалось, не заметил её смущения и прошёл к умывальнику, склоняясь над ним.

— Я была не права. — Луиза вздёрнула подбородок, глядя прямо перед собой. — Я прошу вас простить и перестать делать вид, будто меня нет. Это... это невыносимо! — Голос скакнул вверх, и Луиза осеклась, сжав губы.

Томас повернулся к ней, глядя так удивлённо, будто только что увидел. На кончиках волнистых волос и ресницах блестела вода. «А ведь скоро я буду видеть его каждый вечер таким», — мелькнула в голове мысль, и Луиза снова вспыхнула, только сейчас осознав двусмысленность своего положения. Наедине с мужчиной, который пока не является её мужем... О, видела бы её сейчас графиня Грейсток!

— Но я не злюсь на вас. — Томас подошёл ближе и мягко приподнял её голову за подбородок. — Я понимаю, что ваша поездка лишь глупая выходка обиженного ребёнка. Разве можно долго злиться на детей?

— Но я не ребёнок! — возмущённо фыркнула Луиза, дёрнув головой. — Хотя вы правы, я была обижена, — тут же сдалась она, понимая, что пререкания ни к чему хорошему не приведут.

— Что ж, я не обижен, вы признаёте, что были не правы. Полагаю, на этом наш разговор можно считать оконченным. — Томас демонстративно показал глазами на дверь. Луиза покорно вздохнула, собираясь уходить, но вдруг поняла, что ей этого совершенно не хочется. Он был таким домашним, таким близким сейчас, что сердце сжималось при мысли о том, что надо оставить его одного.

— Можно я останусь? — прошептала она еле слышно, пряча глаза. — Я буду просто сидеть рядом. Тихо-тихо. Я вас не потревожу.

— Не думаю, что это- здравая идея, — с сомнением протянул Томас, бросая взгляд на манящую мягкими подушками постель.

— Я прошу вас, — ещё тише проговорила Луиза, поднимая глаза. — Я... мы... мы ведь скоро будем спать в одной постели. Что плохого в том, чтобы провести одну ночь вместе?

— Действительно, — пробормотал Томас скорее себе, нежели Луизе. — Всё, что могло быть в этом плохого, уже случилось. Оставайтесь, — добавил он громче.

Боясь, как бы он не передумал, Луиза нырнула под одеяло, не снимая халата. Кровать

рядом ощутило прогнулась, когда Томас лёг и задул свечи. Она замерла, не зная, что делать дальше, боясь пошевелиться. А вдруг сейчас он снова захочет сделать с ней то, что делал в кабинете? «Разве не за этим ты осталась?» — ехидно прошептал голос в голове, и Луиза нехотя согласилась, что все ночи теперь были заняты лишь одним — супружеским долгом и всем, что с ним связано. Она снова и снова вспоминала случившееся, прокручивая в голове, и всё больше приходила к мысли, что знает слишком мало, чтобы судить о том, хорошо это или плохо.

Осторожно выдохнув, она повернулась на спину, чувствуя рядом жар чужого тела. Повернувшись на бок, она робко подняла глаза на Томаса, но тут же вздохнула то ли с сожалением, то ли с облегчением — он спал. Крепко спал, едва коснувшись подушки головой. И Луиза могла вдоволь любоваться им, прислушиваясь к мерному дыханию. Вскоре сон сморил и её. Крепкий сон без сновидений.

Томас проснулся с удивительным и давно забытым чувством покоя. Глаза открывать не хотелось, хотелось просто лежать, слушая тихий шелест дождя за окном, потрескивание дров в камине и еле слышное дыхание Луизы. Она лежала, прижавшись к нему всем телом, уткнувшись носом между лопаток, и шевелиться не было ни малейшего желания. Утро ещё не наступило, дом спал, и Томас осторожно потянувшись за спину, взял руку Луизы и положил себе на грудь, нежно целуя тонкие пальчики. Мысль о том, что вскоре он будет засыпать и просыпаться с ней каждый день, наполнила душу теплом, мягко и невесомо отправляя в сон.

Луиза проснулась от шума — кто-то возился у камина, разжигая потухшее пламя. Спина Томаса возвышалась перед ней, горячая и большая. Во сне она обняла его, и теперь боялась пошевелиться, чтобы не разбудить. Шум повторился, и Луиза с ужасом поняла, что её застали в постели Томаса, а значит, слухов не избежать. Она зажмурилась и вжалась в его спину, надеясь, что в полумраке кровати её не заметят. Но осторожное касание до плеча заставило обречённо открыть глаза, встретившись взглядом с улыбающейся Адеола. Она показала глазами на дверь и деликатно отвернулась, пока Луиза выбиралась из тёплой кровати. Лишь оказавшись в коридоре, Адеола заговорила.

— Не мне вам советовать, мисс Луиза, но лучше бы вам пока быть осторожнее. — Она оглянулась. — Рабы из разных домов общаются меж собой, не надо давать поводов. Их и так предостаточно.

— Адеола, я... Ты всё не так поняла, — начала Луиза, отчаянно краснея. Но экономка ласково накрыла её руку своей большой мягкой ладонью и осторожно её пожала.

— Я всё знаю, мисс Луиза, не переживайте. И последствий никаких не будет, не волнуйтесь. Пока свадьбы не будет, ребёночка тоже не будет.

— Ребёночка? — в ужасе выговорила Луиза, до которой только сейчас начало доходить, что после их ночи могли появиться дети.

— Я же говорю, не беспокойтесь. — Адеола улыбнулась. — Я знала, что вы будете вместе, мисс Луиза. С самого вашего приезда. Я просила унгана, и он помог.

— Унгана? — Луиза в страхе посмотрела на экономку. В голове некстати вспыхнули слова Таонги.

— Не бойтесь, — правильно угадала причину её страха Адеола. — Унган не прибежал к чёрной магии вуду. Он лишь заговорил вашу куклу на счастье.

— Куклу? — Луиза уже совершенно ничего не понимала. Тем временем они дошли до её комнаты, и Адеола пропустила её внутрь, входя следом и закрывая дверь. После тёплой

спальни Томаса собственная спальня показалась Луизе неудобной и унылой.

— Унган сделал куклу из ваших волос и надел на неё платье из ваших кружев. Она защищает вас. Защищает от злых духов. И приносит счастье. Уже принесла. Я видела. Вы счастливы с массой Томасом.

— Адеола... — Луиза не знала, что сказать. Наивная вера Адеолы во всемогущество духов могла бы вызвать улыбку ещё полгода назад, но теперь Луиза сама себе призналась, что верит в них. Пусть это казалось диким суеверием, но после встречи с Таонгой Луизе не казалось, что духи- выдумка чернокожих рабов.

— Нсамби оберегает вас, мисс Луиза. Будьте покойны, с вами ничего не случится.

***

Последняя неделя до свадьбы началась с радостной вести- дождь наконец утих. Размокшая земля блестела многочисленными лужами, отражая серое зимнее небо. С утра в дом принесли огромную пушистую ель, и теперь слуги сновали вокруг, переговариваясь вполголоса. До сегодняшнего дня традиции отмечать Рождество в «Магдалене» не было.

— Какая красота! — Ель была первым, что заметила Луиза, спустившись к завтраку. Аромат хвои затопил холл, наполняя душу предвкушением праздника и чудес. Миссис Пинс, довольная не меньше своей подопечной, раздавала указания слугам, развешивавшим розетки из кружев на ветки.

— Надо украсить лестницу и главный зал. — Луиза остановилась перед деревом. — Я совсем забыла про Рождество. А теперь эта ёлка... Ну не чудо ли, миссис Пинс?

— Определенно чудо, Лоиз, — довольно произнесла та, отступив от ели на несколько шагов и окидывая её придирчивым взглядом. — Будто я снова оказалась дома.

Томас улыбался, глядя на восторженную Луизу и хваля себя за то, что вспомнил о традиции украшать дом к праздникам. Немного радости им всем не помешает. Воспользовавшись всеобщей суматохой, он осторожно взял её за руку, увлекая за собой наверх.

— Я думал сделать сюрприз после свадьбы, но решил не ждать. — Томас вёл Луизу в своё крыло, заговорщически улыбаясь. Наконец он остановился перед закрытой дверью. Здесь Луиза ещё не бывала. Толкнув дверь, Томас приглашающее взмахнул рукой, отступая в сторону.

— Это ваши комнаты теперь. Ну, то есть они станут вашими после свадьбы, — поспешно исправился он, наблюдая за реакцией Луизы.

Просторная гостиная, казалось, была перенесена сюда напрямиком из Лондона. Тканевые обои с цветами, картины в круглых рамках, два дивана и несколько кресел у камина и шторы: плотные, тяжелые гардины, невесомый тюль, скрывавший так надоевшие Луизе вездесущие ставни. Из гостиной через полуоткрытую дверь виднелась другая комната, оказавшаяся спальней с большой кроватью с бархатным балдахином, москитная сетка на нём была собрана наверху. Зеркало, комоды, тумбочки- Луиза переходила от одного предмета к другому, то беря в руки хрупкую фарфоровую статуэтку, то проводя ладонью по гладкой столешнице бюро.

— Это невероятно! — Она повернулась к Томасу, прислонившемуся к дверному косяку. — Это... Когда вы всё это успели? И как?!

— Мне помог Свенсон. — Томас широко улыбнулся, делая шаг навстречу. — Вам нравится?

— У меня не хватит слов, чтобы выразить, как, — восторженно прошептала Луиза,

подходя ближе и кладя руки на его плечи.

— Я прекрасно пойму всё без слов, уверяю вас, — выдохнул ей в губы Томас, прежде чем поцеловать.

Хорошей погоды хватило не надолго — спустя три дня на штат обрушился ураган невероятной силы. Ветер раскачивал деревья, пригибая к земле, срывая крыши с домов. Разлившаяся Миссисипи затопила несколько плантаций, и вода подступала, заставляя людей в панике бежать вглубь континента. Жители «Магдалены» сидели в доме за закрытыми ставнями, прислушиваясь к рёву стихии и вздрагивая от раскатов грома. Миссис Пинс громко молилась, Адеола в кругу рабов вторила ей, обращаясь к духам леса.

Оглушительный треск и последовавший за ним грохот заставили всех испуганно вскочить, прислушиваясь. Переглянувшись, Томас, Гудэхи и несколько рабов бросились наружу. Вернулись они через несколько минут, насквозь промокшие.

— На дом завалилось дерево. Кажется, пробило крышу, но узнать мы сможем только тогда, когда закончится буря.

— Пробило крышу? — Луиза растерянно посмотрела на Томаса. Тот сокрушенно кивнул.

Худшие опасения подтвердились к ночи, когда буря ушла, оставив после себя стихающий дождь. Огромный вековой дуб рухнул на крыло, в котором располагались комнаты Луизы, миссис Пинс и Свенсона. В холле теперь достаточно было поднять глаза, чтобы увидеть небо. Потрясённая разгулом стихии, Луиза заторможено наблюдала за тем, как расчищают завалы в темноте. Рождественская ель переливалась золотым кружевом, мерцая в свете свечей.

К ночи из соседних плантаций, пострадавших меньше «Магдалены», прибыли де Шабри и Бишопы. Пока мужчины оценивали ущерб, женщины в столовой обсуждали случившееся.

— Это невероятно, но такое случается. — Франческа покачала головой. — Три года назад у Жаккар затопило весь первый этаж. После этого они решили сделать там подвал, а сами надстроили ещё один этаж сверху.

— Я никогда не видела подобных ураганов раньше. — Луиза вздохнула. — А здесь за полгода стала свидетелем уже второго.

— Привыкайте, Луиза, — усмехнулась Франческа. — Здесь это не редкость.

— Жаль, что свадьбу придётся отложить, — вздохнула Луиза. Двери открылись, пропуская мужчин, успевших переодеться к ужину.

— Почему же откладывается? — воскликнула Франческа. — Вы вполне можете провести её у нас в «Тризоне». Не правда ли, дорогой? — Она повернулась к лорду Бишопу. — Ты не возражаешь, если свадьба мистера Уоррингтона и леди Грейсток пройдёт у нас?

— Ничуть, — качнул головой Бишоп, хотя по лицу его трудно было понять, рад он этому или же нет. — Крышу в «Магдалене» починят за несколько дней. Всё это время вы вполне можете пожить у нас.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — начал было Томас, но де Шабри его перебил:

— Не спорьте, Уоррингтон, неужели вам самому не хочется приблизить этот радостный день? — Он едва заметно подмигнул. Томас перевёл взгляд на Луизу, смотревшую на него с такой надеждой, что ему ничего не оставалось, как согласиться.

— Решено! — Франческа захлопала в ладоши. — Завтра же отвезём все украшения и

наряды и разошлём новые приглашения. Уверена, все поймут. А послезавтра вы станете мужем и женой!

Тридцать третья глава

Переезд в «Тризон» не занял много времени. Слуг оставили в «Магдалене», взяв с собой только Зэмбу и личного слугу Уоррингтона. Крышу планировали починить за неделю, и Луиза несказанно этому радовалась- всё в «Тризоне» казалось ей чуждым. Она столько раз приезжала погостить к друзьям в Англии, оставаясь у них на несколько дней, а здесь не могла привыкнуть, чувствуя себя неловко.

Комната, в которую её поселили, разительно отличалась от её спальни в «Магдалене». Словно розовая раковина, она была отдела тканевыми панелями с огромными розами; на камине, столиках, подсвечниках матово сиял перламутр. Во всём этом обилии кружев и цветов Луиза чувствовала себя крайне неуютно, с тоской вспоминая почти аскетичную обстановку в своём поместье.

В своём. Завтра она станет миссис Уоррингтон. Луиза не могла не думать об этом, снова и снова возвращаясь мыслями к завтрашнему дню. Странно, но волнение, связанное со свадьбой, ушло, рассеянное тревогами из-за незапланированного переезда. Непривычная приветливость Бишопа и лёгкость, с которой он согласился предоставить им свой дом, настораживали. Луиза ни на минуту не забывала об охране, которую усилил Томас и которую пришлось также оставить в «Магдалене». Она замечала, что он напряжён и тоже чувствует себя не на месте, считая часы до возвращения в безопасность своего поместья. Кто угрожал ему? Они так и не успели обсудить.

Весь день Франческа щебетала, не переставая, а её счастливая улыбка с лёгкостью освещала весь дом, заменяя сотни свечей. Впрочем, Луиза её понимала- де Шабри остался в поместье до торжества, приняв приглашение хозяев погостить несколько дней.

— Думаю, одним гостем больше, одним меньше- роли уже не играет, — добродушно ухмыльнулся Бишоп, сверкнув ледяным взглядом. Луиза поёжилась. После его предложения, постыдного и скандального, она не могла воспринимать лорда Бишопа нормально. Ей постоянно казалось, что он следит за ней своим жутким немигающим взглядом, чем-то напоминающим взгляд аллигатора.

Последний день перед свадьбой был наполнен суетой и волнением. Охалки бутоньерок, лент, гирлянд, белых, золотых, зелёных, заполнили каждый свободный дюйм комнат, залов и коридоров. В воздухе запахло хвоей- Франческа, увидев ель в «Магдалене», загорелась поставить такую же у себя. Луиза невольно заразилась её энтузиазмом и весь день со смехом переходила из комнаты в комнату, помогая украшать, подсказывая, перевешивая. Под вечер обе леди обессиленно упали на диваны, довольно улыбаясь.

— Ну что, Луиза, вы готовы? — Франческа хитро улыбнулась, принимая из рук служанки чашечку с кофе.

— О чём вы? — Луиза покачала головой, отказываясь от горького напитка, и налила себе чаю.

— О первой брачной ночи, естественно! — подмигнула леди Бишоп, дождавшись, пока служанка выйдет.

Луиза моментально вспыхнула, опуская глаза. Но быстро взяла себя в руки, небрежно пожимая плечами и делая небольшой глоток.

— Полноте, Луиза, вы не могли об этом не думать. — Франческа недоверчиво посмотрела на подругу. — Если у вас есть вопросы, вы можете задать их мне. Я с радостью

ответчу. Уверена, если вы что-либо и слышали, то точно не так и не то. Потому что, что бы там ни говорили наши чопорные матроны, супружеский долг, да и вообще телесная любовь, — потрясающее и приятное действо.

Луиза подняла заинтересованный взгляд на Франческу, и та, заметив, радостно рассмеялась.

— Я знала, что смогу вас заинтересовать! Конечно, не всё из того, что я расскажу, вам удастся попробовать в первую же ночь, но после, когда вы привыкнете к мужу и к тому, что происходит между вами...

— А если я уже?... — вырвалось у Луизы. Она осеклась, испугано глядя на Франческу.

— Уже?! — удивилась леди Бишоп. — Что ж, не скажу, что я сильно удивлена. Но в таком случае, думаю, мои советы вам не нужны...

— Нет-нет, Франческа, нужны! Я бы даже сказала, необходимы! — взмолилась Луиза, хватая её за руку. — Я ведь ничего не знаю. Совсем ничего! Всё случилось так быстро и так непонятно, и неприятно, и...

Она снова замолчала, а Франческа придвинулась ближе, ободряюще пожимая ее руку.

— Расскажите мне всё, Луиза. Думаю, вместе мы разберёмся в том, что было, и в том, что ещё будет.

Подруги проговорили до позднего вечера. Ужин перед свадьбой решили накрыть отдельно леди и джентльменам. Франческа, Луиза и миссис Пинс ужинали в комнате невесты, обсуждая завтрашний день. Компаньонка подозрительно поглядывала на подруг, которые то и дело многозначительно переглядывались, взрываясь смехом. Венчание было назначено на одиннадцать утра, а праздничный обед накрывали к часу. В час ночи миссис Пинс многозначительно посмотрела на часы и объявила, что невесте необходимо выспаться перед торжеством.

— Завтра-то выспаться явно не удастся, — фыркнула Франческа под неодобрительный взгляд миссис Пинс. Луиза была с ней совершенно не согласна, решив было, что точно не сомкнёт глаз до утра, но уснула сразу же, только голова коснулась подушки.

***

Утро, хмурое, привычно дождливое, нехотя заглянуло в окна, где уже вовсю шли приготовления. Одна из служанок Франчески, оттеснив Зэмбу, колдовала над волосами Луизы, вплетая в них кремовые розы и крохотные веточки остролиста. Разложенное на кровати платье приковывало к себе благоговейные взгляды всех слуг. Атласное, цвета слоновой кости, затканное золотыми цветами, с длинным золотым шлейфом, который после церемонии предполагалось отстегнуть, оно матово переливалось в свете свечей, зажженных, чтобы разогнать утреннюю хмарь.

Луиза нервничала. Ещё вчера она была спокойна и уверена в себе, а сейчас ледяные ладони мелко подрагивали, а щёки пылали, выдавая нервное напряжение. Она стояла посреди комнаты, послушно ожидая, пока все складки на платье займут свои места, и старалась не теребить подол. Длинная фата из валансьенского кружева спускалась до пола, пряча Луизу в ажурный кокон. Она взяла небольшой букет из тугих кремовых роз, сорванных в оранжерее «Тризна», глубоко вздохнула и вышла из комнаты.

Большая гостиная Бишопов сегодня стала похожа на праздничный торт, покрытый тремя слоями золотых лент. Гости умиленно переговаривались шепотом, обсуждая наряды друг друга, украшение зала, спокойствие жениха и недавний ураган. Клавесин в углу подал голос, привлекая внимание — один из музыкантов постучал по клавише. К сожалению, новый

инструмент пока ещё никто не успел освоить, а потому он замолчал, но в наступившей тишине нежно заиграла скрипка.

«Аве Мария» устремилась к потолку, и дружный вздох всколыхнул пламя белоснежных восковых свечей. Невеста плыла по проходу медленно и величаво, казалось, почти не касаясь пола. Мадам Монсиньи что-то шептала на ухо старшей дочери, деловитым взглядом окидывая фигуру Луизы. Миссис Пинс то и дело прикладывала платочек к уголкам глаз. Полковники откровенно скучали, натянув на лицо дежурные светские улыбки и ожидая обеда. Но Луиза ничего этого не замечала. Она видела только Томаса, замершего у алтаря и не сводящего с неё глаз. За кружевом фаты было сложно разглядеть детали, и выступившие слёзы не облегчали задачи. Луиза едва успела подобрать подол, поднимаясь на возвышение рядом с женихом, и благодарно кивнула, когда он поддержал её за локоть.

Речь священника успокоила колотящееся сердце, и Луиза впервые за весь день облегчено вздохнула, вслушиваясь в слова короткой проповеди. Она всегда любила ходить в церковь и сейчас действительно отдыхала душой, послушно повторяя слова молитвы. Луиза украдкой посмотрела на Томаса, еле слышно шевелившего губами, и невольно вспомнила его рассказы о детстве в монастыре. Вспомнила, с каким пренебрежением он отзывался о церковных таинствах. И о том, что настояла, чтобы их венчал католический священник, которых было не много в Луизиане. Волна благодарности к жениху накрыла внезапно, и Луиза незаметно протянула руку, осторожно пожимая руку Томаса. Он удивлённо посмотрел на неё и улыбнулся, возвращая пожатие. Повторяя за священником слова клятвы, Луиза не сводила глаз с Томаса, с каждым своим словом чувствуя, что становится с ним одним целым, до конца своих дней.

Поцелуй, целомудренный и невесомый, ещё горел на губах, а новоявленных супругов уже обступили, спеша поздравить. Луиза кивала, счастливо улыбаясь, держа мужа под руку. Гости рассыпались в похвалах, отмечая, какая они прекрасная пара.

— Как хорошо, что у нас так мало соседей, — наклонился к уху Луизы Томас, когда последний гость- полковник Смит, отошёл в сторону.

— Играй мы свадьбу в Лондоне, пришлось бы принимать поздравления не меньше часа, — не переставая улыбаться, ответила Луиза.

— Ах, посмотрите на них, это же самые настоящие голубки! — визгливо воскликнула мадам Монсиньи, в умилении качая головой.

— Платье такое красивое, — громким шёпотом сказала Маргарита Монсиньи. — Наверное, невероятно дорогое.

Луиза невольно нашла глазами миссис Пинс. Компаньонка демонстративно сжала губы. Наверное, они никогда не привыкнут к местной беспардонности, здесь считающейся милым недостатком.

Гости разбрелись по дому, пока Луиза поднялась переодеться. Спускаясь вниз в бархатном изумрудно-зелёном платье, она с удивлением прислушивалась к себе. Внешне она не изменилась, но внутри Луизу переполняло счастье и невероятная уверенность в себе и своих силах. Сегодняшний день действительно стал для неё самым счастливым в жизни. Она вышла замуж за человека, которого любит, который, она уверена, со временем обязательно ответит ей взаимностью. Отец наверняка одобрил бы её выбор и порадовался бы за дочь. Жаль, что бабушка так ничего и не ответила, но Свенсон сказал, что зимой ждать писем не приходится- в зимние шторма не всякий капитан рискнёт пересечь океан.

В любом случае омрачить этот день грустными мыслями она не собиралась, а потому,

расправив плечи и вздёрнув подбородок, Луиза прошла в гостиную, где расположились гости, ожидая приглашения к столу.

Праздник становился всё громче и непринужденнее с каждым выпитым бокалом. Стол давно был забыт, и все переместились в зал, где уже играли музыканты. Даже полковники, распробовав бренди Бишопа, охотно отплясывали кадрили, стуча каблуками. Де Шабри же едва успевал отбиваться от дочерей Монсиньи и мадам Жаккар, которая не выпускала из рук бокал, призывно улыбаясь маркизу.

— Думаете, он отобьётся? — шутливо спросила Луиза Франческу, мрачно наблюдавшую за попытками Аны-Марии уговорить де Шабри вальсировать с ней.

— Уверена, — бросила Франческа, резко раскрыв веер. Маркиз встрепенулся, словно услышал одному ему понятный сигнал, и с полной сожаления улыбкой сказал что-то мадам Монсиньи, оставляя её.

— Николя, вы заставляете меня скучать. — Франческа капризно надула губки, нежно лаская взглядом лицо де Шабри.

— К сожалению, ненаглядная леди Бишоп, я не могу пренебречь своими обязанностями и не развлекать других дам.

— Разве в этом зале есть для вас дамы важнее меня? — голос Франчески завибрировал, становясь тише, и Луиза поспешила оставить их одних и найти Томаса. Но буквально на втором шаге её остановила мадам Монсиньи, хватая за локоть и отводя к диванчику.

— Ах, леди Грейсток, ох, простите, миссис Уоррингтон! Я так хотела поздравить вас лично, сказать, как я рада, что вы стали частью нашего общества!

— Благодарю. — Луиза, склонив голову, заметила темное пятно от вина на лиловом лифе её платья и теперь прилагала усилия, чтобы не смотреть на него далее.

— Теперь мы будем чаще встречаться, я уверена в этом! — Мадам Монсиньи подалась вперёд, и Луизу обдало запахом вина и чесночной подливки.

— Несомненно, мадам Монсиньи. — Луиза поднялась. — Я надеюсь, вы извините меня. Мне надо найти мистера Уоррингтона.

— О, конечно, я понимаю. — Мадам Монсиньи улыбнулась, сощуриив блестящие от выпитого глаза. — Брачная ночь не ждёт. А ваш первенец родится в июне?

— Не поняла? — Луиза нахмурилась. — Почему в июне?

— О, в мае? Совсем, крошка, будет недоношенным.

— Я думаю, вы достаточно выпили. — Ледяной голос Томаса подействовал на мадам Монсиньи отрезвляюще. По крайней мере, она перестала глумливо улыбаться, пристально разглядывая фигуру Луизы. — Думаю, вам стоит поискать дочерей. Кажется, они слишком активны в поиске будущего супруга.

Он кивнул на Полину и Ану-Марию, строящих глазки мистеру Свенсону. Разглядев, кого избрали в качестве поклонника её дочери, мадам Монсиньи подскочила с дивана и поспешила к ним.

— Они действительно все считают, что я беременна? — начало доходить до Луизы. Она беспомощно посмотрела на мужа, но он молчал, не спеша опровергать её догадку.

— Думаю, они очень скоро поймут, что ошибались, — спокойно ответил Томас, беря Луизу под локоть. — И если вы не хотите больше расстраиваться, предлагаю покинуть наших гостей.

— С радостью соглашусь! — Луиза ответила с таким жаром, что вызвала невольную улыбку у Томаса. Поняв, как двусмысленно звучат её слова, она покраснела, но тут же хитро

улыбнулась, заставив Томаса удивлённо поднять брови.

— Думаю, если мы уйдём сейчас, никто не заметит, — заявила Луиза, довольно глядя на мужа. Ему ничего не оставалось, как кивнуть и вывести её из зала.

***

Спальня, предоставленная новоявленным супругам, была одновременно и спальней Томаса, а потому он оставил Луизу с Зэмбой, ссылаясь на то, что обещал переговорить со Свенсоном, прежде чем отправится спать. Луиза медленно кивнула, но стоило двери закрыться, как она прижала руки к пылающим щекам, чувствуя, как бешено колотится сердце. Зэмба, чувствуя настроение хозяйки, быстро и молча освобождала её от платья. Переступив через одежду, Луиза шагнула в большой медный таз, вспоминая все советы, данные Франческой. Зэмба принялась обмывать хозяйку, бормоча под нос о том, что ей могли бы выделить и ванну, если бы слуги не были так ленивы и не забыли нагреть воды. Луиза слушала её вполуха, в отчаянии понимая, что напрочь забыла всё, что сказала ей подруга. От страха, смешанного с предвкушением, она не могла дышать, и только восхищённый вздох Зэмбы вывел из ступора, заставляя поднять глаза.

— Мисс Луиза, мэм, такая красота! — Служанка держала в руках кружевную сорочку-подарок Франчески, творение парижских модисток. Одевание скорее открывало, чем прятало, призванное возбуждать любопытство и разжигать фантазию. Луиза скользнула в сорочку и подошла к зеркалу, глядя на себя. Щёки медленно залила пунцовая краска, и Луиза, коротко выдохнув, поспешила забраться в кровать, натягивая одеяло до подбородка. Зэмба, понятливо улыбнувшись, навела порядок в комнате и вышла, оставляя госпожу одну.

Время сгущалось и растягивалось, звуки праздника, еле слышные, говорили о том, что внизу продолжают веселиться и пить за здоровье молодожёнов. «Они знают, все до одного знают, чем мы сейчас будем заниматься!»- пульсировала в мозгу мысль, и потребовалось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться.

Томас появился спустя полчаса, успев переодеться в свой домашний атласный халат. Волнистые волосы слегка блестели от влаги, и Луиза с завистью подумала, что воду для ванны всё-таки нагрели, хоть и с опозданием. Он повернулся к ней спиной, задувая свечи, а Луиза, глубоко вздохнув, откинула одеяло, стараясь расслабиться, и нервно улыбнулась.

— Не стоит. — Её голос прозвучал тихо, но твёрдо. Томас замер, выпрямив спину, и с удивлением повернулся. — Не стоит гасить свечи. Пусть горят.

Он подошёл ближе и шумно выдохнул, глядя на лежащую перед ним девушку, чьё тело, едва прикрытое узорным кружевом, теперь принадлежало ему. Луиза не сводила с него глаз, замирая от страха, чувствуя, как оглушительно колотится сердце. Томас потянул пояс халата, позволяя ему упасть на пол и оставаясь в одних широких штанах. Не произнося ни слова, он опустился на кровать рядом и опёрся на локоть, нависая над Луизой.

— Вы боитесь? — прошептал он нежно, лаская взглядом её лицо.

— Немного, — честно ответила Луиза. — Но я знаю, что больно больше не будет.

— Нет, не будет, — выдохнул Томас. — Я уже говорил вам, что сожалею о том, что случилось тогда и...

Луиза положила ладонь на его губы, заставляя замолчать.

— Поцелуйте меня, — попросила она, отнимая руку от его лица и подаваясь вперёд.

Его губы были мягкими и требовательными, и поцелуй, начавшийся с лёгких касаний, постепенно становился глубже. Луиза погружалась в него, самозабвенно отвечая, запуская руку в его волосы, притягивая к себе. Томас не спешил, всё ещё касаясь её только губами, и

Луиза решилась на первый шаг, кладя руку на его грудь, осторожно поглаживая плечи, скользнув на спину. Под пальцами бугрились полоски старых шрамов, и Луиза прошлась по ним кончиками пальцев, чувствуя, как он замирает, прерывая поцелуй, чутко реагируя на каждое её прикосновение. Пообещав себе изучить каждую полоску на его теле, Луиза скользнула ниже, замирая на поясице, робко поглаживая ямочки над ягодицами.

Томас выдохнул, расслабляясь, и позволил себе наконец коснуться её, накрывая грудь ладонью, в которую она уютно легла, прячась под его пальцами. Кожа вдруг стала невероятно чувствительной, и Луиза неосознанно подалась вперёд, требуя большего. Его губы ласкали её через кружево, вызывая тихие тонкие постанывания, смущавшие Луизу едва ли не больше происходящего. Но она ничего не могла с собой поделаться: каждое прикосновение к её телу, каждое движение его губ или рук вызывали стон, слабый и сладкий.

Сорочка собралась складками на животе, а руки Томаса уже гладили бёдра, раздвигая их, проникая ниже, касаясь мягких волос. Луиза напряглась, чувствуя его влажные пальцы, касающиеся плоти, поглаживающие крохотный чувствительный бугорок. Внизу живота запульсировало, разливаясь, невероятное чувство лёгкости, сладко отдавая в позвоночник, и она неосознанно раздвинула ноги шире, приподнимая бёдра навстречу круговым движениям его пальца, лихорадочно скользя руками по его спине, задевая край штанов.

Губы пересохли, дыхание, прерывистое и частое, слетало сильными выдохами. Луизе казалось, что она вот-вот оторвётся от кровати и взлетит. Забыв смущение, она выгибалась, громко вскрикивая, не сдерживаясь, комкая простынь. Движения становились быстрее, горячие губы порхали по шее, груди; Томас тяжело дышал, прижимаясь к ней всем телом, и она чувствовала его затвердевшую плоть, упирающуюся ей в бедро. Луиза потянулась к ней, накрывая ладонью, поглаживая сквозь ткань. Томас глухо застонал, вжимаясь в её ладонь, и Луиза потянула завязки, ныряя внутрь, впервые касаясь его, чувствуя бархатистую гладкость его кожи. Томас сладко выдохнул, уткнувшись в её шею, и в этот миг Луиза вскрикнула, приподнимаясь, и упала на подушки, ловя ртом воздух, чувствуя, как по телу разливается невыносимое блаженство.

Словно только и ожидавший этого, Томас опустил на неё, покрывая лихорадочными мелкими поцелуями губы, скулы, шею, и медленно вошёл, растягивая и заполняя до предела. Луиза вздохнула, не успев даже испугаться, чувствуя, как он двигается в ней, как отголоски только что полученного удовольствия растекаются по телу и желание двигаться навстречу затмевает все остальные мысли. Не сдерживаясь, она стонала в голос, и Томас вторил ей, двигаясь резко и размашисто, каждым своим движением утверждая свою власть над ней, над её телом, над её душой.

Они засыпали, обнявшись, обессиленные, опустошенные и невероятно счастливые. Луиза прижималась к его груди спиной, улыбаясь, чувствуя сладкую усталость. Теперь у них всё будет хорошо, она это точно знает!

***

Проснувшись в кольце чужих рук, Луиза первое время не могла понять, где находится, но тут воспоминания о прошедшей ночи вспыхнули в голове, заставляя довольно потянуться, поворачиваясь лицом к мужу и утыкаясь носом в ямку между ключицами. Томас вздохнул и проснулся, сгребая её в охапку и зарываясь лицом в растрёпанные волосы. Луиза счастливо выдохнула, поднимая голову, ища его губы... Но поцелую помешал настойчивый стук в дверь. В чужом доме- чужие обычаи, и провести весь день в постели, как им обоим хотелось,

здесь явно не получится.

С сожалением выбираясь из кровати, Луиза так тяжело вздохнула, что Томас, успевший встать и надеть халат, хитро улыбнулся и обнял её, прижимая к себе.

— Когда мы вернёмся домой, мы введём традицию завтракать в спальне, — прошептал он, звонко целуя Луизу в кончик носа.

— И обедать тоже, — прошептала Луиза. — И ужинать.

— Святая Магдалена, да вы ненасытное чудовище! — в притворном ужасе воскликнул Томас.

— Вы сами разбудили во мне это чудовище, — игриво улыбнулась Луиза, ныряя под его халат и ниже. Томас вздрогнул, решительно отводя её руку.

— Нам действительно пора спускаться к завтраку. — Он с сожалением вздохнул. — Надеюсь, крышу починят до конца недели.

Гости разъехались, и в поместье остались только хозяева, молодожёны и де Шабри, которого, к всеобщему удивлению, настоятельно просил остаться лорд Бишоп. После обеда Франческа и Луиза отправились в сад на прогулку, а джентльмены остались дома, ссылаясь на своё нежелание бродить по мокрым дорожкам. Франческа выслушала подробности минувшей ночи, довольно кивая и вставляя свои замечания. Прошло полтора часа, когда они наконец вернулись в дом, весело смеясь.

В доме было тихо, слуги разошлись, золотые ленты исчезли, ничто не напоминало о вчерашнем торжестве. Франческа решительно прошла в гостиную, а Луиза замерла на пороге, увидев незнакомую мужскую фигуру у окна. Томас сидел неподалёку, и взгляд, который он бросил на Луизу, заставил её сжаться от страха. Мужчина повернулся, и Луиза вскрикнула от удивления.

— Лорд Норидж?!

Тридцать четвёртая глава

— Лорд Норидж?! — Луиза потрясённо смотрела на бывшего ухажёра. — Какими судьбами?

— Ну, вот и все собрались! — неслышно оказавшийся рядом лорд Бишоп вошёл следом за Луизой и прикрыл за собой дверь. — Сегодня мы наконец сможем разрешить все наши недомолвки. Не так ли, маркиз?

Де Шабри, которого вошедшие дамы поначалу даже и не заметили, бросил мрачный взгляд на Бишопа. Франческа беззвучно ахнула, заметив на скуле маркиза лиловый кровоподтёк. Она переглянулась с Луизой, скрестила руки на груди и подошла к мужу.

— Прошу вас объяснить, милорд, что происходит! Почему у Николая синяк? Что за комедию вы тут устроили?!

Звук пощечины заставил Луизу вздрогнуть — она неверяще посмотрела на лорда Бишопа. Франческа пошатнулась, и на её щеке начало медленно расплываться багровое пятно. Де Шабри дёрнулся было, но был остановлен тяжёлой рукой огромного нубийца, стоявшего за его спиной.

— Вы ещё смеете рассуждать о комедиях, Франческа? — вкрадчиво произнёс Бишоп. — Скорее уж фарс, если мы решили называть всё своими именами. Вы представляете, — он повернулся к остальным и заговорил непринуждённым светским тоном, — моя супруга решила нарушить клятвы, данные у алтаря. И не просто нарушила — а сделала это с такой наглостью, что в конце концов даже сама уверилась в том, что измена просто сойдёт ей с рук. Как вы считаете, миссис Уоррингтон, что я должен сделать? Как поступить с изменщицей?

— Вы можете дать ей развод, — ответила Луиза, полная решимости заступиться за подругу. — Отпустите её. Пусть уйдёт с тем, кого любит.

— Эта женщина узнала слишком много! — рявкнул было Бишоп, но тут же взял себя в руки и, подойдя к столику, наполнил бокалы бренди. Один из них он протянул Нориджу, другой оставил у себя. — Она могла бы молчать и жить. Вместо этого умрёт. Вместе со своим любовником. Который имел наглость не только быть гостем в моём доме, но и смотреть мне в глаза, называя себя моим другом!

— Вы всерьёз решили угрожать мне? — с насмешкой произнесла Франческа. — Вы, видимо, забыли, что я написала ещё одно письмо и спрятала его в надёжном месте?

— Едва ли комнату Викторией можно считать надёжным местом, — парировал Бишоп, с наслаждением наблюдая, как бледнеет Франческа. — И да, не думай, что они, — он кивнул на Уоррингтонов, — тебе помогут.

— Вы не сможете безнаказанно нас убить! — в ужасе выкрикнула Франческа. — Здесь полно слуг, и миссис Пинс, и мистер Свенсон... Виктория! — И тут она с ужасом повернулась к мужу. — Что ты сделал с нашей дочерью?

— О, не волнуйся, Франческа, — тонко улыбнулся Бишоп. — Виктория с утра уехала в Батон Руж с учителем по музыке. Что же касается Свенсона и Пинс, то они отправились в «Магдалену» «по настоятельной просьбе Уоррингтона, попросившего проверить, можно ли возвращаться обратно». А слуги... Что мне за дело до рабов? Они будут молчать или умрут. — Ошарашенная Луиза смотрела на супругов во все глаза, чувствуя, что действительно является героиней какого-то жуткого фарса. Какая смерть? Для чего? Лорд

Бишоп ведь не серьёзно? И откуда, ради всех святых, здесь взялся Норидж?!

— Ты трус, Бишоп! — хрипло проговорил де Шабри. — Ты прикрываешься женщиной, боясь решить всё между нами, один на один.

— Вы- один из самых метких стрелков Луизианы. Вы полагаете, я похож на самоубийцу? — иронично вскинул бровь Бишоп. — Предпочитаю не рисковать своей жизнью понапрасну. Вы не будете возражать, если я попрошу Саиба помочь мне? — этот вопрос был обращён к Нориджу. Но тот лишь вскинул руки, показывая, что полностью полагается на решение Бишопа. Довольно улыбнувшись, хозяин «Тризна» кивнул нубийцу, и тот легко подхватил де Шабри, поднимая со стула. Схватив Франческу за локоть, лорд Бишоп потащил её к выходу, но остановился перед Луизой.

— Думаю, вы хотите попроситься. Хотя о чём я. Вы увидите гораздо раньше, чем предполагаете.

Франческа не могла вымолвить ни слова. Слезы непрерывно текли по её лицу, а в глазах не было ничего, кроме покорности своей судьбе. Словно она давно смирилась с вынесенным ей приговором и лишь ждала его исполнения. Луиза молчала, всё ещё не веря в происходящее. Это просто страшный сон, и сейчас она проснётся. Но дверь закрылась, а пробуждение так и не наступило. В гостиной повисла напряжённая тишина. Норидж прошёл по комнате и остановился напротив Луизы, делая глоток из стакана, который все еще продолжал держать.

— Итак, моя дорогая леди Грейсток — или уже миссис Уоррингтон? Я узнал о вашей свадьбе случайно, но что ни делается, всё к лучшему, не так ли? — Он склонил голову на бок, сладко улыбнувшись. — Я просто не мог не заехать, чтобы вас поздравить!

— Мне так неловко, право слово. — Луиза нервно повела плечами, бросая беспомощный взгляд на мужа. Но тот не сводил напряженных глаз с Нориджа, словно и не замечая её.

— О, моя дорогая Луиза, глядя на вас, я постоянно думаю о том, сколько же наивных юных особ меня окружает! Порою достаточно пару раз упомянуть ваш ум и показаться нетривиальным, чтобы сердце юной леди загорелось ответной вспышкой!

Норидж поставил стакан на столик и прошёлся по комнате, заложив руки за спину.

— Присядьте, Луиза, я смотрю, моё появление действительно удивило вас. Я не хотел. Слово джентльмена!

Норидж дождался, пока Луиза опустится рядом с Томасом на небольшой диванчик, и присел на край столика напротив. Закинув ногу за ногу, он обратил на неё непроницаемый взгляд чёрных глаз, вызвав волну ледяных мурашек. Она и впрямь когда-то считала этого джентльмена привлекательным?!

— Итак, Луиза, мне хотелось бы сразу прояснить наши отношения. — Норидж сложил руки в замок на коленях. — У нас бы ничего не вышло, моя дорогая.

Томас тяжело вздохнул, и Луиза обернулась на звук, разглядев только теперь, что руки мужа связаны за спиной.

— Да-да, милая Луиза, мистер Уоррингтон, — имя Томаса Норидж произнёс с издевкой, — скован не только верёвками. Он также пообещал молчать до того момента, как я разрешу ему говорить. Но теперь я разрешаю. Можешь говорить, Том. — И он посмотрел на Томаса, сверкнув белоснежной улыбкой.

— Луиза, — Томас вздохнул. На его лице отразилась беспомощность. — Знакомься- это Кинг. Это он убил твоего отца.

— Нет! — Луиза отшатнулась, прижав руку ко рту, в ужасе смотря на человека, за которого когда-то давным-давно в своих мыслях едва не вышла замуж.

— Да, моя дорогая, жизнь порой поворачивается к нам не той стороной, что мы ожидали, — растягивая слова, произнёс Норидж и с участием посмотрел на Луизу. — Вы даже не представляете, как тяжело иногда бывает играть свою роль! — Он тяжело вздохнул и встал, подходя к Луизе. — Пытаться вызвать любовь в наивных дурочках- что может быть сложнее и легче одновременно?!

Он отступил, сокрушенно качая головой.

— Эти похороны, верх лицемерия: ах, бедный Джонатан, ах, несчастная Луиза! — Лицо Кинга застыло. — Он молил о том, чтобы я сохранил тебе жизнь, Луиза! Перед смертью этот жалкий трус умолял меня о милосердии!

Кинг фыркнул, будто услышал нечто невероятно веселое. Луиза побледнела, невольно вжавшись в спинку дивана.

— О, моя дорогая, вы могли бы не волноваться, — медоточиво начал Кинг. — Вы могли бы совсем не волноваться, останься вы в Англии.

— Что вам угодно, мистер Норидж?! — Голос Луизы зазвенел в наступившей тишине.

— Мне?! — Брови Кинга взлетели вверх. — Мне, моя дорогая, нужно то, что у меня отняли.

— Алмазы?! — презрительно выкрикнула Луиза.

— Алмазы? — повторил Кинг. — Думаешь, мне действительно важны какие-то стекляшки? Хотя нет. — Он задумчиво поднял голову и легонько постучал кончиками пальцев по губам. Затем опустил голову и резко бросил: — Нужны. А ещё мне нужен мой друг. Мой нежный, горячо любимый друг Томас. Ты ведь скучал по мне, Томас?

Томас молчал, крепко стиснув губы, и только желваки ходили под напряжённой кожей.

— Ваш муж ещё не рассказал вам, Луиза? — Кинг глупо хихикнул. — Конечно, не рассказал, кто же захочет делиться подобным с женой?

Он подошёл к замершей девушке и, склонившись над ней, ласково прошептал:

— Мы с ним очень любили друг друга. Ну, вы понимаете, как? Теперь-то, после брачной ночи, я думаю, вы всё понимаете.

— Нет! — Луиза отшатнулась, в ужасе глядя на Кинга.

— Да! — кивнул тот, довольно улыбаясь. — Да, моя дорогая, именно так! Загнанный каторжник с галер, обладающий внешностью ангела- разве мог я пройти мимо?! А его привычка к ежедневной порке... — Кинг мечтательно вздохнул. — Я и мечтать не мог о подобном подарке. — Тут он повернулся к Томасу и хитро ему подмигнул. — Мы столько лет были вместе, нам было так хорошо...

— Ты- чудовище! — не выдержал Уоррингтон, срываясь. — Отвратительное и мерзкое! Неужели ты думал, что я смогу оставаться с тобой после всего, что узнал и увидел на рудниках?!

— Ты стал таким щепетильным, когда в нашей жизни появился Джон, — усмехнулся Кинг. — Я даже мог бы начать ревновать, если бы не его слепая преданность жене.

— Джон открыл мне глаза на другую жизнь, — прорычал Томас. — И я поверил, что смогу жить по-другому!

— Вместе с моими алмазами, — ощерился Кинг и отошёл от Луизы. Пользуясь тем, что он повернулся к ней спиной, она принялась оглядываться в поисках фруктового ножика, который, она точно помнила, ещё утром был где-то здесь.

— Твои алмазы позволили Джону разбогатеть, — пожал плечами Томас. — А мне было достаточно и свободы. От тебя и твоих дел.

— Ты знал слишком много о моих делах, — нахмурился Кинг.

— И не воспользовался этим ни разу за эти шестнадцать лет.

— Да, ты прав. — Кинг снова безмятежно улыбался. — Поэтому я не слишком уж сильно зол на тебя, как мог бы быть. Но вот мои друзья, те, кто помогал мне столько лет... Они не так склонны к жалости и всепрощению. Слишком многое поставлено на кон. Слишком много, мой дорогой Том, больше, чем твоя жизнь, увы. Поэтому...

Он не успел договорить, вдруг резко оборачиваясь и встречаясь взглядом с перепуганной Луизой, замершей за его спиной с крохотным ножиком. Коротко и недовольно качнув головой, он ударил её по лицу. Луиза отлетела на пол и, ударившись об угол стола, затихла.

— Прыткой стала. Не замечал за ней ранее подобной смелости. Общение с тобой явно пошло на пользу.

— Отпусти её, ты же знаешь, она не причём. — Томас пытался говорить спокойно, но чувство беспомощности и дикого, практически неконтролируемого страха за Луизу мешало мыслить разумно.

— Согласен, — кивнул Кинг, нарочито жалостливо вздохнув, и посмотрел на лежащую на полу девушку. — Юное невинное создание. Хотя уже не такое уж и невинное, не так ли? — Чёрные глаза вспыхнули ненавистью. — Я не собираюсь лишать себя единственной возможности причинить тебе боль. Тебе же будет больно, если с ней что-то случится по твоей вине? — Он хищно улыбнулся.

— Она здесь ни при чём, — повторил Томас. Как он сейчас ненавидел себя за этот страх! За невнимательность. За то, что позволил себе расслабиться и забыться, чувствуя себя слишком счастливым после прошедшей ночи. Неспособным на продуманные действия и поступки. Надо было задуматься ещё в самом начале, когда Бишоп рассмеялся в ответ на его просьбу взять с собой охрану.

"Вы сомневаетесь в том, что в «Тризоне» безопасно? Право слово, вы почти оскорбляете меня!" — и Томас согласился, думая о другом. О свадьбе, о Луизе, о... Можно было до бесконечности продолжать этот список, но теперь все оправдания были бесполезны. Он попался. Глупо. Хотелось выть от злости на самого себя.

Луиза слабо застонала, открывая глаза и запуская руку в волосы. Поднеся её к глазам, она поморщилась — кончики пальцев окрасились кровью. Встретившись глазами с Томасом, попыталась ободряюще улыбнуться. Но тот отвернулся, стискивая зубы. Одно во всём этом было хорошо: страх перед Кингом отступил перед страхом за Луизу. За неё он сейчас готов был перегрызть ему глотку зубами.

Смотреть на неё было больно. Больно было думать, что, если им удастся выбраться живыми, она никогда больше не посмотрит на него вот так. Ласково. Нежно.

— Я могу вечно любоваться на вас, — прозвучал голос Кинга в тишине. — Но у меня, к сожалению, мало времени. Я и сюда-то заехал на несколько часов, так что простите, что не смогу насладиться вашим обществом.

Кинг подошёл к Луизе, наклонился и схватил её за волосы, заставляя подняться. Она коротко вскрикнула, вцепляясь в его руки, пытаясь разжать их. По спине тонкой струйкой побежала влага, должно быть кровь из рассеченной кожи на затылке — Луиза всхлипнула.

— Я бы мог обещать тебе, что она не будет мучиться, — несколько заботливо

проговорил Кинг, проводя кончиками пальцев по её скуле. — И ведь ты прав, она виновата только в том, что вышла за тебя замуж... — Он вдруг ощерился, резко встряхивая Луизу. — Но ведь она знает гораздо больше, чем следовало бы. Найди я тогда записки Джонатана, может, и не пришлось бы... Как много «если бы», от которых порой зависит наша жизнь, правда?

— Так вы искали записки отца в его кабинете, — прошептала Луиза. — Тогда, когда я говорила с поверенным. Вы рылись в его вещах...

— Что поделать, — Норидж — Кинг легко пожал плечами и хихикнул. — Я крайне не люблю оставлять напоминания о себе. Исключение- это Том, но и его скоро не станет, так что... — Тут он повернулся к Томасу и произнёс ледяным тоном:- Я отдам её Саибу. Мне не важно, что он сделает. Ты знаешь- он у нас большой выдумщик. А когда ты вдоволь налюбуйешься, я, быть может, отпущу тебя. Без ног. И без рук. И каждый последующий день твоей никчемной жизни будет наполнен воспоминаниями о последних часах жизни твоей прекрасной жены.

Луиза не могла сказать, что напугало её сильнее: слова Кинга или же лицо Томаса, посеревшее на её глазах. В наступившей тишине далёкий звук выстрела показался громом. Луиза вздрогнула.

— Ну вот, Бишоп уже решил свою проблему. — Кинг зевнул. — Сейчас вернётся Саиб, и мы начнём.

— Нет! — взвизгнула Луиза, вырываясь. — Нет! Вы не сделаете нам ничего! Ни мне, ни Томасу! А-а!

Она застонала- Кинг намотал её волосы на кулак и дёрнул, заставляя стать на колени. Из глаз брызнули слёзы.

— Ты ещё не поняла? — он наклонился и прошипел на ухо: — Я пришёл сюда с одной целью- убить вас. И я не уйду, пока не сделаю то, что собирался. Я всегда довожу начатое до конца. И этот раз не станет исключением.

Луиза обмякла, словно все кости разом вынули из тела. Наверное, так чувствовала себя Франческа, когда поняла, что вот-вот умрёт. Покорность судьбе. Ничего не изменить. Остаётся принять то, что есть. Она подняла на Кинга огромные, полные слёз глаза и попросила:

— Можно мне помолиться?

— Святые угодники! — восхищённо воскликнул Кинг. — Да я почти влюбился! Вашей выдержке, миссис Уоррингтон, можно позавидовать! Молитесь, время у вас ещё есть.

Луиза покорно кивнула, склонилась к полу и, касаясь лбом ковра, бросила взгляд из-под волос на Кинга, который, отвлекшись, теперь говорил что-то Томасу. Быстрый взгляд- нож Томаса она заметила, когда очнулась, скорее всего, выпал, когда его связывали. Она видела этот нож не раз, обычно он хранил его в сапоге. Коротко всхлипнув, Луиза дёрнулась, якобы в молитвенном экстазе, и немного сместилась в сторону. Затем резко раскинула руки так, что одна ладонь оказалась под креслом — пальцы нащупали кожаную рукоять. Убедившись, что никто не смотрит, Луиза быстро спрятала нож под складками платья и действительно вознесла молитву святой Магдалене, прося заступиться за Томаса.

— Моя дорогая, вы закончили? — учтиво поинтересовался Кинг, и Луиза, снова громко всхлипнув, коротко кивнула и поднялась, останавливаясь рядом.

— Знаешь, Том, я всё больше верю в высшую справедливость. — Кинг подошёл к Томасу и склонился к нему. — Все рано или поздно получают по заслугам. И твоё «поздно»

уже наступило.

За спиной раздался шорох, и Кинг обернулся. В этот момент произошло сразу несколько событий: Томас подскочил, оттолкнувшись ногами от пола, и навалился всем своим весом на Кинга, пытаясь его укусить. Луиза же, поначалу опешив от выпада Томаса, опомнилась и бросилась на Кинга, с ожесточённым выражением со всей силы вонзая нож в его бок. Кинг же скривился от боли, зло и громко ругнувшись — в его правом боку торчал нож.

— Маленькая дрянь! — прошипел Кинг, прижимая руку к ране и заваливаясь на пол. Луиза метнулась к Томасу и принялась развязывать верёвки. К горлу подступала тошнота, липкие руки плохо слушались. Кинг тяжело дышал, стискивая зубы, с ненавистью глядя на Луизу.

Грохот раскрывающей двери заставил в страхе обернуться- Луиза совсем забыла про Саиба. Но на пороге стоял де Шабри с пистолетом в руках, а за ним выглядывала бледная Франческа.

— Я оглушил его, уходим! — крикнул Николя, оглядываясь. Но в коридоре пока было пусто. Верёвки наконец начали поддаваться, и Томас, помогая Луизе, спешно принялся стягивать их, освобождаясь.

— Уводите их, я вас догоню, — не терпящим возражений голосом заявил Уоррингтон, глядя на Кинга, который уже стоял на коленях, сминая на боку окровавленный фрак. В другой руке он сжимал выдернутый из раны нож, хищно улыбаясь.

— Томас! — попробовала возразить Луиза, но он раздражённо качнул головой, и она замолчала. Разве могла она запретить ему разобраться со своим давним врагом, поквитаться за страх, что преследовал долгие месяцы?

Они бежали по дому, не оглядываясь. Пустые коридоры, комнаты, лестницы- казалось, все слуги попрятались, боясь попасться на глаза. Франческа успела подбежать к двери, когда наверху послышался грохот. Луиза дёрнулась было обратно, но Шабри упрямо схватил её за руку, вытаскивая на улицу, заставляя отойти дальше, к розовым кустам, темнеющим впереди.

Потрясённо выдохнула вдруг Франческа, и маркиз с Луизой обернулись, глядя на окна гостиной, за которыми виднелись яркие оранжевые языки огня.

— Пожар! — крикнула Франческа, оглядываясь, замечая рабов, бегущих со двора. — Тушите!

Луиза бросилась к дому, но де Шабри успел подхватить её, крепко прижимая к себе.

— Вы сейчас там только помешаете!

— Но там Томас! — Луиза вырывалась, не сводя глаз с заплывавшего дымом особняка. — Он там, он, может, ранен!

Пожар распространялся с невероятной скоростью. Тюль, шелка, тканевые обои, так горячо любимые Франческой, изящная лакированная мебель- вслед за гостиной всё полыхнуло, казалось, в один миг, превращая каждую комнату в непреодолимое препятствие. Вокруг дома суетились слуги, безуспешно проливая первый этаж, не пытаясь даже достать до второго. Оглушительный треск стоял в воздухе, заглушая все остальные звуки. Звенело, лопаясь, стекло, трещала мебель, стонал дом. Луиза не сводила глаз с входной двери, с надеждой смотря на каждого вбегавшего и выбегавшего раба.

— Холл загорелся, миссис Бишоп! — подбежал запыхавшийся мокрый слуга. — Мы не можем попасть внутрь.

— Не-ет! — Луиза вырывалась наконец из рук маркиза и теперь бежала вперёд, к дому, расталкивая слуг, прекративших тушить и просто наблюдающих теперь за гибелью особняка.

Споткнувшись обо что-то, Луиза упала, и в этот момент из раскрытых дверей вырвалось пламя.

Прижав руку ко рту, Луиза молча глядела, как догорает «Тризон». Наружу так никто и не вышел.

Тридцать пятая глава

Последний день уходящего года заглянул в окна не по-зимнему ярким для здешних мест солнцем. Вспыхнул хрусталь на столе, разбежались по стенам солнечные зайчики. Луиза устало вздохнула, сощуриив глаза от яркого света- кажется, она опять заснула в кресле. Кто бы знал, что спать в нём так удобно? Нехотя потянувшись, миссис Уоррингтон вздохнула и посмотрела на пустой стакан. Кажется, пить брендине её привычка. В дверь тихо постучали, не дожидаясь ответа вошла Адеола, вздохнула, заметив Луизу, и принялась вытирать пыль.

— Разве ты должна это делать? — нахмурилась Луиза. Голова после сна и выпитого работала медленно.

— Я всегда сама протираю пыль в кабинете массы Тома, — сурово ответила Адеола, сжав губы. Но горе всё равно прорвалось тонким всхлипом. Дрогнули руки.

Луиза вышла из-за стола и подошла к экономке, положила голову ей на плечо.

— Ты же не думаешь, что он погиб? — прошептала она, невидящим взглядом смотря перед собой.

— Он не мог погибнуть, — согласилась Адеола. — Духи леса защитили его. Или забрали с собой.

— Нет! — воскликнула Луиза, отстраняясь. — Нет. Он жив. Я в это верю. И ты верь.

— Верю, — покладисто сказала экономка. — Вы бы прилегли, мисс Луиза. Поспали бы в кровати. Который день сама не своя ходите. Идите. Отдохните.

Луиза покорно кивнула и побрела к себе. Дом просыпался, начинал жить своей жизнью, а она, словно провалившаяся в чёрную дыру, существовала отдельно. Растянувшись на кровати, она уставилась в потолок, снова и снова прокручивая в голове события последних дней. Но ярче всего в голове пылала ночь, в которую она лишилась всего. Лишилась своей жизни. Лишилась Томаса.

***

Франческа рыдала без остановки, прижимаясь к де Шабри. Кажется, вместе с домом она теряла и всю прошлую жизнь.

— Я убила его, — всхлипывала она. — Убила и ничуть не жалею!

Позже она рассказала, что лорд Бишоп направил пистолет на неё, но маркиз смог оглушить нубийца, а Франческа, воспользовавшись замешательством мужа, вырвала из его рук револьвер и выстрелила, не раздумывая.

— Он лежал там в луже крови, а я, я никогда ещё не чувствовала себя такой счастливой!-

Луиза слушала её, механически кивая, всё ещё не в силах поверить в смерть Томаса. Дом ещё тлел, когда к утру первые рабы осмелились наконец подойти ближе. Луиза и Франческа к тому времени сидели в «Магдалене», окружённые заботой миссис Пинс и Адеолы. Шабри приехал в обед с новостями. Чёрный, закопчённый, источающий тяжёлый запах пожара, он обессилено упал в кресло и покачал головой.

— Мы нашли только одно тело. Бишоп.

Луиза не смогла сдержаться, радостно вскрикнув. Надежда загорелась в ней с неистовой силой.

— Окна в гостиной, ведущей во внутренний двор, разбиты — не лопнули. Мы нашли окровавленные стёкла у стены. Вероятно, они вывалились и после некоторое время дрались

и... — Маркиз сокрушенно развёл руками. — Их следы уводят в лес. Причём не только следы Кинга и Уоррингтона. Боюсь, Саиб ушёл с ними.

Луиза молча уронила голову в ладони, качая головой. Снова двое против одного. Так мало шансов...

— Но если Кинг выживет, он вернётся за нами, — дрожащим голосом сказала Франческа. — Мы ведь знаем про него. Знаем всё!

— Может, вы теперь поведаете нам, отчего Бишоп решил вас убить? — попросила Луиза, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о смерти мужа.

— На самом деле всему виной моё неуёмное любопытство, — начала Франческа, меняя тему разговора. — Я искала в кабинете лорда Бишопа адрес учителя музыки из Батон Руж и случайно наткнулась на странное письмо. В нём было написано, что мой муж обещает устроить сбыт в Англии крупной партии бразильских алмазов. Это заставило меня задуматься: откуда у него подобные связи? Он никогда не скрывал от меня своих дел, и, хотя они были мне не интересны, я точно знаю- алмазов там не было.

Поначалу я не придавала этому особого значения: мало ли какие дела могут у него быть. Но мысль об алмазах не выходила из головы, и, дождавшись, когда он на несколько дней уедет, я вновь отправилась в кабинет, но теперь искала тщательнее. Надо отдать лорду Бишопу должное: он действительно постарался, чтобы документы никто не нашёл. Но он просто не думал, что кто-то станет искать! — Тут Франческа довольно улыбнулась, подмигнув Луизе. — И я нашла! — Она сделала драматическую паузу и обвела собеседников торжествующим взглядом. Но де Шабри, видно, слышал эту историю не раз, а Луиза при всём своём желании не могла сейчас проникнуться важностью момента. Коротко вздохнув, Франческа продолжила.

— Много лет подряд он, пользуясь своим положением в английском правительстве, помогал провозить крупные партии алмазов из Бразилии. А вам, я думаю, известно, что добычей и продажей алмазов занимается исключительно король Португалии и идти в обход может грозить большими неприятностями, вплоть до войны! Но жажда денег оказалась сильнее, и мой муж заключил договор с неким Кингом. Да-да, Луиза, — она сочувствующе посмотрела на подругу, — оказывается, один из его ближайших соратников всё время был у нас под носом. Ах, если бы я знала, что Кинг и Норидж- одно лицо!

Она помолчала. Луиза сжала губы и взглядом попросила продолжать.

— В общем то, что мой муж обманывает правительство Англии, меня не возмутило. Простите мне мою меркантильность, но деньги не пахнут. Да и Англию он покинул много лет назад... Но то, что я прочла в одном из писем Кинга, адресованных мужу... — Лицо Франчески застыло. Следующие слова она произнесла через силу:- Он поставлял ему рабов. Более того, определённых рабов- не только для плантаций, но и для грязных забав, для издевательств и расправы. Женщины на наших плантациях никогда не задерживались, но я, признаюсь, не задумывалась почему. Но когда я почитала об одной из пыток, которые с таким удовольствием расписывал Кинг, меня стошнило. Простите, я не буду повторять. Скажу лишь, что в следующем письме Кинг уже хвалил моего мужа за то, что тот не только попробовал, но и предложил много нового, того, что сам Кинг непременно испробует.

Она замолчала, очевидно, заново переживая потрясение, которое испытала, узнав, каким чудовищем является её муж.

— Я бросила эти письма ему в лицо, — медленно продолжила Франческа, уставившись в одну точку. — Я кричала, что не хочу жить с таким человеком. Что мне противно с ним.

Что я уйду... — Она осеклась и прикусила губу. Несколько раз тяжело вздохнула и заговорила снова. — Тогда у меня хватило ума не говорить, откуда я узнала. Сказала, что подслушала разговор его надсмотрщиков. Он поверил.

— Это было тогда, когда вы болели, — осознала теперь Луиза. — Тогда, когда я приезжала к вам! У вас ещё были синяки на руках!

— Да, — горько прошептала Франческа. — Сейчас уже глупо отрицать очевидное. После произошедшего я твёрдо решила уйти от мужа. Николя помогал мне. — Она бросила полный благодарности взгляд на маркиза, и тот ответил ей полной обожания улыбкой. — Я написала Генри письмо, в котором рассказала, что знаю всё, но никому не расскажу, если он оставит нас с детьми в покое. Но, как видите, письмо он нашёл раньше, чем я смогла покинуть Америку.

***

Луиза проснулась к вечеру, в комнате царил серый полумрак, и она повернулась на бок, обняв подушку, на которой когда-то лежал Томас. Вставать не хотелось. Внизу кто-то шумел, слышался громкий голос Адеолы. Луиза поморщилась — в висках начинала пульсировать тупая боль. К ужину всё-таки стоило спуститься. Праздник без неё не начнут. Как-никак теперь она хозяйка «Магдалены». Потянув за шнурок, Луиза села, ожидая Зэмбу.

— Мистрис Луиза! — Зэмба влетела в комнату, словно за ней гнались разбойники. — Мистрис Луиза, там приехала старая мэм, она говорит, что является вашей бабушкой!

— Что?! — Луиза подскочила с кровати. — Ты уверена?!

— Да, мистрис Луиза! Очень строгая мэм! — Глаза Зэмбы, испуганные и огромные, говорили сами за себя. Оттолкнув от себя служанку, Луиза выбежала из комнаты и помчалась вниз, в холл. Где едва не налетела на величественную леди Грейсток, вдовствующую графиню. Опершись о свою трость, она стояла в центре холла, взирая на всех со скучающим пренебрежением.

— Луиза, дорогая моя, ты только посмотри, на кого ты стала похожа! — вместо приветствия сказала вдовствующая графиня, окидывая внучку придирчивым взглядом. — Волосы не уложены, платье измято, и, помилуй бог, ты что, без корсета?!

Но Луиза не слушала её, впервые за всю жизнь крепко обнимая и чувствуя, как слетает с души огромный камень. С ней всё в порядке, она жива и здорова! Луиза отстранилась, улыбаясь сквозь слёзы.

— Америка сделала из тебя совершеннейшую дикарку, — проворчала леди Грейсток, но в голосе её слышалось тщательно скрываемое удовольствие. — Скажи же своим слугам, чтобы приготовили мне комнату. И ванну. Я невероятно устала в дороге. Этот грубиян, капитан Джонсон, пытался отговорить меня от путешествия. Ха! — графиня стукнула тростью по полу. — Если я решила, что должна увидеть свою внучку и её мужа, то я это сделаю! И меня не сможет отговорить от этого никто — ни капитан, ни зимний шторм! Кстати, где он, мистер Уоррингтон? Мы увидим его к ужину, надеюсь?

— Я тоже на это надеюсь, бабушка, — прошептала Луиза, и слёзы с новой силой хлынули из глаз. Леди Грейсток перевела обеспокоенный взгляд с внучки на миссис Пинс, стоявшую неподалёку. Та сокрушённо покачала головой, горько вздыхая и промокая уголки глаз невесть откуда взявшимся платочком.

— У нас тут много чего произошло после свадьбы. — Луиза уже взяла себя в руки и теперь улыбалась сквозь слёзы. — Поговорим об этом перед ужином. А пока тебя проводят в твои комнаты.

Графиня кивнула, понимая, что холлине место для долгих разговоров. К вечеру она спустилась в гостиную, где уже ждали ужина миссис Пинс, Свенсон и Луиза. Кивнув им, леди Грейсток величественно прошла к диванчику и тут же едва не споткнулась, воззрившись на Луизу.

— Бренди?! Перед ужином? — Брови distinguished леди взлетели вверх.

Луиза невозмутимо отпила из хрустального стакана, с трудом удерживаясь от того, чтобы не поморщиться. Ей не нравился этот напиток. Как не нравились толстые ароматные сигары, которые она пыталась курить, сидя в одиночестве в кабинете. Но всё это было частью Томаса, частью, которая, как ей казалось, делала их ближе. И она морщилась, упрямо делая очередной глоток и вспоминая, с каким удовольствием он пил каждый вечер.

— Невероятно способствует аппетиту, — невозмутимо ответила Луиза, заставляя себя сделать последний глоток, чтобы с достоинством поставить на столик стакан. В гостиной повисла неловкая тишина. Наконец Луиза решилась, понимая, что кроме неё некому поведать бабушке о случившемся. Леди Грейсток слушала, не перебивая, с каменным лицом. И даже когда разговор зашёл о настоящей личности лорда Нориджа, ни один мускул не дрогнул на её лице. Когда Луиза завершила рассказ, она ещё некоторое время задумчиво молчала, переваривая услышанное. Затем её губы, сжатые так плотно, что превратились в тонкие белые ниточки, разжались, и графиня бросила лишь одно слово:

— Ублюдок!

— Леди Грейсток! — шокировано проговорила миссис Пинс, не ожидавшая услышать подобное от графини.

— Ублюдок он и есть, — фыркнула леди Грейсток. — Сын герцога, как же... И мы все поверили... Как же просто пустить пыль в глаза — достаточно выбрать имя погромче! — Она покачала головой. — Выходит, герцог Клеймор тоже связан с алмазами, иначе он бы не пошёл на поводу у Нориджа и не объявил бы его своим наследником...

— Но есть ведь записи в церковных книгах, — пробормотала Луиза.

— Подделать метрики не составляет труда, были бы деньги! — Графиня откинулась на спинку дивана. — Какими мы все были слепцами, подумать только! — Она замолчала, потом вдруг повернулась к Луизе и взяла её за руку. — Мне очень жаль, что я не смогла познакомиться с мистером Уоррингтоном. Уверена, этот джентльмен подошёл тебе и ты была бы с ним счастлива.

Луиза сухо кивнула, не желая даже задумываться о том, почему бабушка говорит о Томасе в прошедшем времени. Несмотря на подавленное настроение, ужин, первый ужин в новом году, проходил непринуждённо. Пытаясь не давать Луизе печалиться, все вспоминали разнообразные истории, связанные с Рождеством и с тем, как не хватает здесь снега, как хотелось бы услышать рождественские гимны, что поют дети на улицах.

— Луиза, может, ты вернёшься со мной? — спросила вдруг леди Грейсток, когда ужин подходил к концу.

— Вернуться в Англию? — переспросила Луиза. — Признаться, об этом я не думала. Моё место теперь здесь. И плантация, и поместье — я не могу это всё бросить.

— Ты можешь оставить дела на мистера Свенсона. — Графиня посмотрела на смутившегося управляющего. — Уверена, он отлично управится без тебя. А в Англии... Время пройдёт, всё забудется, ты сможешь снова выйти замуж...

— Замуж? — Луиза склонила голову, неверяще уставившись на бабушку. — Ты всерьёз полагаешь, что я смогу снова выйти замуж?!

— Ты молода, и пока тебе кажется, что жизнь кончилась. — В голосе леди Грейсток послышалось несвойственное ей тепло. — Но это не так. Через год ты будешь смотреть на случившееся иначе. К тому же о твоём браке в Лондоне никому не известно. Всегда можно сказать, что ты путешествовала по Европе.

— Но я была замужем! — воскликнула Луиза. — Я не могу просто вычеркнуть из памяти это время!

— Сможешь, — в голосе леди Грейсток прорезалась сталь. Она снова оседлала своего любимого коня, пытаясь заставить Луизу поступить так, как нужно ей. — Но ты права, говорить об этом пока что слишком рано. Мы обсудим это позже, я ведь не завтра уезжаю.

— Я не думаю, что у нас будет что обсуждать, — сухо проговорила Луиза, не желая, впрочем, спорить с бабушкой.

Уже ночью, лежа в кровати, она снова и снова возвращалась к словам бабушки, думая о том, что в них действительно может быть смысл. Нет, не в том, чтобы выйти замуж, мысль об этом казалась дикой и кощунственной. Но вот о том, чтобы вернуться в Лондон, жить самой... Мечта о собственном салоне снова вспыхнула в голове, только теперь она могла бы вернуться вдовой, окружённой ореолом тайны и страданий. И действительно с грустной и снисходительной улыбкой выслушивала бы речи юных девушек, мечтающих о любви. О том, что ей самой в этом году исполнится лишь девятнадцать, Луиза не думала- в своих мыслях ей было немного за тридцать, именно этот возраст, как ей казалось, вызывает большее уважение и заставляет прислушиваться к словам. Впервые за последние дни она смогла заснуть спокойно, погружаясь в выдуманный мир, в котором больше нет Томаса.

Последующие дни мало чем отличались друг от друга. Утром, после завтрака, Луиза понемногу вникала в дела поместья, пытаясь разобраться в колонках цифр, договорах и записях, сделанных быстрым угловатым почерком Томаса. Рядом всегда находился Свенсон, готовый помочь и подсказать. Он тяжело переживал гибель друга, но скорбь выдавали лишь горькие морщины на лбу и переносице, да изредка с губ слетал прерывистый вдох. День проходил с бабушкой и миссис Пинс за вышивкой или обсуждением последних лондонских новостей.

Франческа, поглощенная делами лорда Бишопа и вступлением в наследство, выбраться к Луизе пока не могла. Она переехала в Новый Орлеан, где жила сейчас с дочерью. Де Шабри поселился рядом- забирать леди Бишоп к себе до окончания траура было бы верхом нахальства. Хотя сама вдова уже пригласила Луизу на свадьбу, назначенную на лето. Остальные дамы местного общества ограничились соболезнованиями в письменной форме. Правда, Монсиньи пыталась выразить свою поддержку лично, заявившись с дочерьми на порог «Магдалены» на следующий день после пожара в «Тризоне», но Адеола решительно заявила, что хозяйка не сможет принять её в ближайшее время, и семейству пришлось покинуть поместье ни с чем.

К вечеру Луиза возвращалась в кабинет и засиживалась там допоздна, снова и снова вникая в бумаги, но чаще, оставаясь одна, она просто перебирала их, замечая пометки на полях, вчитываясь в родной почерк, пытаясь понять, что имел в виду Томас, отмечая тот или иной абзац, делая многочисленные сноски. Ему, любимшему чистоту и порядок, навряд ли понравилось то, как изменился кабинет. Документы лежали повсюду, валялись на полу, среди раскрытых книг и развёрнутых договоров. Луиза запрещала пока прибираться здесь, полюбив по ночам ложиться среди них на полу и раскладывать в нужном ей порядке: что прочла, что предстоит прочесть, в чем разобралась, а что требует помощи Свенсона. Что не

нужно в ближайшее время, и что пригодится ей совсем скоро. Свенсон закатывал глаза, не смея, однако, возражать. Адеола добродушно посмеивалась, с довольным видом рассказывая всем на кухне, как хозяйка трудится по ночам, пытаясь понять, как здесь со всем управляться. Мысли о том, что Луиза покинет поместье навсегда, приводили в отчаяние Адеола и большинство слуг, успевших привязаться к молодой миссис Уоррингтон.

Февраль в Луизиане, казалось, не знал, что он зимний месяц, холодный и суровый. К середине месяца дожди, успевшие порядком надоесть всем англичанам «Магдалены», вдруг прекратились, и яркое голубое небо ранним утром настолько подняло настроение, что даже рабы запели, и их протяжная песня наполнила душу Луизы радостью и предвкушением чего-то нового. Перемен, которые действительно были ей необходимы. За прошедшие полтора месяца она всё чаще приходила к мысли, что ей надо уехать. Без Томаса оставаться здесь Луиза не могла. И не хотела. Возможно, уезжать навсегда она не станет, но вернуться в Англию на год-другой уже не казалось такой уж ужасной идеей. Адеола лишь горько вздыхала, Свенсон, гордый возложенной на него ответственностью, обещал присылать Луизе отчеты раз в неделю и не принимать важных решений без того, чтобы с ней посоветоваться.

Отъезд запланировали на начало марта. Стоило назначить дату, как Луизу охватило нетерпение. Она буквально принялась считать дни, мечтая уехать поскорее, сменить наконец обстановку, уехать из дома, где всё напоминает о редких и скупых минутах счастья. Иногда ей казалось, что помолвка, свадьба, брачная ночь- всё это ей приснилось.

Его запах постепенно выветрился из спальни, из одежды. Его бренди вконец опостылел, а Луиза поняла, что пить назло всемне лучшая идея. Она скучала по нему, скучала безумно, каждую минуту, и злилась не менее сильно. Злилась на то, что остался тогда, что не захотел уходить. Решил мстить до конца и погиб в болотах Луизианы. Умом Луиза понимала, что поступить иначе Томас не мог. Умом, но не сердцем. Сердце отчаянно сжималось, стоило вспомнить последний взгляд, что он бросил в её сторону. Полный обречённой решимости. Зачем? Зачем он так поступил с ней, с ними? Ей казалось иногда, что она уезжает ему назло. И тогда хотелось уехать ещё скорее.

У неё начнётся новая жизнь. Назло всем. Назло ему.

Луиза лежала на полу, прижимаясь щекой к ворсу плетеного ковра, и неспешно водила кончиками пальцев по едва видимому узору. Свеча давно погасла, но Луиза не спешила зажигать новую. Сегодня ей хотелось побыть в темноте, среди предметов, бывших дорогими для Томаса. На полу, где когда-то всё случилось впервые. Она лежала у дивана, вспоминая — пытаюсь вспомнить, чувствуя, что детали ускользают из памяти, оставляя после себя еле видимый след. Луиза начинала забывать мелочи, забывать его запах, его голос. Так быстро. Почему это произошло так быстро? Разве двух месяцев много для того, чтобы лицо начало стираться из памяти? Почему ей казалось, что она будет помнить всё вечно? Одинокая слезинка медленно скатилась по щеке и капнула на ковёр. Луиза тихонько вздохнула.

Несправедливо. Всё это было так несправедливо, что поначалу ей хотелось бежать за ним в лес, обшаривать каждый уголок, каждую кочку, заглядывать в каждое дупло. Он не мог погибнуть вот так, нелепо, так, что даже следов не осталось на покрытой вечными туманами водной глади. Гудэхи так и сказал: его поглотил туман. И Луиза смирилась. В какое-то утро она попросту поняла, что должна идти дальше. И, приняв это решение, уже не могла остановиться. Через два дня она покинет Америку и, как бы ни страшно ей было думать об этом, скорее всего, не вернётся сюда. Никогда.

Луиза снова вздохнула. Она хочет жить. Она не хочет запираить себя в скорби. Она хочет счастья, хочет любви. Хочет детей. Луиза снова вздохнула, прижав руку к животу. И здесь судьба оказалась несправедлива — если бы он оставил ей ребёнка... Луиза осталась бы здесь навсегда. Растила бы его, рассказывала об отце. Тут фантазия вновь понеслась вперёд, и она представила белокурого мальчика, резвящегося в саду среди роз. Луиза увидела себя, сидящую в шезлонге и наблюдающую за сыном из-под полей широкополой шляпы. Далеко-далеко на плантациях пели рабы, и летний зной разливался в воздухе, дрожа мутным маревом.

Луиза прикусила губу, чувствуя, что если не остановится, то снова зарыдает. Не было этого. И не будет уже никогда. Она не беременна. Она помнила то утро, когда поняла это. Помнила разочарование, охватившее её, помнила слёзы, что текли, не переставая, весь день. Тогда она окончательно поняла, что в «Магдалене» ей не место. Поняла и приняла.

Лунный луч переместился в сторону, скользнув по ножке кресла. Луиза вздрогнула, чувствуя, что всё это время находилась в пограничном состоянии между сном и явью. В комнате было тихо, но почему-то ощущалось чужое присутствие. Луиза замерла, окончательно просыпаясь, и прислушалась. Она явственно слышала чужое дыхание.

Ледяной ужас прокатился волной по телу, собираясь где-то внутри в животе. Пока она лежала в тени под диваном, её не было видно, но стоило пошевелиться и... А если это Кинг?! Что если он не умер? Его тела так же никто не нашёл. Ни его, ни Саиба.

Шорох, отчетливо прозвучавший в тишине, показался громом среди ясного неба. Она была не одна. Луиза в панике огляделась, пытаясь найти хоть что-то для своей защиты, но вокруг стояла лишь мебель, а до столика с тяжелым хрустальным графином было слишком далеко. Шорох повторился, и Луиза, решившись, резко поднялась и бросилась на черную тень, стоявшую перед столом. Коротко вскрикнув, тень, не ожидавшая нападения, повалилась на пол, увлекая Луизу за собой.

Она рухнула сверху, ударив ночного гостя лбом по носу. Он глухо застонал, прижимая

руки к лицу, а Луиза поспешно сползла с него и подбежала к столу, ища спички. Загорелся крохотный огонёк, треснул фитиль, и вскоре кабинет озарился ярким после темноты светом свечи.

— Томас! — Луиза замерла на долю секунды, но этого хватило для того, чтобы осознать, кто именно перед ней лежит. В следующее мгновение она уже стояла перед ним на коленях, обнимая и плача одновременно, пытаясь вытереть кровь из его разбитого носа и засыпая поцелуями высокие скулы, лоб и губы. Томас не пытался отвечать, но и не отворачивался, покорно принимая её сумасшедшую ласку. Наконец Луиза почувствовала, что он не отвечает, и отстранилась, вглядываясь в любимое лицо.

— Что случилось? Почему ты пришёл только сейчас? И почему ночью? — До Луизы начинало запоздало доходить, что он, возможно, попросту не желал её видеть. Томас досадливо вздохнул и поднялся, затем протянул ей руку, помогая встать, и отошёл в сторону, отвернувшись к окну.

— Я не думал, что застаю вас здесь. — Его голос звучал глухо и надтреснуто. — Я надеялся, что вы уедете и никогда не узнаете, что я жив. Вы ведь не собирались возвращаться? — Он резко обернулся, впиваясь глазами в её лицо. Луиза растерялась. Поведение мужа не походило на поведение человека, спасшегося от смерти и радостно встретившегося с женой.

— Нет. — Она вздёрнула подбородок, встречаясь с его взглядом. — Нет, я не собиралась возвращаться. Без вас мне здесь не было жизни. Но, — она сделала шаг навстречу, протягивая руки, — но теперь я знаю, что вы живы. Разве могу я теперь уехать?

— Уезжайте. — Томас отшатнулся, словно не желая стоять на расстоянии ближе, чем пять футов. — Уезжайте, Луиза. Забудьте, что были замужем. Забудьте обо мне, как о самом жутком кошмаре в вашей жизни.

— За что вы так? — прошептала Луиза, не в силах поверить в жестокие слова. — За что? Я настолько противна вам?

— В свете открывшейся правды это я должен быть противен вам, — горько усмехнулся Томас, отворачиваясь. — Я надеялся, что вы никогда не узнаете постыдной правды о моём прошлом...

— Значит, дело лишь в этом?! — облегчённо воскликнула Луиза, чувствуя, как счастливая улыбка расплывается по лицу. — Вы боитесь, что я не приму ваше прошлое?!

— Боитесь, что моя любовь к вам настолько слаба, что спасует перед тем, что давно забыто? — мягко спросила Луиза, подходя к Томасу и осторожно обнимая его. Он вздрогнул, всё ещё не смея поверить, что его жена способна не только понять, но и принять тот факт, что он долгое время жил с женщиной.

— Я люблю вас, — прошептала Луиза слова, которые рвались из её сердца много месяцев. Она улыбнулась и прижалась щекой к спине, прикрывая глаза, вдыхая наконец родной запах. — Люблю вас любим. А то, что было в прошлом, пусть там и остаётся.

Томас молчал, его напряжённая спина словно окаменела под её руками. Но вдруг она словно расслабилась, и он обмяк, поворачиваясь к ней, обнимая, обнимая так крепко, что Луиза невольно ахнула, зарываясь носом в его рубашку.

— Я люблю вас, Луиза, — глухо произнёс Томас куда-то в её волосы. — Вы представить не можете, как сильно я вас люблю!

Серый рассвет успел окрасить спальню в невзрачный цвет, когда двое на кровати затихли, довольно выдыхая. Луиза всё боялась выпустить его, ей казалось, что стоит разжать

объятия и он уйдёт. А Томас словно просил прощения за вынужденные недели разлуки, горя и боли, что причинил, снова и снова вознося жену на вершину сладкого блаженства. Они заснули одновременно, и Адеола, которая по привычке пришла будить хозяйку через несколько часов, так и застыла с раскрытым ртом посреди спальни.

Утро уже приближалось к полудню, когда Томас и Луиза наконец проснулись, лениво улыбаясь.

— Я хочу познакомить вас со своей бабушкой, — прошептала Луиза после долгого поцелуя. — Она будет рада узнать вас.

— А я так надеялся избежать этого знакомства, — шутливо простонал Томас.

— Скажите ещё, что вы нарочно скрывались, лишь бы не видеть её, — рассмеялась Луиза.

Они спустились вниз через час. Слуги радостно приветствовали хозяина, некоторые украдкой вытирали слёзы — все были счастливы, что он вернулся. И все верили, что его спасли духи.

Леди Грейсток, уже предупреждённая о том, что её ждёт встреча с зятем, сидела как на иголках, не уставая одёргивать саму себя. Нетерпение, снедающее её, казалось, можно было потрогать рукой.

Наконец дверь распахнулась, и счастливые молодожёны прошли в гостиную. Томас остановился на секунду, окидывая всех собравшихся тёплым взглядом, и направился к леди Грейсток, останавливаясь перед ней и учтиво целуя её руку.

— Леди Грейсток, мне жаль, что наше знакомство прошло так сумбурно. Я рад приветствовать вас в нашем поместье. — И он выпрямился, с широкой улыбкой наблюдая за сменой выражений на лице графини.

— А мне говорили, что вы не джентльмен, — усмехнулась вдовствующая графиня, с живым интересом разглядывая Томаса.

— И были совершенно правы! — широко улыбнулся в ответ Томас, присаживаясь напротив.

Ещё утром они с Луизой договорились, что Томас расскажет обо всём за ужином. А потому Луиза слушала его историю с таким же интересом, как и остальные.

— Я бросился на Кинга, стоило закрыться двери за вами, — начал Томас. — Он всегда уступал мне в силе, но превосходил в хитрости. Ему удалось ранить меня, — он быстро взглянул на вздрогнувшую Луизу. — Но всё обошлось. Гудэхи помог мне. Об этом позже, — пресёк он открывшую было рот жену.

— Саиб появился внезапно, — продолжил Томас, — когда я уже почти придушил Кинга. Да, придушил, это вас шокирует, я полагаю? — он бросил быстрый взгляд на леди Грейсток. Но та, вопреки предположению, тонко улыбнулась:

— Надеюсь, вы прибили этого мерзавца?

— Да, — кивнул Томас, и Луиза выдохнула, кажется, окончательно расслабившись после этих слов. — Но я обещал обо всём по порядку. — Он бросил предостерегающий взгляд на жену и продолжил: — Саиб оглушил меня, и в следующий раз я пришёл в себя уже на болотах. Было сыро, темно, и я опять был связан. Вот только у Саиба не было времени затянуть как следует верёвки. Или же он не рассчитывал на то, что я так быстро очнусь... В любом случае удача была на моей стороне. — Он помолчал пару секунд и продолжил: — Мне помог Гудэхи. Он спрыгнул на Саиба с ветки так внезапно, что испугались все, даже я.

Томас усмехнулся, вспоминая эту картину: Саиб стоит перед ним на коленях, рядом

Норидж стонет от лихорадки, вызванной глубокой раной, и тут индеец, как пума, бесшумно прыгает на нубийца, опускаясь ему на плечи и перерезая шею.

— Он умер мгновенно. А вот Кинг... — Томас прищурился на огонь, пылавший в камине. Перед глазами снова встало лицо человека, которого он много лет считал самым важным на свете. Томас вздохнул, загоня воспоминания так глубоко, чтобы было не достать. — Я сбросил его в болото. — Луиза ахнула- лицо Таонги всплыло перед глазами.

— Да, — Томас кивнул. — Его поглотило болото. Нет, не аллигаторы. Он утонул. Вдовствующая графиня истово перекрестилась. Луиза молча сжала руку Томаса. Он был дома. И она была невероятно счастлива. А прошлое... Пусть будет прошлым.

Три годаспустя.

Луиза развалилась в шезлонге, прикрывая глаза ладонью- даже широкополая шляпа не спасала от летнего зноя. По дорожке бежал маленький худощавый карапуз, восторженно оглядываясь назад. За ним бежал высокий джентльмен, держа в руках воздушного змея.

— Папа! Папа! — кричал малыш, перебирая маленькими ножками. За ними бежал ещё один мужчина, хохоча и крича что-то вслед.

— Всё-таки они совсем ещё мальчишки, — преувеличенно вздохнула Франческа, откидываясь на спинку шезлонга. — Если и следующий будет таким же, как Николая... -Она погладила себя по выступавшему животу. — Боюсь, я сойду с ума! Хорошо хоть Найджел теперь живёт рядом! — Старший сын Франчески теперь учился в Итоне.

— Клинт в восторге от вашего подарка, — расплылась в улыбке Луиза. — Да и бабушка скоро приедет- тоже подарок.

— Слышала, старшая Монсиньи сбежала с офицером! — драматично поведала Франческа.

— Я не удивлена! — фыркнула Луиза. И тут же обратила свой взгляд на кучу из тел, состоявшую из её мужа, сына и де Шабри.

— Мальчишки! — снова усмехнулась Франческа, ласково глядя на борющихся.

Луиза смотрела на них, на розовые кусты, разросшиеся в саду, который она создала, и поняла, что совершенно, абсолютно счастлива. Перед ней лежал огромный лес, и она в очередной раз поблагодарила всех святых за то, что оказалась в Америке, в Луизиане, и увидела её туманы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net